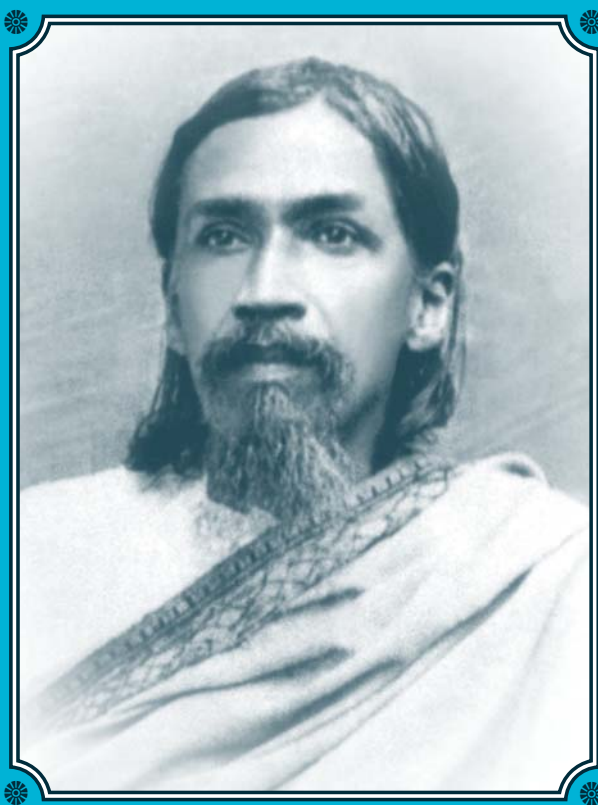

ШРИ АУРОБИНДО

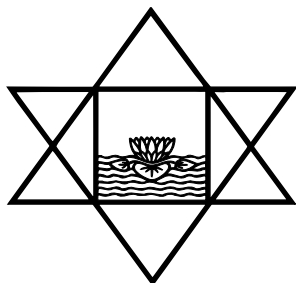
УПАНИШАДЫ
Кена и другие

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 5

Д. И. Антонин

ШРИ АУРОБИНДО

УПАНИШАДЫ

Кена и другие

АДИТИ

Санкт-Петербург

2002

Sri Aurobindo. The Collected Works. V. 5.
THE UPANISHADS. Kena and others.

Перевод с английского:
Д. В. Мельгунов, М. Л. Салганик, А. А. Ткачева

Перевод начальных рецитаций:
Е. Ю. Становых

Редакторы:

В. С. Костюченко — научная редакция

Д. В. Мельгунов — общая редакция

Е. Ю. Становых — индологическая редакция,
подготовка текста на санскрите и глоссария

ISBN 5-7938-0013-1

Издательство «Адити» осуществляет перевод на русский язык и публикацию трудов Шри Ауробиндо и Матери. Специальным меморандумом Ашрама Шри Ауробиндо от 10 июля 1995 года «Адити» предоставлено исключительное право публикации на русском языке всех книг, когда-либо издававшихся или издающихся в Ашраме.

© Издательство «**АДИТИ**», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

«УПАНИШАДЫ... — наивысшее самовыражение гения Индии, ее возвышеннейшая поэзия, величайшее достижение ее мысли и слова; ... это широкий поток духовного откровения, непосредственного и глубокого; ... это духовные поэмы абсолюта, ... исполненные совершенства, поразительные по вдохновенности и точности выражения, изумительные по ритмике и образности» — так отзывается Шри Ауробиндо об Упанишадах, величайшем памятнике древней ведантистской культуры. В настоящем томе представлены материалы его многолетней работы по изучению и исследованию Упанишад: переводы, заметки, комментарии¹.

Впервые Шри Ауробиндо познакомился с Упанишадами (в переводе на английский) в 1892 г. в Лондоне, где он получал классическое европейское образование. Как он позже писал, то были первые индийские писания, с которыми он соприкоснулся и которые глубоко увлекли его и пробудили в нем горячий интерес. По возвращении в Индию, в Бароде Шри Ауробиндо овладел санскритом и начал читать Упанишады в подлиннике. На рубеже веков он приступил к переводу некоторых из них на английский язык, снабжая свой перевод комментариями. Примерно в 1906 г. был закончен «вольный ритмизованный перевод» шести Упанишад: Иши, Кены, Катхи, Мундаки, Прашны и Мандукьи. Приблизительно в это же время Шри Ауробиндо перевел также Тайттирия, Айтарея и Шветашватара Упанишады, а также фрагменты из других Упанишад и ранних ведантистских текстов, кроме того, он подготовил пространный комментарий к Иша Упанишаде, озаглавленный «Кармайогин», и написал несколько глав обширной пояснительной работы, известной как «Философия Упанишад». Четыре Упанишады в его переводе: Иша, Кена, Катха и Мундака — были впервые опубликованы в еженедельнике «Кармайогин», издававшемся им в 1909—1910 гг.

¹ Сюда вошли переводы и исследования всех Упанишад, над которыми работал Шри Ауробиндо, кроме Иша Упанишады. Все материалы его работы над Иша Упанишадой представлены в томе 4 настоящего Собрания сочинений.

Сведения о материалах, вошедших в настоящий том, можно найти в Библиографической справке в конце тома.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение первых четырех лет пребывания в Пондичери (1910—1914) Шри Ауробиндо уделял значительное время работе над Упанишадами. В частности, он написал объемные комментарии к Ише. Начиная с 1914 г. он публиковал новые переводы Иши, Кены и Мундаки, первые две — с новыми комментариями, в издававшемся им ежемесячном обозрении «Арья». Вскоре после того как в 1921 г. издание «Арьи» было прекращено, эти новые работы вышли в свет в виде книг.

Впоследствии Шри Ауробиндо отредактировал часть из своих переводов и комментариев, однако многие из них остались незавершенными (см. Библиографическую справку). Эти работы неоднократно издавались и переиздавались как при жизни автора, так и после его ухода. Интерес к ним продолжает расти и по сей день не только в Индии, где его трактовка Упанишад снискала признание в качестве одного из наиболее глубоких и блистательных достижений духовно-философской мысли нации, но и за ее пределами.

Своими переводами и комментариями Шри Ауробиндо воскрешает для нас подлинный эзотерический смысл этих древних писаний, вдохновенные строки которых зовут человека к пробуждению от Неведения, к познанию своего высшего, истинного «Я», единой и единственной Реальности, к обретению Блаженства и Бессмертия Брахмана.

Шри Ауробиндо, Пондичери, 1915—1918 г.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Шри Ауробиндо, йогин, поэт, философ и мыслитель, общественный и политический деятель родился в Калькутте 15 августа 1872 года. С семилетнего возраста воспитывался в Англии, сначала в школе Св. Павла в Лондоне, а затем в Королевском колледже в Кембридже.

В 1893 г. в возрасте 21 года Шри Ауробиндо вернулся в Индию и поступил на гражданскую службу к махарадже г. Бароды, где провел 13 последующих лет. За это время он овладел санскритом и другими языками народов Индии, глубоко изучил как политические проблемы Индии, так и ее культурное и духовное наследие. В 1906 г. он направился в Бенгалию, где началась его активная политическая деятельность. Издававшийся им журнал «Банде Матарам» стал могучим голосом индийского освободительного движения. В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован и оказался в тюрьме по обвинению в антиправительственной деятельности, грозившему ему смертной казнью, но через год по окончании суда был оправдан и освобожден.

Его революционная работа длилась до 1910 года, когда по призыву внутреннего голоса он оставил политику и удалился в Пондичери, французскую колонию в Индии, чтобы продолжать интенсивные занятия йогой. Обобщив духовный опыт прошлого, Шри Ауробиндо разработал теоретическую и практическую базу для воплощения божественной жизни на земле. Исследованиям в этой области были посвящены последние сорок лет его жизни.

Шри Ауробиндо покинул свое физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает более 30 томов, среди которых философские труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которую он писал в течение последних тридцати пяти лет жизни и которая является действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

В его трудах, представляющих собой подробное рассмотрение духовной философии и йоги, отражен внутренний опыт, полученный в результате практики йоги. В них рассматривается истинный смысл Вед, Упанишад и Бхагавадгиты, значение и роль индийской культуры, проблемы развития человеческого общества, эволюция поэтического творчества и поэзии.

Шри Ауробиндо наряду с Рамакришной и Вивеканандой был одним из великих реформаторов традиционной индийской философии.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Согласно его учению восходящая эволюция в природе, развитие которой направлено от камня к растению, от растения к животному и от животного к человеку, не останавливается на человеке, как на конечном этапе, но устремляется дальше, к созданию более совершенного вида, который будет соотноситься с современным человеком, как тот, в свою очередь, соотносится с животным. Человек является лишь переходным существом, обладающим способностью достичь более высокого уровня сознания, чем сознание разума. Вся жизнь Шри Ауробиндо была посвящена утверждению в нашем мире этого нового сознания, названного им супраментальным сознанием, реализация которого должна позволить людям утвердить на земле совершенную, гармоничную жизнь, исполненную истины, света и свободы.

СОДЕРЖАНИЕ

УПАНИШАДЫ	1	
Введение. <i>Перевод Д. В. Мельгунова, М. Л. Салганик</i>	3	
О переводе Упанишад. <i>Перевод А. А. Ткачевой</i>	23	
Кена Упанишада. <i>Перевод А. А. Ткачевой.</i>	33	
Комментарий	47	
Заметки о Кена Упанишаде	131	
Катха Упанишада. <i>Перевод М. Л. Салганик</i>	147	
Мундака Упанишада. <i>Перевод Д. В. Мельгунова.</i>	189	
Мандукья Упанишада. <i>Перевод М. Л. Салганик</i>	219	
Прашна Упанишада. <i>Перевод М. Л. Салганик</i>	227	
Тайттирия Упанишада. <i>Перевод М. Л. Салганик.</i>	257	
Заметки о Тайттирия Упанишаде. <i>Перевод Д. В. Мельгунова, М. Л. Салганик</i>	293	
Айтарея Упанишада. <i>Перевод М. Л. Салганик.</i>	301	
Из Шветашватара Упанишады. <i>Перевод М. Л. Салганик.</i>	317	
Из Чхандогья Упанишады. <i>Перевод Д. В. Мельгунова, М. Л. Салганик.</i>	341	
Заметки о Чхандогья Упанишаде. <i>Перевод Д. В. Мельгунова</i>	355	
Из Брихадараньяка Упанишады. <i>Перевод Д. В. Мельгунова.</i>	369	
Великая Араньяка. <i>Перевод М. Л. Салганик</i>	379	
Из Кайвалья Упанишады. <i>Перевод М. Л. Салганик.</i>	397	
Комментарий	400	
Из Ниларудра Упанишады. <i>Перевод М. Л. Салганик</i>	403	
Комментарий	408	
 РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ НЕКОТОРЫХ		
ВЕДАНТИСТСКИХ ТЕКСТОВ. <i>Перевод М. Л. Салганик</i>	411	
Карики Гаудапады	413	
Садананда. Суть Веданты	425	
 ГЛОССАРИЙ. <i>Составитель Е. Ю. Становых</i>		431
 БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА		463

УПАНИШАДЫ

Даже ничтожная крупица этого Закона
приносит избавление от великого страха.

Бхагавадгита

Как выглядит она, когда чуть улыбнется,
Не выразит язык и не постигнет разум, —
Столь чуден лик ее, и сладостен, и светел.

Данте

ВВЕДЕНИЕ

УПАНИШАДЫ — высочайшее творение индийского разума и, как таковое, как наивысшее самовыражение гения Индии, ее возвышеннейшая поэзия, величайшее достижение ее мысли и слова, Упанишады не могут быть просто литературным или поэтическим шедевром; это широкий поток духовного откровения, непосредственного и глубокого, свидетельство и результат единственной в своем роде ментальности и необычной направленности духа. Упанишады одновременно являются великими священными писаниями — ибо в них запечатлен глубочайший духовный опыт — и откровениями озаренной интуитивной философии неисчерпаемого света, силы и широты; это духовные поэмы абсолюта, будь то в стихах или в ритмической прозе, исполненные совершенства, поразительные по вдохновенности и точности выражения, изумительные по ритмике и образности. Так выражает себя разум, в котором философия, религия и поэзия стали едины, — ибо эта религия не заканчивается на культовости, не ограничивается религиозно-этическими целями, а возвышается до бесконечного открытия Бога, или истинного «Я», открытия нашей высочайшей и целостной реальности духа и бытия, и говорит, пребывая в экстазе светоносного знания, в экстазе живого, осуществленного опыта; а эта философия является не абстрактным теоретизированием на тему Истины или схемой логических умопостроений, но самой Истиной — увиденной, почувствованной, пережитой, хранимой в сокровенной сути разума и души и радостно изрекаемой в восторге убедительного постижения и овладения; и эта поэзия есть труд эстетического ума, вознесшегося над обычным полем своей деятельности, чтобы выразить чудо и красоту редчайшего духовного самопрозревания и глубочайшей просветленной истины себя, Бога и вселенной. Здесь интуитивный разум и тонкий психологический опыт ведических провидцев достигают кульминации, в которой Дух, словами Катха Упанишады, обнажает собственное тело, глашатайствует глаголом собственного самовыражения и раскрывает перед умом вибрации ритмов, которые при повторении в духовном слухе словно укрепляют душу и возносят ее, удовлетворенную и счастливую, к вершинам самопознания.

Этот характер Упанишад надо особо отметить, потому что им пренебрегают западные переводчики, старающиеся выявить интеллектуальный смысл и упускающие богатую жизнь мыслесозерцания и восторг духовного опыта, которые превращали и продолжают превращать древние стихи в откровение не только для интеллекта, но и для души и всего существа тех, кто способен проникнуть в стихию движения этой речи, а пользуясь старинным выразительным словом, превращали их в *шрути* (*śruti*) — не в интеллектуальную мысль и слово, но в духовное слышание, во вдохновенное священное Писание. Сегодня нет надобности в доказательствах ценности философского содержания Упанишад — даже если бы не существовало многочисленных признаний самых великих умов, то в пользу Упанишад свидетельствовала бы вся история философии. Упанишады признаны как источник ряда глубоких философских систем и религий, которые проистекали из них и распространились по Индии, словно великие индийские реки из своей гималайской колыбели, оплодотворяя ум и жизнь народа, сохраняя на протяжении долгих столетий его живую душу, которая постоянно припадала к ним в жажде света и получала его из этих неисчерпаемых животворных вод. Буддизм во всех своих ответвлениях был только воспроизведением, под новым углом зрения и в обновленных формулировках и определениях, одной из сторон изложенного в них опыта; буддизм понес этот опыт, преобразованный по форме, но едва ли по содержанию, по всей Азии и к западу в сторону Европы. Идеи Упанишад прослеживаются во многих мыслях Пифагора и Платона, они составляют глубинную основу философии неоплатоников и гностиков, которые в столь значительной степени повлияли на философское мышление Запада, суфизм же снова повторил их уже на языке другой религии. Большая часть немецкой метафизики по сути есть не что иное, как интеллектуальное развитие великих реальностей, увиденных с более значительных духовных позиций в этом древнем учении, а современная мысль быстро вбирает их в себя, выказывая при этом настолько живую и интенсивную восприимчивость, что можно ожидать революции как философского, так и религиозного мышления; иногда эти идеи просачиваются в виде различных неявных влияний, иногда медленно вливаются по прямым и открытым каналам. Едва ли существует значительная философская идея, которую нельзя было бы соотнести с соответствующим опытом, замыслом или указанием этих древних писаний, — а между тем, по мнению некоторых, все это — лишь досу-

жие умствования, за которыми не стоит ничего, кроме грубого, варварского, натуралистического и анимистического невежества. Постоянно обнаруживается, что даже крупнейшие обобщения Науки суть применение к истине физической Природы формул, уже открытых индийскими мудрецами в их первоначальном, самом широком смысле в более глубокой истине духа.

И все же эти произведения не являются плодом интеллектуального философствования, метафизического анализа, который нацелен на определение понятий, на отбор идей и выделение тех из них, которые представляются истинными, на логическое выражение истины или на поддержку ума в его интеллектуальных предпочтениях посредством диалектических рассуждений и который удовлетворяется выдвиганием единственного решения проблемы бытия в свете той или иной идеи разума и рассмотрением всего сущего только под этим углом, в этом фокусе и заданной перспективе. Упанишады не могли бы обладать такой неисчерпаемой жизнеспособностью, не могли бы так долго оказывать неубывающее влияние, давать такие результаты, о которых можно судить по нынешнему независимому их подтверждению совершенно новыми методами и в совершенно новых сферах поиска, если бы они носили такой характер. Только потому, что древние провидцы Истину видели, а не умозаключали о ее существовании, потому, что они облекли Истину в могучую плоть интуитивных идей и очевидных образов — плоть идеальной прозрачности, через которую наш взор проникает в беспредельное, — потому, что они прозревали вещи в свете самосущности и озирали их оком Бесконечности, поэтому их слова обрели вечную жизнь и бессмертие, поэтому они исполнены бездонного смысла, неопровержимой достоверности и утоляющей окончательности, которая в то же время есть бесконечное начало Истины, к коей в конце концов вновь сходятся все наши пути поиска и постоянно возвращаются умы человечества в эпохи величайших прозрений. Упанишады есть Веданта, корпус знания, стоящего даже выше Вед, — но знания в более глубоком, индийском понимании этого слова, *джняна* (*jñāna*). Не просто мышление и рассудочное рассмотрение, постижение интеллектом умственных форм истины, но видение истины душой и жизнь в истине всей силой нашего внутреннего существа, духовное усвоение путем отождествления себя с объектом познания — вот что такое *джняна*. А поскольку такого рода непосредственное знание может обрести полноту только при интегральном познании сущности, то именно

сущность стремились познать ведантистские мудрецы, и не просто познать, но жить в ней, став едиными с ней через отождествление. Пойдя этим путем, они с легкостью постигли, что сущность человека едина с универсальной сущностью всего, которая, в свою очередь, тождественна Богу или Брахману, трансцендентному Существо или Существованию; мудрецы прозревали, ощущали, жили в самой сути всего сущего во вселенной и в истине внутренней и внешней жизни человека благодаря свету этого единственного и всеобъемлющего видения. Упанишады — это эпические гимны самопознания, миропознания и богопознания. Великие формулировки философских истин, которыми они изобилуют, не являются абстрактными интеллектуальными обобщениями, чем-то, способным только блистать и освещать разум, но не жить и не возвышать душу; это пламена-светочи интуитивных озаряющих прозрений, это прикосновения-видения единого Бытия, трансцендентного Божества, божественной и универсальной Сущности и откровения ее связи с предметным и тварным миром в этом великом космическом проявлении. Напевы вдохновенного знания, они, как и все гимны, проникнуты религиозной устремленностью и восторгом, но не узко интенсивного типа, свойственного низшему религиозному чувству, они вознесены над культовостью и условными формами богопочитания к универсальной Ананде Божественного, которая дается нам сближением и соединением с самосущим и универсальным Духом. Хотя в центре внимания здесь внутреннее видение и нет прямой связи с внешним действием человека, вся высочайшая этика буддизма и позднего индуизма вышла из самой жизни и смысла тех истин, которым Упанишады дали выразительную форму и силу, — и здесь есть нечто большее, чем в любой этической концепции или в умственном правиле добродетельной жизни, здесь есть возвышенный идеал духовного действия, основанного на единстве с Богом и всем живым. Вот почему и после исчезновения жизненных форм ведического культа Упанишады сохранили жизнеспособность и творческую силу и смогли вызвать к жизни великие религии богопреданности и мотивировать непреходящую индийскую идею Дхармы.

Упанишады есть творение озаренного и интуитивного разума и его просветленного опыта, и этим высоким источником предопределены и отмечены все их содержание, структура, стиль, образность, ритмика. Эти возвышенные и всеобъемлющие истины, эти видения единства, сущности и универсального божественного бытия отчеканены в лако-

ничные и монументальные фразы, которые сразу привлекают к ним взор души, обнаруживают перед нею свою реальность и побуждают стремиться к ним и переживать их; или же эти истины облечены в поэтические речения, полные озаряющей силы и выразительных оттенков мысли, позволяющих раскрыть всю бесконечность через конечный образ. В них раскрывается Единое, но наряду с этим — и множество его аспектов, каждый из которых явлен во всей полноте своего значения за счет широты и силы словесного выражения, причем просветленная точность каждого слова и всей фразы в целом позволяет каждому аспекту словно самораскрыться в нужном месте и в нужной связи. Самые значительные метафизические истины и тончайшие нюансы психологических переживаний охвачены в едином вдохновенном движении словообразов, одновременно точных для зрящего разума и полных бесконечной недосказанности для совершающего открытие духа. Здесь есть отдельные фразы, самостоятельные двустишия, краткие пассажи, каждый из которых содержит суть обширной философии, но в то же время отражает лишь аспект, лишь часть безграничного самопознания. Здесь все очень емко, все преисполнено смысла и вместе с тем — изложено с абсолютной ясностью и светоносной лаконичностью, но и с безмерной полнотой. Такого рода мысли не подходит медлительный, тщательный, пространный метод логического рассуждения. Пассаж, предложение, двустишие, строка, даже полустрока следуют друг за другом с некоторым интервалом, заполненным невыраженной мыслью, безмолвием, в котором звенит эхо предшествующей фразы, мыслью, включенной в целостное внушение и подразумеваемой самой стопой, которую, однако, уму предлагается ради собственной пользы обнаружить самому; и эти интервалы емкого безмолвия велики, движение мысли напоминает поступь Титана, шагающего со скалы на скалу над безбрежными водами. Структура каждой Упанишады обнаруживает совершенное всеобъемлющее единство, неразрывную проработанную взаимосвязь различных гармонических частей, но такую, какой мог достичь только разум, охватывающий взором широкие объемы истины и задерживающийся лишь для отыскания нужного слова в насыщенном безмолвии. Ритм стихов или ритмизованной прозы соответствует скульптуре мысли и фразы. Метрическая форма Упанишад — это четыре полустроки, каждая из которых четко выделена; строка чаще всего является завершенной и целостной и содержит законченную мысль; полустроки, содержащие две мысли или различные части

одной, соединены и дополняют друг друга; ритмическое звучание соответствует тому же принципу: каждая стопа коротка и оформлена отчетливой завершающей паузой, заполненной певучим эхом, долго вибрирующим во внутреннем слухе; каждая строка подобна волне бесконечности, несущей в себе молвь целого океана. Такая поэзия — слово видения, ритм духа — не создавалась ни до Упанишад, ни после них.

Образный строй Упанишад есть по большей части развитие ведического типа образности и, хотя обыкновенно предпочтение отдается ничем не прикрытой ясности или прямому просветляющему образу, нередко те же самые символы используются способом, весьма близким по духу и методу, в менее «специальной» его части, к древнему символизму. Как правило, именно этот элемент, недоступный более нашему образу мышления, и сбивал с толку некоторых западных исследователей, заставляя их восклицать, что Упанишады представляют собой смесь из возвышеннейших философских умозрений и первого невразумительного лепета младенческого ума человечества. Упанишады не являются революционным отходом от ведического ума, от его темперамента и фундаментальных идей — это его продолжение и развитие, в известной степени, это расширяющая его трансформация, в смысле ясного и четкого выражения всего, что было скрыто как тайна в символическом языке Вед. Упанишады начинают с использования образов и ритуальных символов Вед и Брахман, которые затем преобразуются так, чтобы выявился их внутренний и мистический смысл, долженствующий служить своего рода психической точкой отсчета для собственной высоко развитой и более отчетливо духовной философии. Есть много мест именно такого рода, особенно в прозаических Упанишадах, где говорится — в манере, недоступной непосвященным, туманной и даже непонятной современному уму — о психическом смысле идей, некогда распространенных в ведическом религиозном уме, о различиях между тремя типами Вед, тремя мирами и о прочих вещах этого же ряда; однако, поскольку в Упанишадах они ведут к глубочайшим духовным истинам, эти места никак нельзя отбросить в качестве младенческой невнятицы разума, лишенной смысла или доступной уразумению связи с мыслями высшего порядка, которые являются их кульминацией. Напротив, мы обнаруживаем в них достаточно глубокий смысл, как только оказываемся в состоянии проникнуть внутрь их символики. Это происходит при психофизическом подъеме к психо-духовному знанию — сегодня мы определили бы это в более интеллектуальных, менее

конкретных и образных терминах, но смысл сохраняет свою ценность для тех, кто занимается Йогой и заново открывает секреты нашего психофизического и психо-духовного существа. Типичные пассажи такого свойства, своеобразно выражающие психические истины, это объяснения Аджаташатру сна и сновидений или пассажи из Прашна Упанишад о витальном принципе и его движениях, или те, в которых затрагивается ведическая идея противоборства богов и демонов, здесь приобретающая более духовное истолкование, ведические же божества более открыто, чем в Ригведе и Самаведе, характеризуются и призываются сообразно их внутренним функциям и духовным силам.

В качестве примера такого развития ведической идеи и образа я могу процитировать отрывок из Тайттирия Упанишад, в котором Индра прямо предстает как сила и персонификация божественного разума:

«Он, кто есть в Ведах Бык универсальной формы, он, кто рожден в священных ритмах от Бессмертного, — да удовлетворит меня Индра через разум. О Боже, пусть стану я сосудом Бессмертного. Пусть будет тело мое полно видения, а язык мой — сладости, пусть уши мои слышат то, что велико и просторно. Ибо ты есть оболочка Брахмана, прикрытая и сокрытая разумом»¹.

Сходный пассаж можно процитировать и из Иша Упанишад, где к Сурье, богу Солнца, обращаются как к божеству знания, чья наивысшая форма лучезарности есть единство Духа, а его лучи, достигающие нашего ментального уровня в рассеянном виде, являются сияющим распространением мыслящего разума и заслоняют его собственную бесконечную супраментальную истину, тело и сущность этого Солнца, истину духа и Вечного:

«Лик Истины сокрыт золотым заслоном. О питающее Солнце, его раскрой во имя закона истины, яви взору. О кормилец, о единственный Риши, о удерживающий Яма, о Сурья, о сын Отца созданий, выстрой и сосредоточь свои лучи; этот Блеск, благословеннейшая из всех твоих форм, что я вижу, Он, кто есть это, этот Пуруша, Он есть я»².

¹ Тайттирия Упанишад. I. 4. 1—2. (Прим. ред.)

² Иша Упанишад. 15, 16. (Прим. ред.)

При различии этих отрывков их родство с образным строем и стилем Вед просто бросается в глаза; последний же отрывок есть на самом деле перефразировка или перевод в позднейший и менее зашифрованный стиль ведического гимна Атри:

«Сокрыта твоей истиной та Истина, что неизменна вовеки там, где распрягаются кони Солнца. Там десять тысяч стоят вместе — Это есть Единый: я видел высшее Божество воплощенных богов»¹.

Ведическая и ведантистская образность чужда нашему современному менталитету, который не верит в живую истину символа, потому что озаряющее воображение, запуганное интеллектом, не смеет больше принимать душевное и духовное видение, отождествляться с ним и отважно воплощать его в образы; но эта образность, конечно, не имеет ничего общего с младенческим или примитивным и варварским мистицизмом; этот язык, такой живой, яркий, исполненный светоносной поэтичности интуитивный язык, есть естественное отражение высоко развитой духовной культуры.

Интуитивная мысль Упанишад отправляется от этих конкретных образов и символов, от слов, при помощи которых ведические риши первоначально полностью передавали смысл посвященным, но утаивали глубинную суть от обыкновенных умов, она переводит их на менее зашифрованный язык и затем находит для выражения их смысла другие образы, блистательно ясные и возвышенные, другие слова, сразу раскрывающие все сияние духовной истины. Этот процесс, этот труд раннего ума Индии можно проследить по прозаическим Упанишадам, где символы используются как средство перехода к открытому выражению духовной сути. Отрывок из Прашна Упанишад, касающийся силы и значения мистического слога АУМ (ОМ), показывает нам первую стадию процесса:

«Этот слог ОМ, о Сатьякама, он есть высший и он есть низший Брахман. Поэтому человек знания проходит через этот дом Брахмана к тому или к другому. Если сосредоточиться на одной букве, она дает человеку знание и скоро тот достигает всего на земле. И Рики ведут его в мир людей и, достигши там совершенства в Тапасе

¹ Ригведа. V. 62.1. (Прим. ред.).

и Брахмачарье и в вере, испытывает он величие духа. Если удвоенной буквой достигает он совершенства в уме, то ведут его Яджусы в средний мир, в лунный мир Сомы. В мире Сомы он испытывает великолепие духа и возвращается вновь. А тот, кто строенной буквой, всем этим слогом ОМ, сосредоточится на высочайшем Пуруше, тот достигнет совершенства в свете, который есть Солнце. Как змея сбрасывает с себя кожу, воистину, так освобождается он от греха и от зла и Саманы ведут его в мир Брахмана. Из гуши живых душ видит он того, кто выше высочайшего, Пурушу, который возлежит в этом дворце. Три буквы подвержены смерти, но вот употреблены они нераздельно и совместно друг с другом, тогда внутреннее, внешнее и промежуточное действия духа соединены в совершенном употреблении, и дух знает и неколебим. Этот мир достигается Риками, средний мир — Яджусами, и Саманами — тот мир, о котором знающие поведали нам. Человек знания приходит к Нему через ОМ, обитель его, воистину, — к высочайшему Духу, который безмятежен, который вне времени, вне страха, который бессмертен»¹.

Здесь символика все еще темна для нашего понимания, но есть указания, несомненно свидетельствующие о том, что за ней стоит психический опыт, ведущий к различным стадиям духовной реализации; их три — внешняя, ментальная и супраментальная, результатом последней становится высшее совершенство, полное и интегральное приобщение всего существа к покойной вечности бессмертного Духа. В более поздней Мандукья Упанишаде прочая символика уже отринута, и мы допущены к ничем не завуалированному смыслу. Тут и возникает знание, к которому современная мысль возвращается другими, совершенно отличными методами: интеллектуальным, рациональным и научным; знание о том, что за деятельностью нашего наружного, физического сознания скрывается деятельность другого сознания, субминального, — другого, но того же самого, — чьим поверхностным проявлением выступает наш бодрствующий ум; выше же всего — возможно, так мы полагаем сегодня — духовное сверхсознание, в котором, вероятно, и можно найти наше наивысшее состояние и тайну нашего бытия. Вчитавшись в отрывок из Прашна Упанишады, мы можем убедиться, что в нем уже содержится это знание, так что, я полагаю, мы

¹ Прашна Упанишада. V. 2—7. (Прим. ред.)

можем совершенно рационально заключить, что это и другие высказывания древних мудрецов, в какое бы недоумение ни повергали они своей формой рациональное сознание, не могут быть отброшены как инфантильный мистицизм, поскольку представляют собой образное выражение, характерное для менталитета тех времен, того, к чему своими путями сегодня приходит и разум, свидетельствуя, что это истина, очень глубокая истина, и подлинная реальность знания.

Стихотворные Упанишады используют ту же насыщенную значением символику, но в несколько облегченном ключе; большая часть стихов переходит от образного к прямому выражению. Сущность, Дух, Божественное в человеке и тварях, в Природе, во всем сущем в этом мире и в других мирах, и за пределами космоса, Бессмертное, Единое, Бесконечное без завес воспевается в гимнах во всем величии его вечной трансцендентности и многообразности самопроявлений. Несколько отрывков из поучений Ямы, бога Закона и Смерти, обращенных к Начикетасу, могут продемонстрировать это:

«ОМ есть этот слог. Этот слог есть Брахман, этот слог есть Всевышний. Тот, кто знает нетленный ОМ, что бы ни желал он, все — его. Это опора наилучшая, это опора высочайшая, когда познает это человек, он возвеличивается в мире Брахмана. Всеведущий не рождается и не умирает, ниоткуда он не появился и не есть он кто-то. Он не рожденный, он постоянный и вечный, он Древний Днями, тот, кто неубиваем при убиении тела...

Он сидит на месте и странствует далеко, он возлежит и движется во все стороны. Кто, как не я, знает это экстатическое Божество? Мудрый приходит к пониманию того, что великий Господь и «Я» укоренены и бестелесны в этих бранных телах, и более он не скорбит. Ни наставлением нельзя завоевать это «Я», ни мощью ума, ни ученостью большой — кого Дух изберет, только ему Он покорится и ему Дух этот раскроет само свое тело. Кто не перестал творить зло, кто не сосредоточен и не умиротворен, чей ум не обрел покой, мудростью ума не придет он к знанию. Тот, для Кого воители и мудрецы есть пища на пиршестве, а смерть острая приправа, кому ведомо, где Он? ...

Самосуший створки врат распахнул наружу, поэтому человек смотрит наружу, а не внутрь себя, только редкие мудрецы обращаются взглядом внутрь в поиске бессмертия и лицом к лицу встреча-

ются с «Я». Младенческий ум тянется к поверхностным желаниям и попадает в сети смерти, широко простертые для нас, но мудрый знает о бессмертии и не ищет постоянного в том, что непостоянно. Этим «Я» познает человек форму и вкус, запах и ощущение, и радость от них, что же еще здесь остается? Мудрый приходит к пониманию великого Господа и «Я», через них он видит все, что есть в душе пробужденной, и все, что есть в душе спящей, и не скорбит более. Познавший это «Я», этого Сущего, вкушающего сладость, близкого живому существу, властителя того, что было и что будет, уже не отвернется ни от чего на свете. Он знает его, кто был рожден издревле от Тапаса, кто был рожден издревле от вод и кто вошел и пребывает в тайной пещере бытия со всем сущим. Он знает ее, рожденную жизненной силой, бесконечную Мать, в которой все боги, ее, кто вошла и пребывает в тайной пещере бытия со всем сущим. Это Огонь всезнающий, и скрыт он в двух кусках древесины, как дитя во чреве беременной женщины; это Огонь, которому должны поклоняться люди, бессонно его блюдущие и жертвы ему приносящие. Он есть то, из чего Солнце восходит и во что заходит — и в нем все боги имеют основу, и никто не может превзойти его. Что — здесь, воистину, то — и в иных мирах, и что — там, воистину, согласно тому — и все, что здесь. Тот идет от смерти к смерти, кто видит здесь только различие. Пуруша величиной не больше пальца пребывает в самой сути человека и владычествует над всем, что было и что будет, познавший это более не отвернется ни от чего на свете. Пуруша размером с человеческий палец, он подобен огню без дыма, он есть Владыка того, что было и что будет, это он есть сегодня, и это он есть завтра тоже»¹.

Упанишады изобилуют местами, которые одновременно представляют собой и поэзию, и духовную философию абсолютной ясности и красоты, но никакой перевод, лишенный нюансов и оттенков значения — глубокого, утонченного, светоносного, — которые эхом отдаются в каждом слове и ритме, не может даже отдаленно передать их силу и совершенство. Есть и такие, где сложнейшие психологические и философские истины исчерпывающим образом изложены в безупречно прекрасной стихотворной форме, причем так, что они не просто

¹ Катха Упанишада. I. 2. 11—13; 15—18; II. 1. 1—11. (Прим. ред.)

становятся доступными восприятию человека, но обретают жизнь и реальность в его разуме и душе. Некоторые прозаические Упанишады включают в себя элементы повествовательности, запечатлевшие для нас в живых и ярких красках, пусть и мимолетно, сценки того поразительного времени с его напряженным поиском духовности и страстью к высшему знанию, без которых не могли бы появиться и сами Упанишады. Картины той эпохи оживают перед нами: святые, живущие уединенно в лесной тиши в готовности испытать и принять в обучение тех, кто приходит к ним за знанием, принцы, ученые брамины и знатные аристократы-землевладельцы, странствующие в поисках все того же знания, царский сын в колеснице и внебрачный сын служанки, ищущие кого-нибудь, кто нес бы в себе мысль света и слово озарения, типические персонажи — Джанака и обладающий утонченным умом Аджаташатру, Райква с его повозкой, Яджнявалкья, воитель истины, спокойный и ироничный, обеими руками черпавший земные и духовные сокровища, но не испытывавший к ним привязанности и все променявший в конце концов на жизнь бродячего отшельника, Кришна, сын Деваки, который, услышав одно лишь слово риши Гхоры, миг познал Вечное, ашрамы, дворы царей, тоже искавших и открывавших истину, собрания во время больших жертвоприношений, где встречались мудрые и сопоставляли свои познания. Мы видим, как рождается душа Индии, как набирает силу великий гимн зарождения, с которым вознесется она от земли до высших эмпиреев духа. Веды и Упанишады — источники не только индийской философии и религии, но всего индийского искусства, поэзии и литературы. Именно эта душа, этот темперамент, этот идеальный разум, сформированные и выраженные ими, впоследствии дали рождение великим философским системам, воздвигли здание Дхармы, запечатлели свою героическую юность в Махабхарате и Рамаяне, неустанно интеллектуализировались в классике во времена своей зрелости, породили такое множество оригинальных прозрений в области науки, достигли такого накала и богатства эстетического, жизненного и чувственного опыта, осуществили обновление своего духовного и душевного опыта в Тантре и Пуранах, излились великолепием и красотой линий и цвета, мыслью и видением, изваянными в камне и отлитыми в бронзе, находили себе все новое выражение в появившихся позднее языках, а теперь, после периода упадка, возвращаются прежними, хотя и в новых формах, чтобы вступить в новую жизнь и в новый творческий этап.

НАША дхарма подобна гигантскому дереву с большим количеством могучих ветвей и мелких веточек. Корнями это дерево уходит в глубокое знание, а ветви его широко раскинулись в сфере действия. Так же как и дерево Ашваттха, упоминаемое в Бхагавадгите, которое росло корнями вверх, эта дхарма имеет в своей основе знание и побуждает человека к действию. Фундаментом этой дхармы является отсутствие привязанностей к чему бы то ни было, динамическая активность — ее крыша и стены, а освобождение — венчающий крышу шпиль. Вся жизнь человечества проходит под сенью этого огромного дерева-дома индуистской дхармы.

Считается, что Веда — это основа индуистской дхармы, но немногие знают, в чем заключается истина этой основы и каково ее реальное обличие. Как часто, забравшись на вершину дерева дхармы, мы впадаем в экстатическое состояние, отведав сочный и сладкий преходящий плод с какой-нибудь расположенной поблизости ветки, не пытаясь узнать при этом что-нибудь о корнях дерева. Мы все слышали, что Веда композиционно разделяется на две части, одна из которых посвящена действию, а вторая — знанию. Некоторые, возможно, читали комментарии к Ригведе, написанные Максом Мюллером или переводчиком Веды на бенгальский язык Ромешом Даттом, но сами при этом плохо знакомы с текстами Ригведы. От Макса Мюллера и Ромеша Датта мы знаем, что риши Ригведы поклонялись внешним объектам природы и различным существам; гимны и песнопения, обращенные к Солнцу и Луне, Ветру и Огню, заключали в себе основы знания древней, извечной индуистской дхармы, превосходящей обычное человеческое знание. Всецело полагаясь на истинность и правильность комментариев, умаляя тем самым знание древних риши, изложенное в Веде, и знание индуистской дхармы, мы считаем себя высокообразованными и «просвещенными» людьми своего времени. Мы не даем себе труда узнать, что же на самом деле содержат в себе подлинные тексты Веды и почему мудрецы и великие души, такие как Шанкарачарья и многие другие, усматривали заключенное в этих ведических гимнах и молитвах совершенное и непогрешимое знание.

Очень немногие знакомы даже с текстами Упанишад. Когда мы говорим об Упанишадах, то вспоминаем о монизме Шанкарачарьи и об ограниченном монизме Рамануджи, о дуализме Мадхвы и других направлениях философской мысли. Но нам даже в голову не приходит заняться самостоятельным изучением оригинальных текстов Упанишад, чтобы попытаться открыть для себя их подлинный смысл или хотя бы просто для того, чтобы ответить на вопрос, каким образом на почве одного и того же литературно-философского памятника могли возникнуть шесть противоречащих друг другу философских направлений и что же действительно скрывается в этой сокровищнице знаний, выходящее за пределы известных философских школ. В течение целого тысячелетия мы целиком и полностью полагались на толкования Шанкары, которые в нашем представлении однозначно разъясняли и Веда, и Упанишады. Зачем было утруждать себя изучением оригинальных текстов Упанишад? Наше доверие авторитету Шанкары было настолько велико, что, даже если нам и попадались комментарии других авторов, которые шли вразрез с толкованием Шанкары, мы немедленно отвергали их как ложные и не соответствующие истинному духу Упанишад. При этом оригинальные тексты Упанишад скрывают в своих исполненных глубокого смысла шлоках, созданных арийскими риши и великими йогинами, не только знание, донесенное до нас Шанкарой, но и все духовное наследие прошлого, а также ту истину, которую еще предстоит раскрыть человечеству в настоящем и будущем.

Что же такое Упанишады? Это сокровищница глубочайшего вечного Знания, не имеющего ни начала, ни конца и лежащего в основе извечной дхармы. То же самое знание мы находим и в суктах четырех Вед, но там оно скрыто под покровом метафорических образов, придающих экзотерическое значение ведическим гимнам, наподобие того, как качества идеального человека передаются с помощью известного описательного образа. Упанишады раскрывают перед нами высшее Знание, обнажая реальную истину человеческого существа. Риши, поэты, создавшие Ригведу, воплощали духовное знание в словах и стихах, порожденных божественным вдохновением. Риши, авторы Упанишад, обладали непосредственным видением этого истинного высшего Знания, которое передавали в сжатой, лаконичной форме. Древние риши, наделенные *непосредственным видением*, отразили в Упанишадах не только идеи монизма, но и все возникшие впоследствии в Европе и Азии философские направления мысли — рационализм, реализм,

нигилизм, утилитаризм, гедонизм, теорию эволюции Дарвина, позитивизм Огюста Конта, философию Гегеля, Канта, Спинозы и Шопенгауэра. Но то, что в других философских школах получало лишь частичное и фрагментарное отражение, выступая, по существу, как искаженная картина действительности, сочетающая в себе элементы как лжи, так и истины, — хотя и провозглашалось всегда единственной и окончательной истиной, — в Упанишадах раскрывалось во всей своей полноте и ясности отточенной мысли.

Именно поэтому нам надо постараться самим открыть подлинный глубокий смысл, заключенный в Упанишадах, не оглядываясь ни на какие авторитетные мнения Шанкары или других комментаторов.

Слово «упанишада» означает проникновение в сокровенную область. Риши, сочинившие Упанишады, достигали знания не с помощью логического рассуждения и аргументации, и не в результате изучения поверхностных явлений, и не в порыве вдохновения, но как следствие йогической практики, позволяющей войти в тайную область разума, где хранится ключ от интегрального Знания. Риши проникали в эту скрытую сферу, завладевали этим ключом и становились владыками безграничных царств непогрешимого Знания. Не имея этого заветного ключа, нельзя открыть для себя смысл Упанишад. Любая попытка добраться до смысла, заключенного в Упанишадах, с помощью одного лишь логического мышления равнозначна исследованию непроходимой и мрачной лесной чащи с зажженной свечой в руке. Для этого необходимо обладать непосредственным видением, которое как солнечный луч озаряет лесной мрак и делает возможным продвижение в гуще зарослей. Такое непосредственное видение обретается лишь в результате йогической практики.

ВЫСШЕЙ целью человеческой жизни мы считаем Интегральную Йогу, реализацию божественной жизни на земле, в человеческом теле, основанную на постижении высшего «Я», универсального Духа, и, следовательно, — интегральную же, целостную космическую игру, Лилу Божественного, направляемую Его Силой. Утверждая это, мы не исходим из ментальных посылок, возникших на базе новейших достижений в области человеческой мысли, и не руководствуемся авторитетом древних писаний или философских школ, но полагаемся на более целостное, «интегральное» духовное знание, проистекающее из живого и непосредственного переживания Божественной Реальности на уровне души, жизни, разума, сердца и тела. Это древнее и поистине вечное знание вовсе не является каким-то новым открытием. Опыт переживания Божественной Реальности восходит к эпохе древних ведических риши, провидцев верховной Истины, создавших Упанишады, в которых запечатлены высшие прозрения этих Поэтов, внимавших Истине. В современной мрачной и мелочно-суетливой жизни Индии периода Кали-юги эти древние откровения приобретают новое звучание. Там, где люди довольствуются полуживотным существованием и где лишь очень немногие стремятся реализовать хотя бы свои истинно человеческие качества, не может быть и речи о новой эпохе божественных провидцев. Но когда-то на этих высоких идеалах наши арийские предки строили жизнь целого народа. В незапамятные времена, на заре появления этого светоносного Знания, восторженный мотив ведических гимнов, звучавший самозабвенной песней счастья, упоения пьянящим нектаром Сомы, восходил непосредственно к стопам Универсального Существа. Изначальная мантра индийской культуры заключалась в возвышенном стремлении воплотить лучезарный образ бессмертного Универсального Существа в душе и в жизни человека, достигая всеобъемлющего и совершенного выражения божества. Постепенное ослабление, искажение и забвение этой мантры послужило причиной упадка и несчастий, обрушившихся на эту страну и ее народ. Попытаться снова ступить на путь этой реализации и опять произнести забытую некогда мантру — вот единственное и безупречное средство

национального возрождения и прогресса страны и народа, ибо эта мантра есть извечная истина, в которой и все человечество, и отдельная личность находят свое совершенное осуществление. В этом заключается глубокое значение многотрудных усилий человека, формирования отдельных народов и наций, зарождения и постепенного развития цивилизаций и культур. Все прочие цели и задачи, которые мы ставим перед собой в своей жизни, являются второстепенными и побочными, выполняющими роль вспомогательных средств в истинном Провидении богов. Все остальные частичные и фрагментарные реализации и достижения, вознаграждающие нас за наши усилия на жизненном пути, есть лишь вехи, знаменующие собой этапы победного восхождения к вершине. Истинная цель и истинная реализация — это раскрытие Брахмана и его самоманифестация, осязаемое, зримое проявление Силы Божественного, Лилы Его Знания и Ананды, причем не только в виде отдельных великих человеческих душ, но и во всем человечестве, в каждом отдельном представителе каждой нации и каждого народа.

Самое раннее выражение этого знания и этой садханы являет собой Ригведа, ее письменна, начертанные на заре человеческой истории над входом в храм арийской дхармы. Нельзя, впрочем, с уверенностью сказать, что это знание впервые нашло свое отражение в Ригведе, поскольку даже риши, создавшие Ригведу, признавали, что еще их предки, праотцы расы ариев и всего человечества, открыли этот путь истины и бессмертия, чтобы возвестить его всем последующим людским поколениям. Они также говорили, что риши более поздних времен были лишь преемниками более древней духовной традиции. Мы слышим, как в мантре Ригведы эхом звучат голоса «праотцов», слагающих гимны во славу Божественного. Поэтому мы вправе утверждать, что дхарма Ригведы есть самая ранняя из известных нам форм этой дхармы. Знание, зафиксированное в Упанишадах, садхана Веданты представляют собой лишь чрезвычайно утонченную и богатую обработку этой дхармы. Знание верховного Божественного и садхана достижения Божественной жизни, изложенные в Ведах, знание высшего «Я» и садхана реализации Брахмана, изложенные в Упанишадах, — и то и другое имеет в своей основе единую синтетическую дхарму. Различные аспекты космического Пуруши и космической Шакти, верховного Божественного, заключающего в себе всю совокупность истин Брахмана, переживание и поиск Всеобъемлющего Брахмана, — вот что составляет ее сокровенный внутренний смысл. Вслед за этим наступила эпоха аналитических

исследований. Каждая из классических школ индийской философской мысли, Пурва-миманса, Утгара-миманса, Санкхья, Йога, Ньяя и Вайшешика, основывалась на рассмотрении одного отдельно взятого аспекта истины и разрабатывала пути его достижения с помощью той или иной садханы. В результате различные философские направления дали начало монизму, дуализму и ограниченному монизму, а также послужили основой для возникновения Пуран и Тантр, философских школ вишнуистского и шиваитского толка. Попытки синтетического осмысления и подхода также никогда не прекращались. Примером тому могут служить Бхагавадгита, Тантры и Пураны. Причем все они по-своему преуспели в достижении синтеза, открыв перспективы нового разнообразного опыта, но в то же время ни одна из них не достигает всеобъемлющей широты охвата, свойственной Ведам и Упанишадам. Сегодня мы видим, что древнее духовное провозвестие Индии берет начало в столь возвышенном свете знания, лучезарном и всепроникающем, что более поздние эпохи доминирующего интеллектуального подхода оказались не в силах подняться до этого уровня, не говоря уже о том, чтобы превзойти его.

О ПЕРЕВОДЕ УПАНИШАД

О переводе Упанишад

ЭТОТ перевод некоторых более простых и более доступных для непосвященных Упанишад¹, положивших начало другим священным и философским текстам индуизма, не включенным в категорию Книг Откровения, и объединенных под названием «Книга Бога», был осуществлен на основе четкого и неизменного принципа — представить Англии и через Англию Европе только ту часть религиозно-философских идей Индии из арсенала ее письменного наследия, которую Запад готов воспринять, причем представить в форме, обязанной быть привлекательной для западного интеллекта и давать ему пищу. Первая часть этого принципа обусловила жесткий, связанный с заданными критериями отбор, вторая продиктовала стиль и метод изложения, которое должно было стать скорее литературным, нежели буквальным.

Ряд переводов под названием «Священные книги Востока», редактором которых был покойный профессор Макс Мюллер, был выполнен в схоластическом и специфическом духе. Профессор Макс Мюллер, ученый, обладавший широкими познаниями, большой разносторонностью и необычайно активной, изобретательной и безответственной фантазией, завоевал в Индии немалое уважение за свою приверженность к изучению ведического наследия, но следует честно признать, что он был скорее грамматиком и филологом, чем серьезным специалистом-санскритологом. Он мог достаточно хорошо подвергать санскритские тексты грамматическому разбору, но не чувствовал этот язык и не улавливал дух, скрывающийся за буквой. Соответственно, он имел два весьма неверных суждения: он вообразил, что, сидя в Оксфорде и производя с помощью собственной блестящей фантазии новые смыслы, мог понять Упанишады лучше, чем Шанкарачарья или любой другой способный и образованный индус; он также вообразил, что для Европы важно знать именно то, что видели в Упанишадах и что

¹ Эта заметка писалась Шри Ауробиндо для издания перевода шести Упанишад: Иши, Кены, Катхи, Мундаки, Прашны и Мандукьи (*прим. ред.*).

считали важным он и другие европейские ученые. На самом же деле это не имеет значения ни для кого, кроме самих ученых. Что действительно важно знать для Европы, так это в первую очередь реальный смысл экзотерического учения Упанишад и, в меньшей степени, тот смысл, который вкладывался в них философией индуизма. Сведения о последнем могут быть почерпнуты из комментариев Шанкарачарьи или других философов, которые могут изучаться как в оригинале, так и в переводах, издаваемых с превосходной эрудицией и благороднейшими намерениями Дравидийским округом, который именуется материалистами отсталым по их невежеству. Что же касается реального смысла, то некоторая попытка передать его предпринята в этой книге.

Может быть задан вопрос: почему отобраны только эти Упанишады, хотя существует множество других, куда больших по масштабу и не меньших по значению? В ответ я могу процитировать предложение из «Предисловия» профессора Макса Мюллера к «Священным книгам Востока». «Признаться, — говорит он, — для меня было постоянной проблемой, которая в большой степени осталась и сегодня, каким образом в “Священных книгах Востока” наряду с таким обилием нового, естественного, простого, прекрасного и истинного могло оказаться такое количество вещей не просто бессмысленных, искусственных и глупых, но даже ужасных и отвратительных». Что ж, сам я являюсь всего лишь жалким уроженцем Востока, чей вульгарный ум не склонен к отрицанию грубых физических фактов жизни и природы и не в состоянии понять, почему мы должны отворачиваться от них с чопорно-респектабельным выражением, рассчитывая своим притворством скрыть их существование, и в этом, по-видимому, причина некоторого моего недоумения относительно того, что же такое ужасное и отвратительное профессор мог обнаружить в Упанишадах. Впрочем, я почти с младенчества воспитывался в Англии и получил английское образование, так что смутные предположения у меня есть. Зато нет сомнений, что он подразумевает под «бессмысленным, искусственным и глупым». В Упанишадах «бессмысленно» все, что не могут понять европейцы, «искусственно» все, что выходит за рамки их умственного опыта, и «глупо» все, что не в силах объяснить европейская наука и мудрость. Впрочем, со стороны европейца подобное отношение почти неизбежно, ибо все мы судим в соответствии со своими убеждениями, и в любой нации есть лишь очень небольшая горстка людей, ум которых открыт, которые способны понять, что могут быть убеждения, не совпа-

дающие с их собственными и, однако, не в меньшей, а даже в большей степени несущие в себе истину. Ведь по большей части люди — рабы своих ассоциаций.

Давайте представим, что церемонии и службы Римской Католической Церкви представляют собой не обряды из требника, без осмысления заимствованные преимущественно из восточного оккультизма, но что они были организованы так, чтобы стать совершенными символами неких глубоких метафизических истин и производить определенный духовный и материальный эффект в соответствии с научными знаниями о власти звука над умом и материей; что в терминах этих символов и зачастую иносказательным неясным языком написаны глубокие философские работы; а теперь, наконец, давайте представим, что их перевели на бенгальский или хиндустани и предложили образованному пандиту, который учился как в Калькутте, так и в Навадвипе или Бенаресе, — и к каким заключениям он придет? Имеет смысл показать это на конкретном примере. Иисус Христос был великий мыслитель, который овладел некоторым божественным знанием — по видимому, самостоятельно, без чьей-либо помощи, хотя наверняка сказать нельзя; но те, кто записал его высказывания, были преимущественно людьми заурядными, весьма ограниченными и малообразованными и, похоже, чрезвычайно скверно понимали смысл его глубочайших слов. Например, когда он сказал: «Я и Отец Мой Небесный — одно», выражая глубочайшую истину о тождестве человеческого и божественного «я», они вообразили, что он выдвигает личную претензию на статус Бога; таким образом возникла и необычайная легенда о Деве Марии и все из нее вытекающее. Далее, нам всем хорошо известна история о Последней Вечере и замечательно многозначительное высказывание Иисуса, когда он преломил хлеб и дал вино своим ученикам: «Сие есть плоть моя и сие есть кровь моя», а также удивительный обряд евхаристии и учение о пресуществлении, которые на нем основала Римская Католическая Церковь. «Клевета! Святотатство! Еретический бред! — кричит протестант. — Причудливая восточная метафора — и ничего более». Если так, то метафора в самом деле «бессмысленная, искусственная и глупая», нет, даже «ужасная и отвратительная». Однако я предпочитаю думать, что в словах Иисуса всегда был смысл, как правило, истинный и прекрасный. С другой стороны, учение о пресуществлении не понимают сами католики, оно для них — «таинство». Но как же очевиден его смысл для мышления восточного! Плазма

материи, пищевая оболочка вселенной, к которой относятся хлеб и вино, представляет кровь и плоть Бога и символизирует великое изначальное жертвоприношение, когда Бог распял себя для того, чтобы мир мог существовать. Беспредельный должен был стать предельным, Необусловленный — обусловить себя, Дух — развернуть Материю. Бог действительно пребывает в хлебе и вине, принимаемых причащающимися, но не присутствует в нашем сознании, а чтобы Он предстал ему (то есть нашему сознанию), требуется акт веры; вот в чем состоит весь смысл учения о пресуществлении. Ибо, как говорят Упанишады, мы должны поверить в Бога прежде, чем сможем познать Его; мы должны осознать, что «Он есть», прежде, чем сможем осознать его сущность. Действительно, как взрослый человек мог бы что-либо знать, если бы ребенком не верил в то, что говорит учитель или книги? Однако будь написана по евхаристии глубокая философская работа, в которой обозначались бы великие истины, но всегда через символ хлеба и вина, а вся терминология основывалась бы на этих символах и опирающемся на них учении о пресуществлении, что сказал бы по этому поводу наш пандит-индус? Будучи ученым и философом, он, несомненно, нашел бы в ней немало «нового, естественного, простого, прекрасного и истинного», но также много «бессмысленного, искусственного и глупого» и, на его вегетарианский взгляд, даже «ужасного и отвратительного». Что же касается самого символа, то бедного вегетарианца могло от него, пожалуй, даже стошнить. «Какая мерзкая чушь! — говорит протестант. — Мы обязаны верить в то, что едим Бога!» Может ли такой человек знать, где Он пребывает?

Аналогичным образом, многие Упанишады написаны с использованием загадочных символов, фразеологии и образов, которые имеют или имели когда-то глубокий смысл и соотносились для индусов с предметами священными, но европейцу должны представиться непонятными и отвратительными. Будет ли толк, если предложить Европе такие труды, как Чхандогья или Айтарея Упанишада, в отношении которых даже большинство индусов затрудняются или вовсе не могут проникнуть в каждую скрытую за символом истину? Были отобраны лишь несколько Упанишад, в которых существо дела передается в наиболее поэтической и наименее специфической форме; единственное исключение составляет Упанишада Вопросов¹, которая европейскому

¹ Прашна Упанишада (*прим. ред.*).

уму неизбежно покажется странной и не вполне доступной. Ее, однако, необходимо было включить, дабы как следует представить некоторые подробности и основные идеи философии Упанишад, а ее специфические элементы обладают большей всеобщностью, чем у Чхандогьи и Айтарей.

Возражение может вызвать использованный метод перевода. Профессор Макс Мюллер в своем переводе даже не пытался передать по-английски точные оттенки арийских философских терминов наподобие Атмана и Праны, не имеющих философских аналогов на Западе; он полагал, что самая чуждость использованных им терминов окажется для ума чем-то вроде освежающих брызг холодной воды, которые побудят его проснуться и думать. Полагаю, в этом профессор заблуждался; его предположение могло быть справедливым в случае безупречного философского интеллекта Шопенгауэра или в отношении тех, кто отчасти уже знаком с санскритом, но для обычного читателя чуждая и необъясненная терминология превращается в высокие и густые колючие кусты, преграждающие ему путь к великолепному дворцу и прекрасным садам Упанишад. Более того, в результате схоластической приверженности букве стиль перевода стал невыносимо корявым и недостойным этих великих религиозных поэм. Я не хочу сказать, что их достоин этот перевод, ибо ни в одном языке нельзя найти такого величия и красоты, как в санскрите. Однако степень адекватности связана со способом перевода. Например, *etad vai tat*, рефрен Катха Упанишад, имеет на санскрите глубокое и торжественное звучание, поскольку *etad* и *tat*, использованные таким образом, обладают в санскрите глубочайшим и грандиозным философским значением, которое любой немедленно чувствует; на английском же «Это воистину есть то» не может быть ничем, кроме жонглирования указательными местоимениями; для передачи как ритма, так и смысла много ближе было бы перевести: «Это есть Бог твоих устремлений», сколь бы неадекватным ни показался такой перевод.

Может быть справедливо замечено, что вариант, основывающийся на данных критериях, не может обеспечить точное и определенное представление о смысле. Перевод Праны иногда как жизни, иногда как дыхания, иногда как жизненного дыхания или дыхания жизни вводит в заблуждение, ибо жизнь и дыхание — лишь подчиненные аспекты Праны. Должен ввести в заблуждение и не фиксирующий различий перевод Атмана как души, духа и «я», потому что то, что Запад

называет душой, в действительности является Атманом в соединении с умом и мыслительной способностью, а дух — слово многозначное, часто синонимичное душе; даже «я» в английском имеет не вполне то же значение. Далее, индуистское представление о бессмертии отличается от европейского: оно подразумевает не жизнь после смерти, а свободу и от жизни, и от смерти, поскольку то, что мы именуем жизнью, все-таки без смерти невозможно. Аналогичным образом, «Существо» не передает понятие «*пуруша*» (*puruṣa*), «материя» — «*райи*» (*rayi*), «аскеза» — не дает полного представления о *танасе* (*tapas*). В известной степени со всем этим можно согласиться, но в то же время я не думаю, что любой чувствующий и мыслящий читатель может быть серьезно введен в заблуждение, и в любом случае он сможет извлечь больше смысла из несовершенных английских замен, чем из санскритских терминов, которые ничего не будут говорить его разуму. Ум человека требует — и это требование законно, — чтобы новые идеи сообщались ему словами, которые у него с чем-то ассоциируются, которые не будут заставлять его чувствовать себя иностранцем в стране, где ни он никого не понимает, ни его никто не понимает. Новое должно излагаться ему в терминах старого; новое вино должно до поры выдерживаться в старых бутылках. Что толку избегать слова «Бог» и всегда называть Верховное Начало «Оно» лишь потому, что в санскрите обычно — но, заметим, не во всех случаях — используется средний род? Средний род в санскрите используется не только для неодушевленных предметов, не только для того, что стоит ниже имеющего род состояния, но и для того, чье состояние род превышает. В английском дело обстоит по-иному. Употребление местоимения «Оно» может поэтому привести к гораздо более серьезному недоразумению, нежели использование термина «Бог» и местоимения «Он». Когда Мэтью Арнольд сказал, что Бог — это поток, творящий в своем устремлении праведность, люди, само собой, его осмеяли, потому что таким образом Бог как будто превращался в неодушевленную силу; разумеется, Арнольд этого в виду не имел. С другой стороны, если новые представления изложены сильно и талантливо, разумный читатель скоро поймет, что под «Богом» подразумевается нечто отличное от представлений, которые он в это слово вкладывает. Мы же между тем обретаем то преимущество, что не отталкиваем его с самого начала вещами, которые для него будут естественно счесть причудливыми, неприятными или непочтительными.

Верно, однако, что этот перевод не обеспечит точное, полное и ясное знание истин, заложенных в Упанишадах. Передача этого знания не является целью данного перевода, равно как не являлась и целью самих Упанишад. Следует всегда помнить, что эти великие писания — всего лишь врата Высшего Знания; за вратами находится многое. Правда, Шри Кришна сказал, что содержащееся в Ведах знание достаточно для праведного ума, способного к познанию Бога, как воды в колодце оказывается довольно для человеческих надобностей, хотя бы вся округа и была залита ее потоками. Однако к обычному человеку это не относится. Обычный человек, который желает прийти к Богу, должен пройти сложную подготовку. Для начала он должен полностью очиститься, он должен сделать совершенно чистым свое тело, свое сердце и свой разум, он должен обрести новое сердце и родиться заново, ибо только дваждырожденные могут понимать Веды и учить им. Когда он это сделает, ему для того, чтобы преуспеть, нужны будут еще четыре вещи: Шрути — записанное Откровение, Святой Учитель, занятия йогой и Божья Благодать. Задача Шрути и особенно Упанишад — захватить ум и втянуть его в магический круг, приучить его к мыслям и устремлениям, обращенным к Богу, к Высочайшему Началу, окунуть его в некоторые идеи, окружить его определенной духовной атмосферой; ради этой цели Упанишады погружают ум в океан дивных звуков, который будет вновь и вновь омыwać его бесконечной чередой волн-ассоциаций. Другими словами, они призывают к душе через интеллект, слух и воображение. Таким образом, перевод Упанишад не может служить их предназначению; перевод в лучшем случае подготавливает человека и привлекает его к оригиналу. Но даже когда он погрузится в оригинал, то может понять лишь высказанное Упанишадами, не поняв всего подразумеваемого — великого сокровенного массива религиозной истины, намек на которую или отголосок которой — и не более — являют Упанишады. За этим он должен отправиться к Учителю. «Пробудись, восстань и познай Бога, найдя Лучшего, кто обладает этим знанием». Трудно в наши дни найти Лучшего, ибо Лучшие к нам не приходят, мы должны проявить искренность, терпение и упорство в их поиске. Когда мы полностью услышим от Учителя всю Брахмавидью, мы все же будем знать Бога лишь в теории; далее мы должны будем получить от наставника практическое знание Бога, Его видение, Его обретение, в чем и состоит йога, а также ее цель. Однако в этом мы не преуспеем, если с нами не будет Благодати Бога; ведь йога

чревата соблазнами, не в последнюю очередь благодаря тем способностям, которыми она нас наделяет, способностям, которые люди невежественные именуют сверхъестественными. «Поэтому должно быть весьма бдительным в йоге, ибо как есть у нее начало, так есть у нее конец». Лишь Благодать Бога поможет нам сохранить твердость и побороть искушения: «Это “Я” не постигается ни через красноречивые наставления, ни через силу ума, ни через большую ученость: лишь тот, кого изберет само это Существо, может постичь Его, ибо перед ним этот Дух обнажает Свое тело»¹ — лишь Он может дать благословение на блистательное владение самим собой, которое приходит в результате длительного и терпеливого накопления душой опыта. Воистину верно сказано в Упанишаде: «Узок путь, как острие бритвы, тяжел и труднопроходим, говорят провидцы»². К счастью, нет нужды, да в действительности и возможности для каждого проделать весь путь за одну жизнь, как не следует нам и отказываться от повседневных обязанностей по примеру Будды и бежать в горы или лес. Достаточно будет, если мы начнем это путешествие.

¹ Катха Упанишада. I.2.23. (*Прим. ред.*).

² Там же. I.3.14. (*Прим. ред.*).

КЕНА УПАНИШАДА

Кена Упанишада

ॐ आप्यायन्तु ममाङ्गानि वाक्प्राणश्चक्षुः श्रोत्रमथो बलमिन्द्रियाणि च
सर्वाणि सर्वं ब्रह्मोपनिषदं माहं ब्रह्म निराकुर्यां मा मा ब्रह्म
निराकरोदनिराकरणमस्त्वनिराकरणं मेऽस्तु तदात्मनि निरते य उपनिषत्सु
धर्मास्ते मयि सन्तु ते मयि सन्तु ॥

ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥

*OM āpyāyantu mamāṅgāni vākprāṇaścakṣuḥ śrotramatho balamindriyāṇi ca
sarvāṇi sarvaṁ brahmopaniṣadaṁ māhaṁ brahma nirākuryāṁ mā mā brahma
nirākaroḍanirākaraṇamastvanirākaraṇaṁ me'stu tadātmani nirate ya upaniṣatsu
dharmāste mayi santu te mayi santu ॥*

OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ ॥

ОМ. Да возрастут во мне все части, речь и дыхание, видение и слышание, сила и все мои органы чувств. Все есть Вечный Бог Упанишад; да не отрекусь я никогда от этого Бога; да не отвергнет Он никогда меня; пусть отрицание будет далеко от меня, пусть отрицание будет вдали. И, когда обрету я восторг своего Истинного Бытия, пусть он будет моим обретением. Пусть закон, что возглашен в Упанишадах, пребудет во мне.

ОМ. Мир, мир, мир!

3. Туда не проникает ни зрение, ни речь, ни ум.
Не ведаем мы Это и не можем распознать, как учить Этому.
Ибо Это — отлично от познанного, и Это превыше непознанного.
Так слышали мы от древних, кои провозгласили Это для нашего
постижения.

यद्वाचानभ्युदितं येन वागभ्युद्यते ।
तदेव ब्रह्म त्वं विद्धि नेदं यदिदमुपासते ॥४ ॥

*yadvācānabhyuditaṁ yena vāgabhyudyate ।
tadeva brahma tvam viddhi nedaṁ yadidamupāsate ॥*

4. То, что слово не в силах выразить, то, чем выражается слово,
Знай — То есть Брахман, а не то, чем влекутся здесь люди.

यन्मनसा न मनुते येनाहुर्मनो मतम् ।
तदेव ब्रह्म त्वं विद्धि नेदं यदिदमुपासते ॥५ ॥

*yanmanasā na manute yēnāhurmano matam ।
tadeva brahma tvam viddhi nedaṁ yadidamupāsate ॥*

5. То, что мыслит не умом¹, то, чем ум мыслится,
Знай — То есть Брахман, а не то, чем влекутся здесь люди.

यच्चक्षुषा न पश्यति येन चक्षुषि पश्यति ।
तदेव ब्रह्म त्वं विद्धि नेदं यदिदमुपासते ॥६ ॥

*yaccakṣuṣā na paśyati yena cakṣuṣi paśyati ।
tadeva brahma tvam viddhi nedaṁ yadidamupāsate ॥*

6. То, что видит не глазом², то, чем видение глаза видится,
Знай — То есть Брахман, а не то, чем влекутся здесь люди.

¹ Или же — То, что не мыслимо умом.

² Или же — То, что не видимо глазом.

यच्छ्रोत्रेण न शृणोति येन श्रोत्रमिदं श्रुतम् ।
तदेव ब्रह्म त्वं विद्धि नेदं यदिदमुपासते ॥७॥

*yacchrotreṇa na śṛṇoti yena śrotramidaṁ śrutam ।
tadeva brahma tvaṁ viddhi nedaṁ yadidamupāsate ॥*

7. То, что слышит не ухом¹, то, чем слышание уха слышится,
Знай — То есть Брахман, а не то, чем влекутся здесь люди.

यत्प्राणेन न प्राणिति येन प्राणः प्रणीयते ।
तदेव ब्रह्म त्वं विद्धि नेदं यदिदमुपासते ॥८॥

*yatprāṇena na prāṇiti yena prāṇaḥ praṇīyate ।
tadeva brahma tvaṁ viddhi nedaṁ yadidamupāsate ॥*

8. То, что дышит не дыханием², то, чем дыхание жизни ведомо
по своим путям,
Знай — То есть Брахман, а не то, чем влекутся здесь люди.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

यदि मन्यसे सुवेदेति दध्रमेवापि नूनं त्वं वेत्थ ब्रह्मणो रूपम् ।
यदस्य त्वं यदस्य देवेष्वथ नु मीमांस्यमेव ते मन्ये विदितम् ॥१॥

*yadi manyase suvedeti dabhramevāpi nūnaṁ tvaṁ vettha brahmaṇo rūpam ।
yadasya tvaṁ yadasya deveṣvatha nu mīmāṁsyameva te manye viditam ॥*

1. Если думаешь ты, что изведаль Это,
Тогда воистину мало тебе ведома форма Брахмана.
То из Этого, что в тебе, то из Этого, что в богах,
То тебе должно постичь. Мыслью я Это ведомым.

¹ Или же — То, что не слышимо слухом.

² Или же — То, что не вдыхаемо (т. е. не обоняемо) дыханием.

नाहं मन्ये सुवेदेति नो न वेदेति वेद च ।
यो नस्तद्वेद तद्वेद नो न वेदेति वेद च ॥२॥

*nāhaṁ manye suvedeti no na vedeti veda ca ।
yo nastadveda tadveda no na vedeti veda ca ॥*

2. Не думаю я, что знаю Это хорошо, но и знаю, что Это мне
не неведомо.

Тот из нас, кто знает Это, знает То;
Знает он, что Это для него не неведомо.

यस्यामतं तस्य मतं मतं यस्य न वेद सः ।
अविज्ञातं विजानतां विज्ञातमविजानताम् ॥३॥

*yasyāmatam tasya matam matam yasya na veda saḥ ।
avijñātam vijānatām vijñātamavijānatām ॥*

3. Тот, кем Это не мыслится, мыслит Это,
Тот, кем Это мыслится, Этого не ведаёт.
Непознаваемо Это для распознавания тех, кто распознаёт Это,
Те, кто не старается Это распознавать, распознают Это.

प्रतिबोधविदितं मतममृतत्वं हि विन्दते ।
आत्मना विन्दते वीर्यं विद्यया विन्दतेऽमृतम् ॥४॥

*pratibodhaviditam matamamṛtatvaṁ hi vindate ।
ātmanā vindate vīryaṁ vidyayā vindate'mṛtam ॥*

4. Когда познаётся Это восприятием, которое отражает Это,
Тогда мыслится Это, ибо обретается бессмертие.
Посредством этого «я» обретается сила достижения,
Посредством знания обретается бессмертие.

इह चेदवेदीदथ सत्यमस्ति । न चेदिहावेदीन्महती विनष्टिः ।
भूतेषु भूतेषु विचित्य धीराः । प्रेत्यास्माल्लोकादमृता भवन्ति ॥५॥

*iha cedavedīdatha satyamasti | na cedihāvedīnmahatī vinaṣṭiḥ |
bhūteṣu bhūteṣu vicitya dhīrāḥ | pretyāsmāllōkādamṛtā bhavanti ||*

5. Если здесь постигают это знание, то воистину существуют;
Если здесь не постигают его — велика погибель.
Мудрые различают То во всех становлениях
И исходят они из этого мира, и становятся бессмертными.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ब्रह्म ह देवेभ्यो विजिग्ये तस्य ह ब्रह्मणो विजये देवा अमहीयन्त ।
त ऐक्षन्तास्माकमेवायं विजयोऽस्माकमेवायं महिमेति ॥१॥

*brahma ha devebhyo vijigye tasya ha brahmaṇo vijaye devā amahīyanta |
ta aikṣantāsmākamevāyaṁ vijayo 'smākamevāyaṁ mahimeti ||*

1. Ради богов свершил победу Вечный, и той победой Вечного
возвеличились боги.
Вот что сказали они: «Это — наша победа, это — наше величие».

तद्धैषां विजज्ञौ तेभ्यो ह प्रादुर्बभूव तन्न व्यजानत किमिदं
यक्षमिति ॥२॥

*taddhaisāṁ vijajñau tebhyo ha prādurbabhūva tanna vyajānata kimidaṁ
yakṣamiti ||*

2. Знал их помыслы Вечный и явился пред ними,
И не ведали они, что это за Дух могучий.

तेग्निमब्रुवन् जातवेद एतद्विजानीहि किमेतद्यक्षमिति तथेति ॥३॥

te'gnimabruvan jātaveda etadvijānīhi kimetadyakṣamiti tatheti ॥

3. Агни сказали они: «О ты, знающий все рожденное, Выясни, кем может быть этот Дух могучий»,
И ответил он: «Да будет так».

तदभ्यद्रवत्तमभ्यवदत्कोऽसीत्यग्निर्वा अहमस्मीत्यब्रवीज्जातवेदा वा
अहमस्मीति ॥४॥

*tadabhyadravattamabhyavadatko'sītyagnirvā ahamasmītyabravījjātavedā vā
ahamasmīti ॥*

4. Устремился он к Вечному, и сказал ему Тот: «Кто ты?»
«Я Агни, — сказал он, — я тот, кто знает все рожденное».

तस्मिंस्त्वयि किं वीर्यमित्यपीदं सर्वं दहेयं यदिदं पृथिव्यामिति ॥५॥

tasmīn'stvayi kiṁ vīryamityapīdaṁ sarvaṁ daheyaṁ yadidaṁ pṛthivyāmiti ॥

5. «Если таков ты, что за сила в тебе?»
«Воистину, все это я могу сжечь, все, что есть на земле».

तस्मै तृणं निदधावेतद्दहेति तदुपप्रेयाय सर्वजवेन तन्न शशाक
दग्धुं स तत एव निववृते नैतदशकं विज्ञातुं यदेतद्यक्षमिति ॥६॥

*tasmai tṛṇaṁ nidadhāvetaddaheti tadupapreyāya sarvajavena tanna śaśāka
dagdhum sa tata eva nivavṛte naitadaśakaṁ vijñātum yadetadyakṣamiti ॥*

6. Сухую былинку положил пред ним Вечный: «Сожги ее»,
И тот ринулся к ней со всей быстротой, но не в силах был сжечь ее.
Оставив это, он вернулся обратно:
«Не смог я познать Это, постичь, что это за Дух могучий».

अथ वायुमब्रुवन् वायवेतद्विजानीहि किमेतद्यक्षमिति तथेति ॥७॥

atha vāyumabruvan vāyavetadvijānīhi kimetadyakṣamiti tatheti ॥

7. Сказали тогда они Ваю: «О Ваю, выясни, кто этот Дух могучий». Сказал он: «Да будет так».

तदभ्यद्रवत्तमभ्यवदत् कोऽसीति वायुर्वा अहमस्मीत्यब्रवीन्मातरिश्वा
वा अहमस्मीति ॥८॥

*tadabhyadravattamabhyavadat ko'sīti vāyurvā ahamasmītyabravīnmātarīśvā
vā ahamasmīti ॥*

8. К Тому он устремился, и сказал ему Тот: «Кто ты?»
«Я Ваю, — сказал он, — Я тот, кто ширится в Матери всего».

तस्मिंस्त्वयि किं वीर्यमित्यपीदं सर्वमाददीय यदिदं पृथिव्यामिति ॥९॥

tasmīṁstvayi kiṁ vīryamityapīdaṁ sarvamādādīya yadidaṁ pṛthivyāmiti ॥

9. «Если таков ты, что за сила в тебе?»
«Воистину, все это я могу унести, все, что есть на земле».

तस्मै तृणं निदधावेतदादत्स्वेति तदुपप्रेयाय सर्वजवेन तन्न
शशाकादातुं स तत एव निववृते नैतदशकं विज्ञातुं यदेतद्यक्षमिति ॥१०॥

*tasmai tṛṇaṁ nidadhāvetadādatsveti tadupapreyāya sarvajavena tanna
śaśākādatuṁ sa tata eva nivavṛte naitadaśakaṁ vijñātuṁ yadetadyakṣamiti ॥*

10. Сухую былинку положил пред ним Тот: «Унеси ее».
И тот ринулся к ней со всей быстротой, но не в силах был унести ее.
Оставив это, он вернулся обратно:
«Не смог я распознать То, постичь, что это за Дух могучий».

अथेन्द्रमब्रुवन्मघवन्नेतद्विजानीहि किमेतद्यक्षमिति तथेति
तदभ्यद्रवत् तस्मात्तिरोदधे ॥११॥

*athendramabruvanmaghavannetadvijānīhi kimetadyakṣamiti tatheti
tadabhyadravat tasmāttirodadhe ॥*

11. Сказали тогда они Индре: «Владыка изобилия, узнай же,
Что это за Дух могучий».
Сказал он: «Да будет так». И ринулся он к Тому,
Но скрылся Тот перед ним.

स तस्मिन्नेवाकाशे स्त्रियमाजगाम बहुशोभमानामुमां हैमवतीं तां
होवाच किमेतद्यक्षमिति ॥१२॥

*sa tasmīnnevākāśe striyamājagāma bahusobhamānāmumām haimavatīm tāṁ
hovāca kimetadyakṣamiti ॥*

12. В том же эфире встретил он Женщину,
Ту, что сияет во многих формах, Уму, дочь снежных вершин,
И сказал ей: «Что это был за Дух могучий?»

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

सा ब्रह्मेति होवाच ब्रह्मणो वा एतद्विजये महीयध्वमिति ततो हैव
विदाञ्चकार ब्रह्मेति ॥१॥

*sā brahmeti hovāca brahmaṇo vā etadvijaye mahīyadhvamiti tato haiva
vidāñcakāra brahmeti ॥*

1. Сказала она ему: «Это Вечный. Вечным свершена победа,
Которой вы возвеличиваетесь».
Тогда лишь узнал он, что это — Брахман.

तस्माद्वा एते देवा अतितरामिवान्यान्देवान्यदग्निर्वायुरिन्द्रस्ते ह्येन-
न्नेदिष्ठं पस्पर्शुस्ते ह्येनत्प्रथमो विदाञ्चकार ब्रह्मेति ॥२॥

*tasmādvā ete devā atitarāmivānyāndevānyadagnirvāyurindraste hyena-
nnediṣṭham pasparśuste hyenatprathamō vidāñcakāra brahmeti ॥*

2. Поэтому эти боги как бы выше других богов —
Они, Агни, Ваю и Индра,
Ибо ближе всех они соприкоснулись с Тем...¹

तस्माद् वा इन्द्रोऽतितरामिवान्यान्देवान्स ह्येनन्नेदिष्ठं पस्पर्श स
ह्येनत्प्रथमो विदाञ्चकार ब्रह्मेति ॥३॥

*tasmād vā indro 'atitarāmivānyāndevānsa hyenannediṣṭham pasparśa sa
hyenatprathamō vidāñcakāra brahmeti ॥*

3. Поэтому Индра словно бы превыше всех других богов,
Ибо он ближе всех соприкоснулся с Тем,
Ибо он первым узнал, что это — Брахман.

तस्यैष आदेशो यदेतद्विद्युतो व्यद्युतदा इतीन्द्र्यमीमिषदा इत्यधिदैवतम् ॥४॥

tasyaiṣa ādeśo yadetadvidyuto vyadyutatadā itīnnyamīmiṣadā ityadhidaivatam ॥

4. Вот признак Того:
Это как вспышка молнии над нами, как взмах ресниц —
Так в том, что относится к богам.

¹ Либо из-за ошибки тех, кто изначально заучивал стих наизусть, либо по вине позднейших переписчиков его заключительная часть безнадежно искажена. В нем следует: «Они он первым узнал, что это — Брахман», в чем нет ни истины, ни смысла, ни грамматической связности. Окончание третьего стиха попало сюда и заменило то, что было окончанием второго стиха в оригинале.

अथाध्यात्मं यदेतद् गच्छतीव च मनोऽनेन चैतदुपस्मरत्यभीक्षणं
सङ्कल्पः ॥५॥

*athādhyātmaṃ yadetad gacchātīva ca mano'nena caitadupasmaratyabhiḥkṣaṇaṃ
saṅkalpaḥ ॥*

5. В том же, что относится к «Я» —
Это То, чего словно бы достигает ум в своем движении,
И благодаря ему воля в мысли постоянно помнит об Этом.

तद्ध तद्वनं नाम तद्वनमित्युपासितव्यं स य एतदेवं वेदाभि
हैनं सर्वाणि भूतानि संवाञ्छन्ति ॥६॥

*taddha tadvanaṃ nāma tadvanamityupāsitavyaṃ sa ya etadevaṃ vedābhi
hainaṃ sarvāṇi bhūtāni saṃvāñchanti ॥*

6. Имя Того — «Тот Восторг»,
Как Тот Восторг должно Это искать.
Кто Это так знает, к тому воистину устремляются все существа.

उपनिषदं भो ब्रूहीत्युक्ता त उपनिषद् ब्राह्मीं वाव त
उपनिषदमब्रूमेति ॥७॥

*upaniṣadaṃ bho brūhītyuktā ta upaniṣad brāhmīṃ vāva ta
upaniṣadamabrūmeti ॥*

7. Сказал ты: «Поведай мне Упанишаду¹», поведана тебе Упанишада.
Поистине, о Вечном Упанишада, что мы поведали.

¹ «Упанишада» означает внутреннее знание, то, которое проникает в наивысшую Истину и утверждается в ней.

तस्यै तपो दमः कर्मेति प्रतिष्ठा वेदाः सर्वाङ्गानि सत्यमायतनम् ॥८॥

tasyai tapo damaḥ karmeti pratiṣṭhā vedāḥ sarvāṅgāni satyamāyatanam ॥

8. Подвижничество, самообуздание и труд — основа этого знания,
Веды — все его члены,
Истина — его обитель.

यो वा एतामेवं वेदापहत्य पाप्मानमनन्ते स्वर्गे लोके ज्येये प्रतितिष्ठति
प्रतितिष्ठति ॥९॥

*yo vā etāmevaṁ vedāpahatya pāpmānamanante svarge loke jyeye pratitiṣṭhati
pratitiṣṭhati ॥*

9. Тот, кому ведомо это знание, отмечает зло от себя
И в мире просторнейшем, в небесах беспредельных
Обретает он свою опору, поистине, обретает свою опору.

КОММЕНТАРИЙ

1 — Предмет Упанишады

ДВЕНАДЦАТЬ великих Упанишад связаны с единым сводом древнего знания, но обращаются к нему с разных сторон. В великое царство Брахмавидьи каждый вступает через свои врата, идет своим путем или окольно, стремится к собственному пункту назначения. Иша и Кена Упанишады посвящены одной величественной проблеме — обретению состояния Бессмертия, отношению божественного, всевладычествующего и всем обладающего Брахмана к миру и человеческому сознанию, средствам выхода из нашего теперешнего состояния разобщенного «я», неведения и страдания в единство, истину, божественное упоение. Как Иша заканчивается устремлением к наивысшему блаженству, так и Кена заканчивается определением Брахмана как Восторга и наставлением искать То и стремиться к Нему как к Восторгу. Тем не менее у них есть разница в отправных моментах, даже в позиции — определенное разумное расхождение в подходах.

Дело в том, что в строгом смысле слова предмет двух Упанишад не тождествен. Иша прибегает к общему рассмотрению проблемы мира и жизни, деятельности и судьбы человека в их соотношении с верховной истиной Брахмана. В своих восемнадцати кратких стихах она охватывает большинство главных вопросов Жизни и лаконично рассматривает их в связи с идеей о верховном «Я» и его становлениях, о верховном Владыке и Его свершениях, используя эту идею как ключ, открывающий все врата. Преобладающая нота Иша Упанишады — единство всего сущего.

Кена Упанишада обращается к проблеме более узкой, предпринимает более строго очерченное и уточненное исследование. Ее интересует лишь соотношение умственного сознания и сознания Брахмана, и она не отклоняется за пределы жестких рамок данной темы. Материальный мир и физическая жизнь принимаются как данность, они едва упомянуты. Но материальный мир и физическая жизнь существуют для нас лишь благодаря нашему внутреннему «я» и нашей внутренней жизни. Наша внешняя жизнь, внешнее существование зависят от того,

каким образом наши ментальные инструменты воспроизводят для нас внешний мир, каким образом наша жизненная сила, подчиняясь уму, реагирует на его воздействия и объекты. Мир для нас таков (по крайней мере, если не с фундаментальной, то с практической точки зрения), каким он является по утверждениям нашего ума и чувств; жизнь становится такой, какой ей предпишет быть наш разум или по крайней мере наше полументализированное витальное существо. Упанишада задает вопрос: что же такое эти ментальные инструменты и что такое жизнь умственная, которая использует жизнь внешнюю? Являются ли они окончательными свидетелями, высшей и непререкаемой силой? Следует ли считать, что ум, жизнь и тело заключают в себе все, или же это человеческое существование — всего лишь завеса, вуаль, скрывающая нечто более великое, более могущественное, более отдаленное и глубокое, чем она сама?

Упанишада отвечает, что такое более величественное существование действительно присутствует по ту сторону вуали, и по отношению к уму и его инструментам, жизненной силе и ее действиям оно занимает такое положение, какое сами они занимают по отношению к миру материальному. Материя не познает Разум, Разум познает Материю; лишь тогда, когда воплощенное в Материи создание разовьет свой разум, станет существом ментальным, оно оказывается в состоянии познать свое ментальное «я» и с помощью этого «я» — Материю как наличествующую для Разума реальность. Точно так же Разум не знает То, что стоит за ним, но То знает Разум; и лишь когда погруженное в Разум существо сможет освободить свое истинное «Я» от феноменов умственного порядка, оно становится Тем, познает его как самого себя и благодаря этому познает Разум в его реальности по отношению к тому, что более реально, чем Разум. В таком случае наивысшей задачей для ментального существа, наиважнейшей проблемой его существования становится вопрос, как подняться над разумом и его инструментами, как вступить в самого себя, как обрести Брахмана.

Ведь если есть существование более реальное, чем ментальное, жизнь более величественная, чем физическая, то из этого следует, что низшая жизнь с ее формами и удовольствиями, к которым здесь стремятся и из которых создают культ, перестает быть объектом желаний пробужденного духа. Он должен стремиться к запредельному, он должен освободиться от этого мира смерти и видимостей и обрести себя в своем истинном состоянии — состоянии бессмертия, которое

превосходит их пределы. Лишь тогда он действительно существует, когда здесь, в самой этой смертной жизни, оказывается способным освободиться от смертного сознания, познать Бессмертное и Вечное и быть Бессмертным и Вечным. Иначе он ощущает, что утратил себя, отпал от своего подлинного спасения.

Однако это сознание Брахмана не изображается Упанишадой как нечто совершенно чуждое умственному и физическому миру, как нечто от него отстраненное и никоим образом себя в нем не проявляющее или равнодушное к тому, что в нем происходит. Напротив, это Владыка и правитель всего этого мира; энергии богов в смертном сознании — его энергии; когда они побеждают и обретают величие, это происходит благодаря тому, что сражался и победил Брахман. Следовательно, этот мир есть процесс производный, внешний образ чего-то бесконечно более величественного, более совершенного, более реального, чем он сам.

Что же такое это нечто? Это Всеобъемлющее Блаженство, которое есть беспредельное бытие и бессмертная сила. Именно это чистое и абсолютное блаженство, а не желания и удовольствия этого мира, должно стать для человека предметом преклонения и поиска. Лишь один вопрос имеет значение — как его найти; быть ему приверженным всем существом — вот единственная истина и единственная мудрость.

2 — Вопрос: «Какое Божество?»

УМ — действующее начало низшего, или феноменально-го, сознания; витальная сила, или жизненное дыхание, речь и пять органов познания — инструменты ума. Прана, жизненная сила в нервной системе, в самом деле является важнейшим инструментом нашего ментального сознания, ибо именно благодаря ей ум входит в контакт с физическим миром через органы познания — зрение, слух, обоняние, осязание и вкус и воздействует на свой объект речью и четырьмя другими органами действия; все эти органы зависят в своем функционировании от нервной Жизненной Силы. Упанишада, соответственно, начинается с вопроса о том, что же является конечным источником или началом, управляющим деятельностью Ума, Жизненной Силы, Речи и Органов Чувств.

Вопрос сформулирован: *kena* — «кем?» или «чем?» Согласно древним представлениям о вселенной наше материальное существование формируется из пяти элементарных состояний Материи — эфирного, воздушного, огненного, жидкого и твердого; все имеющее отношение к нашему материальному существованию именуется относящимся к элементам, *adhibhūta*. В этом материальном начале движутся нематериальные силы, проявляющиеся через воздействующие на Материю Умственную Силу и Жизненную Силу, и они названы Богами или Дэвами; все имеющее отношение к действию в нас нематериального начала названо *adhidaiva*, «то, что принадлежит Богам». Но над этими нематериальными силами, вмещаая их в себя, превосходя их в величии, находится «Я» или Дух, *атман* (*ātman*), и все относящееся к этому наивысшему существованию в нас именуется «духовным», *adhyātma*. По мысли Упанишад, *adhidaiva* является в нас тонким началом; оно представлено Умом и Жизнью в противоположность грубой Материи; ибо в Уме и Жизни мы находим характерные черты деятельности Богов.

Упанишаду не интересует то, что относится к элементам, *adhibhūta*; ее занимает соотношение между существованием тонким и духовным, между *adhidaiva* и *adhyātma*. Но Ум, Жизнь, речь, органы чувств

управляются космическими силами, Богами, Индрой, Ваю, Агни. Являются ли эти тонкие космические силы началом существования, теми, кто воистину приводит в движение ум и жизнь, или же есть некая высочайшая объединяющая сила, единая в себе по ту их сторону?

Кем посылается и отправляется по своему поручению ум, настаивающий объект так, как выпущенная искусным лучником стрела поражает предназначенную ей цель, ум, который подобен курьеру, посыльному, отправленному хозяином в определенное место с определенной целью? Что внутри нас или вне нас посылает ум с соответствующим заданием? Что ведет его к цели?

Далее следует жизненная сила, Прана, действующая в нашем витальном существе и нервной системе. Упанишада говорит о ней как о первом, или наивысшем, Дыхании; в других священных текстах она называется главным Дыханием или Дыханием в устах, *mukhya*, *āsanya*; именно она несет в себе Слово, творческое выражение. Утверждается, что в теле человека есть пять проявлений жизненной силы, которые называются пятью пранами. Первая, именуемая собственно Праной, движется в верхней части тела, по преимуществу и являясь дыханием жизни, ибо она приносит в физическую систему универсальную жизненную силу и оставляет ее там для распределения. Вторая, которая находится в нижней части тела и называется Апаной, — это дыхание смерти, ибо она выпускает из тела витальную силу. Третья, Самана, регулирует взаимообмен между двумя первыми силами в месте их встречи, уравнивает их, будучи наиболее важным фактором в поддержании равновесия жизненных сил и их функций. Четвертая, Вяна, действует повсюду, распределяя витальные энергии по всему телу. Пятая, Удана, движется по телу вверх, к макушке головы, обычно являясь каналом связи между физической жизнью и более величественной жизнью духа. Ни одна из этих сил не считается первым или наивысшим Дыханием, хотя Прана представляет его ближе всего; Дыхание, которому Упанишады придают столь большое значение, — это чистая жизненная сила как таковая, о ней говорится как о первой, потому что все остальные подчинены ей, производны от нее и существуют лишь как ее особые функции. В Ведах она изображается как Конь; различные ее энергии — это силы, которые везут колесницы Богов. Ведический образ вызывается в памяти подбором использованных в Упанишаде выражений: *yukta* — «запряженная», *praiti* — «мчится вперед», подобно коню, направляемому колесничим.

Тогда кто же «запряг» эту жизненную силу во множество процессов мира или благодаря какой силе, превышающей ее собственную, мчится она по своим путям? Ведь она не является изначальной, самосушей и не приводит сама себя в действие. Мы сознаем, что за ней есть сила, которая направляет ее, управляет и руководит ею, использует ее.

Сила жизненного дыхания дает нам возможность производить и мгновенно распространять за пределы тела речь, которая используется нами для того, чтобы выражать и испускать в мир деятельность и новых творений волеизъявления и мыслеобразы ума. Ее приводит в движение Ваю, жизненное дыхание; формирует ее Агни, тайная волевая сила и пламенная формообразующая энергия в уме и теле. Но они выступают лишь как силы-посредники. Кто или что является той скрытой Силой, которая стоит за ними, господином речи, которую изрекают люди, ее подлинным создателем и источником того, что выражает себя?

Ухо слышит звук, глаз видит форму; но слышание и видение есть особые операции в нас жизненной силы, использующиеся умом для общения с миром, в котором находится ментальное существо, и для переложения его в формы ощущений. Облик им придает жизненная сила, использует их ум, но возможность придавать им форму и использовать их в качестве инструментов дает нечто иное, не жизненная сила и не ум. Какой Бог побудил к действию глаз и ухо? Не Сурья, Бог Света, не Эфир и не его сферы; ибо все это лишь условия видения и слышания.

Боги, внося каждый свою лепту, сводят воедино процессы физического мира, которые мы из-за особенностей наших средств наблюдения наблюдаем как процессы мира ментального; однако в целом вселенский процесс един, он не является случайной совокупностью атомарных взаимодействий; он един, его составляющие упорядочены, его многообразные движения сочетаются между собой благодаря единому сознательному существованию, которое не сводится к совокупности тех или иных процессов, не может быть создано (*akṛta*), ибо предшествует всем этим процессам. Боги действуют лишь с помощью этой бывшей до них Силы, живут лишь ее жизнью, мыслят лишь ее мыслью, преследуют лишь ее цели. Стоит нам заглянуть в собственную суть, как и в суть любой вещи, и мы осознаем там присутствие этой Силы, присутствие некоего «Я», некоего Сущего, некой Самости,

которая отлична от любого обособленного или индивидуального бытия, устойчивее, шире его.

Но раз это не является чем-то, что ум может сделать своим объектом, а ощущения не могут претворить в форму для ума, то что же это такое — или кто это такой? Какой абсолютный Дух? Какое единое, верховное и вечное Божество, *ko devaḥ*?

3 — Супраментальное Божество

ЗАДАН вечный вопрос, переводящий взор человека от видимого и внешнего к тому, что лежит всецело внутри, от малого и познанного, чем он уже стал, к беспредельному непознанному, которым он всегда был по ту сторону этих видимостей, но возрасти до которого и стать которым ему еще предстоит — ибо то есть его Реальность, а Подлинное Бытие должно неизбежно высвободиться из маскарада феноменов и становлений. Человеческая душа, однажды объятая притяжением, влекущим ее туда, больше не в силах удовлетворяться созерцанием предметов смертных и мнимых через двери ума и чувств, которые Самосуший побудил открыться навстречу миру форм; ее влечет к тому, чтобы заглянуть внутрь, в новый мир реальностей.

Здесь, в известном человеку мире, он владеет некоторыми вещами, которые ценит, невзирая на их несовершенство и ненадежность. Ибо он стремится и в некоторой степени достигает более свободного бытия, более обширного знания, большей радости и удовлетворения, и все это имеет для него такую ценность, что за эти достижения он готов расплачиваться постоянными страданиями от ударов, наносимых их противоположностями. И если ему придется отказаться от того, к чему он здесь стремится, за что держится, то в Запредельности, чтобы она его притягивала, должно быть нечто куда более привлекательное, некое тайное обещание чего-то столь великолепного, что полностью вознаградило бы его за все требующееся здесь отречение. И такое обещание в ней есть — не рост в становлении, а беспредельное бытие; не постоянно обрывочное и относительное знание, всякий раз принимаемое за знание полное, а обладание нашим сущностным сознанием и потоком его сияющих реалий; не частичная удовлетворенность, а подлинное блаженство. Одним словом, Бессмертие.

Упанишада изъясняет предельно четко, что предлагаемое взыскующей душе — это не метафизическая абстракция, не пустое Безмолвие, не неопределенный Абсолют, а, скорее, возведенное в абсолют то, чем душа владеет здесь, в относительном мире, где она временно пребывает.

Здесь, в ментальном, все представляет собой растущие свет, сознание и жизнь; там, в супраментальном, все есть беспредельные жизнь, свет и сознание. То, что здесь предрекается, там обретается; то, что здесь не исполнено, там находит свое осуществление. Эта Запредельность — не уничтожение, а преобразование всего того, чем являемся мы здесь, в мире форм; это полновластный Разум нашего ума, тайная Жизнь нашей жизни, абсолютное Чувство, которое поддерживает и оправдывает существование наших ограниченных органов чувств.

Мы отрекаемся от себя, чтобы обрести себя; ибо ментальная жизнь — это всегда лишь поиск, который не приведет к окончательно обретению до тех пор, пока ум не будет превзойден. Таким образом, по ту сторону всей нашей ментальности пребывает некое присущее нам же совершенство, кажущееся нам противоположностью и даже отрицанием того, чем мы являемся. Здесь мы постоянно находимся в становлении; там мы обладаем вечным бытием. Здесь мы представляем себе изменчивым сознанием, развившимся и непрестанно развивающимся через мучительные усилия в неумолимом потоке Времени; там мы — сознание непреходящее, для которого Время — не хозяин, а инструмент, а также сфера пребывания всего, что оно творит и за чем наблюдает. Здесь мы живем в системе сознания смертного, обретающего форму преходящего мира; там мы, освобожденные, пребываем посреди гармоний беспредельного самосозерцания, которое в свете вечности и бессмертия ведает весь мир. Запредельность — это наша действительность, наше изобилие, это абсолютная удовлетворенность нашим самосушим бытием. Это Бессмертие, это «Тот Восторг».

Здесь, в нашей лишенной свободы ментальности, это стремится стать владыкой и господином своих внутренних сфер и внешнего окружения, но не в силах удержать ничего доставляющего ему радость, поскольку невозможно реально владеть тем, что не является нашим «я». Там же, в свободе вечности, наше самосушее бытие без каких-либо конфликтов становится владыкой всего, в силу достаточности факта, что все есть оно само. Здесь человек — видимость, там человек — реальность, Пуруша; здесь — арена действия богов, там — царство Божественного; здесь — попытка к существованию, Жизнь, расцветающая из всепожирающей смерти, там — само Существование и вечное бессмертие.

Ответ, который дан таким образом, заложен в самой форме исходного вопроса. Истина, что стоит по ту сторону Ума, Жизни и Чувств,

должна быть тем, что, превосходя их, ими управляет; это всевышний Господь, всемогущий Дэва. Иша Упанишада приходит к этому выводу через синтез всего сущего; Кена достигает его через антитезу единого всевластного самосущего бытия всему, что существует множественно и благодаря силе отличного от него самого начала. У каждой из них свой способ сведения всех предметов в единую Реальность, однако заключение одинаково. Всеобладающий и Всенаслаждающийся — вот к кому приходят в результате отречения от обособленного бытия, обособленного обладания и обособленного наслаждения.

Иша, однако, адресуется к пробужденному ищущему, поэтому она начинается с пребывающего во всем Господа, переходит к становящемуся всем «Я» и вновь возвращается к Господу как «Я» космического движения, ставя своей задачей обосновать для искателя Несотворенного целесообразность деятельности в мире и положить начало жизни божественной, основанной на радости бессмертия и на воссоединении сознания индивидуального с универсальным. Кена обращается к душе, которую все еще влечет жизнь внешняя, которая еще не вполне пробуждена, которая еще не вполне отдалась исканию; поэтому она начинается с Брахмана как «Я», находящегося за пределами Ума, и переходит к Брахману как скрытому Господину нашей умственной и витальной деятельности, ставя своей целью обратить душу ввысь, за пределы ее видимого внешнего существования. Однако две первые главы Кены лишь подают, хотя и в несколько суженном виде и под другим углом зрения, учение Иши о «Я» и его становлениях; две последние излагают в иных категориях мышления учение Иши о Господе и Его движении.

4 — Вечное за пределами Ума

СНАЧАЛА Упанишада провозглашает существование по ту сторону нашего ментального существа этого глубиннейшего, просторнейшего, величественнейшего сознания. Это, утверждает она, есть Брахман. Ум, Жизнь, Чувства, Речь не есть Брахман в его полноте; они лишь подчиненные виды действия и внешние инструменты. Сознание Брахмана есть наше подлинное «я» и истинное бытие.

Ум и тело не являются нашим подлинным «я»; они лишь изменчивые формации или образы, которые мы продолжаем создавать по мере бега Времени как результат совокупности энергий нашего прошлого. Ведь хотя нам кажется, что эти энергии мертвы и остались в прошлом, где происходило их действие, на самом деле они в своей совокупности продолжают существовать и всегда активно действуют и в настоящем, и в будущем.

Не является нашим настоящим «я» и функция эго. Эго есть всего лишь способность различительного ума группировать вокруг себя впечатления ума чувственного и служить чем-то вроде оси в колесе, обеспечивающей его единое движение. Это не более чем инструмент, хотя верно то, что, покуда мы остаемся ограниченными нашей обычной ментальностью, сами ее характер и назначение заставляют нас ошибочно принимать функционирование нашего эго за наше подлинное «я».

Не образует наше истинное «я» и память. Память — это еще один инструмент, избирательный инструмент практического управления нашей сознательной деятельностью. В функционировании эго она используется как опора и основа для сохранения чувства непрерывности, без которого наша ментальная и витальная активность не может быть организована так, чтобы приносить индивиду достаточное удовольствие. Но даже наше ментальное «я» включает в себя и в своем бытии подвергается влиянию массы вещей, которые не присутствуют в нашей памяти, будучи подсознательными и едва ли доступными нашему внешнему существованию. Память насущно необходима

для непрерывности чувства эго, но она не является тем, что эго образует, и еще менее — тем, что образует данное существо.

Не является нашим истинным «я» и моральная личность. Это лишь изменчивое образование, податливая формация, вылепляемая и используемая нашей субъективной жизнью для того, чтобы придать некую видимость устойчивости постоянному в своем непостоянстве становлению, которое мы, успешно одураченные собственной ментальной ограниченностью, именуем собой.

Не является нашим подлинным «я» и вся совокупность этого изменчивого сознательного становления, даже с учетом всего, что лежит в его подсознательных глубинах. То, чем мы становимся, есть подвижное жизненное скопление, поток льющегося сквозь время опыта, волна Природы, на гребне которой движется наша ментальность. То, чем мы действительно являемся, есть вечная сущность этой жизни, непреложное сознание, которое выступает носителем этого опыта, бессмертная субстанция Природы и ментальности.

Ведь по ту сторону всего и превыше всего, чем мы становимся и что переживаем, есть нечто такое, что порождает, использует, определяет, наслаждается, однако не изменяется собственными порождениями, не поддается воздействию собственных инструментов, не определяется тем, что было им определено, не подвержено влиянию со стороны предметов своего наслаждения. Что это такое, мы не сможем познать до тех пор, пока не проникнем за завесу нашего ментального существа, которое знает лишь то, что подвержено влиянию, то, что определяется, то, что поддается воздействию, то, что изменчиво. Ум может лишь осознавать, что это есть нечто, чем мы неизъяснимым образом являемся, а не то, что он изъяснимым образом знает. Ибо в тот момент, когда наша ментальность пробует запечатлеть в себе это нечто, она тут же теряется в потоке и движении, хватается за отдельные части, функции, видимости, вымыслы, используя их как спасательные плоты посреди бушующей стихии, или же пытается вычленивать из беспредельного ту или иную форму и провозгласить: «Это я». По словам Веды, «когда ум, желая изучить, приближается к Тому, То исчезает».

Однако по ту сторону Ума пребывает это иное сознание, сознание Брахмана — Ум нашего ума, Чувство наших чувств, Речь нашей речи, Жизнь нашей жизни. Достигая его, мы достигаем «Я», мы можем выйти из ума, который есть видимость, в Брахмана, который есть Реальность.

Что же отличает то подлинное «я» от этого мнимого? Или же — раз мы не можем сказать больше, чем уже сказали при попытке его определить, раз мы можем только указать, что «То» не является тем, чем является «это», но представляет собой неизъяснимую в ментальных категориях абсолютность всего имеющегося здесь — каково отношение этого, феноменального, начала к той реальности? Ведь именно вопрос их соотношения избран отправной точкой Упанишады; первый же ее вопрос исходит из того, что отношение между ними существует и что реальность порождает феномен и управляет им.

Разумеется, Брахман неподвластен нашему уму, органам чувств, речи или жизненной силе; он невидим, неслышим, невыразим, неосязаем, не облачается в форму мыслью, не является ни одним из состояний ума или тела, которыми мы становимся в изменчивом потоке жизни. Но мысль Упанишады стремится извлечь из наших бездн отклик более глубинный, нежели тот, что может дать отрицание очевидного — отрицание ментальной и чувственной объективности Брахмана. Она утверждает, что он не только не является умственным объектом или жизненным образованием, но даже и не нуждается в нашем уме, жизни и чувствах для осуществления своего владычества и деятельности. Он есть то, что мыслит не умом, живет не жизнью, чувствует не ощущениями, выражает себя не через речь, но скорее сами эти начала выступают объектами для его главенствующего, всевоспринимающего и всеведающего сознания.

Брахман мыслит ум тем, что превышает ум; он видит видение и слышит слышание тем абсолютным зрением и слухом, которые являются не феноменальными и инструментальными, но прямыми, непосредственными, присущими ему неотъемлемо; он формирует наше средство выражения — речь из своего творческого слова; эту жизнь, за которую мы так цепляемся, он испускает из вечного движения своей энергии, которая не раздроблена на формы, а неизменно свободна в своей собственной неисчерпаемой беспредельности.

Так Упанишада начинает отвечать на свой собственный вопрос. Она сначала описывает Брахмана как Ум ума, Зрение зрения, Слух слуха, Речь речи, Жизнь жизни. Затем она берет одно за другим эти выражения и придает им расширенную форму, чтобы внушить более отчетливое и объемное представление о смысле каждого из них — насколько возможно сделать это при помощи слов. Выражению «Ум ума» соответствует расширенная формулировка «то, что мыслит не умом,

то, чем ум мыслится» и так далее в отношении каждого из исходных описательных выражений, вплоть до заключительного определения Жизни, стоящей по ту сторону этой жизни, как «того, что дышит не дыханием жизни, того, что приводит жизненную силу в движение».

Каждую из этих экзегетических строк усиливает повторяющееся наставление «Того Брахмана познать старайся, а не то, чем влекутся здесь люди». Ни Ум, ни Жизнь, ни Чувства, ни Речь, равно как и их объекты и то, в чем они себя выражают, не являются Реальностью, которую нам должно познать и которую следует искать. Истинное знание — это знание Того, что формирует для нас эти инструменты, но само от их применения не зависит. Истинное обладание и наслаждение — это то, которое, созидая объекты наших устремлений, само ничего не превращает для себя в объект стремления и страсти, вечно удовлетворенное всем в радости своего бессмертного бытия.

5 — Верховное Слово

УПАНИШАДА, переворачивая обычный порядок нашего логического мышления, согласно которому в начале должны были бы идти Ум и Чувства или Жизнь, а уже потом — Речь, как функция подчиненная, приступает к своему отрицательному описанию Брахмана с весьма удивительной формулы — Речь нашей речи. И мы можем понять, что имеется в виду Речь, которая превосходит нашу, некое абсолютное выражающее начало, по отношению к которому человеческий язык оказывается только тенью или чем-то вроде примитивной подделки. Какая мысль заложена в этой формуле Упанишады и чем объясняется отведенное способности речи первенство?

Изучая Упанишады, мы постоянно должны отвлекаться от современных представлений и максимально внимательно вникать в ассоциации, сопровождающие использование слов в ранней Веданте. Мы должны вспомнить, что в ведической системе Слово созидает мир; с помощью Слова Брахма творит формы вселенной. Более того, в своем высочайшем проявлении человеческая речь лишь пытается через откровение и вдохновение восстановить абсолютное выражение Истины, которое уже существует в Беспредельности, превышая наше умственное понимание. В таком случае это Слово должно равным образом превосходить возможности нашего умственного истолкования.

Все творение выражается Словом; но выражаемая форма представляет собой лишь символ, отображением того, что действительно есть. Мы видим это в человеческой речи, которая лишь представляет уму ментальную форму предмета; но предмет, который она стремится выразить, сам является лишь формой, отображающей иную Реальность. Эта Реальность — Брахман. Брахман выражает Словом форму, отображение себя в объектах чувств и сознания, образующих вселенную, аналогично тому как человеческое слово выражает ментальный образ этих объектов. То Слово является созидательным в более глубоком и изначальном смысле, чем человеческая речь, и обладает мощью, по отношению к которой наивысшая творческая сила человеческой речи выступает лишь как бледное отдаленное подобие.

Слово, использованное здесь для обозначения дара речи, буквально означает преподнесение, представление перед умом. Брахман, говорит Упанишада, это то, что не может быть таким образом представлено речью перед умом.

Человеческая речь, как видим, «преподносит» лишь образ образа, ментальный знак объекта, который сам тоже является всего только знаком единой Реальности, Брахмана. Она действительно обладает способностью творить новое, но и эта способность распространяется лишь на создание новых ментальных образов, то есть реформированных образований, которые основаны на предшествующих ментальных образах. Такая ограниченная способность не дает представления об изначальной творческой мощи, которую древние мыслители считали атрибутом божественного Слова.

Если же мы, однако, пойдем несколько вглубь, мы обнаружим в человеческой речи силу, которая даст нам отдаленное представление об изначальном созидающем Слове. Мы знаем, что вибрация звука способна создавать — а также разрушать — формы; это общеизвестная истина современной науки. Давайте предположим, что в основе всех форм лежит созидательная вибрация звука.

Теперь давайте внимательно рассмотрим отношение между человеческой речью и звуком вообще. Мы немедленно увидим, что речь есть лишь особое применение звукового начала, вибрация, рожденная давлением воздуха при его прохождении через рот и горло. Сначала звук, вне всякого сомнения, должен был возникать естественно и спонтанно для выражения чувств и эмоций, вызванных предметом или событием, и лишь впоследствии был задействован умом сначала для выражения представления о самом предмете, а затем круга сопряженных с ним представлений. Таким образом, создается впечатление, что речь обладает лишь выразительной, но не созидательной ценностью.

И тем не менее речь созидательна. Она создает эмоциональные формы, ментальные образы и деятельные импульсы. Древняя ведическая теория и практика расширила творческую функцию речи благодаря использованию Мантры. Теория Мантры состоит в том, что Мантра это слово силы, которое изошло из тайных глубин нашего существа, выношенное сознанием основополагающим и более глубинным, чем ментальное, оформилось в сердце, а не было сконструировано интеллектом, пребывало в уме, где на нем концентрировалось теперь уже

бодрствующее ментальное сознание, а затем было изречено, безмолвно или во всеуслышание, — безмолвное слово, пожалуй, считается более сильным, чем произнесенное, — именно для того, чтобы выполнить труд творения. Мантра может не только создавать новые субъективные состояния в нас самих, менять наше психическое бытие, открывать знание и способности, которыми мы ранее не обладали, может не только приводить к аналогичным результатам в умах других, а не только в том, кто использует ее, но и может порождать вибрации в ментальной и витальной атмосфере, которые производят эффект и действие на физическом плане и даже творят материальные формы.

Кстати сказать, даже в обыденной жизни, даже ежедневно и ежедневно мы производим внутри себя словом мыслевибрации, мыслеформы, которые выливаются в соответствующие витальные и физические вибрации, воздействуют на нас самих, воздействуют на других, а в итоге косвенным образом творят действия и формы в мире физическом. Безмолвным или произнесенным словом человек постоянно воздействует на другого человека и точно так же он действует и созидает, хотя менее прямо и мощно, в остальном мире Природы. Но поскольку мы глупейшим образом сосредоточены на внешних формах и явлениях мира и не даем себе труда исследовать его тонкие и нефизические процессы, то пребываем в неведении относительно всех этих неизученных сфер, скрытых за внешним.

Ведическое использование Мантры представляет собой лишь сознательное применение этой тайной мощи слова. И если мы примем лежащую в его основе теорию вместе с нашим предыдущим предположением о присутствующей за каждым образованием созидательной вибрации звука, то начнем постигать идею изначального творческого Слова. Мы можем предположить сознательное использование звуковых вибраций, производящих соответствующие формы или изменения форм. Согласно взглядам древних, Материя, однако, является низшим из планов существования. Тогда нам станет понятно, что вибрация звука на материальном уровне предполагает соответствующую вибрацию на витальном, без чего первой невозможно было бы начать свою игру; а та, в свою очередь, предполагает соответствующую созидательную вибрацию на ментальном уровне; ментальная же предполагает соответствующую созидательную вибрацию на супраментальном уровне, куда уходят корни мира. Но ментальная вибрация предполагает мысль и восприятие, супраментальная же вибрация предполагает высшее

видение и понимание. В таком случае любая звуковая вибрация на том высшем уровне преисполнена этого непревзойденного понимания какой-либо истины мира и является ее выражением, будучи одновременно созидательной, наделенной верховной мощью, которая облакает понимаемую истину в формы и постепенно, нисходя от уровня к уровню, воспроизводит ее через эфирный звук в физической форме или в сотворенном в Материи предмете. Мы, таким образом, видим, что теория творения с помощью Слова, являющегося абсолютным выражением Истины, и теория творения материального мира с помощью звуковой вибрации в эфире соответствуют друг другу, являясь двумя логическими полюсами одной и той же идеи. Обе они относятся к одной и той же древней ведической системе.

Вот что такое верховное Слово, Речь нашей речи. Это вибрация чистого Существования, насыщенная восприимчивой и созидательной мощью беспредельного и всемогущего сознания, выраженная Умом, который кроется за умом, в форме непреложного слова Истины вещей; форма или физическое выражение на любом из уровней, в любой субстанции возникает благодаря его созидательному посредничеству. Сверхразум, использующий Слово, есть созидательный Логос.

Слово имеет свои семенные звуки — вспомним вечный слог Вед, АУМ, и семенные звуки тантриков, — которые несут в себе начала, или принципы, вещей; оно имеет свои формы, которые стоят за несущей откровение вдохновенной речью, относящейся к наивысшим дарованиям человека, и эти формы определяют формы вещей во вселенной; оно имеет свои ритмы — ибо это вибрация не беспорядочная, а изливающаяся великими космическими тактами, — и законы, устройство, гармония, процессы создаваемого им мира соответствуют определенному ритму. Жизнь сама есть ритм Бога.

Но что же выражает или «преподносит» ментальному сознанию в феноменальном мире Слово? Не Брахмана, но истины, формы и явления Брахмана. Брахман не выражается, не может быть выражен Словом; он не пользуется словом для того, чтобы выразить свою подлинную суть, будучи ведом лишь собственному самосознанию. И даже его стоящие за формами предметов в космосе истины на уровне своей подлинной реальности всегда самовыражены в его вечном видении посредством того, что превосходит ментальный уровень, — посредством вибрации, ритма, голоса, присущих этим истинам и являющих собой подлинную душу их самовыражения. Речь, как нечто меньшее, творит,

выражает, но сама является только творением и выражением. Брахман не выражается через речь, но сама речь выражена Брахманом. А то, что выражает эту речь в нас, что извлекает ее из нашего сознания как средство явить нашему уму истину вещей, есть сам Брахман как Слово, как Нечто, принадлежащее высшему сверхсознанию. Это Слово, Речь нашей речи, в сути своего Могушества является самим Вечным, а в своих высших проявлениях представляет собой часть его подлинной формы, его непреходящего духовного тела, *brahmaṇo rūpam*.

Следовательно, мы должны считать конечной целью наших стремлений не события и явления этого мира, а То, что извлекает из себя Слово, благодаря которому они воплощаются в форму, позволяющую нашему сознанию наблюдать их, а нашей воле — к ним стремиться. Другими словами, — верховное Существование, которое породило все это.

Человеческая речь есть лишь вторичное выражение и — даже в самых своих высотах — лишь тень божественного Слова, семенных звуков, благодатных ритмов, звуковых форм-откровений, которые являют собой всеведущую и всемогущую речь вечного Мыслителя, Созидателя Гармоний, Творца. Даже самая вдохновенная речь, до которой может подняться человеческий ум, даже самое непостижимо выразительное слово о верховной истине, даже самый могущественный звук — Мантра, может представлять ее лишь отдаленным образом.

6 — Необходимость Сверхразума

ПОДОБНО тому, как Упанишада утверждает наличие за нашей речью Речи, являющейся выразительным аспектом сознания Брахмана, она утверждает и наличие за нашим умом Ума, являющегося его познающим аспектом. И мы, подобно тому, как задавались вопросом о рациональном основании теории божественного Слова, которое верховенствует над нашей речью, так теперь должны задаться вопросом о рациональной основе теории познающего начала или способности, которая главенствует над Умом. Можно утверждать, что если божественное Слово считается нами творцом всех вещей, то божественный Ум должен обладать знанием Слова и всего, что оно выражает. Однако в качестве опоры наших рассуждений этого недостаточно, ибо теория божественного Слова является всего лишь рационально возможной. С другой же стороны, наличие познавательной способности, которая превосходит Ум, является необходимостью и следует из самой природы Ума как такового, необходимостью, которую нельзя не принять во избежание нарушений логики.

В древней системе знания, считавшей, что душа переживает тело, Ум отождествлялся с человеком, причем в самом глубоком и полном смысле слова. Дело не только в том, что человек — единственное животное на земле, наделенное рассудком, единственный мыслящий род; он по самой своей сути является ментальным существом в земном теле, *ману (manu)*. В отличие от существования души, или «я», единого во всех созданиях, тело не является даже феноменальным «я» человека; физическая жизнь — это тоже не он; и первое, и второе могут исчезнуть, а человек останется. Но если уничтожается ментальное существо, человек как человек существовать перестает, ибо это есть ядро и центр его органической природы.

Согласно же теории материальной эволюции, которой придерживается современная наука, человек, напротив, есть только Материя, развившая ум через рост восприимчивости к воздействиям внешней среды; а поскольку Материя является основой существования, после уничтожения тела не остается ничего, кроме физических элементов.

Однако данное положение является в лучшем случае одной из второстепенных и малозначимых сторон куда более масштабной истины. Материя не смогла бы развить Ум, не существуй непосредственно в той силе, которая образует физические формы, или же за ней, уже стремящийся к самопроявлению принцип Ума. Воля к наполнению жизни и формы светом, к сознательному управлению ими должна была присутствовать уже в том, что представляется нам лишенным сознания, и еще до того, как развился ум. Ибо если бы в самой Материи не была заложена необходимость Ума, если бы субстрат ментальности и воля к ментальному проявлению в ней отсутствовали, Ум никоим образом не мог бы развиться из бессознательной субстанции.

Но ни в образующих материальные формы химических элементах как таковых, ни в электричестве или любом ином сугубо физическом явлении, какой бы бессознательной волей или чувствительностью они ни были побуждаемы или ни обладали, мы не найдем ничего, что объясняло бы появление осознанного ощущения, что порождало бы стремление к умственному развитию или задавало бы необходимость подобной эволюции бессознательной физической субстанции. Таким образом, мы должны искать происхождение Ума не в форме самой Материи, но в Силе, которая в Материи работает. Эта Сила должна или сама обладать сознанием, или же неотъемлемо нести в своем бытии зерно ментального сознания, а соответственно, и возможность и даже необходимость его возникновения. Будучи изначально погруженным в творение сперва форм, а затем физических отношений и реакций между физическими формами, это невысвобожденное сознание должно было с самого начала нести в себе волю, пусть бесконечно долго подавляемую и нереализуемую, к итоговому наполнению этих отношений светом через сотворение соответствующих осознанных или ментальных ценностей. Ум, таким образом, представляет собой скрытую необходимость, которую подсознательное несет в себе от начала вещей; это нечто обязанное появиться, как только в Материи начинают утверждаться связи притяжения и отторжения; это неявленный секрет и причина жизненных реакций в металле, растении и животном.

С другой стороны, если мы утверждаем, что Ум в некоей скрытой, неявленной форме в Материи не присутствует, то должны в таком случае предположить, что он существует вне Материи и охватывает ее или проникает в нее. Мы должны предположить наличие ментального уровня существования, который оказывает давление на физический

и стремится им овладеть. В таком случае ментальное существо предстает как начало, которое формируется за пределами материального мира, но которое вместе с тем подготавливает в нем тела таким образом, что они постепенно становятся все более пригодными для вмещения и выражения Ума. Мы можем представить, как оно формирует тело и словно бы вторгается в него и завладевает им, — так, по словам Айтарея Упанишады, Пуруша формирует тело и затем входит в него, как бы распахивая дверь в Материю. В таком случае человек оказывается ментальным существом, воплощенным в живом теле, которое, когда тело уничтожается, покидает его, полностью сохраняя свою ментальность.

Две эти теории не являются противоречащими друг другу; они могут рассматриваться как взаимодополняющие в формировании единой истины. Ведь инволюция Ума, его неявное присутствие в материальной Силе физической вселенной и во всех ее движениях не исключает существования ментального мира, который находится вне пределов физического начала и главенствует над ним. В сущности, становление, раскрытие такого непроявленного Ума вполне может зависеть и, безусловно, будет выигрывать от помощи и давления сил из супрафизического царства, из ментального уровня существования.

Вселенную всегда можно рассматривать с двух точек зрения. Первая, которая разделяется современной наукой, полагает в качестве первичного начала Материю и подходит ко всему как к результату эволюции в Материи; или же первичность приписывается если и не Материи, то, как в философии санкхьи, некой неопределенной бессознательной активной Силе или Пракрити, механическими процессами которой оказываются даже ум и логическое мышление, — причем сознательная душа, если таковая вообще существует, предстает как совершенно иное и, даже будучи сознательным, пассивное начало. Другая точка зрения полагает в качестве материала, равно как и причины вселенной, сознательную душу, Пурушу, при этом Пракрити рассматривается лишь как Шакти этой души, Сила ее сознательного бытия, которая воздействует на самое себя в качестве материала для форм¹. Последняя точка зрения свойственна Упанишадам. Разумеется, если мы будем изучать только материальный мир, отбрасывая любое свидетельство о других уровнях как сон или галлюцинацию, если мы аналогичным образом исключим всякое свидетельство о превосходящих материальную ограниченность

¹ Например, Айтарея Упанишада показывает нам, как Атман или «Я» использует Пурушу в качестве начала, в котором формируются все действия и процессы Природы.

умственных процессах и будем изучать только обычное взаимодействие ума с Материей, то нам придется принять теорию о Материи как первопричине всего, как о необходимой основе и субстрате. В противном случае нам не избежать признания заключений ранней Веданты.

Однако в любом случае, даже с точки зрения, признающей единственно существующим материальный мир, Человек по сути своей есть ум, который охватывает и использует жизнь тела, — ум, превосходящий Материю, в которой он появился. Он есть высшее выражение Воли в материальной вселенной; созидающая миры Сила, насколько мы можем судить о ее намерении по тем реальным действиям, которые наблюдаем в их существующем земном выражении, достигает в нем того, что стремилась выразить. Она извлекла скрытое умственное начало, которое теперь сознательно и разумно воздействует на жизнь и тело. Человек удовлетворил потребность, которую Природа тайно несла в себе с самого начала своих трудов; на этой планете он есть высочайшее Имя из всех возможных или же Нумен; он — осуществившееся божество земли.

Все это, однако, будет верно лишь в том случае, если мы считаем Ум предельным выражением деятельности Природы на Земле. В действительности же, когда мы более глубоко изучим явления сознания, факты ментальности, тайную направленность, устремленность, потребность, заложенную в самой природе человека, то увидим, что он не может быть высшим достижением. Он — высшее из того, что осуществлено здесь и сейчас; он — не высшее из вообще осуществимого. Как есть нечто ниже его, так должно быть, хотя бы в виде возможности, и нечто выше. Как физическая Природа скрывает в себе превосходящую ее тайну, которую выявляет для становления в человеке, так и он скрывает в себе превосходящую его тайну, которую тоже должен явить свету. Таково его предназначение.

Это обязательно должно произойти, потому что Ум также не является первоначалом вещей, а соответственно, не может быть и последним из того, что возможно. Как Материя несет в себе Жизнь, несет как собственную тайную необходимость, которой должна дать рождение, и как Жизнь несет в себе Ум, тоже как собственную тайную необходимость, которой должна дать рождение, так и Ум несет в себе то, что его превосходит, несет как собственную тайную необходимость, и он также всеми силами ищет возможности разрешиться рождением этого высочайшего.

Какие требования рациональной логики мешают нам предположить, что Ум — последнее детище Природы, заставляя постулировать

наличие за ним чего-то, на что сам он только указывает? Ответ нам дает рассмотрение природы и действия ментальности. Ментальность образована тремя основными элементами — мышлением, волей и ощущением. Ощущение может быть описано как попытка обособленного сознания овладеть объектом и наслаждаться им, мысль — как его попытка овладеть истиной объекта и иметь ее в своем распоряжении, воля — как его попытка овладеть присутствующей в объекте возможностью и использовать ее. Все три являются такой попыткой, по крайней мере, по своей сущности, по внутреннему побуждению, по подсознательной цели. Очевидно, однако, что данная попытка несовершенна: несовершенны и условия, в которых она предпринимается, и результаты, к которым она приводит; сами ее обстоятельства указывают на барьер, на разрыв, на неспособность. Как Жизнь ограничена и стеснена условиями своего синтеза с Материей, так и Ум ограничен и стеснен условиями своего синтеза с Жизнью в Материи. Ни Материя, ни Жизнь не нашли ничего свойственного их собственной природе, что было бы способно победить или достаточно широко раздвинуть пределы, положенные их действиям; каждой из них пришлось обратиться к новому началу: Материи — призвать в себя Жизнь, Жизни — призвать в себя Ум. Ум тоже не может найти ничего свойственного его природе, что было бы способно победить или достаточно широко раздвинуть пределы, положенные его действиям. Уму тоже придется обратиться к началу, которое стоит над ним, свободней, чем он, и могущественней.

Иными словами, Ум не исчерпывает возможностей сознания и, следовательно, не может быть его последним и высшим выражением. Ум пытается достичь Истины, но ему удается лишь несовершенным образом прикоснуться к ней через разделяющее их покрывало; в природе вещей должна существовать способность или начало, которое видит Истину без этого покрывала, вечная способность знания, которая соответствует вечной реальности Истины. Веда говорит, что такое начало существует; это Сознание-Истина, которое видит Истину непосредственно и владеет ею неотъемлемо. Ум старается осуществить свою волю, но ему удается лишь частично, с трудом и ненадежно воплотить возможность, осуществления которой он добивается; должна существовать способность или начало сознательной действенной силы, которое соответствует бессознательному автоматическому самоосуществлению в Природе, и начало это следует искать в форме сознания, которое превосходит Ум. Наконец, Ум стремится овладеть и на-

слаждаться сущностным дарующим восторг качеством — *расой* (*rasa*) той или иной вещи, но ему удастся достичь ее лишь опосредованно, хранить и удерживать ее непрочно, наслаждаться ею поверхностно и фрагментарно; должно быть начало, которое способно достигать ее напрямую, сохранять достоверно, наслаждаться глубинно и непосредственно. Веда говорит, что такое начало существует: это вечное Сознание-Блаженство, которое соответствует вечной *расе* или сущностному дарующему восторг качеству всякого переживания и не ограничено ненадежными и приблизительными ощущениями, свойственными Уму.

Если же такое более глубокое начало сознания существует, то не ум, а именно оно должно быть изначальной и основной целью, сокрытой в Природе, и в итоге оно должно где-либо возникнуть. Но есть ли основания полагать, что оно должно возникнуть здесь и в Уме, как Ум возник в Жизни, а Жизнь — в Материи? Мы ответим утвердительно, поскольку в Уме, хоть и сокровенно, присутствует такая тенденция, такое устремление и, по существу, такая потребность. Во всем, от низшего до высшего, действует единый закон. Если мы внимательно рассмотрим Материю, то окажется, что она исполнена материалом Жизни — вибрациями, действиями и реакциями, притяжениями и отторжениями, сжатиями и расширениями, тенденциями к соединению, формированию и росту, что составляет самую субстанцию жизни; однако видимое начало жизни может появиться лишь тогда, когда будут подготовлены соответствующие материальные условия, необходимые для того, чтобы оно могло организовать в Материи. Жизнь тоже исполнена материалом Ума, изобилует бессознательным¹ восприятием, волей, сообразительностью, но видимое начало Ума может появиться лишь тогда, когда будут подготовлены соответствующие витальные условия, необходимые для того, чтобы оно могло организовать в живой Материи. Ум тоже исполнен материалом Сверхума — сопереживаниями, единениями, интуициями, проблесками предвосхищенного знания, спонтанными императивными откровениями и действиями, непреложными самоизъявлениями воли, которые прячут себя в ментальной форме; однако видимое начало Сверхума может проявиться лишь тогда, когда будут подготовлены соответствующие ментальные условия, необходимые для того, чтобы оно могло организовать в человеке, ментальном живом существе.

¹ Я использую язык материалиста Геккеля, невзирая на его парадоксальную форму.

Эта необходимая подготовка в настоящее время происходит в развитии человека так же, как соответствующая подготовка проходила на более низких этапах эволюции — с теми же переходными ступенями, замедлениями, неравномерностью; тем не менее в ней больше света, в ней отчетливее самосознание и сознательная очевидность. И самый факт, что это развитие характеризуется меньшим увязанием в мелочах, меньшим страхом перед ошибками, меньшей консервативной привязанностью к уже сделанным шагам, дает нам надежду и почти уверенность, что новое начало, появившись, не окажется творением совершенно иного типа, которое оставит прочее человечество в том же положении по отношению к этому началу, в каком животные находятся по отношению к людям, — напротив, оно обещает если и не поднять человечество в целом на более высокий уровень, то по меньшей мере открыть новую, более великую возможность для всех тех, кто проявит волю к восхождению. Ведь Человек первым из детей Природы продемонстрировал способность изменять себя собственными усилиями и сознательное устремление превзойти свой статус.

Эти соображения обосновывают для разума наличие превосходящего наш ум Ума, но только как результата конечной эволюции из Материи. Упанишада, однако, возводит его на престол в виде уже существующего творца и правителя Ума; это сокровенное начало, которое уже осознает себя, а не просто бессознательно содержится в самой сути вещей. Однако таково естественное заключение, следующее из самой природы супраментального начала, даже если отвлечься от духовного опыта. Ибо в своих высотах это — вечное знание, воля, блаженство и сознательное бытие, и более логичным является заключение, что, вопреки нашей неспособности это осознать, оно является вечно сознательным и выступает как источник вселенной, чем если бы мы заключили, что изначально оно бессознательно и становится сознательным лишь с течением Времени и в результате развития вселенной. Наше неосознание его не доказывает, что оно не ведает нас, и, однако, наша неспособность его осознать есть единственное оставшееся основание отрицать вечный Ум за пределами ума, который главенствует над своими творениями и порождает космос.

Все прочие основания для отказа от этой древней мудрости исчезли либо исчезают по мере того, как возрастает свет современного знания.

7 — Ум и Сверхразум

МЫ пришли к положительному выводу о всеведающем начале, главенствующем над Умом и превосходящем его по своей природе, масштабам и способностям. Упанишада постулирует наличие превосходящего ум Ума исходя из интуиции и духовного опыта, но его существование столь же необходимым образом следует из фактов космической эволюции. Что же такое этот превышающий ум Ум? Как он функционирует? Или каким образом мы можем прийти к его познанию или овладению им?

Про это верховное начало знания Упанишада утверждает, что оно, во-первых, находится вне досягаемости ума и органов чувств; во-вторых, что само оно мыслит не с помощью ума; в-третьих, что это то, чем мыслится или ментализируется сам ум; в-четвертых, что это есть сама природа или описание сознания Брахмана.

Когда мы, однако, говорим, что «Ум ума» — это природа или описание сознания Брахмана, нам не следует забывать, что сам по себе абсолютный Брахман признается непознаваемым и, следовательно, не поддается описанию. Он непознаваем — не потому, что представляет собой пустоту и его нельзя описать иначе, как Ничто, и не потому, что, обладая позитивным существованием, лишен содержания или качеств, но потому, что превосходит все постижимое имеющимися у нас сейчас инструментами познания, и потому, что свойственные нашей ментальности способы осмысления и выражения к нему не применимы. Это абсолютность известных нам вещей, всех вместе и каждой в отдельности, и тем не менее ни одна вещь и никакая совокупность вещей не может исчерпать либо охарактеризовать его сущностное бытие. Ибо его способ бытия отличается от того, что мы именуем существованием; его единство недоступно никакому анализу; множество его беспредельностей выше всякого синтеза. Таким образом возможность его описания как Ума ума относится не к его абсолютной сущности, а к его фундаментальной природе в отношении нашего ментального существования. Сознание Брахмана есть вечное воззрение Абсолютного на относительное.

Но и об этом воззрении мы тоже можем сказать, что оно недоступно уму, речи и чувствам. Однако ум, речь и чувства представляются единственно доступными нам средствами приобретения и выражения знания. Должны ли мы в таком случае заключить, что это сознание Брахмана тоже непознаваемо, и нам, пока мы находимся в этом теле, нечего надеяться на познание его или обладание им? Однако Упанишада повелевает нам *познать* этого Брахмана и благодаря этому знанию обладать им — ибо знание, подразумеваемое словами *viddhi*, *avedit*, есть знание открывающее и овладевающее, — и дальше заявляет, что мы должны таким образом обладать Брахманом в знании здесь, в этом теле и на этой земле, а иначе грозит «великая погибель». В толкование этой Упанишады было внесено немало путаницы из-за слишком жесткого обращения с проводимыми ею тонкими различиями между познаваемостью и непознаваемостью Брахмана. Поэтому мы должны постараться точно проследить за мыслью Упанишады и в особенности, прибегнув к интуитивному синтезу, — охватить смысл в целом, а не дробить его для подчинения нашей ментальной логике.

Упанишада начинает со слов, что этот Правитель ума, чувств, речи и жизни есть Ум нашего ума, Жизнь нашей жизни, Чувство наших чувств, Речь нашей речи, а далее объясняет, что подразумевают эти интригующие выражения. Однако между определением и объяснением она предупреждает, что ни определение, ни объяснение не должны выходить за положенные им рамки или истолковываться как нечто большее, чем указатели на пути к искомой цели. Ибо ни Уму, ни Речи, ни Чувствам нет доступа к Брахману; Брахман, следовательно, по самой своей природе должен быть превыше их, иначе он был бы достижим для их деятельности. Собираясь давать учение о Брахмане, Упанишада тем не менее заявляет: «Неведомо нам Это, не можем мы и распознать, как учить Этому». Два использованных здесь санскритских слова — *vidmaḥ* и *vijānīmaḥ* должны, как представляется, обозначать: первое — общее обретение знания и обладание им, второе — полное усвоение в целом и в деталях через синтез и анализ. Причина упомянутой полной невозможности указана в следующей строфе: «ибо Брахман отличен от познанного и превыше непознанного», владеет им и, так сказать, господствует над ним. Познанное — это все, что мы усвоили и чем располагаем в нашей ментальности; все это — не верховный Брахман, а лишь его форма и явление, которые оказываются доступными нашим ощущениям и ментальному распознаванию.

Непознанное — это то, что за пределами познанного, но что, хотя и не познано, непознаваемым не является при условии, что нам удастся развить наши способности или приобрести новые, которыми мы пока не обладаем.

Однако далее Упанишада подтверждает и разъясняет первое данное определение и предписывает нам познание охарактеризованного таким образом Брахмана. Противоречие разрешается не немедленно; выход из затруднения указан лишь во второй главе, и лишь в четвертой представлены средства обретения этого знания. Противоречие рождается из самой природы нашего познания, представляющего собой отношение между сознанием ищущим и сознанием искомым; когда это отношение исчезает, познание замещается совершенным тождеством. В том, что именуется нами существованием, высшее познание не может быть чем-то большим, чем высшее отношение между ищущим и искомым, и оно состоит в подобии тождества, через которое мы должны выйти за пределы познания к тождеству абсолютному. Это метафизическое различие столь важно, поскольку предохраняет нас от ошибочного принятия любых отношений в познании как абсолютных и от такой привязанности к опыту, в результате которой можно утратить или упустить основополагающее осознание абсолютного за пределами всех возможных описаний и всякого сформулированного опыта. Однако от этого высшее отношение в познании, подобие тождества в опыте, не становится бесполезным или излишним. Напротив, именно к нему мы должны стремиться как к цели, которая является вершиной нашего существования в этом мире. Ибо если мы обладаем им, не будучи им ограниченными, — а если мы им ограничены, то мы по-настоящему им не обладаем, — то в нем и через него мы даже в этом теле будем пребывать в соприкосновении с Абсолютом.

Средство обретения этого высшего знания — постоянно подготавливать свой ум, допуская в него начало высшее, нежели он сам, вплоть до момента, когда ум станет способным отдаться деятельности супраментального, которое превосходит его и в итоге заместит его собою. Ум на самом деле тоже должен подчиняться закону естественной последовательности, который определял в этом мире нашу эволюцию от Материи к Жизни, а от Жизни к Уму. Как сознание Жизни внеположно порабощенному материальному бытию и недостижимо для него посредством его собственных инструментов, как умственное сознание внеположно первым неосознанным проявлениям жизни, так и это

супраментальное сознание внеположно разделенной и разделяющей природе ума и недостижимо для него посредством его собственных инструментов. Но как Материя постоянно готовится к проявлению Жизни до тех пор, пока Жизнь не обретает способность развиваться в ней, владеть ею, руководить ею в своих действиях и реакциях, и как Жизнь постоянно готовится к проявлению Ума до тех пор, пока Ум не обретает способность использовать ее, просвещать ее действия и реакции с помощью все более высоких ментальных ценностей, так и в отношении Ума и того, что превышает Ума, должно произойти нечто подобное.

Такое развитие возможно потому, что все эти начала — лишь различные образования одного и того же бытия и сознания. Жизнь только раскрывает в Материи то, что таилось в Материи, то, что составляло сокровенный смысл и сущность Материи. Она как бы открывает материальному существованию его собственную душу, его предназначение. Так же и Ум раскрывает в Жизни все, что является смыслом Жизни, все, чем она неведомо для себя является в своей сути, но чего не может осознать, поскольку поглощена собственным практическим движением и собственными характерными формами. Так же должен вступить в дело и Сверхразум для того, чтобы раскрыть Ум перед ним самим, освободить его от поглощенности собственным практическим движением и характерными формами и позволить ментальному существу осознать то, что составляет сокровенную тайну его привычной деятельности в мире форм. Таким путем придет человек к познанию того, что является его внутренним властелином, что посылает его ум к назначенной цели, что вдохновляет его речь, что отправляет в путь жизненную силу и побуждает к действию его чувства.

Это верховное Начало знания мыслит не умом. Ум для него — это низший и второстепенный процесс, состояние, которое для него самого характерным не является. Зиждущийся на ограниченности и разделенности Ум может действовать только из некоего центра в низшем и затемненном существовании; Сверхразум же основывается на единстве, он охватывает и проникает; действие его универсально и происходит в сознательной общности с трансцендентным источником, который вечен и запределен по отношению к образованиям во вселенной. Сверхразум видит индивидуальное в универсальном, а не опирается на осознание индивидуального, равно как и не превращает его в отдельное бытие. Он опирается на осознание Трансцендентного

и видит универсальное и индивидуальное в их отношении к нему — как обстоятельства его бытия, как его выражение; он не опирается на индивидуальное и универсальное для того, чтобы достичь Трансцендентного. Ум приобретает знание и господство; он приходит к ним через постоянное осмысление и волеизъявление; Сверхразум обладает знанием и господством; обладая ими, он свободно изливает себя в разнообразном знании и волеизъявлении. Ум движется на ощупь, используя разобщенное восприятие; он приходит к подобию единства через сочувствие; Сверхразум располагает, обладая свободным и всеохватывающим чувствованием; он пребывает в единстве, по отношению к которому всякая любовь и сочувствие есть лишь вторичная игра проявленности. Сверхразум исходит из осознания целого и видит в нем его части и свойства, он не выстраивает знание целого путем накопления знания о его частях и свойствах; и даже целое для него — это лишь единство суммы, лишь неполное и низшее состояние высшего единства беспредельной сущности.

Мы, таким образом, видим, что два этих принципа знания исходят из противоположащих полюсов и действуют противоположными методами в противоположных направлениях, но при этом низший принцип знания формируется и управляется высшим. Ум мыслится тем, что находится за пределами Ума; ментализирующее сознание выстраивает свое движение в соответствии со знанием и побуждением, полученными от высшего Сверхразума, и даже самый материал, из которого оно сформировано, принадлежит этому высшему Принципу. Ментальность существует потому, что то, что за пределами Ума, «помыслило» обратное себе действие, происходящее в менее изобильной, менее просветленной и могущественной субстанции бытия и основанное на его самососредоточении в различных точках и формах собственного бытия. Сверхразум устанавливает эти точки, наблюдая, как сознание должно действовать из них на другие формы самого себя и откликаться на импульс этих других форм, когда задан определенный ритм или закон вселенского действия; он выстраивает всю ментальную деятельность в соответствии с тем, что он таким образом устанавливает и наблюдает. Даже наше неведение — лишь искаженное действие истины, спроецированной из Сверхразума, и не могло бы существовать, не будь оно таковым искажением; аналогичным образом, всякая двойственность нашего знания, наших ощущений, эмоций и сил истекает из этого высшего видения, подчиняется ему и является

вторичным или, можно сказать, извращенным действием самого скрытого Сверхразума, который всегда управляет этой низшей деятельностью в соответствии с его исходным замыслом локализованного сознания, действительно разобщенного и поэтому не владеющего своим миром и собой, но чутьем тянущегося к этому владению и единству, которое, как оно благодаря присутствию в нас Сверхразума инстинктивно знает, пусть и смутно, является его истинной природой и предназначением.

По той же причине, однако, это тяготение, эти усилия и поиски могут становиться успешными лишь по мере того, как ментальное существо оставит свойственную ему ментальность и ее ограниченность, с тем чтобы возвыситься к тому Уму ума, который есть его источник и тайный руководящий принцип. Его ментальность должна принять Сверхразум, как Жизнь приняла Ум. До тех пор, пока человек поклоняется, предается, следует всему тому, что ныне считает объектом своих устремлений: уму и его целям, его фрагментарным методам, его волевым, мыслительным и эмоциональным построениям, подчиненным эгоизму, разобщенности и неведению, — он не может выйти из этого смертного состояния к тому бессмертию, которое Упанишада обещает ищущему. Того Брахмана нам должно знать и искать, а не то, чем влекутся и чего добиваются здесь люди.

УПАНИШАДА не удовлетворяется определением сознания Брахмана как Ума ума. Подобно тому, как она назвала его Речью речи, она называет его Глазом глаза, Ухом уха. Он не только абсолютное знание, стоящее за игрой выражения, но и абсолютное Чувство за действием органов чувств. Каждая часть нашего существа обретает завершение в том, что превышает его нынешних форм функционирования и чего нет в самих этих формах.

Это представление о всенаправляющем верховном сознании не согласуется с нашими обычными теориями о чувствах, уме и Брахмане. Об чувствах нам известно, что это действие органов, посредством которых воплощенный ум общается с внешней Материей, и что эти органы чувств отдельно развились в ходе эволюции; чувства, таким образом, не являются началами основополагающими, представляя собой лишь вспомогательные приспособления и временные физические функции воплощенного ума. С другой стороны, Брахмана мы представляем путем исключения всего, что не является основополагающим, вплоть до исключения самого Ума. Это своего рода положительный ноль, «икс», непознаваемое, которое не уравнивается ни с какими физическими или психологическими величинами. Может быть, по сути это и верно, а может быть нет, но нам сейчас следует думать не о Непознаваемом, а о его высшем проявлении в сознании, которое было нами определено как воззрение Абсолютного на относительное, а также как причина и направляющая сила всего в нас самих и во вселенной. Там, в той направляющей причине, должно быть нечто сущностное и главенствующее, воспроизведением чего в условиях воплощенного сознания оказываются все наши фундаментальные свойства-функции в этом мире.

Чувство, однако, не является или не выглядит фундаментальным свойством; это лишь орудие действия Ума, который использует нервную систему. Оно не является даже сугубо ментальной функцией, настолько завися от течений Жизненной Силы, от ее электрической энергии, вибрирующей в нервах, что в Упанишадах чувства именуется

пранами, силами или функциями Жизненной Силы. Верно, что Ум по получении этих нервных впечатлений превращает их в ментальные значения, но само действие чувств представляется скорее нервным, нежели ментальным. В любом случае, на первый взгляд кажется, что нет оснований охарактеризовывать как Чувство чувств то, что не воплощено, супраментальное сознание, которое не нуждается в каких-либо подобных орудиях.

Однако нами сказано о чувстве отнюдь не все; речь шла лишь о внешнем явлении, за которое мы должны проникнуть. Что такое — не по функциям, а по сути — то, что мы называем чувством? С точки зрения его функционирования мы в результате тщательного анализа обнаружим, что это — контакт ума с образом Материи, будь это образ звуковой вибрации, или световой формы, или выброса земляных частичек, дающих ощущение запаха, или воздействия *расы*, «сока», дающего ощущение вкуса, или же того непосредственного ощущения, раздражающего наше нервное естество, которое мы называем осязанием. Бесспорно, исходной причиной этих ощущений является соприкосновение Материи с Материей; однако ум непосредственно имеет дело лишь с образом Материи, как, например, с отпечатывающимся в глазу контуром формы. Ведь ум взаимодействует с Материей не напрямую, а через Жизненную Силу — она выступает его орудием связи; а Жизненная Сила, будучи нашей нервной энергией, а не чем-то материальным, может ухватить Материю только через нервные впечатления формы, как бы через контактные образы, которые создают соответствующие значения в энергетическом сознании, именуемом в Упанишадах Праной. Их подхватывает Ум, отвечая на них соответствующими ментальными значениями, ментальными впечатлениями формы, так что ощущаемое приходит к нам после тройного процесса воспроизведения: во-первых, в материальный образ, во-вторых, в нервный или энергетический образ, в-третьих, в образ, воспроизведенный в субстрате ума.

Этот сложный процесс скрыт от нас молниеносной быстротой, с которой он происходит, — быстротой с точки зрения нашего впечатления Времени; ведь в другой временной шкале существо, организация которого отличается от нашей, могло бы отчетливо воспринимать каждое слагаемое процесса по отдельности. Но тройное воспроизведение всегда присутствует, ибо в действительности мы обладаем тремя оболочками сознания: материальной — *аннакоша* (*annakoṣa*),

в которой воспринимается физический контакт и формируется физический образ; витальной или нервной — *пранакоша* (*prāṇakoṣa*), где то же происходит на нервном уровне; и ментальной — *манакоша* (*manakoṣa*), где производится контакт и образ ментальный. Мы сосредоточены в центре ментальной оболочки, и поэтому впечатления о материальном мире должны, чтобы достичь нас, пройти сначала через две другие оболочки.

Основа чувств, таким образом, — это контакт, и сущностным контактом является ментальный, без которого вообще не было бы никакого чувства. Например, растение имеет нервную чувствительность, чувствует через состояния жизненной энергии, точь-в-точь как это происходит с нервной системой человека, демонстрируя точь-в-точь такие же реакции; однако осознание этих нервных или витальных впечатлений и реакций мы можем предполагать у него только в том случае, если оно обладает рудиментарным умом. Ибо в таком случае оно будет чувствовать не только нервно, но и через состояния ума. Чувство, таким образом, может быть определено в своей сущности как ментальный контакт с объектом и ментальное воспроизведение его образа.

Мы рассматриваем и обсуждаем все это применительно к данному воплощению ума в Материи; ведь эти оболочки или *коши* (*koṣa*) есть образования из все более и более тонкой субстанции, зиждущиеся в качестве своей основы на грубой Материи. Давайте теперь представим себе ментальный мир, где основа — не Материя, а Ум. Там чувство будет по своему действию совершенно иным. Оно будет ментально ощущать образ в Уме и отливать его в форму во все более грубых субстанциях; и какие бы физические образования ни существовали уже в том мире, они будут быстро отвечать Уму и подчиняться его видоизменяющим указаниям. Ум оказывается господствующим, творческим, созидающим, в отличие от нашего, который либо подчинен Материи и выполняет лишь воспроизводящие функции, либо борется с ней, будучи способным лишь с большим трудом изменить предложенный материал, тупо сопротивляющийся его прикосновениям. В зависимости от того, какая супраментальная сила могла бы находиться над ним, в том мире ум оказался бы владыкой пластичного и податливого материала. Но Чувство существовало бы и там, поскольку контакт в ментальном сознании и формирование образов по-прежнему входили бы в закон бытия.

На самом деле Ум или активное сознание вообще обладает четырьмя необходимыми функциями, без которых не может обойтись, где бы и как бы оно ни действовало, и обозначенными в Упанишадах с помощью четырех терминов — *виджняна* (*viññāna*), *праджняна* (*prajñāna*), *санджняна* (*saññāna*) и *аджняна* (*ājñāna*). Виджняна есть изначальное всеобъемлющее сознание, которое охватывает образ предмета одновременно в его сути, в его тотальности, а также в его составных частях и свойствах; это изначальное, спонтанное, истинное и полное видение предмета, которое принадлежит собственно сверх разуму и только тень которого открывается уму в высших проявлениях глобального интеллекта. Праджняна — это сознание, которое удерживает перед собой образ предмета в качестве объекта, с которым оно должно вступить в отношения и овладеть им через осмысление и аналитико-синтетическое познание. Санджняна — это контакт сознания с образом предмета, благодаря которому возникает осязаемое обладание им в его сути; если Праджняна может быть описана как истечение познающего сознания с целью овладения объектом в сознательной энергии, с целью его постижения, то Санджняна может быть описана как вбирающее движение познающего сознания, которое втягивает в себя находящийся перед ним объект, с тем чтобы овладеть им в сознательной субстанции, с целью чувствовать его. Аджняна — это операция, благодаря которой сознание сосредотачивается на образе предмета, с тем чтобы удерживать, управлять и обладать им в силе. Все четыре, тем самым, составляют основу любого сознательного действия.

В силу особенностей нашей человеческой психологии мы начинаем с Санджняны, ощущения образа объекта, а затем следует его постижение в познании. После этого мы стараемся прийти к осмыслению его в знании и овладению им в силе. Данное действие предваряют определенные скрытые операции, осуществляющиеся в нас, в наших подсознательном и сверхсознательном «я», но наше поверхностное существо не осознает их, и поэтому для него их не существует. Знай мы о них, вся наша сознательная деятельность изменилась бы. На деле же происходит быстрый процесс, в ходе которого мы ощущаем образ, познавательно воспринимаем его и образуем о нем представление, а также более медленный интеллектуальный процесс, в ходе которого мы стараемся его осмыслить и овладеть им. Первый процесс — естественное действие полностью развившегося у нас ума; второй процесс — действие приобретенное, действие интеллекта и разумной воли, кото-

рые представляют в Уме попытку ментального существа совершить то, что с совершенной естественностью и искусством может быть совершено лишь тем, что выше Ума. Интеллект и разумная воля образуют своего рода мост, с помощью которого ментальное существо стремится установить сознательную связь с супраментальным и подготовить воплощенную душу для нисхождения в нее действия супраментального. Поэтому первый процесс и является относительно легким, спонтанным, быстрым, совершенным, а второй — медленным, затрудненным, несовершенным. По мере того, как интеллектуальная деятельность обретает связь с зачаточным действием супраментального и постепенно уступает ему бразды правления, — а именно это составляет феномен гениальности, — второй процесс тоже становится все более легким, спонтанным, быстрым и совершенным.

Если мы предположим наличие некоторого верховного сознания, властелина мира, который, оставаясь за занавесом, в действительности осуществляет все операции, приписываемые себе ментальными богами, то вполне очевидно, что это сознание будет Всеведущим и Всеправящим. Основой его деятельности и управления миром будут совершенные, изначальные и всевластные Виджняна и Аджняна. Оно будет постигать все в своей энергии сознательного знания и управлять всем в своей энергии сознательной мощи. Эти энергии будут представлять собой спонтанную естественную деятельность его сознательного бытия, творящего формы вселенной и владеющего ими. Какое же место останется в нем для воспринимающего сознания и для чувства? Они будут не независимыми функциями, а подчиненными операциями, осуществляющимися внутри деятельности постигающего сознания. В сущности, вся четверка будет представлять собой одно быстрое движение. Если бы эти четыре функции действовали в нас с той единой быстротой, с какой действуют Праджняна и Санджняна, то мы получили бы в нашем временном измерении некое весьма приблизительное подобие того, чем является единое наивысшее действие верховной энергии.

Рассмотрение продемонстрирует нам, что так быть и должно. Верховное сознание должно не только постигать и владеть в своем сознательном бытии образами вещей, которые создает в качестве своего самовыражения, но и удерживать их перед собой — всегда не вне, а внутри собственного бытия, — пребывая с ними в определенных отношениях через два аспекта воспринимающего сознания.

В противном случае вселенная не обладала бы той формой, в которой она предстает перед нами, поскольку мы лишь отражаем в условиях нашей организации движения верховной Энергии. Но в силу самого факта, что образы вещей удерживаются перед воспринимающим сознанием внутри постигающего сознательного бытия, а не находятся где-то вне его, как это представляется нашему индивидуальному уму, верховный Ум и верховное Чувство должны быть чем-то совершенно иным, чем наша ментальность и наши формы чувственного восприятия. Они будут аспектами полного знания и обладания-в-себе, а не аспектами неведения и ограниченности, которая жаждет познать и обладать.

В своем сущностном и общем аспекте наше чувство должно отражать это верховное Чувство и быть его творением. Но Упанишада говорит о Зрении за нашим зрением и Слухе за нашим слухом не в общем смысле Чувства за нашим чувством. Разумеется, глаз и ухо взяты лишь как типичные органы чувств и выбраны потому, что являются высшими из них и самыми утонченными. Тем не менее дифференциация чувственного восприятия, которая составляет часть нашей ментальности, должна, очевидно, соответствовать некой дифференциации в верховном Чувстве. Как такое возможно? Это нам предстоит выяснить теперь через рассмотрение природы и источника функционирования наших собственных различных органов чувств — их источника в нашей ментальности, а не просто их функционирования на уровне нашей жизненной энергии и тела. Что в Уме является основанием для зрения и слуха? Почему мы видим и слышим, а не просто чувствуем умом?

ИНДИЙСКИЕ психологи считали ум одиннадцатым и высшим чувством. По древней классификации органов чувств, включавшей пять органов познания и пять органов действия, он был шестым органом познания и одновременно шестым органом действия. Общеизвестным в психологии является то, что без помощи ума эффективное функционирование органов познания оказывается тщетным; глаз может видеть, ухо может слышать, все органы могут действовать, но если ум не обращает на них внимания, то человек ничего не слышал, не видел, не обонял, не осязал и не ощущал вкуса. Аналогичным образом, органы действия, согласно психологии, могут действовать лишь благодаря умственной силе, проявленной в виде воли, или же, в физиологических терминах, благодаря реагирующей нервной силе, исходящей из мозга, который по материалистическим представлениям должен быть подлинным «я» и сущностным волевым началом. В любом случае эти органы или же все органы чувств, если помимо десяти есть еще — согласно одному из высказываний Упанишады их должно быть, по крайней мере, четырнадцать, семь и семь, — все они могут быть лишь устройствами, функциями, инструментами умственного сознания, орудиями, которое оно сформировало по ходу эволюции в живой Материи.

Современная психология расширила наше знание, открыв нам истину, которую знали древние, хотя и выражали ее другим языком. Теперь нам известно — или же мы вновь открыли, — что сознательные умственные операции представляют собой лишь лежащую на поверхности деятельность. Существует гораздо более объемный и более мощный подсознательный ум, который не теряет ничего из приносимого ему органами чувств; он хранит свое богатство в неистощимой кладовой памяти, *akṣitam śravaḥ*. Поверхностный ум может не обратить внимания на что-то, но подсознательный ум отметит это, воспримет и сохранит с непогрешимой точностью. Неграмотная девушка-служанка каждый день слышит, как ее хозяин читает в своем кабинете на иврите; поверхностный ум не обращает внимания на непонятную

тарабарщину, но подсознательный ум слышит, запоминает и, когда при исключительных обстоятельствах это выходит на поверхность, воспроизводит эту мудреную декламацию с поразительной точностью, которой мог бы позавидовать самый усердный и памятливым ученый. Человек или ум не слышал, потому что не обращал внимания; более объемный человек или ум внутри услышал, потому что обладает беспредельной и неослабевающей способностью замечать или, пожалуй, *подмечать* все. Или же: человек во время операции находится под наркозом и ничего не чувствует, но освободите с помощью гипноза его подсознательный ум — и он с точностью перечислит все детали операции и страдания, которыми они сопровождались, поскольку ступор физических органов чувств не может помешать уму более обширному воспринимать и ощущать происходящее.

Мы также знаем, что наша физическая активность является в большой степени инстинктивной и направляется не поверхностным, а подсознательным умом, причем нам теперь известно, что это действительно ум, а не просто неосознанная нервная реакция животного-физического мозга. Подсознательный ум охотящегося насекомого знает анатомию жука, которого оно собирается парализовать и принести своему потомству, и в соответствии с ней направляет жало столь же безошибочно, как это сделал бы искусный хирург, при условии, что обычный ограниченный поверхностный ум с его порывистой и неуверенной нервной деятельностью не помешает этому и не подменит собой внутреннее знание или внутреннюю волевою силу.

Эти примеры демонстрируют нам истины, которые западная психология по-прежнему игнорирует или отказывается признавать в силу дурного наследия неведения, обозначаемого как научная ортодоксия. Упанишады утверждают, что Ум в нас беспределен; он знает не только то, что видел, но и то, чего не видел, не только то, что слышал, но и то, чего не слышал, не только то, на чем останавливалась мысль, но и то, на чем мысль не останавливалась. Выражаясь языком современного знания, скажем, что поверхностный человек в нас ограничен своим физическим опытом; он знает только то, что нервная жизнь в его теле донесла до его воплощенного ума; и даже из всего донесенного таким образом он знает, может удержать и использовать лишь то, на что обращает внимание и что сознательно запоминает его поверхностный ум; однако внутри человека существует обширное сублиминальное сознание, которое лишено подобных ограничений. Это сознание

ощущает то, что не ощутил поверхностный ум и его органы чувств, и знает то, что не было постигнуто пытливым умом поверхностного ума. У насекомого оно знает анатомию жертвы; у внешне бесчувственного человека оно ощущает и запоминает не только действия ножа хирурга, но и знает о сопровождавших их мучительных реакциях, которые были в физическом теле перекрыты наркотиком и поэтому не существовали; у неграмотной девушки-служанки оно запомнило и в точности сохранило слова неизвестного языка и смогло бы, как показывает йогический опыт, понять эти внешне бессмысленные звуки с помощью присущей ему высшей функции.

Возвращаясь к используемым нами санскритским терминам, существует деятельность Санджняны, более обширная, чем та, что ограничена физическими органами чувств; именно это обширное ее проявление с точностью ощутило и усвоило через ухо слова незнакомого языка, через осязание — движения неоощущавшегося ножа хирурга, через чувственный ум или шестое чувство — точное расположение двигательных центров жука. В связи с ней соответствующим образом существует и более обширная деятельность Праджняны, Аджняны и Виджняны, которая не ограничена малыми способностями к восприятию и постижению, свойственными внешнему уму. Именно обширная Праджняна восприняла верное расположение слов относительно друг друга, движение ножа относительно неоощутимо страдающих нервов, пространственную последовательность суставов в теле жука. Такое восприятие неотъемлемо присутствовало в правильном воспроизведении слов, в правильном изложении страданий, в правильной последовательности действий жала. Аджняна, или Воля-Знание, порождавшая все эти действия, тоже была обширной, не ограниченной колеблющейся силой, которая руководит операциями, исходящими от поверхностного ума. И хотя в данных примерах действие обширной Виджняны не столь очевидно, оно тоже присутствовало, проявляясь через остальные функции и обеспечивая их координацию.

Нас, однако, в настоящий момент интересует Санджняна. Здесь мы прежде всего должны отметить, что у чувственного ума существует действие, которое превосходит конкретную деятельность органов чувств и осознает вещи даже без формирования их зрительных, звуковых, осязательных образов, но при этом в качестве второстепенной операции — второстепенной, но необходимой для полноты представления — рисует для себя эти формы. Это отчетливо проявляется

в парапсихологических феноменах. Те, кто их изучал и проводил некоторые эксперименты, выяснили, что мы можем воспринимать вещи, известные только умам других, вещи, которые существуют на большом отдалении, вещи, которые относятся к иному, не земному плану бытия, однако оказывают на него воздействие, мы можем воспринимать их через их образы, но можем и чувствовать, в определенном смысле, все, чем они являются, без посредства каких-либо конкретных образов, свойственных пяти органам чувств.

Это, во-первых, доказывает, что зрение и другие органы чувств не являются просто результатом развития физических органов в ходе земной эволюции. Ум, подсознательный во всей Материи и в Материи развивающийся, развил физические органы, чтобы на физическом уровне, физическими средствами и для физической жизни использовать исконно присущие ему способности зрения, слуха и т. д.; способности эти неотъемлемы и не определяются обстоятельствами земной эволюции, они могут быть задействованы без использования физического глаза, уха, кожи, нёба. Предположив, что они являются психическими ощущениями, действующими в психическом теле, мы таким образом можем объяснить упомянутые парапсихологические феномены, однако и их действие тоже будет лишь особо организованной исконной функцией сущностного чувства, Санджняны, которая сама по себе может действовать без телесных органов. Это сущностное чувство есть изначальная способность сознания ощущать в себе все сформированное сознанием, причем ощущать во всех важнейших свойствах и проявлениях того, что обладает формой, — представлено ли оно в материальном виде звуковой вибрацией, светообразом или иным физическим символом.

Знание все более и более склоняется к выводу, что не только свойства формы, например такие очевидные, как цвет, светимость и т. д., представляют собой лишь проявления Силы, но и сама форма является проявлением Силы. Эта Сила вновь оказывается собственной мощью сознательного бытия¹ в энергетическом или активном состоянии. Практически можно сказать, что всякая форма есть лишь действие сознания, которое запечатлевает в себе отпечаток представления о своем собственном процессе. Мы видим цвет, потому что таково представле-

¹ *devātmaśaktiṃ svaguṇair nigūḍhām*, сила самобытия божественного Сущего, сокрытая собственными проявлениями. Шветашватара Упанишада.

ние, которое создает для себя сознание об одном из своих действий; но цвет — это лишь действие Силы, совершающееся в форме Света, а Свет — опять же только движение, то есть действие Силы. Вопрос состоит в том, что является сущностным для данного действия Силы, запечатлевающей в себе представление формы. Ведь именно это должно определять функционирование Санджняны или Чувства, на каком бы уровне оно ни происходило.

Все начинается с вибрации, движения, изначальной *кшобхи* (*kṣobha*) или возмущения. Если нет движения сознательного бытия, оно может знать лишь собственное чистое статичное существование. Без вибрации¹ или движения бытия в сознании не может быть акта познания и, соответственно, чувствования, ощущения; без вибрации или движения бытия в силе не может быть объекта чувствования. Движение сознательного бытия как знания, которое начинает ощущать себя в качестве движения силы, — иными словами, знания, отделяющего себя от собственного действия для того, чтобы наблюдать за ним и снова вобрать его в себя через чувствование, — вот основа универсальной Санджняны. Это справедливо по отношению и к нашим внешним, и к нашим внутренним процессам. Я становлюсь гневом из-за вибрации сознательной силы, действующей как нервная эмоция, и ощущаю гнев, которым стал, благодаря другому движению сознательной силы, действующей как свет познания. Я осознаю свое тело, потому что я сам стал телом; та же сила сознательного бытия, которая сотворила эту форму самой себя, это представление о своем действии, познает себя в этой форме, в этом представлении. Я не могу знать ничего, кроме того, чем являюсь сам; если я знаю других, то потому, что они тоже являются мною, потому что мое «я» приняло облик этих выглядящих чуждыми представлений, наряду с тем, что ближе всего моему собственному ментальному центру. Таким образом, всякое ощущение, всякое действие чувств в сущности представляет собой одно и то же, идет ли речь о внешнем или о внутреннем, о физическом или о психическом.

Однако эта вибрация сознательного бытия предстает перед собой в различных формах чувственного восприятия, которые соответствуют

¹ Использование термина вызвано не тем, что он адекватно или точно передает смысл, что невозможно для физического термина вообще, но потому, что он в наибольшей степени ассоциируется с процессом изначального истечения сознания на поиски самого себя.

последовательности процессов движения по ходу того, как оно облекает себя в форму. Мы имеем, во-первых, интенсивность вибрации, создающей устойчивый ритм, который является основой и непосредственной образующей всего формосозидания; во-вторых, соприкосновение или взаимоналожение движений сознательного бытия, которые образуют ритм; в-третьих, определение группировки соприкасающихся движений, их конфигурации; в-четвертых, постоянное изливание сущностной силы для поддержания непрерывности определившегося таким образом движения; в-пятых, ежемоментное давление и сгущение силы в ее собственном движении, которое поддерживает принятую таким образом форму. Согласно санкхье, в Материи эти пять образующих процессов представлены пятью первичными состояниями субстанции — эфирным, воздушным, пламенным, жидким и твердым; далее, ритм вибрации рассматривается последователями санкхьи как *шабда* (*śabda*), звук, основа слуха; взаимоналожение — как соприкосновение, основа осязания; определение — как форма, основа зрения; поток силы — как *раса*, сок, основа вкуса; и распыление атомического сгустка — как *гандха* (*gandha*), запах, основа обоняния. Верно, что все это говорится лишь о чистой или тонкой Материи; поскольку физическая материя нашего мира является смешанным взаимодействием сил, пять первичных состояний в отдельном виде здесь обнаружить нельзя, разве что в весьма видоизмененной форме. Все это, однако, лишь физические процессы или символы. В сущности, всякое образование, вплоть до тончайших и самых недостижимых для наших органов чувств, например, форма ума, форма характера, форма души, по тщательном рассмотрении сводимо к этому пятеричному действию сознательной силы в движении.

В таком случае, Санджняна, или сущностное чувство, должна быть способна улавливать все эти движения, должна быть способна усваивать их благодаря тому единству познающего и объекта познания, которое является ее характерной чертой. Ее чувство ритма или интенсивности вибраций, которые заключают в себе все значение формы, будет основой сущностного слуха, по отношению к которому наше восприятие физического звука или сказанного слова — лишь самый внешний результат; точно так же и ее чувство соприкосновения или взаимоналожения сознательных сил должно быть основой сущностного осязания; ее чувство определения или формы силы должно быть основой сущностного зрения; ее ощущение изливания сущностного бытия

в форму — того, что составляет тайну его самосущего восторга, — должно быть основой сущностного вкуса; ее ощущение сгущения, сжатия силы и самовысвобождения, «разряда» ее сущности бытия должно быть основой сущностного вдыхания, которое в физической субстанции грубо представлено обонянием. На любом уровне, в случае любого образования эти сущностные начала чувства будут находить себе применение и так же повсеместно будут искать для себя надлежащую организацию, надлежащее функционирование.

Очевидно, что в высшем сознании это разнообразное чувствование будет представлять собой сложную совокупность функций; такую же совокупность будет представлять собой и разнообразное действие познания, что было нами только что рассмотрено. Даже если мы обратимся к физическим ощущениям, например к слуховому ощущению, то, проследив, как лежащий в основании ум воспринимает их деятельность, увидим, что по сути все ощущения присутствуют друг в друге. Ум осознает не только вибрацию, которую мы именуем звуком; он осознает также соприкосновение и взаимообмен между силой в звуке и нашей нервной силой, с которой она вступает во взаимопроникновение; он осознает определение или форму звука и сложные соприкосновения или связи, которые образуют эту форму; он осознает сущность или изливающуюся сознательную силу, которая образует и поддерживает звук, продолжая его вибрации в нашем нервном существе; он осознает наше собственное нервное вбирание в себя вибрационного разряда, который исходит от сгущения силы, образующего, условно говоря, плотность звука. Все эти ощущения входят в чувственное восприятие и радость музыки, которая есть наивысшая физическая форма данного действия силы, — они составляют нашу к ней физическую чувствительность и радость, доставляемую ею нашему нервному существу; стоит изъять одно из них — радость и чувствительность будут, соответственно, притуплены. В гораздо большей степени это сложное единство должно проявляться в более высоком, чем физическое, сознании, и наибольшей полноты это единство должно достигать в сознании наивысшем. Но сущностное чувство должно быть также способным к восприятию тайной сути всего сознательного бытия в действии, причем — как такового, а не только в виде произведенных результатов; восприятие им этих результатов само не может быть ничем иным, как выражением присущего ему глубинного ощущения сути Того, что скрыто за внешними явлениями.

Если мы с подобной тонкостью рассмотрим в свете нашей собственной глубинной психологии все эти вещи и вынесем их за пределы внешних физических явлений, которыми они скрыты, то подойдем к некому интеллектуальному представлению об ощущении за нашими ощущениями или, точнее, о Чувстве наших чувств, о Зрении нашего зрения и Слухе нашего слуха. Сознание Брахмана, о котором говорит Упанишада, — это не ушедший в себя Абсолют, но Абсолют, в своем воззрении на относительное; это Господь, Душа-Владыка, властвующая Трансцендентность и Всеобщность, Тот, кто порождает и направляет деятельность богов на различных уровнях нашего бытия. Поскольку порождает их он, то все наши действия не могут быть ничем иным, кроме психических и физических результатов и выражений чего-то сущностно свойственного его верховному созидательному воззрению: наше чувство будет являть тень божественного Чувства, наше зрение — тень божественного Зрения, наш слух — тень божественного Слуха. Эти божественные Зрение и Слух не ограничены вещами физическими, но простирают себя во все формы и действия сознательного бытия.

В своем сущностном видении и слышании верховное Сознание не зависит от того, что мы именуем зрением и слухом. Оно действует через верховное Чувство, созидательное и всеобъемлющее, по отношению к которому наши физические и психические зрение и слух — лишь внешние результаты и неполные процессы. Оно не пребывает о них в неведении, как и не исключает их, ибо раз оно образует и направляет их, то должно и осознавать их — но с уровня верховного, *param dhāma*, в поле зрения, которое охватывает все; ведь его изначальное действие есть то высочайшее движение Вишну, которое, по словам Веды, провидцы созерцали как простертое в небесах око. Это то, благодаря чему душа видит то, что она видит, и слышит то, что она слышит; однако всякое ощущение приобретает свою истинную ценность и обретает свою абсолютность, свою бессмертную реальность тогда, когда мы перестаем искать удовлетворения в чисто внешних, физических чувствах и идем за пределы даже психического бытия к тому духовному или сущностному, что есть источник и начало всего остального, что ведает все остальное, образует его и придает ему истинную ценность.

Только это духовное чувствование вещей, в нас скрытое и сверхсознательное, наделяет психическое и физическое чувства бытием, досто-

инством и реальностью; сами по себе они ничто. Когда мы достигаем его, эти низшие процессы как бы возвышаются до его уровня, а мир в целом и все в нем для нас изменяется, обретая иную, нематериальную ценность. Это пребывающее в нас Владычественное Сознание ощущает наши ощущения от предметов, видит то, что мы видим, слышит то, что мы слышим, уже не ради чувств и их желаний, но охваченное самосушим Блаженством, у которого нет причины, начала или конца, вечное в своем бессмертии.

10 — Сверхжизнь — Жизнь нашей жизни

НО сознание Брахмана не только Ум нашего ума, Речь нашей речи, Чувство нашего чувства; оно также Жизнь нашей жизни. Другими словами, это верховная и универсальная энергия существования, по отношению к которой наша материальная жизнь и поддерживающая ее энергия — лишь низший продукт, физический символ, внешнее и ограниченное функционирование. То, что управляет нашим существованием и его функциями, живет и действует не через них, но является их наивысшей причиной и суправитальным началом, из которого они сформированы и которым они управляются.

Английское слово «жизнь» служит для передачи различных смысловых оттенков, но знакомое нам по Упанишадам и языку йоги слово «прана» ограничено по своему значению — это жизненная сила как таковая либо ее функционирование. В просторечии Прана действительно обозначала легочные вдох и выдох, а соответственно, и жизнь или жизненное дыхание в самом материальном и обычном смысле; Упанишады, однако, употребляют это слово в ином, философском смысле. Прана Упанишад — это сама жизненная энергия, присутствующая во всем теле и действующая в нем через пятеричное движение, каждый из элементов которого имеет свое наименование и является необходимым для осуществляющейся через дыхание жизнедеятельности тела. В сущности, собственно легочное дыхание — лишь один из основных видов движения жизненной энергии, первый из пяти, процесс, как правило, насущно необходимый для поддержания и распределения энергии в физическом теле, но и он может быть приостановлен без того, чтобы наступила смерть.

Существование витальной силы или жизненной энергии было поставлено западной наукой под сомнение, потому что эта наука поглощена исключительно самыми внешними из процессов Природы и до сих пор не обрела подлинного знания ни о чем, кроме физического и находящегося на поверхности. Прана же, эта жизненная сила, сама по себе не является физической; это не материальная энергия, но,

скорее, иное начало, поддерживающее Материю и вовлеченное в нее. Она поддерживает и занимает собой все формы, и без нее не может возникнуть или существовать ни одна из форм физического. Она действует во всех материальных силах, таких, как электричество, и в наибольшей степени приближена к самой себе в тех из них, которые ближе всего к силе в чистом виде; ни одна материальная сила не может без нее существовать или функционировать, ибо все они черпают в ней энергию и движение, выступая в качестве ее носителей. Но все материальное есть лишь арена действия Праны и ее формовыражение, сама же по себе она является энергией в чистом виде, причиной материального, а не его результатом. Следовательно, она не может быть обнаружена никаким физическим анализом; физический анализ может показать нам лишь комбинации тех материальных процессов, которые являются ее результатами, внешними ее знаками и символами ее присутствия и действия.

Каким же образом мы осознаем ее существование? Благодаря очищению нашего ума и тела и развитию, «утопнению» наших средств восприятия и познания, что достигается йогой. Наши аналитические способности перестают сводиться к расщеплению форм на их грубые физические элементы, и мы начинаем отличать действие чисто ментального начала от начала материального, а действие их обоих — от витального или динамического, которое служит между ними связующим звеном и оба их поддерживает. Тогда мы становимся способными различить движение пранических токов не только в том, что обычно является единственным предметом нашего осознания, — в физическом теле, но и в той тонкой форме нашего существа, которая, как открыла йога, лежит в основе физической формы и поддерживает ее. Обычно это достигается в процессе *пранаямы* — практики управления дыханием и контроля над ним. Благодаря пранаяме занимающийся хатха-йогой может контролировать, приостанавливать и преодолевать обычно неизменную деятельность пранической энергии, которой для Природы довольно, чтобы обеспечить нормальное функционирование тела, физической жизни и ума; он начинает осознавать каналы, по которым эта энергия распределяется во всех осуществляемых ею процессах, и поэтому становится способен проделывать со своим телом вещи, которые несведущим кажутся чудесами — как казались бы магией вещи, которые благодаря знанию о действии материальных сил может проделывать с ними ученый-физик, не имея мы сведений о соответствующих

законах и процессах. Вся жизнедеятельность физической формы управляется Праной, и это касается не только обычных постоянных процессов, не только тех, которые всегда потенциально присутствуют и легко могут быть извлечены на поверхность и приведены в действие, но и тех, возможность реализации которых значительно меньше и которые представляются нашему обыденному опыту чрезвычайно сложными или невозможными.

Однако праническая энергия поддерживает не только процессы нашей физической жизни, но и деятельность ума в живом теле. Поэтому благодаря контролю над пранической энергией возможно не только управлять нашими физическими и витальными функциями и выходить за рамки их обычных процессов, но и контролировать работу ума, превосходя и его обычную деятельность. Ведь в действительности человеческий ум всегда зависит от пранической силы, соединяющей его с телом, через которое он себя проявляет, и может демонстрировать свою собственную силу лишь соразмерно тому, насколько ему удастся задействовать для своих надобностей и подчинить своим целям энергию Праны. Поэтому по мере того, как йогин устанавливает контроль над Праной и через ее направленную аккумуляцию открывает те нервные центры, *чакры*, в которых в обычном состоянии она заторможена или действует неполно, он обретает способность проявлять такие силы ума, чувствительности и сознания, которые выходят за рамки нашего обыденного опыта. Так называемые оккультные силы йоги как раз и есть способности, которые таким образом открываются по мере того, как йогин продвигается в управлении Праной и, очищая каналы ее движения, устанавливает все более прочную связь между сознанием своего тонкого, сублиминального существа и сознанием его грубого, физического и поверхностного существования.

Прана, таким образом, является витальной или нервной силой, которая несет деятельность ума и тела, соединена с ними наподобие запряженного в колесницу коня и направляется умом на путях, которыми он стремится к объектам своих желаний. Поэтому Упанишада говорит о ней как о запряженной, о стремящейся вперед, о ведомой, вызывая в памяти с помощью этих образов ведический символ Коня, которым постоянно обозначается в Ригведе праническая сила. Фактически, она является тем, что осуществляет все процессы мира, повинувшись сознательному или подсознательному уму и действуя применительно к условиям материальной силы и формы. Если ум есть то движение

Природы в нас, которое в рамках нашего материального и феноменального бытия и в условиях тройственного плана Неведения представляет аспект Брахмана как знания, сознание Ведающего; а тело — то движение, которое аналогичным образом представляет бытие Сущего в маске субстанции, делимой на феноменальном уровне; то Прана или жизненная энергия представляет в потоке феноменального мира силу, активное динамическое начало Господа, который руководит и наслаждается проявлением Своего собственного бытия¹. Это универсальная энергия, присутствующая в каждом атоме, в каждой частице вселенной и действующая в каждом завихрении и всплеске потока постоянного движения и взаимообмена, который образует мир.

Однако подобно тому, как ум представляет собой лишь низшее движение верховного Сознания-Бытия, а над умом существует начало божественного и беспредельного сознания, воли и знания, управляющее его деятельностью в неведении, и именно это высшее начало, а не ум служит Брахману для познания Своего собственного бытия и в нем самом, и в проявлении, так должно обстоять дело и с Жизненной Силой. Особенности Жизненной Силы, как она проявляет себя в нас, — это желание, это неутолимый «голод», жажда обладания, это пожирающее собственный объект наслаждение и опирающиеся на чувственность движения и реакции, которые стремятся проникнуть в объект своего желания, охватить его, завладеть им и вобрать в себя². Как верховное знание не может мыслить в терминах невежественного, движущегося ощупью, ограниченного и обособленного ума, так и истинная жизнь не может заключаться, а высшая божественная энергия действовать в этом дыхании желания и смертного наслаждения. Как движения ума лишь представляют, отражают верховное сознание и знание в условиях двойственности и неведения, так и движения жизненной силы, соответственно, могут быть только отражением верховной энергии, выражающей более высокое и истинное существование, которое, вследствие обладания такими сознанием и знанием, свободно от желания, от жажды, от мимолетных наслаждений и ущербных действий.

¹ Эта триада представляет собой обратные аспекты Чит, Сат и Чит-Тапас.

² Все эти значения подразумеваются ведическими риши при использовании ими для Праны слова *aśva*, Конь, ибо все они присутствуют в его корне, как видно по словам *āśā* — надежда, *aśanā* — голод, *aś* — есть, *aś* — наслаждаться, *aśu* — быстрый, *aś* — двигаться, обретать, проникать и т. д.

То, что здесь является желанием, там должно быть самосушей Волей или Любовью; то, что здесь является ненасытной жаждой, там должно быть не обусловленной желанием удовлетворенностью; то, что здесь является наслаждением, там должно быть самосушим восторгом; то, что здесь является неуверенной деятельностью и реакцией, там должно быть всемогущей энергией, безраздельно обладающей собой и всем, — такова должна быть Жизнь нашей жизни, которой поддерживается и ведется к цели наша низшая деятельность. Брахман не дышит этим дыханием, не живет этой Жизненной Силой с ее двойственностью рождения и смерти.

Что же тогда такое Жизнь нашей жизни? Это верховная Энергия¹, которая есть не что иное, как беспредельная сила действия верховного сознательного Бытия в Его собственном озаренном «Я». Самосуший озаренно осознает Себя и полон Своим восторгом; и это самосознание есть вневременное обладание собой, которое в действии проявляется как сила беспредельного сознания — всеведущего и вместе с тем всемогущего; ибо оно существует между двумя полюсами: один являет вечный покой и чистое тождество, другой — вечную энергию и тождество Всего с самим собой, причем покой вечно служит опорой энергии. Это есть подлинное существование, Жизнь, из которой проистекает наша жизнь; это есть бессмертие, а то, за что мы цепляемся как за жизнь, — это «голод, который есть смерть». Поэтому целью мудрых должно стать восхождение в своем озаренном сознании за пределы неистинной и феноменальной двойственности жизни и смерти к такому бессмертию.

Тем не менее эта Жизненная Сила, сколь бы низшими ни являлись ее процессы, несет в себе бытие, волю, свет того начала, которое она представляет и которое ее превосходит; Тем «ведома» она по путям своим к цели, которая подразумевается самим несовершенством движений и проявлений ее существования. Эта смерть, именуемая жизнью, есть не просто темный образ высшего света: это переход, которым мы поднимаемся через преобразование нашего бытия из смертного сна Материи в беспредельное бессмертие духа.

¹ Тапас или Чит-Шакти.

11 — Великий Переход

МЫСЛЬ Упанишады, выраженная в кратких, насыщенных, типичных для ее стиля высказываниях первой части, сводится в итоге к тому, что жизнь ума, ощущений, витальной активности, которую мы ведем, — не вся и не основная часть нашего существования — не высшее, не самосущее, не владычествующее над собой. Это лишь внешнее окаймление, низший продукт, низшее действие чего-то запредельного; это неполное и несвязное, несовершенное и неудовлетворительное сознание и функционирование ума, жизни и чувств были развиты, поддерживаются и управляются сверхсознательным Существованием. Наше развитие, наша цель, предначертанные нам полнота и удовлетворенность состоят в том, чтобы подняться из этого внешнего и поверхностного сознания к тому и в то сверхсознательное.

Упанишада не утверждает нереальность, но лишь неполноту и подчиненность нашего нынешнего существования. Все, чем мы здесь влечемся, — это несовершенный образ, нарушенное и разобщенное проявление того, что как абсолютное совершенство вечно пребывает на высшем уровне существования. Наш ум, не владеющий своим объектом, действующий на ощупь, вслепую, терзаемый заблуждениями и несостоятельностью, основывающийся в своей деятельности на внешнем видении вещей, есть лишь тень, отбрасываемая сверхсознательным Знанием, которое владеет, создает и уверенно использует истину вещей, поскольку ничто для него не является внешним, ничто ему не чуждо, ничто не отделено и не находится в конфликте с его всеобъемлющим самосознанием. Таков Ум нашего ума. Наша речь, ограниченная, механическая, несовершенно передающая внешнюю сторону вещей, стесненная узким кругом ума, зиждущаяся на чувственных видимостях, есть лишь отдаленный и слабый отзвук, вибрация неведения в ответ на творческое, несущее откровение Слово, создавшее все формы, которые стремятся постичь и выразить наши ум и речь. Наше чувство, движение в материале сознания, вибрирующем от внешних воздействий, несовершенное в попытках удержать их

с помощью затрудненных и несогласованных реакций, есть лишь искаженный образ верховного Чувства, которое мгновенно, полно, гармонично соединяется со всем и наслаждается всем, что верховный Ум и Речь создают в самоблаженной активности божественного беспредельного существования. Наша жизнь, дыхание силы, движения и обладания, привязанная к форме ума и тела и скованная этой формой, ограниченная по силе, несвободная в движении, уязвимая в обладании и поэтому пребывающая в разладе и конфликте с собой и окружающей средой, жаждущая и неудовлетворенная, порывисто мечущаяся от объекта к объекту, не в силах охватить и удержать их множественность, пожирающая предметы своего наслаждения и потому знающая лишь скоротечные удовольствия, есть лишь нарушенное движение единой, неразделенной, беспредельной Жизни, которая обладает всем и всегда удовлетворена, ибо во всем наслаждается собственным вечным «я», не поработенным разделенностью Пространства, не заполненным дробностью Времени, не обманутым чередой Причины и Обстоятельства.

Это сверхсознательное Существование, единое, сознающее себя, сознающее как свой вечный покой, так и свою всеведущую и всемогущую силу, сознает также наше существование в космосе, неся его в себе, тайно вдохновляя и всевластно им управляя. Это Господь Иша Упанишады, пребывающий во всем, что создано Его Силой, во всех формах движения в вечно движущемся космическом начале. Это наше «я» и то, из чего и благодаря чему мы сложились в нашем существе и деятельности, — Брахман. Смертная жизнь есть двойственное отображение Того, обладающее двумя противоборствующими элементами — отрицательным и положительным. Отрицательные элементы смерти, страдания, несостоятельности, вражды, разобщенности, ограниченности — темный облик, который скрывает и обеспечивает развитие того, чего еще не смогли достичь положительные элементы — бессмертие скрывается от жизни в облике смерти, блаженство скрывается от удовольствия в облике страдания, беспредельная сила скрывается от ограниченного усилия в облике несостоятельности, взаимобретение любви скрывается от желания в облике вражды, единство скрывается от овладения в облике разобщенности, беспредельность скрывается от роста в облике ограниченности. Эти положительные элементы подсказывают, что есть Брахман, но никогда не являются тем, что есть Брахман, хотя их победа, победа богов — это всегда

победа Брахмана над собственными самоотрицаниями, всегда самоутверждение Его грандиозности в противовес ее отрицанию в темном и ограничивающем обличье вещей. Но Брахман — это не просто упомянутая грандиозность, это абсолютная беспредельность. Поэтому мы не можем обрести свое «я», Высочайшее в нас, в рамках этой двойственной видимости вещей; для его обретения мы должны ее превзойти. Наш поиск положительных элементов этого существования, наше поклонение богам ума, жизни, чувства — только подготовка к действительному подвигу души, и если мы хотим осуществить себя, то должны оставить этого низшего Брахмана и познать того Высшего. Например, мы стремимся к ментальному росту, мы становимся ментальными существами, преисполненными накопленной силы мысли и богатства мысли, *dhīrāḥ*, для того, чтобы через мысль ума превзойти самый ум и прийти к Вечному. Ведь жизнь ума и чувств это всегда вотчина смерти и ограниченности; бессмертие лежит за ее пределами.

Поэтому мудрые, души которых укреплены и совершенны в сияющей силе мысли, отторгают от себя двойственности нашего ума, жизни и чувств и исходят из этого мира; они восходят за его пределы к единству и бессмертию. Слово, использованное для «исхождения», обозначает и смертный переход; его же Упанишада использует для направленного вперед движения Жизненной Силы, запряженной в колесницу воплощенного ума и чувства на путях жизни. Это совпадение несет в себе двойной и самый глубокий смысл.

Великое свершение становится возможным отнюдь не отвержением жизни на земле ради поиска бессмертия на других, более благоприятных уровнях существования. Бессмертие должно быть завоевано здесь, *ihaiya*, в этих смертных жизни и теле, в этом низшем Брахмане и этой воплощенной душой должно быть познано и обретено Высочайшее. «Если здесь не постигают его — велика погибель». Эта жизненная сила в нас ведома вперед влечением к верховной Жизни, следуя по путям постоянного обогащения с помощью различных типов Брахмана до тех пор, пока не достигнет точки, где движение вперед должно обрести всю полноту, где она должна осуществить выход из смертной жизни, смертного видения мира, перейдя в некую Запредельность. До тех пор, пока смерть не побеждена полностью, этот исход в запредельность предстает в виде смерти и перехода в иные миры, где смерти нет, где вкушается тип бессмертия, соответствующий тому,

что мы обрели здесь в опыте нашей души; однако притяжение смерти и ограниченности не преодолено, ибо они по-прежнему скрывают нечто еще не достигнутое нами из бессмертия и беспредельности; поэтому есть необходимость в возвращении, есть насущная надобность продолжать жизнь в смертном теле, что неминуемо до того момента, когда мы перейдем за грань всяческих типов в само бытие Беспредельного, Единого и Бессмертного.

Миры, о которых говорит Упанишада, по сути своей являются состояниями души, а не географическими частями космоса. Сама эта материальная вселенная — лишь существование, увиденное нами в условиях, когда душа пребывает на уровне материального движения и опыта погружения духа в форму, а поэтому вся структура мира, в котором душа движется благодаря жизни и который охватывает благодаря сознанию, определяется принципом бесконечного разделения и сочетания, свойственного Материи, субстанции формы. Это и становится миром души или ее видением вещей. И к какому бы состоянию она ни восходила, ее видение вещей будет меняться в соответствии с этим состоянием; в его структуре она будет двигаться в своей жизни, его охватывать своим сознанием. Вот что такое в древней традиции миры.

Но душа, которая полностью реализовала бессмертие, выходит за пределы всех миров и освобождается от всех структур. Она вступает в бытие Бога; как это главенствующее сверхсознательное «Я» и Брахман, она не подвержена жизни и смерти. На нее больше не распространяется необходимость вступать в цикл новых рождений, беспрестанно путешествовать между поработавшими двойственностями смерти и рождения, положительного и отрицательного; она превзошла имя и форму. Эту победу, это верховное бессмертие она должна обрести здесь, как воплощенная душа в смертном мироустроении. Впоследствии, как Брахман, она превосходит и при этом объемлет все космическое существование, но не зависит от него. Таким образом, личная свобода, личное осуществление достигается освобождением души от рабства в форме этой меняющейся личности и восхождением к Единому, который есть Все. Если же затем происходит принятие смертного облика, то это именно принятие, а не подчинение, это оказание помощи миру, а не получение помощи от него, нисхождение одушевленного сверхсознательного существования не в силу какой-либо личной потребности, но ввиду всеобщей нужды в космических усилиях

на благо тех, кто еще не свободен, не осуществил себя, нуждается в помощи и поддержке со стороны силы, которая уже познала путь наверх, к цели, на своем опыте и свершила в тех же условиях Труд и Жертвоприношение.

ПРЕЖДЕ чем рассмотреть вопрос, как мы, учитывая, что́ есть Брахман и что́ есть мы, можем осуществить переход от состояния ума, жизни и чувств, свойственного человеку, к состоянию, свойственному верховному Сознанию, являющемуся владыкой ума, жизни и чувств, возникает еще один вопрос первостепенной важности. Упанишада не ставит его напрямую, но подразумевает и отвечает на него, делая сильнейший акцент на этом решении и тончайшим образом варьируя повторения того, что по видимости представляется парадоксом.

Мы должны оставить низший статус творения, подчиненного движению Природы в космосе, ради Владычественного Сознания Брахмана; но сколь бы величественным и высоким ни было это Владычественное Сознание, оно находится в некоем отношении к вселенной и космическому движению; оно не может быть сугубым Абсолютом, Брахманом, превосходящим всякую относительность. Эта Сознательная Сущность, которая творит, поддерживает и направляет наши ум, жизнь и чувства, есть Господь; но там, где нет относительной вселенной, не может быть и Господа, ибо нет движения, которое бы он превосходил и которым управлял. Не является ли тогда сам этот Господь, используя более позднюю терминологию, не столько творцом Майи, сколько порождением Майи? Не исчезает ли Господь вместе с космосом, когда мы выходим за пределы космоса? Не существует ли единственная истинная реальность только за пределами всякого космоса? И не эту ли единственную истинную реальность нам должно познать и обрести, а отнюдь не Ум нашего ума, Чувство нашего чувства, Жизнь нашей жизни, Слово за нашей речью? И если мы должны шагнуть через все следствия к Причине, то не должны ли мы равным образом шагнуть и через Причину туда, где нет ни причины, ни следствия? Не является ли даже бессмертие, о котором говорят Веды и Упанишады, чем-то малозначимым, что должно превзойти и оставить? И не должны ли мы стремиться к совершенно Невыразимому, в котором смертность и бессмертие перестают что-либо значить?

Упанишада не ставит вопрос таким образом и в таких выражениях, что стало возможным лишь после того, как на передний план нашего мировоззрения выдвинулись нигилистический буддизм и ведантистский иллюзионизм, видоизменив язык и представления философии. Но ей известно о существовании невыразимого Абсолюта, который есть совершеннейшая реальность и абсолютность Господа, как Господь есть абсолютность всего сущего в космосе. О Том она говорит далее единственно доступным для человеческого ума способом.

Она дает следующий ответ на наш вопрос: То есть действительно Непознаваемое¹, которое ни с чем нельзя соотносить² и о котором, соответственно, наш интеллект должен всегда хранить молчание. Указание познать совершенно Непознаваемое будет лишено всякого смысла или практического значения. Нельзя сказать, что То есть Ничто, чистое Отрицание, но и нельзя описать его с помощью каких-либо доступных нашему уму, нашей речи и восприятию положительных характеристик; даже указать на него с их помощью невозможно. Нам ведомо лишь малое, и лишь в формы этого малого мы можем облекать наше знание. Даже выйдя в запредельность к подлинной форме Брахмана, которая не является нашей вселенной, мы все равно сможем лишь указать, но не описать ее. И если мы считаем, что познали его совершенно, то тем самым обнаруживаем свое неведение; мы показываем, что действительно знаем ничтожно мало, не постигая даже того малого, что в принципе можем облечь в форму знания. Ибо вселенная, предстающая взору нашего ума, есть лишь ничтожный, ограниченный, фрагментарный образ существования и сознания, и в рамках этого фрагментарного видения мы фрагментарно же познаем и выражаем феномены, и нам никогда не удастся втиснуть в наши умственные и словесные построения всю эту беспредельную цельность. Тем не менее мы должны прийти к Тому именно через начала, проявленные во вселенной, через жизнь, через ум и через то высочайшее умственное знание, которое постигает фундаментальные Идеи, подобные дверям, скрывающим за собой Брахмана и одновременно словно бы ведущим к Нему.

Если только таким образом мы можем постичь Владычественное Сознание, которое есть форма Брахмана, то, следовательно, в еще

¹ *ajñeyam atarkyam.*

² *avyavahāryam.*

меньшей степени мы можем претендовать на познание его совершенно неопишуемой реальности, которая находится за пределами любого знания. Но если бы этим все исчерпывалось, то для души не оставалось бы надежды, а наивысшей мудростью стал бы смиренный агностицизм. Истина состоит в том, что, превосходя таким образом наше разумение и наше наивысшее умозрительное знание, Высочайший все же открывает Себя и нашему познанию, и нашему разумению свойственным тому и другому путем, и мы, используя этот путь, можем к Нему прийти, — но лишь в том случае, если не сочтем умозаключения, порождаемые нашим умом, и постижения, добываемые нашей наивысшей мыслью, всей полнотой знания и, довольные достигнутым, на том не успокоимся.

Путь состоит в правильном использовании для такого познания нашего ума — в той мере, в какой оно доступно его наивысшим, облагороженным способностям. Мы должны познать форму Брахмана, Владычественное Сознание Господа посредством вселенной и вместе с тем вне пределов вселенной, в которой живем. Но сначала мы должны отвергнуть то, что представляет собой просто форму и явление во вселенной; ибо оно не имеет ничего общего с формой Брахмана, телом «Я», ведь это не Его Форма, а лишь самая внешняя Его маска. Поэтому наш первый шаг должен состоять в проникновении по ту сторону форм Материи, форм Жизни, форм Ума и в возвращении к тому, что сущностно, наиболее реально, наиболее близко к подлинному началу. И когда путем анализа и исключения форм мы дойдем до фундаментальных космических начал, то окажется, что в действительности есть всего лишь два таких фундаментальных начала — мы сами и боги.

Предполагается, что в Упанишаде боги символизируют аспекты нашего чувственного восприятия, но хоть они и проявляют себя в чувственном восприятии, к нему, однако, далеко не сводимы. Они олицетворяют божественную мощь в ее великих и основополагающих космических процессах — как в человеке, так и в уме, жизни и материи в целом; они — не процессы как таковые, но некое выражение Божественного, которое лежит в основе этих процессов и которое является их непосредственным распорядителем и причиной. Они, как мы видим в других Упанишадах, являются позитивными самоотображениями Брахмана, ведущими к добру, радости, свету, любви, бессмертию в противовес всему, что являет собой темное отрицание этих принципов. И именно ум, жизнь, чувства и речь человека неизбежно стано-

вятся той ареной, где эта битва достигает своего апогея и обретает полноту своего смысла. Боги стремятся привести их к добру и свету, а титаны, сыны тьмы, стремятся пронзить их неведением и злом¹. За богами стоит Владычественное Сознание, которое через них позитивно отображает себя в космосе.

Другое начало, представляющее в космосе Брахмана, — это «я» живого и мыслящего создания, человека. Это «я» тоже не является внешней маской; оно не есть форма ума, не есть форма жизни либо форма тела. Оно есть нечто несущее их и делающее их бытие возможным, нечто могущее с уверенностью, подобно богам, сказать: «Я есть», а не только: «Я кажусь». Мы должны поэтому тщательно рассмотреть два этих начала, чтобы выяснить их отношение друг к другу и к Брахману; или же, как выражается Упанишада, «то из этого, что в тебе, то из этого, что в богах, вот *то*, что должно распознать твоему уму». Итак, что же от Брахмана во мне? И что от Брахмана в богах? Ответ очевиден. В космосе мое «я» является отображением, но это *реальное* отображение того «Я» в рамках всего, чему космос предназначен; боги в космосе тоже являются отображением — отображением реальным, ибо без них космос прекратил бы свое существование, — но уже отображением Господа. Единое верховное «Я» есть сущность всех индивидуальных существований; единый верховный Господь есть Божественность в богах.

«Я» и Господь являются единым Брахманом, которого мы можем реализовать через свое «я» и можем реализовать через то, что является сущностным в космическом движении. Как наше «я» образует наш ум, тело, жизнь, чувства, так то «Я» образует весь ум вообще, всю жизнь, все тела и чувства; оно есть источник и сущность мира. Как боги, опираясь на наше «я», управляют космосом нашего индивидуального бытия, действием нашего ума, чувств и жизни, так Господь в качестве Ума ума, Чувства чувств, Жизни жизни управляет всем космосом вообще и всеми формами бытия, опираясь в Своей активной божественности на Свое безмолвное сущностное самобытие. И подобно тому, как мы, проникнув по ту сторону форм космоса к тому, что является сущностным для их бытия и движения, обнаружили наше «я» и богов, так мы должны проникнуть по ту сторону нашего «я» и по ту сторону богов, чтобы обнаружить единое верховное «Я» и единую

¹ Чхандогья и Брихадараньяка Упанишады.

верховную Божественность. Тогда мы сможем сказать: «Я думаю, что я знаю».

Однако мы тут же должны будем уточнить свое утверждение. Я не думаю, что мое знание совершенно, ибо совершенное знание недостижимо при помощи тех орудий познания, которыми я обладаю. Ни на одно мгновение мне не приходит мысль, что я знаю Непознаваемое, что То может быть облечено в формы, через которые я должен прийти к «Я» и Богу; но одновременно я больше не нахожусь в неведении, я ведаю Брахмана тем единственным образом, каким могу Его ведать — в Его самооткровении мне через доступные моей психологии аспекты, проявленного как «Я» и Господь. Тайна существования открыта совершенно удовлетворительным для моего бытия образом, ибо, во-первых, через эти образы я в состоянии постичь ее в той мере, в какой это вообще в моих возможностях; а во-вторых, я могу в нее войти, жить в ней, пребывать с ней в одном законе и бытии и даже раствориться в Брахмане.

Если мы вообразим, что постигли Брахмана умом, и в этом заблуждении сведем наше познание Его к категориям, предложенным нашей ментальностью, тогда наше знание знанием являться не будет; это будет малое знание, которое превращается в заблуждение. Не имеют подлинного понятия о Брахмане и те, кто пытается уместить его в наше представление о фундаментальных идеях, в которых мы выделяем Его мыслью, поднимающейся над обычным ментальным восприятием, ибо они принимают некие идеи-символы за Реальность. С другой стороны, если мы признаем, что наши ментальные представления — лишь множество путеводных нитей для восхождения за пределы ментального восприятия, и будем использовать эти идеи-символы и их композиции, создаваемые нашей величайшей мыслью, для того, чтобы выйти через символ к реальности, то мы верно используем ум и наши высшие познавательные способности по их верховному назначению. Ум и высшие познавательные способности находят удовлетворение в Брахмане в том числе и оттого, что Он их превосходит.

Ум в состоянии некоего наивысшего понимания и восприятия может лишь отражать форму, образ Всевышнего в том виде, в каком Он являет Себя нашей ментальности. Через это отражение мы обретаем и познаем; цель познания достигнута, ибо мы нашли бессмертие, мы вступили в закон, в бытие, в упоительность сознания Брахмана. Через самореализацию Брахмана как нашего «я» мы обретаем силу, божест-

венную энергию, которая возвышает нас над ограниченностью, слабостью, тьмой, горестями, всепроникающей тленностью нашего существования; через познание единого Брахмана во всем сущем и во всем многообразии космического движения мы выходим за их пределы в беспредельность, во всемогущее бытие, во всеведущий свет, в чистую упоительность божественного существования.

Это великое свершение должно произойти здесь, в смертном мире и ограниченном теле, ибо тогда мы достигаем нашего истинного существования и больше не прикованы к своему феноменальному становлению. Но если нам это не удастся, то велика наша потеря, «велика погибель», ибо мы по-прежнему будем неизменно пребывать во власти феноменальной жизни ума и тела, не поднимаясь от нее к истинному супраментальному существованию. Если мы не найдем его здесь, не принесет нам его и смерть, пусть мы и окажемся в ином, менее тягостном мире. Лишь те, кто использует свое пробужденное самосознание и просветленное восприятие для поиска и открытия этого Единого и Бессмертного во всем сущем, этого всепорождающего «Я», пребывающего во всем Господа, могут действительно осуществить переход за пределы жизни и смерти, могут покончить с этим смертным состоянием, преодолеть его границы и вознестись ввысь к бессмертию, что выше мира.

В таком случае, именно в этом и ни в чем другом состоит средство, которым должно овладеть, и цель, которой должно достичь. «Нет иного пути для великого странствия». «Я» и Господь — есть тот неопишемый, непознаваемый, невыразимый Парабрахман, и даже когда мы стремимся исключительно к тому, что для нас непознаваемо и неопишимо, мы тем не менее все равно всегда находим именно «Я» и Господа, хотя старание наше в таком случае не окажется той прямой и посильной дорогой, которая предназначена воплощенной душе, стремящейся здесь обрести свое истинное существование¹. Они — самопроявленная Реальность, которая таким образом предстает перед человеком в качестве высшей цели его устремлений и венца всех его трудов.

¹ Гита.

13 — Притча о богах

От утверждения об относительной познаваемости непознаваемого Брахмана и обоснования справедливости стремления души к тому, что превышает ее нынешнее состояние и способности, Упанишада переходит к вопросу о средствах, с помощью которых это обращенное ввысь стремление может установить связь с искомым объектом. Как проникнуть за занавес, как субъективному сознанию человека войти во владычественное сознание Господа? Есть ли мост через эту пропасть? Нам уже было указано на познание как на наиглавнейшее из доступных нам средств, на познание, которое начинается с некоего отражения истинного существования в пробужденном ментальном понимании. Но Ум — один из богов; Свет, который находится за ним, есть воистину величайший из богов, Индра. В таком случае пробуждение всех богов к осознанию сущности того, чем они являются, единого Божества, которое они представляют, должно происходить через величайшего из них. Посредством ментальности, которая открыла себя Уму нашего ума, чувство и речь тоже откроют себя Чувству наших чувств и Слову за нашей речью, а жизнь — Жизни нашей жизни. Далее Упанишада развивает этот вывод из ее главного предположения с помощью удивительной притчи или аллегии.

Боги, силы, которые утверждают Добро, Свет, Радость и Красоту, Мошь и Искусность, одержали победу в своей вечной битве с силами отрицания. На деле же, за ними стоял Брахман, и именно он принес им эту победу; правящий всем Владыка всего своей решающей волей склонил чашу весов, повергнул своих темных детей и возвысил детей Света. Вследствие этой победы Владыки всего, боги осознают, как могущественны они в своем развитии, как пышно расцветают в человеке их величие, их радость, их свет, их слава, их сила и наслаждение. Однако их видение по-прежнему не постигает их собственной глубиннейшей истины; они познали себя, они не познали Вечного; они знают божества, они не знают Бога. Победа поэтому видится им как их собственная, величие — как их собственное. Этот изобильный расцвет богов, возвышение их величия и света означают продвижение человека к его обычным

идеалам совершенно просветленной ментальности, сильной и здоровой витальности, хорошо развитого тела и органов чувств, гармоничной, богатой, активной и счастливой жизни — эллинистическим идеалам, которые современный мир считает верхом развития заложенного в нас. Когда в личности или обществе происходит подобный расцвет, боги в человеке сияют, делаются сильными, счастливыми; им кажется, что мир ими завоеван, и они начинают делить его и наслаждаться им.

Однако это не вся полнота того, что предначертано Брахманом для вселенной и живого существа. Величие богов — это Его величие и победа, но даруются они лишь с тем, чтобы человек мог приблизиться к точке, где способности его обретают достаточную силу для превосходения себя и реализации Трансцендентного. Поэтому Брахман являет Себя перед ликующими богами в их благополучном мире и самим Своим безмолвием задает им вопрос, который потрясает сердца и мир: «Если вы — это все, то что такое я? Ибо, смотрите, я есть и я перед вами». Явившись, Он не открывает Себя, но видится и ощущается ими как смутное грандиозное присутствие, как Якша, Гений, Дух, неведомая Мощь, ужасный Некто за пределами добра и зла, для которого добро и зло — лишь орудия Его продвижения к полному самовыражению. И вот в божественном собрании — сумятица и тревога; боги ощущают угрозу и потребность понять происшедшее: в худшем случае перед ними — чудовищные, ужасающие силы, еще неведомые и не побежденные, которые могут разрушить созданный ими прекрасный мир, перевернуть и разнести в прах сияющую гармонию интеллекта, эстетического разума, моральной природы, витальных желаний, тела и чувств, которую они с такими трудами воздвигли; в лучшем случае, они столкнулись с непознанным, что превыше всего этого и потому тоже несет в себе угрозу, ибо малое осуществленное не в силах противостоять великому неосуществленному, не может отгородиться от грандиозного, от беспредельного, которое напирает на хрупкие стены, воздвигнутые нами для того, чтобы очертить и защитить наше ограниченное бытие и наслаждение. Брахман предстает пред ними как Неведомое; боги не постигают, кто этот Гений, этот «Дух могучий».

И вот Агни первым отправляется по их призыву узнать, с кем они столкнулись, какова его сущность и где его пределы. В одном принципиально важном отношении боги Упанишады отличаются от богов Ригведы; последние не только выступают как силы Единого, они сознают свой источник и истину своего с ним тождества; они ведают

Брахмана, они пребывают в верховной Божественности, их исток, их обитель, их уровень бытия — это сверхсознательная Истина. Да, они проявляют себя в человеке в форме его способностей и принимают облик человеческой ограниченности, проявляют себя в низшем космосе и принимают форму космических процессов; однако то есть их низшее, меньшее движение, вне пределов которого они всегда являются Единым, Трансцендентным и Дивным, Владыкой Силы, Восторга, Знания и Бытия. В Упанишадах же идея Брахмана возобладавала, свергнув богов с этого высокого пьедестала таким образом, что они предстают лишь в своих низших человеческих и космических проявлениях. Их другие ведические аспекты по большей части сохранены. Здесь три бога Индра, Ваю и Агни представляют космическое Божественное Начало на каждом из трех его уровней: Индра — на ментальном, Ваю — на витальном, Агни — на материальном. В таком порядке, начиная с материального, обращаются они к Брахману.

Агни — это жар и пламя сознательной силы в Материи, которая воздвигла вселенную; это он сделал возможным становление жизни и ума, он развил их в материальной вселенной, где является высшим божеством. И прежде всего, он есть тот, кто дает исходный стимул речи, для которой Ваю является выразителем, а Индра — господином. Этот жар сознательной силы в Материи есть Агни Джатаведас, ведающий все, что рождено; ему известны закон, процесс, пределы и отношения всего, что рождено, всякого феномена космоса. И если пред ними некое могучее Порождение космоса, нечто неопределенное новое, развившееся из космических борений и процессов, то кому же узнать его, определить его пределы, силу, возможности, как не Агни Джатаведасу?

Полный уверенности в себе, устремляется он к предмету исследования и встречает со стороны того вызов: «Кто ты? Что за сила в тебе?» Его имя Агни Джатаведас, Мощь, лежащая в основании всякого рождения, всякого процесса в материальном космосе, которая охватывает и ведает их действие, и его сила в том, что он, как пламя Времени и Смерти, может пожрать все таким образом рожденное. Все для него — пища, которую он усваивает и превращает в материал для нового рождения и образования. Однако он, всепожирающий, невзирая на всю свою силу, не может пожрать ничтожную сухую былинку, когда за ней стоит могущество Вечного. Ничего не раскрыв, Агни вынужден вернуться. Выяснилось лишь одно: Дух этот не является Порождением

материального космоса, не является началом преходящим, подверженным пламени и дыханию Времени; для Агни он слишком велик.

Еще один бог откликается на зов. Это Ваю Матарिशван, великое Жизненное Начало, тот, кто движется, дышит, бесконечно расширяется и возрастает в материнском элементе. Все вещи вселенной есть движение этой могучей Жизни; это он принес Агни и тайно поместил его во все сущее; для него были воздвигнуты миры — чтобы Жизнь двигалась в них, чтобы она действовала, чтобы бурлила и наслаждалась. Если Дух этот не порождение Материи, но некая колоссальная Жизненная Сила, действующая в глубинах либо высотах бытия, то кому ее познать, кому охватить ее в своем вселенском распространении, как не Ваю Матарिशвану?

С такой же уверенностью бросается он к предмету и так же остановлен грозным: «Кто ты? Что за сила в тебе?» Он — Ваю Матарिशван, и сила его в том, что он, Жизнь, может вовлечь в себя все вещи, охватить их своим возрастанием, завладеть ими для владычества и наслаждения. Но даже самым наимельчайшим из малого не может он завладеть и обладать, если это ничтожно малое защищено от него покровом Всемогущего. Теперь и Ваю возвращается, ничего не раскрыв. Ясно лишь, что перед ним не форма или сила космической Жизни, которая действует в границах всеохватного жизненного импульса; слишком велик явившийся для Ваю.

Приходит черед Индры, Могучего, Изобильного. Индра — это мощь Ума; чувства, используемые Жизнью для наслаждения, есть функции Индры, осуществляемые им в целях познания, а все создаваемое, несомое и разрушаемое Агни во вселенной является для Индры сферой и предметом деятельности. Таким образом, если это неизвестное Существование есть нечто, за что могут ухватиться чувства, или же нечто, что может помыслить ум, то Индра сможет познать его и сделать частью своих изобильных владений. Однако это не то, что могут уловить чувства, и не то, что может помыслить ум, поэтому когда Индра к нему приближается, оно исчезает. Ум может помыслить лишь то, что ограничено Временем и Пространством, а Брахман же этот, по выражению Ригведы, не есть сегодня и не есть завтра, и хотя он движется и доступен в сознательном бытии всего сознательно сущего, он исчезает из поля зрения ума, когда тот пытается к нему приблизиться и изучить его в собственном бытии. Вездесущий недостижим для чувственного восприятия. Всеведущий не может быть познан ментальностью.

Однако Индра, в отличие от Агни и Ваю, не прекращает свое исследование; он продолжает свой путь в высочайшем эфире чистой ментальности, и там ему встречается Женщина, сияющая множеством образов, Ума Хаймавати; от нее он узнает, что Дух этот — Брахман и что лишь благодаря ему побеждают и самоутверждаются боги ума, жизни и тела, лишь в нем они возвеличиваются. Ума — это верховная Природа, из которой рождается космическое действие в целом; она — апогей чистоты и наивысшая сила Единого, который здесь сияет во множестве форм. От этой верховной Природы, что является также верховным Сознанием, должны боги узнать собственную истину; они должны отражать в себе ее, а не ограничиваться собственным низшим движением. Ведь она обладает ведением и сознанием Единого, в то время как низшая природа ума, жизни и тела может помыслить лишь множественность. Поэтому хотя Индра, Ваю и Агни — величайшие из богов, и первый из них приходит к знанию о существовании Брахмана, два других же приближаются к нему и ощущают его прикосновение, однако лишь через связь с верховным сознанием, через отражение в себе его природы и устранение собственного витального, ментального, физического эгоизма, в результате чего вся их деятельность начнет отражать Единое и Верховное, могут пребывающие в нас боги познать Брахмана и обладать им. Сознательная сила, поддерживающая нашу воплощенную жизнь, должна стать всецело и исключительно началом, отражающим то верховное Сознание и Силу, по отношению к которым ее обычная деятельность даже в высотах своих предстает лишь сумеречным подобием; Жизнь должна стать пассивно могучим отражением и чистым образом той верховной Жизни, которая величественней, чем любой ныне достижимый и потенциально возможный максимум нашей собственной витальности; Ум должен согласиться быть не более, чем точным, незамутненным зеркалом, отражающим образ сверхсознательного Существования. Через сознательное предание ума, жизни и чувств Владыке наших чувств, жизни и ума, единственному истинному управителю их деятельности, через превращение существования в космосе в пассивное отражение вечного бытия и точное воспроизведение природы Вечного мы можем надеяться познать и через познание — достичь то, что для нас является сверхсознательным; мы вступим в Безмолвие, которое повелевает вечной, беспредельной, свободной и всеблаженной активностью.

14 — Преображение «я» и богов

КАК мы увидели, способ познать Брахмана — это проникнуть по ту сторону форм вселенной к тому, что является в космосе сущностным, — а это сущностное состоит из двух начал, богов в Природе и «я» в индивиде, — а затем через них проникнуть к Запредельности, которую они представляют. Было также установлено практическое отношение между богами и Брахманом в этом процессе божественного познания. Космические функции, посредством которых действуют боги: ум, жизнь, речь, чувства, тело, — должны стать восприимчивыми к началу, которое, пребывая за ними, управляет ими, благодаря которому они существуют и действуют, благодаря чьей силе они развиваются, возрастают и обретают могущество, радость и свои способности; к нему должны они обратиться, оставив обычную свою деятельность; отказавшись от нее, отказавшись от ложной идеи самостоятельного функционирования и самоуправления, которая представляет собой эгоизм ума, жизни и чувств, они должны с сознательной пассивностью предоставить себя силе, свету и радости, излучаемой чем-то стоящим за ними. И тогда божественное Неизъяснимое начинает явно отражать Себя в богах. Свет Его овладевает мыслящим умом, Его сила и радость — жизнью, Его сияние и экстаз — эмоциональным умом и чувствами. Нечто от верховного образа Брахмана запечатлевается на природе мира и превращает ее в божественную природу.

Все это не совершается внезапным чудом. Это приходит в виде вспышек, откровений, внезапных прикосновений и проблесков: словно полыхнувшая с небес молния откровения блистает на миг и тут же вновь исчезает в своем тайном источнике; словно распаиваются и тут же снова смыкаются веки внутреннего видения, ибо око не может долго и неотрывно взирать на абсолютный свет. Эти повторяющиеся прикосновения и наития Запредельности заставляют богов жить в ожидании, обратив свой взгляд и свое внимание ввысь, а постоянство повторений заставляя их пребывать в постоянной пассивности; прекратив устремляться вовне в погоне за формами вселенной, ум, жизнь и чувства все

больше утверждают в памятовании, восприятии, радости прикосновения и видения трансцендентной славы и в итоге принимают решение сделать ее единственной своей целью; отныне лишь на нее будут они откликаться, а не на прикосновения мира внешнего. Безмолвие, низошедшее на них и ставшее теперь их опорой и их состоянием, обратится в познание ими вечного безмолвия, которое есть Брахман; отклик их деятельности на высший свет, могущество, радость обратится в познание ими вечной активности, которая есть Брахман. Никакого другого состояния, никаких других откликов и деятельности они ведать не будут. Ум будет знать лишь Брахмана, думать лишь о Брахмане, Жизнь будет двигаться лишь к Брахману, овладевать лишь Брахманом, наслаждаться лишь Брахманом, глаз будет видеть, ухо — слышать и все другие чувства — ощущать лишь Брахмана, и ничто иное.

Не будет ли в таком случае целью полное забвение всего внешнего? Должны ли ум и чувства обратиться внутрь и погрузиться в бесконечный транс, а жизнь — навеки остановиться? Это возможно, если таково намерение души, но это не является неизбежностью и необходимостью. Ум космичен, он един во всей вселенной; то же самое справедливо и в отношении Жизни и Чувства, как и в отношении Материи тела; и когда они будут существовать в Брахмане и лишь для Брахмана, они не только познают это, но и будут ощущать, чувствовать и жить в этом вселенском единстве. Поэтому к чему бы из того, что индивидуальным чувствам, уму и жизни сейчас представляется внешним, они ни обратились, они тоже будут познавать, мыслить, ощущать, воспринимать, использовать для наслаждения не просто форму вещей, но — всегда и сугубо — одного лишь Брахмана. Более того, внешнее перестанет для них существовать, ибо ничто уже не будет для нас внешним, все станет внутренним — и мир в целом, и все, что в нем. Ибо сокрушатся пределы эго, падут стены индивидуального; индивидуальный Ум перестанет полагать себя индивидуальным, он будет осознавать лишь присутствие повсюду одного универсального Ума, в котором индивиды — только узловые точки единой ментальности; вместе с тем индивидуальная жизнь утратит ощущение изолированности и будет существовать в единой жизни и как жизнь единая, в которой все индивиды — лишь микрозавихрения в неделимом потоке пранической активности; самое тело и чувства перестанут воспринимать свое обособленное существование, и человек доподлинно ощутит в качестве своего физического тела всю Землю, всю вселенную, всю неделимую

форму сущего, куда бы она ни простиралась; по такому же принципу преобразится и восприятие органов чувств — всюду, даже и в том, что мы именуем внешним, глаз будет в каждом взоре запечатлевать только Брахмана, ухо будет в каждом звуке слышать только Брахмана, внутреннее и внешнее тело будут ощущать только Брахмана в каждом прикосновении, а само прикосновение предстанет как бы внутренним, происходящим в некоем большем теле. Душа, боги которой будут таким образом обращены в этот верховный закон и религию, осознает и в самом космосе, и во всем его многообразии истину Единого, помимо которого нет никого и ничего. Более того, став единой с бесформенным и беспредельным, она превзойдет сам космос и будет видеть все миры не как внешние по отношению к ней и даже не как сопоставимые с ней, но, можно сказать, как пребывающие внутри нее.

В сущности, в высшей реализации ум, жизнь и чувства будут первоначально осознавать не Ум, Жизнь, Чувство, но скорее то, что их составляет. Благодаря этому процессу постоянных наитий свыше, благодаря божественному прикосновению и воздействию ментальным восприятием завладеет Ум ума, то есть сверхсознательное Знание, которое начнет превращать все его видение и мышление в сияющую материю и светоносную вибрацию Сверхума. Точно также благодаря прикосновениям Чувства чувств изменятся и наши чувства, и сама предстающая пред ними картина мироздания преобразится таким образом, что им откроются его витальный, ментальный и супраментальный аспекты, физическое же будет восприниматься лишь как их последнее, наиболее внешнее и незначительное следствие. В свою очередь и жизнь преобразится в своего рода сверхжизнь, станет сознательным движением беспредельной Сознательной Силы; она будет безличной, не ограниченной никакими частными действиями и наслаждениями, не поработенной их результатами, не подверженной влиянию двойственностей или прикосновению греха и страдания, грандиозной, беспредельной, бессмертной. Самый материальный мир станет для этих богов образом беспредельного, светозарного и блаженного Сверхсознательного.

Таково будет преображение богов, ну а что же в отношении «я»? Ведь мы видели, что есть два фундаментальных начала — боги и «я», и «я» в нас больше, чем космические Силы, его устремленность к Богу для нашего совершенствования и самоосуществления куда насущней, чем какое бы то ни было преображение этих менее важных божеств.

Поэтому не одни только боги должны найти свою единую Божественность и претворить себя в нее — то есть не только действующие в нас космические начала должны претворить себя в деятельность Единого, Начала всех начал с тем, чтобы вопреки игре в разобщенность стать единым существованием и единым проявлением Того, но с еще более непреложной необходимостью наше «я», на которое опирается деятельность богов, должно также найти и обрести единое «Я» всех индивидуальных существований, неделимый Дух, для которого все души — только затемненные или светозарные центры его сознания.

«Я» человека делает это через ум, поскольку он есть основополагающее начало ментального существа. В богах это преобразование производит само Сверхсознательное, прикасаясь к их субстанции и приоткрывая своими вспышками их видение до тех пор, пока не произойдет их трансформация; ум же способен к другой операции, которая лишь выглядит движением ума, но в действительности является движением «я» к его собственной реальности. Ум словно бы идет к Тому и достигает его; он возносится из самого себя в нечто его превышающее, и хотя он снова падает, тем не менее благодаря уму воля к познанию в ментальном мышлении то и дело вспоминает, а под конец помнит постоянно о том, во что удалось вступить. Тем самым через ум «Я» наступает его, вновь и вновь соприкасается с ним и в итоге таким путем в него втягивается, окончательно обретая способность безмятежно покоиться в той трансцендентности. Оно превосходит ум, оно превосходит собственную ментальную индивидуализацию бытия, в качестве которой воспринимало себя до сих пор; благодаря своему восхождению оно обретает основу во всеобщем «Я» и в состоянии самоликующей беспредельности, которая есть верховное проявление «Я». Это трансцендентное бессмертие, это духовное существование, которое Упанишады объявляют целью человека и благодаря которому мы исходим из состояния смертного в небеса Духа.

Что же в результате этого происходит с богами, с космосом, со всем, что Господь развивает в своем бытии? Не исчезает ли все это? Не является ли даже преобразование богов неким второстепенным состоянием, через которое мы проходим на пути к этой вершине и которое остается позади, как только мы ее достигаем? И не исчезает ли с исчезновением богов и космоса также и Господь, Владычественное Сознание, не остается ли одно только чистое неопределенное Существование, самоблаженное в вечном бездействии и несозидании?

К такому заключению пришла в своей радикально монистической форме поздняя Веданта и именно в таком смысле она пыталась истолковать все Упанишады; следует, однако, признать, что в словах Иша или Кена Упанишады нет абсолютно ничего, что могло бы указывать на такое направление мысли — ни малейшего оттенка или нюанса. Если нам хочется его в них отыскать, нам придется им его навязать, ибо в действительности использованные слова, напротив, согласуются с выводами других систем Веданты, которые считали целью вечную радость души в Брахмалоке, или мире Брахмана, где она пребывает в единстве с беспредельным существованием и тем не менее в определенном смысле остается душой, способной наслаждаться многообразием в единстве.

В следующем стихе мы находим кульминацию учения Упанишады, провозглашение результата великого выхода в запредельность, о котором говорилось ранее, а затем — описание бессмертия, которого удостоиваются обретшие знание души, изойдя из смертного состояния. Упанишада заявляет, что по природе своей Брахман — это «Тот Восторг», *tad vanam*. «*Vana*» — ведическое слово, обозначающее восторг, упоение, нечто восхитительное, а *tad vanam*, соответственно, означает трансцендентный Восторг, всеблаженную Ананду, о которой Тайттирия Упанишада говорит как о высочайшем Брахмане, из которого рождаются все существа, которым все они живут и возрастают и которого все они достигают по исхождению из смерти и рождения. Именно как этот трансцендентный Восторг должно почитать и искать Брахмана. Именно это упоение, это блаженство, следовательно, и подразумеваются в Упанишадах под бессмертием. И каков же будет результат познания Брахмана и обладания Брахманом в качестве верховной Ананды? Он — в том, что к познавшему и обладающему Брахманом обращено желание всех существ. Иными словами, он становится центром божественного Восторга, изливая его на весь мир и притягивая к нему всех как к кладезю радости, любви и самоосуществления во вселенной.

Такова кульминация учения Упанишады; существовала потребность в «Упанишаде», в тайном учении, проникающем в самую сокровенную истину, и откликом на нее стала эта доктрина. Она была изречена, «поведана», эта Упанишада Брахмана, наивысшая сокровенная истина верховного Существования; ее началом стал поиск Господа, Владыки ума, жизни, речи и чувств, в котором заключена

абсолютность ума, абсолютность жизни, абсолютность речи и чувств, а ее завершением — открытие Его как запредельного Упоения и вознесение души, что обрела его и обладает им, до состояния живого средоточия того Восторга, к которому как к кладезю своего экстаза обратятся все создания вселенной.

* * *

Упанишада завершается двумя стихами, которые словно подводят итог всей работе в манере, свойственной для древних писаний, когда они подходят к завершению. Эта Упанишада или евангелие сокровенной Истины всего сущего основывается, как сказано, на практике самоконтроля, правильной деятельности и подчинении чувственной жизни воле и могуществу Духа. Иными словами, жизнь и деятельность должны использоваться как средства восхождения из состояния обусловленности, свойственного душе-в-неведении, в состояние самовладычества, позволяющего ей приблизиться к абсолютному господству над собой и всем сущим, к всевластию верховной Души, которая зиждется в знании. Веда, то есть изречения озаренных провидцев, заключающие в себе постигнутые ими истины, описываются как целостное тело Упанишады; иными словами, все значимые аспекты, все необходимые элементы этой великой дисциплины, этого глубокого психологического самосовершенствования, этого духовного устремления изложены в этих великих Писаниях, являющих собой путеводные нити высшего саморазвития, проводники высшего знания. Истина есть его обитель; и эта Истина есть не просто интеллектуальная достоверность — смысл этого слова в Ведах совсем другой: это высшее доступное человеку состояние истинного бытия, истинного сознания, подлинного знания, подлинной деятельности, подлинной радости существования — воистину все, что противоположно фальши эгоизма и неведения. Именно через эти средства, то есть через использование деятельности и самоконтроля для овладения собой и для накопления духовной энергии, через постижение знания во всей его полноте и подражание высокому примеру великих ведических провидцев, через «вживание» в Истину человек может совершить великое восхождение, к которому призывает нас Упанишада.

Цель этого восхождения — мир истинного и свободного бытия, о котором Веда говорит как об Истине, являющей собой окончательную цель и обитель человека. Он описан здесь как высший бесконечный небесный мир (Сваргалока, Сварлока Веды), который отличен от более низкой Сварги Пуран или же более низкой Брахмалоки Мундака Упанишады, этого мира солнечных лучей, которого душа достигает праведными и благочестивыми деяниями и который должна покинуть по исчерпанию своих заслуг; это более высокая Сварга или Мир Брахмана Катха Упанишады, лежащий за пределами двойственных символов рождения и смерти, более высокие Миры Брахмана Мундака Упанишады, в которые душа поднимается дорогой знания и самоотречения. И потому, это — состояние бытия, относящееся не к Неведению, но к Знанию. Это есть, по сути, бесконечное существование и наслаждение души в бытии всеблаженного существования; это также — высший статус бытия, свет Разума-за-пределами-разума, радость и вечное могущество Жизни-за-пределами-жизни, изобильность Чувства-за-пределами-чувств. И душа обретает в нем не только собственное величие, но и бесконечность Единого во всей полноте, и она находит для себя в этом бессмертном состоянии неколебимую основу, ибо здесь верховное Безмолвие и вечный Покой являются незыблемым основанием для вечного Знания и абсолютной Радости.

15 — Заключение

ИВОТ мы закончили обзор этой Упанишады; мы досконально исследовали истины, поэтапно раскрываемые в ее стихах, и пытались по мере сил выявить подлинный смысл этих могучих изречений, которые дают нам ключ к тому, что человеческая речь никогда не могла выразить в полной мере. И мы получили некоторое представление о том, что она подразумевает под *тем* Брахманом, под Разумом разума, Жизнью жизни, Чувством чувства, Речью речи, под противопоставлением нас и богов, под Непознаваемым, который тем не менее не является вовсе непознаваемым для нас, под восхождением за пределы смертного статуса бытия и завоеванием бессмертия.

С позиций фундаментальных ее учение основывается на утверждении о трех состояниях, трех статусах бытия: статусе человеческом или смертном, статусе сознания-Брахмана — абсолюта всех наших относительностей, и статусе «окончательного» Абсолюта, который признается непознаваемым. Первое есть, в некотором смысле, ложное состояние заблуждения, поскольку оно представляет собой постоянную обусловленность противостояниями и паритетами антагонистических сил, в которой истина сущего есть сокровенное единство; здесь имеется светлый, или позитивный, образ явлений наряду с образом темным, или негативным, и оба они — лишь образы, но не сама Истина; тем не менее ныне мы живем именно в этом состоянии и именно через это состояние нам приходится продвигаться к Высшему. Второе есть состояние Господа всего этого двойственного действия, внеположного этому действию; Он есть истина Брахмана, и никоим образом не ложь или заблуждение, но истина его в том виде, в каком она раскрывается нам в нашем вечном супраментальном бытии; в Нем пребывают абсолюты всего того, что здесь предстает нам в виде обособленных относительных обличий. Непостижимое лежит за пределами нашего восхождения, оно недоступно нам, поскольку хотя оно и есть та же самая Реальность, оно, тем не менее, превосходит даже наш высочайший статус вечного бытия и внеположно как Сущему, так и Не-Сущему; вот

почему именно к Брахману, Господу, соотносящемуся с тем, что мы есть ныне, нам следует направить наши поиски, если мы намереваемся выйти за пределы этой преходящей кажимости к непреходящей истине.

Достижение Брахмана означает для нас выход за пределы смертного статуса бытия в Бессмертие, под коим мы понимаем не какую-то потустороннюю посмертную жизнь, но обретение нашего истинного «я», принадлежащего вечному бытию и блаженству вне пределов двойственных символов рождения и смерти. Под бессмертием мы подразумеваем абсолютное житие души в противоположность преходящей и брэнной жизни во плоти, в теле, которое душа обретает в результате процессов рождения, смерти и перерождения, житие высшее также и по отношению к жизни души как обычного ментального существа в этом мире, бессильного перед неотвратимым законом смерти и рождения или, по меньшей мере, кажущегося бессильным перед этим и другими законами низшей Природы в силу собственного невежества. И путь за пределы Неведения заключается в познании душою своей истинной природы и овладении ею; только таким путем, становясь свободной, абсолютной, всевластной в себе самой и своих воплощениях, душа может превзойти это состояние заблуждения; и это самопознание и самоовладение есть познание Брахмана и овладение Брахманом. Это — восхождение из смертного мира в мир бессмертный, из мира ограниченности в мир свободы, из конечного мира в мир бесконечный. Это — выход за пределы земной радости и скорби в трансцендентное Блаженство.

Для этого нам необходимо отречься от нашей привязанности к преходящей кажимости в этом смертном мире. Мы должны отвергнуть его образы смерти и двойственности, если мы ищем подлинного единства и бессмертия. И значит, мы должны отказаться от увлеченности благами этого мира, даже всем тем светлым, добрым, справедливым и прекрасным, что в нем есть; мы должны выйти за пределы всего этого к высочайшему Благу, к трансцендентным Истине, Свету и Красоте, в которых образы противоположного начала, которое мы называем злом, исчезают. Но мы, тем не менее, находимся в этом мире и мы можем превзойти его, только используя что-то в самом этом мире; мы должны найти абсолютную истину, используя его относительные формы. Поэтому мы пристально изучаем их и понимаем, что существуют в первую очередь эти формы разума, жизни, речи и чувств — все лишь

кажущиеся образы и несовершенные символы более высоких и истинных вещей, и, далее, по ту их сторону — космические принципы, посредством которых Единый осуществляет свое действие. Именно этим космическим принципам мы должны следовать и именно их должны обратить, вместо их обычной деятельности в мире, на поиски их собственной высшей цели и деятельности в их собственном едином Божестве, Господе, Брахмане; необходимо вынудить их отказаться от деятельности обычного ума и найти сверхсознательный Разум, отказаться от деятельности обычной речи и чувств и отыскать супраментальное Чувство и первичное Слово, отказаться от иллюзорной деятельности заурядной человеческой жизни и открыть Жизнь трансцендентную.

Помимо этих богов есть еще и наше истинное «я», сокровенный внутренний дух, поддерживающий и направляющий все эти действия богов. Наш дух также должен избавиться от собственной поглощенности представлением о себе как о существе, вовлеченном в процесс индивидуальной жизни, разума, тела и обусловленном этим процессом, и должен направить свой взгляд ввысь, к своему высшему «Я», пребывающему за пределами этого процесса и всецело повелевающему им. Так что ум должен на деле стать пассивным, открыться божественному Разуму, чувство — божественному Чувству, жизнь — божественной Жизни и, чутко внимая постоянным прикосновениям и наитиям высочайшего, постепенно преобразиться в незамутненное отражение этих трансцендентных реальностей; но, кроме того, индивидуальное «я» должно с помощью возвышенных умственных исканий, с помощью стремления превзойти себя, с помощью постоянного памятования об этой верховной Реальности, в которой ему в отдельные божественные моменты удавалось жить, взойти, наконец, в *то* Блаженство, Силу и Свет.

Но не обязательно это будет означать растворение во всеоверяющем Бытии, вовеки поглощенном собственным бездеятельным самосуществованием. Ибо ум, жизнь, чувство, проникая по ту сторону собственных индивидуальных формаций, понимают, что они представляют собой лишь один из бесчисленных центров единственносущего Разума, Жизни, Формы вещей и потому они находят Брахмана также и в этом, а не только в индивидуальной трансцендентности; и не только в собственные индивидуальные действия они привносят свыше видение сверхсознательного, но также и в эти универсальные Разум,

Жизнь и Форму. Ум индивида превосходит собственные пределы и становится единым универсальным разумом, его жизнь — единой универсальной жизнью, его ограниченное телом чувство — ощущением всей вселенной и более чем всей вселенной, как собственного неделимого тела-Брахмана. В себе он постигает весь универсум, и он постигает себя во всех бытиях и познает себя как единого, всенаселяющего, единственно- и несметносущего, всюдупребывающего Господа и Реальность. Без таковой реализации он не исполнит условий обретения бессмертия. Поэтому говорится, что мудрые стремятся изобличить и узреть Брахмана во всех бытиях; и откровение это, постижение, реализация Его и обладание Им во всем сущем, приводит их к собственному бессмертному бытию.

И все же, хотя торжество богов, иными словами, совершенствование разума, жизни, тела в позитивных терминах добра, справедливости, радости, знания, силы, расценивается и как торжество Брахмана, и, кроме того, допускается необходимость использования жизни и трудов человеческих в мире для самоприготовления и самоовладения, тем не менее истинной целью провозглашается финальный уход в этот бесконечный небесный мир или статус сознания-Брахмана. На первый взгляд, это означает отвержение жизни нашего космоса. Но в таком случае у нас может возникнуть вполне резонный вопрос — у нас, представителей современного человечества, становящегося все более и более сознательным по отношению к внутреннему предвозвещению сотворившего нас, будь то Природа или Бог, что есть у нашей расы задача, которую нужно выполнить, есть божественная цель в этом творении, цель, не сводящаяся к индивидуальному спасению души, поскольку универсальное более реально, чем индивидуальное, у нас, все сильнее и сильнее ощущающих, что, выражаясь языком Корана, не шутки ради сотворил Господь небеса и землю, что не в приступе сумасшествия, не в миг помрачения сознания Брахману пригрезилась эта вселенная-греза, — у нас может возникнуть вполне резонный вопрос, неужели же все откровение даже этой более чистой, более ранней, более разносторонней Веданты сводится к проповеди индивидуального спасения? Если так, тогда Веданта, в лучшем случае — учение для святого, аскета, монаха, отшельника, но не то долгожданное откровение, которое было бы с радостью принято расширяющимся сознанием мира в качестве столь нужного ему, столь желанного благовеста. Ибо очевидно, что есть что-то в жизни, что ускользнуло от ее

внимания, некая глубокая истина, некое слово-откровение заветной загадки бытия, от которой она отвернулась, а может быть, не смогла постичь или сочла несущественной.

Сейчас очевидно, что есть в Упанишадах особый акцент, приобретший с течением времени совершенно чрезмерное значение, акцент на индивидуальном спасении, на отвержении низшей космической жизни. Эта нота в них из века в век звучит все громче и постепенно перерастает в отвержение космической жизни как таковой, во всех ее проявлениях, превращаясь в итоге в позднем индуизме в единственный, всеперекрывающий и всеотрицающий вопль. Ее нет в ранних ведических откровениях, в которых индивидуальное спасение рассматривается лишь как средство для одержания великой космической победы, финального торжества как на небесах, так и на земле сверхсознательной Истины и Благодати, и те, кто в прошлом одержали эту победу, продолжают и поныне сознательно помогать своим еще сражающимся потомкам. И если эта более ранняя нота упущена в Упанишадах, тогда — ибо сколь бы велики ни были эти священные книги, исполненные света, глубокие, возвышенные в своей непревзойденной истине, красоте и силе, тем не менее лишь невежественная душа может быть всецело зависимой от книги, пусть даже самой великой книги, — тогда, используя их как подспорье на пути к знанию, мы должны настойчиво стремиться вернуть эту утраченную раннюю ноту, должны искать везде и всюду ключ к этому упущенному слову-откровению высшей тайны. Упанишады, единственные из дошедших до нас писаний, открывают нам во всей благородной и щедрой полноте истину Брахмана, свободную от всяческих покровов и ограничений; их полезность и необходимость для человечества является поэтому неоспоримой. И только там, где они упускают что-либо существенное, мы должны идти дальше, за пределы Упанишад, чтобы отыскать упущенную истину — как, например, в случае, когда мы присовокупляем к их сосредоточенности на божественном знании совершенно необходимую пылкую сосредоточенность позднейших учений на божественной любви и возвышенную сосредоточенность Веды на божественных действиях.

Ведическое евангелие всевышней победы в небесах и на земле ради божественного в человеке, христианское евангелие царствия Божия и града божественного на земле, пураническая идея прогрессирующих Аватаров, миссия которых увенчивается возникновением на земле царства совершенного и восстановлением Золотого Века, — не только

содержат по ту сторону своей формы глубокую истину, но и являются необходимыми для становления религиозного мироощущения в человечестве. Без этого учение о тщете человеческой жизни и о страстном устремлении к уходу из этого бренного мира и отвержении жизни имело бы силу лишь в отдельные благоприятные эпохи или же было бы пригодным лишь для немногих могучих духом, которые находятся в каждый век и которые действительно могут осуществить идеалы этого учения. Остальной же части человечества придется либо отвергнуть вероучение, зиждущееся на столь неприемлемом основании, либо игнорировать его в своей практической жизни, исповедуя лишь на словах — или она обречена рухнуть под бременем собственной несостоятельности и ощущения иллюзорности жизни или же ощущения, что мир этот проклят Богом, — как средневековое христианство погрузилось в невежество и мракобесие или же Индия позднейшего времени — в столбнячное оцепенение и ничтожность бесцельной эгоистической жизни. Благая весть для отдельного человека — очень хорошо, но и всему человечеству необходима благая весть. Наше отеческое Небо должно по-прежнему сиять над нами, олицетворяя надежду на избавление, но и наша мать-Земля не должна чувствовать себя проклятой во веки веков.

Одно время было необходимым настойчивое утверждение идеи индивидуального спасения, чтобы внедрить в человеческий ум ощущение некоего Потустороннего, как было необходимым одно время утверждение благодатных райских небес для добродетельных и благочестивых, чтобы увлечь людей этой сияющей приманкой и принудить их к религиозной практике и смирению своей необузданной животности. Но и небесные соблазны, точно так же, как соблазны земные, необходимо преодолеть. Человек уже отверг соблазн стяжания сладостного Рая в награду за собственную добродетель: много веков назад Упанишады в Индии сочли такое устремление мало важным, и сегодня оно уже больше не владеет умом человечества; подобный же соблазн, существующий в популярном христианстве и популярном исламе, не имеет особого смысла для сознания современного человечества. Но и соблазн освобождения от рождения и смерти и бегства от космического труда тоже необходимо отвергнуть, как отверг его буддизм Махаяны, который провозгласил сострадание и помощь ближним более великой задачей, чем обретение Нирваны. Как добродетель, которую мы стремимся воплотить в своей жизни, должна быть свободна от

желания земной или небесной награды за нее, так и спасение, которого мы ищем, должно носить чисто внутренний и безличный характер; это должно быть освобождение от эгоизма, единение с Божественным, реализация нашей собственной универсальности, так же как и нашей трансцендентности, и не может подлинное спасение отвращать нас от любви к Богу в человечестве и от помощи, которую мы можем оказать миру. Если понадобится, мы должны будем принять следующий подход: лучше этот ад вместе с остальными нашими страждущими «я», чем спасение в одиночку.

К счастью, нет необходимости в столь крайних позициях и отрицании одной стороны истины ради утверждения другой. Сама Упанишада указывает путь, позволяющий ей избежать всякой чрезмерности в формулировании истины. Ибо человек, постигший и вместивший верховного Брахмана как трансцендентную Благодать, становится центром блаженства, к которому влекутся все его собратья, кладезем, из которого они могут черпать божественную влагу. Вот ключ, который нам нужен. Связь с вселенной сохраняется по одной причине, которая служит высшим оправданием такой связи: она должна происходить не из желания индивидуальной земной радости, как у тех, кто все еще поработен, но из стремления помочь всем созданиям. В таком случае у души, достигшей божественной выси, остается две цели: достичь Божественного и быть вовеки на благо всему миру, — точно так же, как Сам Брахман, — здесь или где-то еще, не имеет значения. И все же настоящий герой духа должен быть на переднем крае битвы — таков высший выбор подлинного сына Бессмертия; к такой душе, обретшей единство со всей вселенной, ибо в такой душе она нуждается сильнее всего, земля взывает с высочайшей надеждой.

Указана и природа высшего возможного благодеяния — хотя и другие, более низкие формы помощи также не исключаются. Соучастие в победах богов, победах более низкого порядка, которые должны, однако, подготовить высшую победу Брахмана, вполне могут и должны, так или иначе, стать частью нашей задачи; но совершать величайшее служение на благо всем означает быть человеческим центром Света, Величия, Блаженства, Силы, Знания Божественного Бытия, центром, через который оно станет щедро изливать себя на других сынов человеческих и влечь, сладостным магнитом, их души к тому, что есть Наивысшее.

ЗАМЕТКИ О КЕНА УПАНИШАДЕ

Заметки о Кена Упанишаде

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЕСЛИ Иша Упанишада посвящена проблеме Бога и мира, а следовательно, гармонизации духовности и обычного поведения человека, то в Кена Упанишаде рассматривается проблема Бога и Души, а также гармонизации нашей личной деятельности с движением бесконечной энергии и верховенством универсальной Воли. Мы находимся в этой вселенной не в виде независимых существований. Ясно, что мы — ограниченные существа, которые сталкиваются с другими ограниченными существами, сталкиваются с силами материальной Природы, сталкиваются и с силами Природы нематериальной, которую мы осознаем не чувствами, а умом. Упанишада считает само собой разумеющимся, что мы — души, а не просто наделенные жизнью тела, — вопрос об этом в ней даже не ставится. Но эта душа в нас связана с внешним миром через чувства, через витальность, через ум. Она опутана сетью своих орудий, думает, что только они и существуют, или же поглощена их действиями, с которыми полностью себя отождествляет — душа забывает себя в этих действиях. Цель провидца в Кена Упанишаде — призвать душу обратно к самой себе, поднять ее над жизнью чувств, чтобы, даже пребывая в этом мире, она постоянно соотносила себя и свои действия с высоким универсальным «Я» и Божеством, чем в конечной истине нашего бытия мы все и являемся, — дабы мы могли быть свободны, пластичны и радостны, могли быть бессмертны. Кратко объяснить путь, по которому он идет и приходит к своему выводу, а также основные философские постулаты, лежащие в основе этой великой аргументации, есть, как всегда, задача данного комментария. Есть многое, что можно бы и нужно бы сказать о полном осуществлении этой древней проповеди смирения и самоотдачи своего «я» Беспредельному, но для этого требуется написать работу куда большего масштаба и объема. Здесь же я как всегда буду соблюдать принцип истолкования в духе строгого следования сути и коннотациям текста.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

«Я» И ЧУВСТВА

«КЕМ управляемый, кем снаряженный и посланный вперед ум настаивает свой объект, кем запряженный в свою работу направляется вовне этот вождь витальных сил? Кем управляемо слово, которое произносит человек, и какой бог включил ухо и глаз в их работу? Тот, кто есть слышание в слышании, кто есть ум ума, речь по ту сторону слова, он есть и жизнь витальности, и видение в зрении; умиротворенные душой освобождаются от этих орудий и, выйдя за пределы этого мира, становятся Бессмертными... Туда не проникает око и не могут последовать ни речь, ни ум; неведомо нам это и не можем мы определить умом, как этому учить; ибо воистину это иное, нежели познанное, и это за пределами непознанного; так слышали мы от людей, которые ушли до нас, через которых нам был возглашен этот Брахман. То, что неизрекаемо речью, но чем произносится речь, знай — оно есть Душа сущего, а не то, за чем гонятся люди в мире. То, что мыслит не умом, но чем осмысливается сам ум, знай — оно есть Душа сущего, а не то, за чем гонятся люди в мире. То, что видит не зрением, но чем видятся зримые предметы, знай — оно есть Душа сущего, а не то, за чем гонятся люди в мире. То, что слышит не слухом, но чем слух становится подвластен знанию через ухо, знай — оно есть Душа сущего, а не то, за чем гонятся люди в мире. То, что живет не дыханием, но благодаря чему дыхание становится массой витальности, знай — оно есть Душа сущего, а не то, за чем гонятся люди в мире».

I

Для понимания вопроса, с которого Упанишада начинает ход своей мысли, необходимо помнить идеи ведантистских мыслителей в отношении феноменов ощущений, жизни, ума и идей, представляющих собой элементы всей нашей деятельности в теле. Бросается в глаза, что само тело и материя — принцип, проявление которого есть тело, даже не упомянуты в этой Упанишаде. Провидец полагает проблему мате-

рии настолько понятной ученику, что больше не рассматривает физическое состояние сознания как фундаментальное положение и не касается его в качестве отдельной от сознания реальности. Весь этот мир есть только сознательное Бытие. Материя для ведантиста это лишь одно из нескольких состояний — на самом деле, *движений* — этого сознательного бытия, то состояние, в котором универсальное сознание, сотворив формы в себе, как в субстанции, внутри и из нее, поглощает и теряет себя в результате сосредоточения на представлении о себе как о субстанции формы. Оно все еще сохраняет сознание, но, как форма, перестает быть самосознающим. Пуруша в материи вовлечен в форму, Знающий в листке, комке глины, камне забывает себя в этом движении своей Пракрити или Направленности Действия, утрачивает обладание во всей полноте знания своим «я» сознательного бытия и блаженства. Он не владеет собой; он не *ātmavān*. Он должен вернуть утраченное, чтобы стать *ātmavān*, а это просто означает, что он должен постепенно прийти к осознанию в материи того, что Он сокрыл там от Себя. Ему надо развернуть то, что Он свернул. Это восстановление знания нашего полного и истинного «Я» есть единственный смысл, значение и цель эволюции. В реальности это не эволюция, а проявление. Мы уже есть то, чем становимся. То, что в материи пока еще является будущим, — в Духе уже настоящее.

Ибо то, что мы рассматриваем как материю, не может быть — если верна ведантистская точка зрения — просто материей, просто инертным существованием, навеки скованным собственной инертностью. Даже с материалистической точки зрения материя не может быть тем, чем кажется, а есть форма или движение Силы, которую индийцы называют Пракрити. Согласно Упанишатам, действие и потенциал этой Силы составляется из нескольких принципов, среди которых материя, ум и жизнь — это уже проявленные принципы, активные в этом мире, а где активен один из них, там должны наличествовать и другие, вовлеченные в него; или, иными словами, Сила, действующая как один из ее собственных принципов, как одно из своих движений, потенциально способна вовлекать в это движение все прочие, присущие ей. Если в листке, комке глины, камне, металле жизнь и ум не активны, то не потому, что их нет, а потому, что они еще не выдвинуты на передний план (*prakṛta*), еще не организованы для действия. Они скрыты, они находятся на заднем плане сознания-бытия, каким является листок, камень или комок глины, они еще не *vīlu*, как было бы сказано

в Ригведе, а *guhā*, не *vyakta*, а *avyakta*. Было бы большой ошибкой полагать, будто то, что не проявлено или не активно сию минуту в том или этом месте, не существует там и сейчас. Соккрытие не есть исчезновение; не-действие не есть не-бытие, и сочетание скрытости и бездействия не означает не-существования.

На вопрос о том, откуда нам известно, что в листке, комке глины или камне находится Пуруша или Знающий, ведантист отвечает, что помимо восприятий Провидца, а также субъективного и объективного опыта, который прочно закрепляет в разуме обоснованность этих восприятий, сам факт проявления Знающего в материи показывает, что Он должен был в ней находиться все время. А если Он находился в какой-то форме материи, значит Он должен был находиться в ней вообще, во всех ее формах, ибо Природа едина и не знает сущностного деления — только различия форм, обстоятельств и проявлений. В этом мире существует не множество субстанций, а одна, по-разному сконцентрированная во многих формах, не множество жизней, а одна, по-разному активная во многих телах, не множество умов, а один, по-разному разумный во многих воплощенных витальностях.

На первый взгляд, правдоподобна теория, что жизнь и ум есть только особые движения самой материи в определенных условиях, так что незачем рассматривать их в качестве независимых нематериальных движений сознания, вовлеченного в материю, а следует видеть в них лишь латентные материальные действия, на которые материя способна. Но эта теория состоятельна только пока представляется, будто ум и жизнь могут существовать лишь в данном теле, а с разложением тела прекращают свое существование, что они могут познавать только через телесные инструменты и могут действовать, лишь подчиняясь определенным материальным движениям и в результате их. Мудрецы Упанишад уже доказали собственным йогическим опытом, что ни одно из этих ограничений не присуще природе жизни и ума. Ум и жизнь, находящиеся в данном теле, могут покинуть его в полной целостности и организованности и с большей свободой действовать вне тела; ум способен познавать объекты, даже материальные, без помощи физического глаза, прикосновения или уха; сама жизнь не обязательно обусловлена состояниями тела или его движениями, а ум обычно вообще не обусловлен ими, хотя, как правило, испытывает на себе их воздействие. Ум всегда может выйти за эти пределы, и мы по опыту знаем, что он часто это делает. Ум может полностью подчинить себе и определить состоя-

ния тела. Следовательно, ум может быть свободен от материи, в которой здесь пребывает, обладает свободой в бытии, свободой в знании, свободой в силе.

Правда, пока ум действует в материи, каждое его движение производит некий эффект, а значит некое состояние или движение в теле, но заключать из этого, что ум есть материальный результат материи, все равно, что рассматривать пар как механический результат машины. Этот мир, в котором в настоящее время движется ум в системе явлений, с которой мы сейчас явно соотнесены, есть мир материи, где для начала правильно заявить: *annam vai sarvam* — Все есть материя. Ум и жизнь пробуждаются в ней и в ней стремятся выразить себя. Поскольку и пока они действуют в ней, каждое их движение должно производить на нее воздействие и вызывать движение, точно так же, как действие пара должно воздействовать на машину, в которой он работает. Ум и жизнь тоже используют определенные части телесной машины для выполнения определенных функций, и повреждения этих частей, соответственно, мешают работе жизни и ума, затрудняют ее или делают на время невозможной — или невозможной вообще, если жизнь и ум не получают время, импульс и шанс заново приспособиться к новым обстоятельствам, пересоздать или привести в порядок старые средства или же выработать новую систему функционирования. Совершенно очевидно, что такое сочетание времени, импульса и возможности не бывает ни постоянным, ни даже частым — может вообще не возникнуть, если у людей нет веры, *niṣṭhā* — иными словами, если люди не знают наперед, что это можно сделать или не приучены искать способа сделать это. Тела утопленников, «безжизненные» — на самом деле, ничто в мире не безжизненно — теперь могут быть возвращены к жизни, потому что люди верят и знают, что сделать это можно, нашли способы, как это делать, прежде чем организованные жизнь и ум полностью отделятся от неорганизованной жизни, которая присутствует во всей материи. Это же относится ко всем прочим силам и действиям. Невозможно все это, лишь пока мы не верим в реальность возможности и не прилагаем усилий или не обладаем ясностью ума, чтобы отыскать необходимый процесс.

Иные верят — и на этот счет существует гипотеза, — будто жизнь и ум нисходят в этот мир из мира другого, в котором они более уместны. Если под миром имеется в виду не другая звезда или система в этой материальной вселенной, а другая систематизация универсального

сознания, то ведантист, следуя Ведам и Упанишатам, не будет это оспаривать. Вполне вероятно, что жизнь и ум на другой звезде или в другой системе этой зримой вселенной более свободна, а потому более уместна, — однако и там жизнь и ум должны действовать в мире, основой и подлинной субстанцией которого является материя. Следовательно, не будет сущностного изменения в обстоятельствах действия, а проблема их происхождения в этом мире никак не получит лучшего решения. Тем не менее, резонно предположить, что точно так же, как здесь Сила организует себя в материи как своем фундаментальном состоянии и движении, так должны быть — а знание и опыт древних мыслителей показали им, что они есть — другие системы сознания, где Сила организует себя в жизни и в уме как фундаментальном состоянии и движении. Нет необходимости размышлять здесь о том, как соотносились бы такие миры с нашим во Времени и Пространстве. Жизнь и ум могли бы низойти из таких миров уже организованными и соединиться с формами материи нашего мира — но не в смысле физического заполнения этих материальных форм и их непосредственного использования, а в смысле пробуждения к действию силой импульса-прикосновения скрытых в материи жизни и ума. Тогда под воздействием этого импульса и помощи высшего порядка жизнь и ум в материи начнут организовывать нервную систему для нужд жизни и систему движения жизни по нервам для нужд ума, пригодные для выражения в материи высоко организованных компонентов, низошедших в нее. На самом деле, древние верили — помимо феномена отдельно организованной личности в каждой живой форме, — в необходимость такого рода помощи, исходящей из миров жизни и ума, для сохранения и поддержания всего функционирования жизни и ума в нашем низшем мире, без которой им было бы трудно выражать себя и совершенствоваться в среде, по сути присущей не им, а совсем другим движениям. На этой основе возникли идеи Дэвов, Дайтьев, Асуров, Ракшасов, Пишачей, Гандхарвов и прочих, к которым Веды, Упанишады, Пураны и Итихаса приучили наши умы. Нет резона предполагать, что все миры этой материальной системы населены живыми существами — скорее истина в обратном. Вероятней всего жизнь и ум развиваются в материи с трудом и в избранном месте.

Будь это иначе — если бы жизнь и ум входили в материальные формы уже полностью организованными и в полной силе (какими они должны быть в присущих им мирах), — то эти формы сразу же начали

бы функционировать совершенным образом и без дальнейших трудностей. Нам бы не пришлось наблюдать этот долгий и тяжкий процесс постепенного проявления, такой напряженный, такой трудный, результат такой яростной борьбы, такого гигантского труда скрытой Воли в материи. Мы же повсеместно видим необходимость постепенной организации форм. Что же организуется? Система, подходящая для деятельности жизни, система, подходящая для деятельности ума. Уже в неодушевленных объектах и металлах — как недавно открыла наука, — присутствуют возбуждения, сходные с теми, которые составляют жизнь, — витальные реакции и отсутствие реакций, но система регулярного движения витальности еще не сформировалась, поэтому металлы не живут. У растения есть витальная система, можно даже сказать, нервная система, но хотя в растениях и существует то, что можно назвать бессознательным умом, хотя у некоторых из них наблюдаются даже неясные движения разума, организованная система этой жизни пригодна только для течения *расы* (*rasa*), сока, ее достаточно для простого жизнеобеспечения, но не достаточно для *праны* (*prāṇa*), нервной силы, необходимой для деятельности ума в материи. *Anax* (*apaṅ*) достаточно для жизни, но для жизни и ума необходимо иметь *ваю* (*vāyu*). У насекомого жизнь организована лучше, на другом уровне; так по мере подъема по ступеням животного царства развивается нервная система, способная нести токи пранической силы, достигая совершенства в человеке. Поэтому истина этого материального мира — жизнь и ум, пробуждающиеся в материи и с трудом проявляющие себя, а не внесение откуда-то готовой жизни, всецело чуждой миру и его собственному потенциалу.

Если предположить, что жизнь или ум, соединяясь с материей, входят в нее постепенно, по мере того как система приобретает пригодность для них, внося все больше и больше от себя в тело, подготавливаемое к этому, то это предположение возможно и разумно. Прогрессируя в самопознании, мы действительно начинаем видеть, что в нас происходит большая ментальная работа, лишь отчасти и несовершенно выражающаяся в наших бодрствующих мыслях и восприятиях — подсознательное или сверхсознательное «Я», которое все сохраняет, все помнит, все предвидит, как бы знает все, что доступно познанию, владеет всем, что ложно, и всем, что истинно, но раскрывает бодрствующему уму лишь очень немногое. Подобным же образом наша жизнь в теле есть только частичное выражение бессмертной жизни,

которая несомненно нам присуща. Но это лишь доказывает, что сами мы не являемся полностью или по сути жизнью и умом в теле, но используем этот принцип для собственной цели или игры в материи. Это не доказательство отсутствия принципа жизни и ума в материи. Напротив, есть причина верить, что материя аналогичным образом вовлечена в жизнь и ум, и всюду, где есть движение жизни и ума, оно направлено на развитие для себя некоей формы тела, в котором сможет надежно себя индивидуализировать. По аналогии, нам следует предположить, что жизнь и ум тоже вовлечены в материю и присущи ей, а следовательно, способны развиваться и проявляться в материи.

Таким образом, мы познакомились с теорией ранних ведантистов о соотношении жизни, ума и материи и теперь можем обратиться к самим положениям Упанишады по поводу деятельности жизни и ума и их связи с Душой сущего, Брахманом.

II

УМ

Если бы Упанишады были не более чем философскими умозрениями, то в комментарии было бы достаточно изложить общую мысль какого-то места в них, развить на современном языке его значение и связь с современными идеями, ибо если бы авторы Упанишад просто выразили в древних терминах общие заключения психологического опыта, и сейчас легко доступные и знакомые нам, то не было бы смысла в детальном исследовании формулировок наших ведантистских текстов. Но эти великие произведения не письменный след идей, а письменный след реальных переживаний, а эти духовные и психологические переживания так же далеки от поверхностной психологии обычного человека, как эксперименты и выводы Науки от обычных наблюдений крестьянина, ведущего свой плуг по почве, известной ему лишь по верхнему слою, или мореплавателя древности, направляющего судно по немногим звездам, важным для его примитивного кораблевождения. Каждое слово Упанишад поднимается из глубин психологического опыта и наблюдений, которыми мы долее не владеем, и является ключом к духовным истинам, которые мы теперь можем постичь лишь через мучительно трудную дисциплину. Поэтому каждому слову

следует придавать должное значение. Мы должны принимать во внимание его место в мысли, раскрывая те идеи, изреченным символом которых оно является.

Пример того, как необходимо постоянно делать это, — начальная фраза Кена Упанишады: *keneṣitam patati preṣitam manaḥ*. Мудрец описывает не ум в его цельности, но то действие ума, которое он счел наиболее характерным и важным, которое, к тому же, ведет непосредственно к вопросу о скрытом источнике всей ментальной деятельности, ее верховенствующей и побуждающей силе. Главная идея и общий опыт этого действия выражен словом *patati* — «падает». Движение вперед и фиксирование, «оседание» на объекте есть сама природа ума в действии.

Это совсем не то, что наша современная концепция ума: признавая, что ум действует посредством движения и внимания, устремленного вперед, мы склонны считать, что сущностное и обычное действие ума есть скорее его способность воспринимать объекты, нежели их исследовать. Научное объяснение умственной деятельности подтверждает это представление. Физиология, внимание которой сосредоточено на нервной системе и мозге — на физических каналах мысли, — утверждает, что акт мысли есть двойное действие афферентных и эфферентных нервов. Объект приступает к органам чувств — а не ум к объекту, афферентные нервы несут импульс в клетки мозга, их материя претерпевает изменения, передающие волокна реагируют на сигнал, команда — воля республики клеток — идет обратно по эфферентным нервам, завершая акт восприятия объекта или идеи объекта, или идеи идеи, что и составляет сущность мышления. Все прочее, что делает ум, есть просто внутреннее изменение серого вещества мозга и непрерывное взаимодействие его волокон с запасом восприятий и идей, уже накопленных этими удивительными кусочками организованной материи. Согласно физиологии эти движения — все, что делает телесная машина. Но оказалось необходимым... Теория волн мысли или вибраций, создаваемых этими микроскопическими животными... чтобы объяснить результаты мысли.

Сколь бы широко ни распространилась эта теория, сколь бы покорно ни была она принята заигнотизированным миром, ведантист обязан опровергнуть ее. Его исследование сосредоточено не только на физиологическом действии, на движении телесной машины, но и на психологическом действии, движении той силы, которая поддерживает

машину — не только на том, что ум делает, но и на том, чего он не делает. Наблюдение ведантиста, опирающееся на тщательный анализ и на выделение в эксперименте отдельных ментальных составных, приводит его к совершенно другому выводу. Во фразе *patati manaḥ* он поддерживает мудрость провидца. Образ «падает» на глаз — бесспорно, просто падение образа на глаз еще не составляет ментальное восприятие — на это должен обратить внимание ум; ибо видит не глаз, видит ум, пользуясь глазом как инструментом, точно так же как не телескоп видит невидимое без него солнце, а астроном, который сидит у телескопа. Поэтому физический прием образов это не зрение, физический прием звуков это не слышание. Ведь нас осаждает множество образов и звуков, они падают на сетчатку, они касаются барабанных перепонок, но для нашей бодрствующей мысли они не существуют! Этого не могло бы произойти, будь наше тело действительно самодостаточной машиной. Воздействие должно быть принято, сигнал должен помчаться по афферентному нерву, клетки должны отреагировать на импульс, в них должно произойти изменение, возникнуть ответная реакция. У самодостаточной машины нет выбора — действовать или не действовать, если она не испорчена, то должна работать. Но здесь, как мы видим, есть выбор, есть отбор и широкая возможность отказа от реакции. Практические исследования йогоинов показали кроме того, что сила такого отказа может быть абсолютной, ибо нечто в нас обладает всевластной и многосторонней способностью отбирать или полностью запрещать восприятия и мысли, даже решать, как реагировать, если вообще реагировать, способностью даже видеть без помощи глаза и слышать без помощи уха. И европейский гипнотизм тоже указывает на подобные феномены. Вопрос не может быть решен на основе скороспелых заключений нетерпеливой физиологии, одержимой поиском кратчайшего пути к Истине и стремлением истолковать мир в свете своих первых головокружительных открытий.

Когда образ остается не увиденным, а звук не услышанным, то происходит это потому, что ум не фиксируется на объекте, — он *na patati*, «не падает». Но мы должны сначала пойти дальше и задаться вопросом: что именно работает в афферентных и эфферентных нервах и обеспечивает внимание нервов. Мы уже убедились, что это не просто вибрация телесной материи в нерве. Будь это так, внимание нерва к каждому раздражению было бы обеспечено автоматически и неизбежно. Ведантисты говорят, что нервная система есть чрезвычайно

сложно организованный аппарат для действия жизни в теле; то, что движется по нервам, — это *пра́на* (*prāṇa*), материализованный жизненный принцип, воздушный (*vāyavya*) по природе и потому невидимый для глаза, но вполне способный приспособливаться как к жизни материи, так и к жизни ума, образуя точку соприкосновения или мостик между двумя принципами. Но действие этого принципа жизни само по себе недостаточно для создания мысли, иначе ум мог бы организовать себя в растительном царстве с той же легкостью, что и в животном. Появление мысли становится возможным только когда *пра́на* развивает интенсивность движения, достаточную, чтобы образовать среду для стремительной деятельности ума, а ум, получив наконец физический инструмент, вливается в движение жизни и завладевает им. То, что движется в нервной системе, есть ток жизни, пронизанный и насыщенный привычным движением ума. Когда движение ума вовлечено в ток жизни, как это обычно и бывает во всех формах, то ментальное знание не реагирует на контакты или воздействия. Ибо, как есть жизнь даже в металле, так и ум есть даже в металле — но в скрытом, вовлеченном состоянии тайного действия, бессознательный, как мы говорим, и ограниченный передачей в материю умо-форм, создаваемых этими воздействиями. Это станет понятнее, когда мы глубже проникнем в тайны ума; мы увидим, что хотя комок глины, камень и дерево не мыслят, в них есть скрытая матрица ума и в этой матрице накапливаются формы, которые могут быть переведены в ментальные символы, в восприятие, идею, слово. Однако только по мере того, как жизненные токи приобретают большую интенсивность, стремительность и тонкость, от чего тела объектов делаются менее прочными, но более работоспособными, возникают все нарастающие возможности для деятельности ума, а проявившись, ум становится все детальней, сложней и эффективней. Ибо тело и жизнь здесь выступают как *pratiṣṭhā*, основа ума. Но затем наступает время, когда ум, получив в жизни все, в чем он нуждается для высшего развития, начинает расширять себя и свою деятельность непропорционально дальнейшей организации своих телесных и витальных инструментов или даже вообще без их дальнейшей организации в человеке низшего порядка.

Но даже в самых высокоразвитых формах этого материального мира, где материя есть основа, жизнь — посредническое звено, а ум — третий результат, норма заключается в том, что материя и жизнь (когда жизнь выражена) активны постоянно, ум же активен исключительно

в теле. Иными словами, обычное действие ума бессознательно и рецептивно — как в камне, комке глины и дереве. Образ, который касается глаза, звук, который касается уха, принимается непосредственно жизнью, становясь частью опыта Брахмана в этой системе. Возникает не только вибрация в теле, поток движения в жизни, но также и отпечаток в уме. Это неизбежно, поскольку ум, жизнь и материя едины. Где есть одно, там есть и остальные — явленные или скрытые, вовлеченные или развернутые, супралиминально активные или сублиминально активные. Меч, который нанес удар в битве, сохраняет в себе ментальный отпечаток удара, а также нанесшего удар и получившего удар, и это событие древних времен может быть через столетия прочитано йогиним, который обучен переводить умо-формы на активный язык ума. Таким образом, все, что ни происходит вокруг нас, оставляет в нас скрытый отпечаток и впечатление. Недавние открытия европейской психологии начали доказывать, что это именно так; с точки зрения рядового человека это один из самых поразительных и важных фактов существования, с точки же зрения ведантиста — факт самый простой, естественный и неизбежный. Сохранение всего опыта в виде сильного и прочного отпечатка относится не только к тем впечатлениям, которые передаются в мозг органами чувств, а включает в себя все, что любым путем может попасть в ум, — отдаленные события, прошлые состояния существования и ситуации минувшего, не имевшие никакого отношения к нашим нынешним органам чувств, переживания из сновидений и глубокого сна, активность, происходящая в мнимой бессознательности или в нарушенном сознании тяжелого сна, бреда, анестезии и транса. Бессознательность — ошибочный термин; прекращение деятельности сознания — заблуждение.

Именно по этой причине феномен, на который мудрец обращает сугубое внимание, как на единственно важный и эффективный в ментальной деятельности и в состоянии бодрствования здесь, это не рецептивность ума, а его сила, направленная наружу — *patati*. В деятельности чувств мы можем различить три процесса: первый, когда воздействие воспринято подсознательно и в токе жизни к мозгу нет команды из ума — даже если сам ток жизни команду несет; второй, когда ум, осознающий воздействие, так сказать, «падает» на объект, но только своей чувствующей частью, а не частью понимающей; третий, когда ум «падает» на объект и чувствующей частью, а не частью понимающей. В первом случае отсутствует акт ментального познания, глаз и ум

не фиксируют внимания — как бывает, когда, погруженные в мысли, мы проходим мимо какого-то феномена Природы, ничего не видя, ничего не слыша. Во втором случае происходит акт чувственного познания. Ум в глазу внимателен и наблюдает, хоть и поверхностно, объект воспринимается, но не понимается или понимается лишь отчасти: подобно служанке, занятой своими делами и слушающей древнееврейскую речь хозяина, он тоже слышит все, ничего не различая и не понимая, и на самом деле не обращая на речь внимания, а только слыша ее ухом. В третьем случае происходит подлинное ментальное восприятие и понимание — или же попытка восприятия и понимания, и лишь последнее движение отвечает описанию, даваемому мудрецом: *iṣitam preṣitam patati manas*. Но нам следует заметить, что во всех этих случаях кто-то обращает внимание, кто-то и осознает, и понимает. Человек, который был без сознания во время операции под наркозом, способен впоследствии в гипнотическом трансе, когда высвобождаются все его глубинные способности, вспомнить и точно рассказать, что с ним происходило в состоянии предполагаемой бессознательности. Служанка, оказавшись в аномальном состоянии, может вспомнить каждое слово из выступления своего хозяина на древнееврейском языке, повторить его по порядку и без единой ошибки, фразу за фразой, — на языке, который она не понимает. И можно с уверенностью предсказать, что наступит день, когда мы обнаружим, что то, что наши умы так силились понять и постичь, — эти строки на новом языке, этот новый, ни к какому классу не отнесенный феномен, — было в совершенстве воспринято, в совершенстве понято, автоматически, безошибочно, чем-то в нас, что либо не смогло, либо не стало передавать это знание уму. Мы же только пытались задействовать на уровне ума то знание, которым ранее уже в совершенстве овладели в каком-то из уголков нашего существа.

В свете этого факта и выявляется все значение слов мудреца об уме.

(Не завершено)

КАТХА УПАНИШАДА

Катха Упанишада

ॐ सह नावतु । सह नौ भुनक्तु । सह वीर्यं करवावहै । तेजस्वि
नावधीतमस्तु । मा विद्विषावहै ॥
ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥

*OM saha nāvavatu | saha nau bhunaktu | saha vīryaṁ karavāvahai | tejasvi
nāvadhītamastu | mā vidviṣāvahai ॥
OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ ॥*

OM! Вместе нас да защитит Он; вместе нас да обретет Он; вместе да сотворим мы силу и отвагу в себе! Пусть будет для нас полным силы и света то, что мы изучили! Да не узнаем мы никогда ненависти!
OM! Мир! Мир! Мир!

ПЕРВЫЙ ЦИКЛ: ПЕРВАЯ ГЛАВА

ॐ उशन् ह वै वाजश्रवसः सर्ववेदसं ददौ ।
तस्य ह नचिकेता नाम पुत्र आस ॥१॥

*OM uśan ha vai vājaśravasaḥ sarvavedasaṁ dadau |
tasya ha naciketā nāma putra āsa ॥*

1. Ваджашраваса, возжаждав, отдал все, что имел. Теперь у него был сын по имени Начикетас.

तश्च ह कुमारश्च सन्तं दक्षिणासु नीयमानासु श्रद्धाऽऽविवेश ।
सोऽमन्यत ॥२॥

*taṁ ha kumāraṁ santaṁ dakṣiṇāsu nīyamānāsu śraddhā''viveśa |
so'manyata ॥*

2. Когда были розданы дары, вера вошла в него, в него, который был еще необрученным мальчиком, и он задумался:

पीतोदका जग्धतृणा दुग्धदोहा निरिन्द्रियाः ।
अनन्दा नाम ते लोकास्तान्स गच्छति ता ददत् ॥३॥

*pītodakā jagdhatṛṇā dugdhadohā nirindriyāḥ ।
anandā nāma te lokāstānsa gacchati tā dadat ॥*

3. «Вот коровы, которые выпили всю свою воду, ощипали траву, отдали молоко, и чьи органы теперь износились, — безрадостны миры, которых достигает приносящий такие дары».

स होवाच पितरं तत कस्मै मां दास्यसीति ।
द्वितीयं तृतीयं तं होवाच मृत्यवे त्वा ददामीति ॥४॥

*sa hovāca pitaraṁ tata kasmai mām dāsyasīti ।
dvitīyaṁ tṛtīyaṁ taṁ hovāca mṛtyave tvā dadāmīti ॥*

4. И сказал он отцу: «А меня, отец мой, кому ты отдашь?» Во второй и в третий раз спросил он это, и ответил тот: «Смерти я отдам тебя».

बहूनामेमि प्रथमो बहूनामेमि मध्यमः ।
किं स्विद्यमस्य कर्तव्यं यन्मयाद्य करिष्यति ॥५॥

*bahūnāmemi prathamō bahūnāmemi madhyamaḥ ।
kiṁ svidyamasya kartavyaṁ yanmayādya kariṣyati ॥*

Начикетас сказал:

5. «Среди многих иду я первым, среди многих иду я средним; то, что надлежит исполнить Яме, мною он сегодня исполнит.

अनुपश्य यथा पूर्वे प्रतिपश्य तथाऽपरे ।
सस्यमिव मर्त्यः पच्यते सस्यमिवाजायते पुनः ॥६॥

*anupaśya yathā pūrve pratipaśya tathā'pare ।
sasyamiva martyaḥ pacyate sasyamivājāyate punaḥ ॥*

6. Оглянись и посмотри: какие были люди прежде, — оглядись вокруг! — такие же и те, что пришли потом. Смертный человек увядает как плоды поля и как плоды поля рождается он опять».

वैश्वानरः प्रविशत्यतिथिर्ब्राह्मणो गृहान् ।
तस्यैतां शान्तिं कुर्वन्ति हर वैवस्वतोदकम् ॥७॥

*vaiśvānaraḥ praviśatyatithirbrāhmaṇo grhān ।
tasyaitāṁ śāntiṁ kurvanti hara vaivasvatodakam ॥*

Прислужники говорят Яме:

7. «Огонь есть Брамин, который гостем входит в дома людей и там они его уболагодворяют. Принеси же, о Сын Вивасвата¹, воды по обряду гостеприимства.

आशाप्रतीक्षे संगतं सूनृतां चेष्टापूर्ते पुत्रपशूंश्च सर्वान् ।
एतद् वृद्धे पुरुषस्याल्पमेधसो यस्यानश्नन्वसति ब्राह्मणो गृहे ॥८॥

*āśāpratīkṣe saṅgataṁ sūnṛtāṁ ceṣṭāpūrte putrapaśūṁśca sarvān ।
etad vṛṅkte puruṣasyālpamedhaso yasyānāśnanvasati brāhmaṇo grhe ॥*

8. Тот скудоумный человек, в чьем доме Брамин живет впроголодь, лишается всех надежд и ожиданий, всего, что он нажил, всех добрых и правдивых слов, которые говорил, и колодцев, им вырытых, и жертвоприношений, им совершенных, и всех сыновей, и всего скота — всего лишается тот, кто не встретил этого гостя с должным почтением».

¹ Яма, бог смерти, есть также владыка Закона в мире, поэтому он — дитя Солнца, светозарного Владыки Истины, от которой рожден Закон.

तिष्ठो रात्रीर्यदवात्सीर्गृहे मेऽनश्नन्ब्रह्मन्नतिथिर्नमस्यः ।
नमस्तेऽस्तु ब्रह्मन्स्वस्ति मेऽस्तु तस्मात्प्रति त्रीन्वरान्वृणीष्व ॥९॥

*tisro rātrīryadavātsīrgr̥he me 'naśnanbrahmannatithirnamasyaḥ ।
namaste 'stu brahmansvasti me 'stu tasmātpрати trīnvarānvṛṇīṣva ॥*

Яма говорит:

9. «Поскольку три ночи ты провел в моем доме, о Брамин, гость, заслуживающий почтения, — поклон тебе, о Брамин, да будет мне благо — поэтому выбирай себе три дара, по дару за каждую ночь».

शान्तसंकल्पः सुमना यथा स्याद्धीतमन्युर्गौतमो माऽभि मृत्यो ।
त्वत्प्रसृष्टं माऽभिवदेत्प्रतीत एतत्त्रयाणां प्रथमं वरं वृणे ॥१०॥

*śāntasamkalpaḥ sumanā yathā syādvītamanyurgautamo mā 'bhi mṛtyo ।
tvatprasṛṣṭam mā 'bhivadetpratīta etattrayaṇāṃ prathamam varam vṛṇe ॥*

Начикетас отвечает:

10. «Пусть успокоятся мысли и прояснится ум моего отца Гаутамы, пусть скорбь по мне оставит его; с уверенностью в сердце пусть встретит он меня, тобою выпущенного на волю, — это первый дар из трех, который я выбираю».

यथा पुरस्ताद् भविता प्रतीत औद्दालकिरारुणिर्मत्प्रसृष्टः ।
सुखं रात्रीः शयिता वीतमन्युस्त्वां ददृशिवान्मृत्युमुखात्प्रमुक्तम् ॥११॥

*yathā purastād bhavitā pratīta auddālakirāruṇirmatprasṛṣṭaḥ ।
sukham rātrīḥ śayitā vītamanyustvāṃ dadṛśivānmṛtyumukhātpromuktam ॥*

Яма говорит:

11. «С прежней уверенностью в сердце, мной освобожденный, будет твой отец, Ауддалаки Аруни; сладко будет он спать ночами и скорбь оставит его при виде тебя, спасенного из пасти смерти».

स्वर्गे लोके न भयं किञ्चनास्ति न तत्र त्वं न जरया बिभेति ।
उभे तीर्त्वाऽशनायापिपासे शोकातिगो मोदते स्वर्गलोके ॥१२ ॥

*svarge loke na bhayaṁ kiñcanāsti na tatra tvaṁ na jarayā bibheti ।
ubhe tīrtvā'śanāyāpīpāse śokātigo modate svargaloke ॥*

Начикетас говорит:

12. «В небесах совсем нет страха, в небесах тебя нет, о Смерть, нет старости с ее страхами; преодолев голод и жажду, как через две реки переправившись, оставив позади скорби, душа ликует в небесах.

स त्वाग्निं स्वर्ग्यमध्येषि मृत्यो प्रब्रूहि त्वं श्रद्धधानाय मह्यम् ।
स्वर्गलोका अमृतत्वं भजन्त एतद् द्वितीयेन वृणे वरेण ॥१३ ॥

*sa tvāgnim svargyamadhyeṣi mṛtyo prabrūhi tvaṁ śraddadhānāya mahyam ।
svargalokā amṛtatvaṁ bhajanta etad dviṭīyena vṛṇe vareṇa ॥*

13. А потому, об этом небесном Огне¹, который ты, о Смерть, постигаешь, поведай и мне, ибо я верую. Кто завоевывает себе мир небесный, их уделом становится бессмертие. Это есть второй дар, который я выбираю».

प्र ते ब्रवीमि तदु मे निबोध स्वर्ग्यमग्निं नचिकेतः प्रजानन् ।
अनन्तलोकासिमथो प्रतिष्ठां विद्धि त्वमेतं निहितं गुहायाम् ॥१४ ॥

*pra te bravīmi tadu me nibodha svargyamagnim naciketaḥ prajānan ।
anantalokāptimatho pratiṣṭhāṁ viddhi tvametaṁ nihitaṁ guhāyām ॥*

Яма говорит:

14. «Внимай мне и постигай, о Начикетас; я поведаю тебе об этом небесном Огне, ибо я знаю его. Знай же, что это есть обладание

¹ Небесная сила, подсознательно таящаяся в смертной природе человека, возжигая и правильно распоряжаясь которой человек способен преодолеть свою земную природу; это не физическое пламя внешнего жертвоприношения — к нему не применимы эти глубокие слова.

бесконечным существованием, и основа, и то, что скрыто в тайной пещере нашего существа».

लोकादिमग्निं तमुवाच तस्मै या इष्टका यावतीर्वा यथा वा ।
स चापि तत्प्रत्यवदद्यथोक्तमथास्य मृत्युः पुनरेवाह तुष्टः ॥१५ ॥

*lokādimagniṁ tamuvāca tasmai yā iṣṭakā yāvātīrvā yathā vā ।
sa cāpi tatpratyavadadyathoktamathāsya mṛtyuḥ punarevāha tuṣṭaḥ ॥*

15. Об Огне, который есть начало мира¹, Яма рассказал ему, и о том, что представляют собой кирпичи для него, и сколько их, и в каком порядке они располагаются; и Начикетас повторил все, что ему было сказано, Яма-Смерть был доволен и снова обратился к нему.

तमब्रवीत्प्रीयमाणो महात्मा वरं तवेहाद्य ददामि भूयः ।
तवैव नाम्ना भवितायमग्निः सृङ्गां चेमामनेकरूपां गृहाण ॥१६ ॥

*tamabravītpriyamāṇo mahātmā varaṁ tavehādyā dadāmi bhūyaḥ ।
tavaiva nāmnā bhavitāyamagniḥ sṛṅkāṁ cemāmanekarūpāṁ grhāṇa ॥*

16. Воистину, тот Великий Духом был удовлетворен и сказал ему: «И еще один дар преподнесу я тебе сегодня; ибо твоим именем будет назван этот Огонь, и возьми вот это ожерелье, ожерелье множества фигур².

त्रिणाचिकेतस्त्रिभिरेत्य सन्धिं त्रिकर्मकृत्तरति जन्ममृत्यु ।
ब्रह्मजज्ञं देवमीड्यं विदित्वा निचाय्येमां शान्तिमत्यन्तमेति ॥१७ ॥

*triṇāciketastribhiretya sandhiṁ trikarmakṛttarati janmamṛtyū ।
brahmajajñam devamīdyam viditvā nicāyyemāṁ śāntimatyantameti ॥*

¹ Божественная Сила, сокрытая в подсознательном, есть то, что породило и двигло миры. На другом полюсе, в сверхсознательном, она предстает как Божественное Существо, как Господствующий и Знающий, проявивший Себя из Брахмана.

² Ожерелье множества фигур — это Пракрити, созидательная Природа, над которой обретает власть душа, достигшая божественного существования.

17. Кто возжигает три пламени¹ Начикетаса и приходит к единению с Тремя² и совершает тройственный труд³, тот выходит за пределы рождения и смерти; ибо он находит Бога нашего почитания, Знающего⁴, кто рожден от Брахмана, узрев кого, он достигает беспредельного покоя.

त्रिणाचिकेतस्त्रयमेतद्विदित्वा य एवं विद्वाश्चिनुते नाचिकेतम् ।
स मृत्युपाशान्पुरतः प्रणोद्य शोकातिगो मोदते स्वर्गलोके ॥१८॥

*triñāciketastrayametadviditvā ya evaṁ vidvāśchinute nāciketam ।
sa mṛtyupāśānpurataḥ praṇodya śokātigo modate svargaloke ॥*

18. Когда человек обладает тремя огнями Начикетаса и познает это, Тройственное, когда, зная так, он созерцает Огонь Начикетаса, он отбрасывает расставленные перед ним тенета смерти, оставив скорби позади, он ликует в небесах.

एष तेऽग्निर्नाचिकेतः स्वर्ग्यो यमवृणीथा द्वितीयेन वरेण ।
एतमग्निं तवैव प्रवक्ष्यन्ति जनासस्तृतीयं वरं नाचिकेतो वृणीष्व ॥१९॥

*eṣa te'gnirñāciketāḥ svargyo yamavṛṇīthā dvitīyena vareṇa ।
etamagniṁ tavaiva pravakṣyanti janāsastrīyaṁ varaṁ nāciketō vṛṇīṣva ॥*

19. Это и есть небесный Огонь, о Начикетас, который ты выбрал вторым даром; об этом Огне люди будут говорить как о твоём, воистину. Выбери же третий дар, о Начикетас».

¹ Вероятно, божественная сила, употребленная на вознесение к божественности тройственной сущности человека.

² Возможно, речь идет о трех Пурушах, состояниях души или Ипостасях Божественного Существа, обозначаемых тремя буквами А У М. Наивысший Брахман — вне трех букв мистического слога.

³ Принесение в жертву низшего существования высшему, божественному, совершаемое на трех уровнях физического, витального и ментального сознания человека.

⁴ Пуруша, или Божественное Существо, Знающий Поле, который обитает внутри всего, ради удовольствия которого Prakṛiti разыгрывает космическую игру.

येयं प्रेते विचिकित्सा मनुष्येऽस्तीत्येके नायमस्तीति चैके ।
एतद्विद्यामनुशिष्टस्त्वयाऽहं वराणामेष वरस्तृतीयः ॥२० ॥

*yeyam prete vicikitsā manuṣye 'stītyeke nāyamastīti caike ।
etadvidyāmanuśiṣṭastvayā 'ham varāṇāmeṣa varastṛtīyaḥ ॥*

Начикетас говорит:

20. «Идет спор о человеке, который умер, и одни говорят “его нет”, другие же говорят “он есть”, да постигну я это, наученный тобой; это есть третий из даров моего выбора».

देवैरत्रापि विचिकित्सितं पुरा न हि सुविज्ञेयमणुरेष धर्मः ।
अन्यं वरं नचिकेतो वृणीष्व मा मोपरोत्सीरति मा सृजैनम् ॥२१ ॥

*devairatrāpi vicikitsitam purā na hi suvijñeyamaṇureṣa dharmah ।
anyaṁ varam naciketo vṛṇīṣva mā moparotsīrati mā sṛjainam ॥*

Яма говорит:

21. «Сами боги издавна спорят об этом, ибо нелегко познать этот тонкий закон. Выбери себе другой дар, о Начикетас, не домогайся моего ответа, не принуждай меня, откажись от этого, откажись».

देवैरत्रापि विचिकित्सितं किल त्वं च मृत्यो यन्न सुज्ञेयमात्थ ।
वक्ता चास्य त्वादृगन्यो न लभ्यो नान्यो वरस्तुल्य एतस्य कश्चित् ॥२२ ॥

*devairatrāpi vicikitsitam kila tvam ca mṛtyo yanna sujñeyamāttha ।
vaktā cāsya tvādṛganyo na labhyo nānyo varastulya etasya kaścit ॥*

Начикетас говорит:

22. «Сами боги спорят об этом, несомненно, и даже ты сказал, что это нелегко познать; никогда мне не найти другого, подобного тебе¹, кто поведал бы об этом, и нет другого дара, равного этому».

¹ Яма — знаток и хранитель космического Закона, согласно которому душе предстоит через смерть и жизнь подниматься к свободе Бессмертия.

शतायुषः पुत्रपौत्रान्वृणीष्व बहून्पशून्हस्तिहिरण्यमश्वान् ।
भूमेर्महदायतनं वृणीष्व स्वयं च जीव शरदो यावदिच्छसि ॥२३॥

*śatāyusaḥ putrapautrānvṛṇīṣva bahūnpaśūnhastihiraṇyamaśvān ।
bhūmermahadāyatanaṁ vṛṇīṣva svayaṁ ca jīva śarado yāvadicchasi ॥*

Яма говорит:

23. «Выбери себе в дар сыновей и внуков, каждый из которых проживет по сто лет, выбери множество скота и слонов, золота, коней; выбери во владение земли обширные и сам живи столько лет, сколько пожелаешь.

एतत्तुल्यं यदि मन्यसे वरं वृणीष्व वित्तं चिरजीविकां च ।
महाभूमौ नचिकेतस्त्वमेधि कामानां त्वा कामभाजं करोमि ॥२४॥

*etattulyaṁ yadi manyase varaṁ vṛṇīṣva vittaṁ cirajīvikāṁ ca ।
mahābhūmau naciketastvamedhi kāmānāṁ tvā kāmabhājaṁ karomi ॥*

24. Если ты считаешь это даром равным тому, о чем просил, выбери богатство и долголетие, владей, о Начикетас, могучим царством; я даю тебе все самое желанное, пусть будет это долей твоей.

ये ये कामा दुर्लभा मर्त्यलोके सर्वान्कामांश्छन्दतः प्रार्थयस्व ।
इमा रामाः सरथाः सतूर्या नहीदृशा लम्बनीया मनुष्यैः ।
आभिर्मत्प्रत्ताभिः परिचारयस्व नचिकेतो मरणं मानुप्राक्षीः ॥२५॥

*ye ye kāmā durlabhā martyaloke sarvāṅkāmāṁśchandataḥ prārthayasva ।
imā rāmāḥ sarathāḥ satūryā nahīdṛśā lambhanīyā manuṣyaiḥ ।
ābhirmatprattābhiḥ paricārayasva naciketo maraṇaṁ mānuprākṣīḥ ॥*

25. Поистине, все желанное, что трудно обрести в мире смертных, требуй все, что тебе угодно; вот эти прекрасные женщины с их колесницами, с их музыкантами, такие недоступны людям, я дам их тебе, пусть они будут твоими служанками. Но о смерти не спрашивай, о Начикетас».

श्वोभावा मर्त्यस्य यदन्तकैतत्सर्वेन्द्रियाणां जरयन्ति तेजः ।
अपि सर्वं जीवितमल्पमेव तवैव वाहास्तव नृत्यगीते ॥२६ ॥

*śvobhāvā martyasya yadantakaitatsarvendriyāṇām jarayanti tejah ।
api sarvaṁ jīvitamalpameva tavaiva vāhāstava nṛtyagīte ॥*

Начикетас говорит:

26. «Лишь до утра обладает смертный всем этим, о Всепрекращающий, и это истощает остроту и силу его чувств; нет, вся жизнь мимолетна. Себе оставь все эти колесницы, и танцы этих женщин, и песни их.

न वित्तेन तर्पणीयो मनुष्यो लप्स्यामहे वित्तमद्राक्ष्म चेत्त्वा ।
जीविष्यामो यावदीशिष्यसि त्वं वरस्तु मे वरणीयः स एव ॥२७ ॥

*na vittena tarpaṇīyo manuṣyo lapsyāmahe vittamadrākṣma cettvā ।
jīviṣyāmo yāvadiśiṣyasi tvaṁ varastu me varaṇīyaḥ sa eva ॥*

27. Не должно человека удовлетворять богатство, а богатство мы обречем, если увидим тебя, и жить будем, лишь пока ты правишь нами¹. Я выбираю этот дар и никакой другой.

अजीर्यताममृतानामुपेत्य जीर्यन्मर्त्यः क्वधःस्थः प्रजानन् ।
अभिध्यायन्वर्णरतिप्रमोदानतिदीर्घे जीविते को रमेत ॥२८ ॥

*ajīryatāmamṛtānāmupetya jīryanmartyaḥ kvadhaḥsthaḥ prajānan ।
abhidhyāyanvarṇaratipramodānatidīrghe jīvite ko rameta ॥*

28. Кто, зная, что смертен, и приближается к старости, и жизнь его на несчастливой земле клонится к закату, когда войдет он в присутствие нетленных Бессмертных и воистину прозреет, — кто, разглядев вблизи красоту, наслаждение, удовольствие, может радоваться слишком долгой жизни?

¹ Жизнь есть образ смерти, а Смерть — образ жизни, единственно истинным является бытие беспредельное, божественное и бессмертное.

यस्मिन्निदं विचिकित्सन्ति मृत्यो यत्साम्पराये महति ब्रूहि नस्तत् ।
योऽयं वरो गूढमनुप्रविष्टो नान्यं तस्मान्नचिकेता वृणीते ॥२९॥

*yasminnidaṁ vicikitsanti mṛtyo yatsāmparāye mahati brūhi nastat ।
yo 'yaṁ varo gūḍhamanupraviṣṭo nānyaṁ tasmānnaciketā vṛṇīte ॥*

29. То, о чем они так спорят, о Смерть, открой мне, что заключено в великом переходе; только этот дар, проникающий в тайну, скрытую от нас, и никакой иной, выбирает Начикетас».

ПЕРВЫЙ ЦИКЛ: ВТОРАЯ ГЛАВА

अन्यच्छ्रेयोऽन्यदुतैव प्रेयस्ते उभे नानार्थे पुरुषश्च सिनीतः ।
तयोः श्रेय आददानस्य साधु भवति हीयतेऽर्थाद्य उ प्रेयो वृणीते ॥१॥

*anyacchreyo 'nyadutaiva preyaste ubhe nānārthe puruṣaśc sinītaḥ ।
tayoḥ śreya ādadānasya sādhu bhavati hīyate 'rthādya u preyo vṛṇīte ॥*

Яма говорит:

1. «Благо — это одно, а удовольствие — это другое; и то и другое овладевает человеком, но с разными последствиями. Кто выбирает благо, тому хорошо; но ускользает цель жизни от того, кто выбирает удовольствие.

श्रेयश्च प्रेयश्च मनुष्यमेतस्तौ सम्परीत्य विविनक्ति धीरः ।
श्रेयो हि धीरोऽभि प्रेयसो वृणीते प्रेयो मन्दो योगक्षेमाद्वृणीते ॥२॥

*śreyaśca preyaśca manuṣyametaṣtau samparītya vivinakti dhīraḥ ।
śreyo hi dhīro 'bhi preyaso vṛṇīte preyo mando yogakṣemādvṛṇīte ॥*

2. И благое, и приятное приходят к человеку, разумный всесторонне рассматривает их и различает. Ибо мудрый предпочитает добро удовольствию, но неразумная душа выбирает удовольствие, предпочитая его добру и обладанию им.

स त्वं प्रियान्प्रियरूपांश्च कामानभिध्यायन्नचिकेतोऽत्यस्त्राक्षीः ।
नैतां सृङ्गां वित्तमयीमवाप्तो यस्यां मज्जन्ति बहवो मनुष्याः ॥३॥

*sa tvaṁ priyānpriyarūpāṁśca kāmānabhidhyāyannaciketo 'tyasrākṣīḥ ।
naitāṁ sṛṅgāṁ vittamayīmavāpto yasyāṁ majjanti bahavo manuṣyāḥ ॥*

3. И ты, о Начикетас, увидел вблизи предметы желания, то, что приятно и что красиво, и ты отринул их от себя; ты не попался в сеть богатств, в которой находят свою погибель многие люди.

दूरमेते विपरीते विषूची अविद्या या च विद्येति ज्ञाता ।
विद्याभीप्सिनं नचिकेतसं मन्ये न त्वा कामा बहवोऽलोलुपन्त ॥४॥

*dūramete viparīte viṣūcī avidyā yā ca vidyeti jñātā ।
vidyābhīpsinaṁ naciketasam manye na tvā kāmā bahavo ’lolupanta ॥*

4. Ибо очень далеки они друг от друга, противоположные, взаимоисключающие, одно, что известно как Неведение, и другое — как Знание. Но Начикетаса я считаю истинно взыскующим знания, ибо великое множество желанных вещей не заставило его возжелать их.

अविद्यायामन्तरे वर्तमानाः स्वयं धीराः पण्डितमन्यमानाः ।
दन्द्रम्यमाणाः परियन्ति मूढा अन्धेनैव नीयमाना यथान्धाः ॥५॥

*avidyāyāmantare vartamānāḥ svayaṁ dhīrāḥ paṇḍitamanyamānāḥ ।
dandramyamāṇāḥ pariyanti mūḍhā andhenaiva nīyamānā yathāndhāḥ ॥*

5. Пребывающие в незнании, во власти его, мудрые в собственном разумении и считающие себя весьма просвещенными, заблудшие это люди, которые, спотыкаясь, беспомощно блуждают по кругу, как слепцы, ведомые слепцами.

न साम्परायः प्रतिभाति बालं प्रमाद्यन्तं वित्तमोहेन मूढम् ।
अयं लोको नास्ति पर इति मानी पुनः पुनर्वशमापद्यते मे ॥६॥

*na sāmparāyaḥ pratibhāti bālaṁ pramādyantaṁ vittamohena mūḍham ।
ayaṁ loko nāsti para iti mānī punaḥ punarvaśamāpadyate me ॥*

6. Младенческое понимание, сбитое с толку и опьяненное иллюзией богатства, не может открыть глаза, дабы увидеть переход в небесный мир; ибо кто думает, что есть этот мир и нет иного, тот снова и снова попадает к Смерти в рабство.

श्रवणायापि बहुभिर्यो न लभ्यः शृण्वन्तोऽपि बहवो यं न विद्युः ।
आश्चर्यो वक्ता कुशलोऽस्य लब्धाश्चर्यो ज्ञाता कुशलानुशिष्टः ॥७॥

*śravaṇāyāpi bahubhiryo na labhyaḥ śṛṇvanto'pi bahavo yaṁ na vidyuḥ ।
āścaryo vaktā kuśalo'sya labdhāścaryo jñātā kuśalānuśiṣṭaḥ ॥*

7. О Том, о ком многим нелегко услышать, а среди слышавших много таких, что не постигли Его, — чудо есть человек, который способен мудро говорить о Нем или искусен настолько, чтобы снискать Его, а если такой и найдется, то чудо есть слушатель, способный постичь Его, даже если знающий наставляет его о Нем.

न नरेणावरेण प्रोक्त एष सुविज्ञेयो बहुधा चिन्त्यमानः ।
अनन्यप्रोक्ते गतिरत्र नास्त्यणीयान् ह्यतर्क्यमणुप्रमाणात् ॥८॥

*na nareṇāvareṇa prokta eṣa suvijñeyo bahudhā cintyamānaḥ ।
ananyaprokte gatiratra nāstyāṇīyān hyatarkyamaṇupramāṇāt ॥*

8. Человек низшего порядка не может рассказать тебе о Нем, ибо из такого рассказа не сможешь ты истинно постичь Его, так как мыслят о Нем на разные лады. Однако, не узнав о Нем от другого, не можешь ты найти здесь свой путь к Нему, ибо Он тоньше тонкого и неподвластен логическому осмыслению.

नैषा तर्केण मतिरापनेया प्रोक्तान्येनैव सुज्ञानाय प्रेष्ठ ।
यां त्वमापः सत्यधृतिर्बतासि त्वादृङ् नो भूयान्नचिकेतः प्रष्टा ॥९॥

*naiṣā tarkēṇa matirāpaneyā proktānyenaiva sujñānāya preṣṭha ।
yāṁ tvamāpaḥ satyadhṛtirbatāsi tvādṛṅ no bhūyānnaciketah praṣṭā ॥*

9. Эта мудрость не постигается размышлением, о возлюбленный Начикетас, лишь поведенная кем-то другим, становится она истинным знанием — мудрость, которой ты обладаешь. Воистину, ты стоек в Истине! Со взыскующим подобно тебе я желал бы встречаться всегда».

जानाम्यहं शेवधिरित्यनित्यं न ह्यध्रुवैः प्राप्यते हि ध्रुवं तत् ।
ततो मया नाचिकेतश्चितोऽग्निरनित्यैर्द्रव्यैः प्राप्तवानस्मि नित्यम् ॥१० ॥

*jānāmyaham śevadhirityanityam na hyadhruvaiḥ prāpyate hi dhruvam tat ।
tato mayā nāciketaścito 'gniranityairdravyaiḥ prāptavānasmī nityam ॥*

Начикетас говорит:

10. «Мне известно о сокровище, что оно не вечно; ибо не вещами преходящими достигается Тот, кто непреходящ; а потому я возжег огонь Начикетаса и, принеся в жертву мимолетное, достиг Вечного».

कामस्याप्तिं जगतः प्रतिष्ठां क्रतोरानन्त्यमभयस्य पारम् ।
स्तोमं महदुरुगायं प्रतिष्ठां दृष्ट्वा धृत्या धीरो नचिकेतोऽत्यस्त्राक्षीः ॥११ ॥

*kāmasyāptim jagataḥ pratiṣṭhām kratorānantyamabhayasya pāram ।
stomaṁ mahadurugāyaṁ pratiṣṭhām dr̥ṣṭvā dhṛtyā dhīro naciketo 'tyasrākṣīḥ ॥*

Яма говорит:

11. «Когда ты увидел, что во власти твоей, о Начикетас, обретение желаемого, и прочная основа этого мира, и беспредельность власти, и другой берег, где нет страха, и великая хвала, и широко движущаяся основа¹, мудрый и сильный в стойкости, ты отринул все это от себя.

तं दुर्दर्शं गूढमनुप्रविष्टं गुहाहितं गह्वरेष्ठम् पुराणम् ।
अध्यात्मयोगाधिगमेन देवं मत्वा धीरो हर्षशोकौ जहाति ॥१२ ॥

*taṁ durdarśaṁ gūḍhamanupraviṣṭaṁ guhāhitam gahvareṣṭham purāṇam ।
adhyātmayogādhigamena devaṁ matvā dhīro harṣaśokau jahāti ॥*

12. Познавая Бога приближением к Нему через духовную Йогу, воистину, Древнего Днями, кто вошел глубоко в то, что сокрыто, и кого трудно увидеть, ибо он помещен в нашем потаенном

¹ Или — «и великая слава, воспеваемая по всему свету».

существе и жидется в сокровенном сердце сущего, мудрый и стойкий человек отбрасывает от себя и радость, и печаль.

एतच्छ्रुत्वा सम्परिगृह्य मर्त्यः प्रवृह्य धर्म्यमणुमेतमाप्य ।
स मोदते मोदनीयं हि लब्ध्वा विवृतं सद्य नचिकेतसं मन्ये ॥१३॥

*etacshrutvā samparigrhya martyaḥ pravṛhya dharmyamaṇumetamāpya ।
sa modate modanīyaṁ hi labdhvā vivṛtaṁ sadma naciketasam manye ॥*

13. Когда смертный услышал, когда он уловил, когда он силой отделил Праведного от своего тела и обрел эту тонкую Сущность, тогда он ликует, ибо получил то, чему, воистину, можно радоваться. Воистину, я думаю о Начикетасе, как о доме широко открытом».

अन्यत्र धर्मादन्यत्राधर्मादन्यत्रास्मात्कृताकृतात् ।
अन्यत्र भूताच्च भव्याच्च यत्तत्पश्यसि तद्वद ॥१४॥

*anyatra dharmādanyatrādharmādanyatrāsmātkṛtākṛtāt ।
anyatra bhūtācca bhavyācca yattatpasyasi tadvada ॥*

Начикетас говорит:

14. «Скажи мне о Том, что ты видишь вне добродетели и вне неправедности, вне этого сотворенного и вне этого несотворенного, вне того, что уже было, и вне того, что еще будет».

सर्वे वेदा यत्पदमामनन्ति तपांसि सर्वाणि च यद्वदन्ति ।
यदिच्छन्तो ब्रह्मचर्यं चरन्ति तत्ते पदं संग्रहेण ब्रवीम्योमित्येतत् ॥१५॥

*sarve vedā yatpadamāmananti tapānsi sarvāṇi ca yadvadanti ।
yadicchanto brahmacaryaṁ caranti tatte padaṁ saṅgrहेṇa bravīmyomityetat ॥*

Яма говорит:

15. «Престол или цель, которую восславляют все Веды и которую возглашают все подвижничества, из стремления к которой люди

живут святой жизнью, об Этом я коротко поведаю тебе. Ом есть эта цель, о Начикетас.

एतद्ध्येवाक्षरं ब्रह्म एतद्ध्येवाक्षरं परम् ।
एतद्ध्येवाक्षरं ज्ञात्वा यो यदिच्छति तस्य तत् ॥१६ ॥

*etaddhyevākṣaram brahma etaddhyevākṣaram param ।
etaddhyevākṣaram jñātvā yo yadicchatī tasya tat ॥*

16. Ибо этот Слог есть Брахман, этот Слог есть Наивысший; если кто знает этот Слог, чего бы он ни пожелал, все будет его.

एतदालम्बनं श्रेष्ठमेतदालम्बनं परम् ।
एतदालम्बनं ज्ञात्वा ब्रह्मलोके महीयते ॥१७ ॥

*etadālambanam śreṣṭhametadālambanam param ।
etadālambanam jñātvā brahmaloke mahīyate ॥*

17. Эта опора есть лучшее, эта опора есть высшее, зная эту опору, человек возвеличивается в мире Брахмана.

न जायते म्रियते वा विपश्चिन्नायं कुतश्चिन्न बभूव कश्चित् ।
अजो नित्यः शाश्वतोऽयं पुराणो न हन्यते हन्यमाने शरीरे ॥१८ ॥

*na jāyate mriyate vā vipaścinnāyaṃ kutaścinna babhūva kaścit ।
ajo nityaḥ śāśvato'yaṃ purāṇo na hanyate hanyamāne śarīre ॥*

18. Мудрый не рождается, и не умирает Он; Он ниоткуда не появился, и не есть Он кто-либо; Он есть нерожденный, Он есть непреходящий, Он есть древний и предвечный; Он неубиваем, когда убито тело.

हन्ता चेन्मन्यते हन्तुं हतश्चेन्मन्यते हतम् ।
उभौ तौ न विजानीतौ नायं हन्ति न हन्यते ॥१९॥

*hantā cenmanyate hantūṃ hataścenmanyate hatam ।
ubhau tau na vijānīto nāyaṃ hanti na hanyate ॥*

19. Если убивающий думает, что убивает, если убитый думает, что убит, оба они не обладают знанием. Этот не убивает, и не убиваем Он.

अणोरणीयान्महतो महीयानात्मास्य जन्तोर्निहितो गुहायाम् ।
तमक्रतुः पश्यति वीतशोको धातुप्रसादान्महिमानमात्मनः ॥२०॥

*aṇoraṇīyānmaḥato mahīyānātmāsyajantornihitoguhāyām ।
tamakratuḥ paśyati vītaśoko dhātuprasādānmahimānamātmanaḥ ॥*

20. Мельче мелкого, громадней громадного, “Я” скрывается в тайном сердце этого создания; когда человек освобождается от своеволия и отучается от скорби, тогда он узревает Его; очистившись от умственных начал, он видит величие этого Самосущего.

आसीनो दूरं व्रजति शयानो याति सर्वतः ।
कस्तं मदामदं देवं मदन्यो ज्ञातुमर्हति ॥२१॥

*āsīno dūraṃ vrajati śayāno yāti sarvataḥ ।
kastaṃ madāmadam devaṃ madanyo jñātumarhati ॥*

21. Восседающий, он совершает далекое странствие, возлежащий, он оказывается повсеместно. Кто, как не я, достоин знать Бога, Его, который есть и упоение, и то, что превыше упоения?

अशरीरं शरीरेष्वनवस्थेष्ववस्थितम् ।
महान्तं विभुमात्मानं मत्वा धीरो न शोचति ॥२२॥

*aśarīraṃ śarīreṣvanavastheṣvavasthitam ।
mahāntaṃ vibhumātmānaṃ matvā dhīro na śocati ॥*

22. Постигая Бестелесного в телах, Непреходящего в вещах проходящих, Великое и Всюдусущее “Я”, мудрая и стойкая душа долее не скорбит.

नायमात्मा प्रवचनेन लभ्यो न मेधया न बहुना श्रुतेन ।
यमेवैष वृणुते तेन लभ्यस्तस्यैष आत्मा विवृणुते तनूं स्वाम् ॥२३॥

*nāyamātmā pravacanena labhyo na medhayā na bahunā śrutena ।
yamevaiṣa vṛṇute tena labhyastasyaiṣa ātmā vivṛṇute tanūṁ svām ॥*

23. Это “Я” не достигается ни через красноречивые наставления, ни через усилия ума, ни через большую ученость — лишь тот, кого изберет само это Существо, может достичь Его, ибо пред ним это “Я” обнажает Свое тело.

नाविरतो दुश्चरितान्नाशान्तो नासमाहितः ।
नाशान्तमानसो वापि प्रज्ञानेनैनमाप्नुयात् ॥२४॥

*nāvirato duścariṭānnāśānto nāsamāhitaḥ ।
nāśāntamānaso vāpi prajñānenainamāpnuyāt ॥*

24. Никто не может мудростью достичь Его, не перестав творить зло, или не обрета умиротворенность, или не сосредоточившись в своем существе, или не утишив свой ум.

यस्या ब्रह्म च क्षत्रं च उभे भवत ओदनः ।
मृत्युर्यस्योपसेचनं क इत्था वेद यत्र सः ॥२५॥

*yasyā brahma ca kṣatram ca ubhe bhavata odanaḥ ।
mṛtyuryasyopasecanam ka itthā veda yatra saḥ ॥*

25. Он, для кого мудрецы подобны мясу, а герои — пище для поедания, а Смерть — приправа на Его пиру, — как можно узнать о Нем, где пребывает Он?»

ПЕРВЫЙ ЦИКЛ: ТРЕТЬЯ ГЛАВА

ऋतं पिबन्तौ सुकृतस्य लोके गुहां प्रविष्टौ परमे परार्धे ।
छायातपौ ब्रह्मविदो वदन्ति पञ्चाग्रयो ये च त्रिणाचिकेताः ॥१॥

*ṛtaṁ pibantau sukṛtasya loke guhāṁ praviṣṭau parame parārdhe ।
chāyātapau brahmavido vadanti pañcāgrayo ye ca triṇāciketāḥ ॥*

Яма сказал:

1. «Двое вволю пьют истину в мире хорошо свершенных дел; они пребывают на потаенном уровне бытия, в высочайшем царстве Наивысшего их обитель. Как о свете и тени говорят о них знающие Брахмана, те, у кого пять огней и кто трижды возжигает огонь Начикетаса.

यः सेतुरीजानानामक्षरं ब्रह्म यत्परम् ।
अभयं तितीर्षतां पारं नाचिकेतः शकमेहि ॥२॥

*yaḥ seturījānānāmakṣaram brahma yatparam ।
abhayaṁ titīrṣatāṁ pārāṁ nāciketāḥ śakemahi ॥*

2. Да будет у нас сила возжечь Агни Начикетас, ибо он есть мост для приносящих жертвы, и он есть Брахман наивысший и нетленный, и тот дальний безопасный берег для тех, кто переправится через этот океан.

आत्मानं रथिनं विद्धि शरीरं रथमेव तु ।
बुद्धिं तु सारथिं विद्धि मनः प्रग्रहमेव च ॥३॥

*ātmānaṁ rathinaṁ viddhi śarīraṁ rathameva tu ।
buddhiṁ tu sārathiṁ viddhi manaḥ pragrahameva ca ॥*

3. Знай, что тело есть колесница, а владеет колесницей душа, знай, что Разум — это колесничий, а ум — всего лишь вожжи.

इन्द्रियाणि ह्यानाहुर्विषयाँस्तेषु गोचरान् ।
आत्मेन्द्रियमनोयुक्तं भोक्तेत्याहुर्मनीषिणः ॥४॥

indriyāṇi hayānāhurviṣayāṁsteṣu gocarān |
ātmendriyamano yuktaṁ bhoktetyāhurmanīṣiṇaḥ ||

4. О чувствах говорят, как о конях, а об объектах чувств — как о путях, по которым движутся кони, а Единый, соединенный с «я», с умом и с чувствами — о нем мудрецы говорят, как о наслаждающемся.

यस्त्वविज्ञानवान्भवत्ययुक्तेन मनसा सदा ।
तस्येन्द्रियाण्यवश्यानि दुष्टश्चा इव सारथेः ॥५॥

yastvavijñānavānbhavatyayuktena manasā sadā |
tasyendriyāṇyavaśyāni duṣṭāśvā iva sārathēḥ ||

5. Тот, кто не имеет знания, чей ум все время рассеян, чувства того — словно дикие кони, и не слушаются они правящего колесницей.

यस्तु विज्ञानवान्भवति युक्तेन मनसा सदा ।
तस्येन्द्रियाणि वश्यानि सदश्चा इव सारथेः ॥६॥

yastu vijñānavānbhavati yuktena manasā sadā |
tasyendriyāṇi vaśyāni sadaśvā iva sārathēḥ ||

6. Тот же, кто владеет знанием и чей ум постоянно сосредоточен, чувства его — словно добрые кони, и послушны они колесничему.

यस्त्वविज्ञानवान्भवत्यमनस्कः सदाऽशुचिः ।
न स तत्पदमाप्नोति संसारं चाधिगच्छति ॥७॥

yastvavijñānavānbhavatyamanaskaḥ sadā 'śuciḥ |
na sa tatpadamāpnoti saṁsāraṁ cādhigacchati ||

7. Воистину, кто не обладает знанием, кто постоянно невнимателен и постоянно нечист, не достигает он той цели и лишь блуждает в кругу явлений.

यस्तु विज्ञानवान्भवति समनस्कः सदा शुचिः ।
स तु तत्पदमाप्नोति यस्माद् भूयो न जायते ॥८॥

*yastu vijñānavānbhavati samanaskaḥ sadā śuciḥ ।
sa tu tatpadamāpnoti yasmād bhūyo na jāyate ॥*

8. Тот же, кто обладает знанием, внимательный, всегда чистый, достигает того пристанища, откуда он уже больше не родится.

विज्ञानसारथिर्यस्तु मनःप्रग्रहवान्नरः ।
सोऽध्वनः पारमाप्नोति तद्विष्णोः परमं पदम् ॥९॥

*vijñānasārathiryastu manaḥpragrahavānnaraḥ ।
so'dhvanaḥ pāramāpnoti tadviṣṇoḥ paramaṁ padam ॥*

9. Тот человек, кто использует ум как поводья, а знание как колесничего, тот достигает конца своего пути — высочайшей обители Вишну.

इन्द्रियेभ्यः परा ह्यर्था अर्थेभ्यश्च परं मनः ।
मनसस्तु परा बुद्धिर्बुद्धेरात्मा महान्परः ॥१०॥

*indriyebhyaḥ parā hyarthā arthebhyasca paraṁ manaḥ ।
manasastu parā buddhirbuddherātmā mahānparaḥ ॥*

10. Объекты чувств выше самих чувств, а Ум — выше объектов чувств, но превыше Ума — способность к познанию, но еще выше этого — Великое “Я”.

महतः परमव्यक्तमव्यक्तात्पुरुषः परः ।
पुरुषान्न परं किञ्चित्सा काष्ठा सा परा गतिः ॥११ ॥

*mahataḥ paramavyaktamavyaktātpuruṣaḥ paraḥ ।
puruṣānna paraṁ kiñcitsā kāṣṭhā sā parā gatiḥ ॥*

11. Но еще выше, чем Великое “Я”, — Непроявленное, и еще выше Непроявленного — Пуруша; ну а выше Пуруши нет ничего, Он — вершина, Он — высшая цель путешествия.

एष सर्वेषु भूतेषु गूढोत्मा न प्रकाशते ।
दृश्यते त्वग्रथया बुद्ध्या सूक्ष्मया सूक्ष्मदर्शिभिः ॥१२ ॥

*eṣa sarveṣu bhūteṣu gūḍhotmā na prakāśate ।
dṛśyate tvagryayā buddhyā sūkṣmayā sūkṣmadarśibhiḥ ॥*

12. Он есть тайное “Я” во всех существах и Себя не являет видению, но провидцы тонкого видят Его при помощи тонкого и совершенного понимания.

यच्छेद्वाङ्मनसी प्राज्ञस्तद्यच्छेज्ज्ञान आत्मनि ।
ज्ञानमात्मनि महति नियच्छेत्तद्यच्छेच्छान्त आत्मनि ॥१३ ॥

*yacchedvāṅmanasī prājñastadyacchejjñāna ātmani ।
jñānamātmāni mahati niyacchettadyacchecchānta ātmani ॥*

13. Пусть мудрый удерживает речь в уме, а ум — в “Я”, а знание — в Великом “Я”, а его пусть удерживает он в “Я”, что пребывает в покое.

उत्तिष्ठत जाग्रत प्राप्य वरान्निबोधत ।
क्षुरस्य धारा निशिता दुरत्यया दुर्गा पथस्तत्कवयो वदन्ति ॥१४ ॥

*uttiṣṭhata jāgrata prāpya varānnibodhata ।
kṣurasya dhārā niśitā duratyayā durgāṁ pathastatkavayo vadanti ॥*

14. Восстаньте, пробудитесь, найдите великих и учитесь у них, ибо мудрые говорят, что путь тот острее как лезвие бритвы, тяжело идти по нему, трудно его одолеть.

अशब्दमस्पर्शमरूपमव्ययं तथाऽरसं नित्यमगन्धवच्च यत् ।
अनाद्यनन्तं महतः परं ध्रुवं निचाध्य तन्मृत्युमुखात्प्रमुच्यते ॥१५ ॥

*aśabdamasparśamarūpavyayaṁ tathā'rasaṁ nityamagandhavacca yat ।
anādyanantaṁ mahataḥ paraṁ dhruvaṁ nicāyya tanmṛtyumukhātpromucyate ॥*

15. То, в чем нет ни звучания, ни осязания, ни формы, ни тления, ни вкуса, ни запаха, что вечно, что не имеет ни конца, ни начала, что превышает Великого “Я”, постоянное — узрев Это, обретают спасение из пасти смерти».

नाचिकेतमुपाख्यानं मृत्युप्रोक्तं सनातनम् ।
उक्त्वा श्रुत्वा च मेधावी ब्रह्मलोके महीयते ॥१६ ॥

*nāciketamupākhyānaṁ mṛtyuproktaṁ sanātanam ।
uktvā śrutvā ca medhāvī brahmaloke mahīyate ॥*

16. Рассказав или выслушав вечное сказание о Начикетасе, поведенное Смертью, человек разумный возвеличивается в мире Брахмана.

य इमं परमं गुह्यं श्रावयेद् ब्रह्मसंसदि ।
प्रयतः श्राद्धकाले वा तदानन्त्याय कल्पते तदानन्त्याय कल्पत इति ॥१७ ॥

*ya imaṁ paramaṁ guhyaṁ śrāvayed brahmasaṁsadi ।
prayataḥ śrāddhakāle vā tadānntyāya kalpate tadānntyāya kalpata iti ॥*

17. Тот, кто будучи чист, возглашает эту наивысшую тайну во время Шраддхи в собрании браминов, тот обретает этим вечное существование.

ВТОРОЙ ЦИКЛ: ПЕРВАЯ ГЛАВА

पराञ्चि खानि व्यतृणत्स्वयम्भूस्तस्मात्पराङ् पश्यति नान्तरात्मन् ।
कश्चिद्धीरः प्रत्यगात्मानमैक्षदावृत्तचक्षुरमृतत्वमिच्छन् ॥१॥

*parāñci khāni vyatṛṇatsvayambhūstasmātparāṅ paśyati nāntarātman ।
kaściddhīrah pratyagātmānamaikṣadāvṛttacakṣuramṛtatvamicchān ॥*

Яма сказал:

1. «Самосущий сделал так, что врата тела обращены наружу, поэтому душа человека смотрит наружу, а не на внутреннее “Я”. Редко где найдется мудрый, который, желая бессмертия, обратил бы свой взгляд в себя и увидел бы “Я” внутри себя.

पराचः कामाननुयन्ति बालास्ते मृत्योर्यन्ति विततस्य पाशम् ।
अथ धीरा अमृतत्वं विदित्वा ध्रुवमध्रुवेष्विह न प्रार्थयन्ते ॥२॥

*parācaḥ kāmānanuyanti bālāste mṛtyoryanti vitatasya pāśam ।
atha dhīrā amṛtatvaṁ viditvā dhruvamadhruveṣviha na prārthayante ॥*

2. Прочие же по-детски гонятся за желаниями и удовольствиями и попадают в широко расставленные силки Смерти. Но умиротворенные души, изведав бессмертие, не ищут постоянства в переходящих вещах этого мира.

येन रूपं रसं गन्धं शब्दान्स्पर्शाश्च मैथुनान् ।
एतेनैव विजानाति किमत्र परिशिष्यते । एतद्वै तत् ॥३॥

*yena rūpaṁ rasaṁ gandhaṁ śabdānsparsāṁśca maithunān ।
etenaiva vijānāti kimatra pariśiṣyate । etadvai tat ॥*

3. Этим “Я” познает человек форму, и вкус, и запах, этим “Я” познает он звук, и прикосновение, и радость мужчины с женщиной — так есть ли что-либо в этом мире, чего не знает “Я”?

Это и есть То, чего ты взыскуешь.

स्वप्नान्तं जागरितान्तं चोभौ येनानुपश्यति ।
महान्तं विभुमात्मानं मत्वा धीरो न शोचति ॥४ ॥

*svapnāntaṁ jāgaritāntaṁ cobhau yenānupaśyati ।
mahāntaṁ vibhumātmānaṁ matvā dhīro na śocati ॥*

4. Умиротворенная душа, постигнув великого Господа, всюдусущее “Я”, благодаря которому мудрый видит все — от состояния сна, до состояния бодрствования, — избавляется от печали.

य इमं मध्वदं वेद आत्मानं जीवमन्तिकात् ।
ईशानं भूतभव्यस्य न ततो विजुगुप्सते । एतद्वै तत् ॥५ ॥

*ya imaṁ madhvadaṁ veda ātmānaṁ jīvamantikāt ।
īśānaṁ bhūtabhavyasya na tato vijugupsate । etadvai tat ॥*

5. Кто познал очень близко этого Вкусителя сладости, Дживу, внутреннее «я», которое есть владыка над тем, что было и что будет, тот уже ничего не чуждается, ни от чего не отвращается.
Это и есть То, чего ты взыскуешь.

यः पूर्वं तपसो जातमद्भ्यः पूर्वमजायत ।
गुहां प्रविश्य तिष्ठन्तं यो भूतेभिर्यपश्यत । एतद्वै तत् ॥६ ॥

*yaḥ pūrvaṁ tapaso jātamadbhyaḥ pūrvamajāyata ।
guhāṁ praviśya tiṣṭhantaṁ yo bhūtebhiryapaśyata । etadvai tat ॥*

6. Тот — провидец, кто видит Его, появившегося прежде подвижничества, существовавшего раньше вод, — глубоко в сердце этого творения он прозревает Его, ибо там пребывает Он посредством взаимодействия первоначал¹.
Это и есть То, чего ты взыскуешь.

¹ Имеется в виду пять первостихий: огонь, эфир, воздух, вода, земля (*прим. ред.*).

या प्राणेन संभवत्यदितिर्देवतामयी ।
गुहां प्रविश्य तिष्ठन्तीं या भूतेभिर्यजायत । एतद्वै तत् ॥७॥

*yā prāṇena sambhavatyaditirdevatāmayī ।
guhām praviśya tiṣṭhantīm yā bhūtebhirvyajāyata । etadvai tat ॥*

7. Это Адити — мать Богов, рожденная посредством Праны и через взаимодействие первоначал¹ обретшая свое бытие, глубоко в сердце этого творения вошла она, и там она пребывает.
Это и есть То, чего ты взыскуешь.

अरण्योर्निहितो जातवेदा गर्भ इव सुभृतो गर्भिणीभिः ।
दिवे दिव ईड्यो जागृवद्भिर्हविष्मद्भिर्मनुष्येभिरग्निः । एतद्वै तत् ॥८॥

*aranyornihito jātavedā garbha iva subhṛto garbhīṇībhiḥ ।
dive diva īḍyo jāgrvadbhirhaviṣmadbhirmanuṣyebhiragniḥ । etadvai tat ॥*

8. Как женщина заботливо несет в утробе нерожденное дитя, так Владыка Знания² помещается в этих кусках дерева, и день за днем должны почитать Его люди, которые ведут пробужденную жизнь и с приношениями стоят перед Ним, ибо Он есть тот Агни.
Это и есть То, чего ты взыскуешь.

यतश्चोदेति सूर्योऽस्तं यत्र च गच्छति ।
तं देवाः सर्वेऽर्पितास्तदु नात्येति कश्चन । एतद्वै तत् ॥९॥

*yataścodeti sūryo'astam yatra ca gacchati ।
tam devāḥ sarve'rpitāstadu nātyeti kaścana । etadvai tat ॥*

9. Он, из которого восходит солнце и в которого оно возвращается, и в Нем утверждены все Боги — никто не выходит за пределы Его.
Это и есть То, чего ты взыскуешь.

¹ Или — «рожденная от Праны и посредством смешения первостихий обретшая жизнь» (прим. ред.).

² Имеется в виду Агни-Джатаведас (прим. ред.).

यदेवेह तदमुत्र यदमुत्र तदन्विह ।
मृत्योः स मृत्युमाप्नोति य इह नानेव पश्यति ॥१० ॥

*yadeveha tadamutra yadamutra tadanviha ।
mṛtyoḥ sa mṛtyumāpnoti ya iha nāneva paśyati ॥*

10. Что есть в этом мире, есть также в ином, и что есть в ином мире, есть также и в этом. Кто думает, что видит здесь подобие различия, от смерти к смерти тот идет.

मनसैवेदमाप्तव्यं नेह नानास्ति किञ्चन ।
मृत्योः स मृत्युं गच्छति य इह नानेव पश्यति ॥११ ॥

*manasaivedamāptavyaṁ neha nānāsti kiñcana ।
mṛtyoḥ sa mṛtyuṁ gacchati ya iha nāneva paśyati ॥*

11. Умом должны мы понять, что нет ничего по-настоящему различного в этом мире. Кто думает, что видит здесь подобие различия, от смерти к смерти тот идет.

अङ्गुष्ठमात्रः पुरुषो मध्य आत्मनि तिष्ठति ।
ईशानो भूतभव्यस्य न ततो विजुगुप्सते । एतद्वै तत् ॥१२ ॥

*aṅguṣṭhamātraḥ puruṣo madhya ātmani tiṣṭhati ।
īśāno bhūtabhavyasya na tato vijugupsate । etadvai tat ॥*

12. Пуруша, находящийся в середине нашего существа, размером не более пальца, Он есть Властелин всего, что было и что будет. Узревший его ничего не чуждается, ни от чего не отвращается.
Это и есть То, чего ты взыскуешь.

अङ्गुष्ठमात्रः पुरुषो ज्योतिरिवाधूमकः ।
ईशानो भूतभव्यस्य स एवाद्य स उ श्वः । एतद्वै तत् ॥१३॥

aṅguṣṭhamātraḥ puruṣo jyotirivādhūmakah |
īśāno bhūtabhavyasya sa evādyā sa u śvaḥ | etadvai tat ||

13. Пуруша, что внутри нас, размером не более пальца, Он словно огонь пылающий без дыма, Он владыка Своего прошлого и Своего будущего. Он один есть сегодня и Он один пребудет завтра.
Это и есть То, чего ты взыскуешь.

यथोदकं दुर्गे वृष्टं पर्वतेषु विधावति ।
एवं धर्मान्पृथक् पश्यंस्तानेवानुविधावति ॥१४॥

yathodakam durge vṛṣṭam parvateṣu vidhāvati |
evam dharmānprthak paśyaṅstānevānuvidhāvati ||

14. Как вода, проливаясь дождем в местах гористых и труднодоступных, сбегает по склонам гор в разные стороны, так тот, кто видит отдельные законы и действия Единого Духа, движется вослед увиденному.

यथोदकं शुद्धे शुद्धमासिक्तं तादृगेव भवति ।
एवं मुनेर्विजानत आत्मा भवति गौतम ॥१५॥

yathodakam śuddhe śuddhamāsikṭam tādr̥geva bhavati |
evam munervijānata ātmā bhavati gautama ||

15. Но как чистая вода, что, вливаясь в воду чистую, остается такой же, как и была, — также и душа мудрого, который постигает Бога, о потомок Гаутамы!»

ВТОРОЙ ЦИКЛ: ВТОРАЯ ГЛАВА

पुरमेकादशद्वारमजस्यावक्रचेतसः ।
अनुष्ठाय न शोचति विमुक्तश्च विमुच्यते । एतद्वै तत् ॥१॥

*puramekādaśadvāramajasyāvakracetasah |
anuṣṭhāya na śocati vimuktaśca vimucyate | etadvai tat ||*

Яма говорит:

1. «Тому нерожденному, чей ум не введен в заблуждение, принадлежит град с одиннадцатью вратами, и когда он пребывает в том граде, он не печалится; когда же он оставляет его, то находит освобождение.

Это и есть То, чего ты взыскуешь.

हंसः शुचिषद्वसुरन्तरिक्षसद्धोता वेदिषदतिथिर्दुरोणसत् ।
नृषद्वरसदृतसद्योमसदजा गोजा ऋतजा अद्रिजा ऋतं बृहत् ॥२॥

*haṁśah śuciṣadvasurantarikṣasaddhotā vediṣadatithirduroṇasat |
nṛṣadvarasadṛtasadvyomasadabjā gojā ṛtajā adrijā ṛtaṁ bṛhat ||*

2. Вот этот Лебедь, что обитает в чистоте нетленной, Он — Васу в промежуточных пространствах, Жрец — пред алтарем, Гость — в сосуде для питья; Он — в человеке, и Он — в Великих, и закон есть Его жилище, а место Его обитания есть твердь небес. Он есть все, что рождено от вод, и все, что рождено от земли, и все, что рождено от гор. Он есть Истина, и Он есть Могучий.

ऊर्ध्वं प्राणमुन्नयत्यपानं प्रत्यगस्यति ।
मध्ये वामनमासीनं विश्वे देवा उपासते ॥३॥

*ūrdhvaṁ prāṇamunnayatyapānaṁ pratyagasyati |
madhye vāmanamāsīnaṁ viśve devā upāsate ||*

3. Это Он влечет вверх главное дыхание и низвергает вниз дыхание нижнее. Тому Карлику, что восседает в самом центре, Ему оказывают почитание все Боги.

अस्य विश्रंसमानस्य शरीरस्थस्य देहिनः ।
देहाद्विमुच्यमानस्य किमत्र परिशिष्यते । एतद्वै तत् ॥४ ॥

*asya visraṅsamānasya śarīrasthasya dehinaḥ ।
dehādvimucyamānasya kimatra pariśiṣyate । etadvai tat ॥*

4. Когда этот закрепощенный Дух, пребывающий в теле, отделяется от него, когда Он освобождается от своего покрова, что же тогда здесь остается?

Это и есть То, чего ты взыскуешь.

न प्राणेन नापानेन मर्त्यो जीवति कश्चन ।
इतरेण तु जीवन्ति यस्मिन्नेतावुपाश्रितौ ॥५ ॥

*na prāṇena nāpānena martyo jīvati kaścana ।
itareṇa tu jīvanti yasminnetāvupāśritau ॥*

5. Смертный человек живет не дыханием, нет, и не нисходящим дыханием¹ — чем-то иным мы живем, в чём оба они существуют.

हन्त त इदं प्रवक्ष्यामि गुह्यं ब्रह्म सनातनम् ।
यथा च मरणं प्राप्य आत्मा भवति गौतम ॥६ ॥

*hanta ta idaṁ pravakṣyāmi guhyaṁ brahma sanātanam ।
yathā ca maraṇaṁ prāpya ātmā bhavati gautama ॥*

6. Несомненно, о Гаутама, я поведаю тебе об этом тайном, об этом вечном Брахмане, а также и о том, что происходит с душой, когда человек умирает.

¹ Или — «живет не вдохом-выдохом» (прим. ред.).

योनिमन्ये प्रपद्यन्ते शरीरत्वाय देहिनः ।
स्थाणुमन्येऽनुसंयन्ति यथाकर्म यथाश्रुतम् ॥७॥

*yonimanye prapadyante śarīratvāya dehinaḥ ।
sthāṇumanye ’nusamyanti yathākarma yathāśrutam ॥*

7. Ибо одни входят в лоно для воплощения Духа, другие же следуют за Недвижимым: их назначение соответствует их деяниям и мере раскрывшегося им знания.

य एष सुप्तेषु जागर्ति कामं कामं पुरुषो निर्मिमाणः ।
तदेव शुक्रं तद् ब्रह्म तदेवामृतमुच्यते ।
तस्मिँल्लोकाः श्रिताः सर्वे तद् नान्त्येति कश्चन । एतद्वै तत् ॥८॥

*ya eṣa supteṣu jāgarti kāmam kāmam puruṣo nirmimāṇaḥ ।
tadeva śukraṁ tad brahma tadevāmṛtamucyate ।
tasmimllokāḥ śritāḥ sarve tad nāntyeti kaścana । etadvai tat ॥*

8. Он, кто бодрствует в спящих, творя желание за желанием, этот Пуруша, Он зовется Светозарным, Он — Брахманом, Он — Бессмертием; в Нем зиждутся все миры, и нет ничего вне Его.
Это и есть То, чего ты взыскуешь.

अग्निर्यथैको भुवनं प्रविष्टो रूपं रूपं प्रतिरूपो बभूव ।
एकस्तथा सर्वभूतान्तरात्मा रूपं रूपं प्रतिरूपो बहिश्च ॥९॥

*agniryathaiko bhuvanam praviṣṭo rūpaṁ rūpaṁ pratirūpo babhūva ।
ekastathā sarvabhūtāntarātmā rūpaṁ rūpaṁ pratirūpo bahiṣca ॥*

9. Как единый Огонь, войдя в мир, видоизменяется в согласии с формами, какие встречаются ему, так и единый Дух пребывает во всех созданиях, но видоизменяется от формы к форме; и в то же время он остается вне их всех.

वायुर्यथैको भुवनं प्रविष्टो रूपं रूपं प्रतिरूपो बभूव ।
एकस्तथा सर्वभूतान्तरात्मा रूपं रूपं प्रतिरूपो बहिश्च ॥१० ॥

*vāyuryathaiko bhuvanaṁ praviṣṭo rūpaṁ rūpaṁ pratirūpo babhūva ।
ekastathā sarvabhūtāntarātmā rūpaṁ rūpaṁ pratirūpo bahiṣca ॥*

10. Как единый Воздух, войдя в мир, видоизменяется в согласии с формами, какие встречаются ему, так и единый Дух пребывает во всех созданиях, но видоизменяется от формы к форме; и в то же время он остается вне их всех.

सूर्यो यथा सर्वलोकस्य चक्षुर्न लिप्यते चाक्षुषैर्बाह्यदोषैः ।
एकस्तथा सर्वभूतान्तरात्मा न लिप्यते लोकदुःखेन बाह्यः ॥११ ॥

*sūryo yathā sarvalokasya cakṣurna lipyate cākṣuṣairbāhyadoṣaiḥ ।
ekastathā sarvabhūtāntarātmā na lipyate lokaduḥkhena bāhyaḥ ॥*

11. Как Солнце, око всего этого мира, не пятнают внешние изъяны видимого, так единый Дух внутри всех созданий не пятнают горести этого мира, ибо он вне скорби и зла.

एको वशी सर्वभूतान्तरात्मा एकं रूपं बहुधा यः करोति ।
तमात्मस्थं येऽनुपश्यन्ति धीरास्तेषां सुखं शाश्वतं नेतरेषाम् ॥१२ ॥

*eko vaśī sarvabhūtāntarātmā ekaṁ rūpaṁ bahudhā yaḥ karoti ।
tamātmasthaṁ ye 'nupaśyanti dhīrāsteṣāṁ sukhaṁ śāśvataṁ netareṣāṁ ॥*

12. Един безмятежный и властвующий Дух внутри всех созданий, кто на разные лады видоизменяет единую форму; безмятежны и могут те, кто прозревают Его в самих себе как в зеркале; им лишь суждено вечное блаженство, и не иным.

नित्योऽनित्यानां चेतनश्चेतनानामेको बहूनां यो विदधाति कामान् ।
तमात्मस्थं येऽनुपश्यन्ति धीरास्तेषां शान्तिः शाश्वती नेतरेषाम् ॥१३॥

*nityo'nityānām cetanaścetanānāmeko bahūnām yo vidadhāti kāmān ।
tamātmasthaṁ ye'nupaśyanti dhīrāsteṣāṁ śāntiḥ śāśvatī netareṣām ॥*

13. Единый Вечный в преходящем, Единое сознание во множестве сознательных существ, кто, будучи Един, правит желаниями многих, — безмятежны и могучи те, кто прозревают Его в самих себе как в зеркале; им лишь суждено вечное умиротворение, и не иным.

तदेतदिति मन्यन्तेऽनिर्देश्यं परमं सुखम् ।
कथं नु तद्विजानीयां किमु भाति विभाति वा ॥१४॥

*tadetaditi manyante'nirdeśyaṁ paramaṁ sukham ।
kathaṁ nu tadvijānīyāṁ kimu bhāti vibhāti vā ॥*

14. “Это — Он” — вот все, что в состоянии они понять о Нем, наивысшем блаженстве, которое никто не может ни выразить, ни определить. Как могу я узнать о Нем — Сам ли Он светит или отражает тот или иной свет?

न तत्र सूर्यो भाति न चन्द्रतारकं नेमा विद्युतो भान्ति कुतोऽयमग्निः ।
तमेव भान्तमनुभाति सर्वं तस्य भासा सर्वमिदं विभाति ॥१५॥

*na tatra sūryo bhāti na candratāraḥ nemā vidyuto bhānti kuto'ayamagniḥ ।
tameva bhāntamanubhāti sarvaṁ tasya bhāsā sarvamidaṁ vibhāti ॥*

15. Там солнце не в силах светить, и луна лишается сияния, и меркнут все звезды; там не блещут наши молнии — что уж говорить о земном огне? Ибо все, что сияет, есть лишь тень Его сияния, и лишь Его светом все это излучает свет».

ВТОРОЙ ЦИКЛ: ТРЕТЬЯ ГЛАВА

ऊर्ध्वमूलोऽवाक्शाख एषोऽश्वत्थः सनातनः ।
तदेव शुक्रं तद् ब्रह्म तदेवामृतमुच्यते ।
तस्मिँल्लोकाः श्रिताः सर्वे तद् नान्त्येति कश्चन । एतद्वै तत् ॥१॥

*ūrdhvamūlo'vāksākha eṣo'svatthaḥ sanātanaḥ ।
tadeva śukraṁ tad brahma tadevāmṛtamucyate ।
tasmimllokāḥ śritāḥ sarve tadu nāntyeti kaścana । etadvai tat ॥*

Яма говорит:

1. «Это вечное дерево Ашваттха, чей корень вверху, а ветви направлены вниз. Это Он, что зовется Светозарным, и Брахманом, и Бессмертием, и это в Нем зиждутся все миры, и нет ничего вне Его. Это и есть То, чего ты взыскуешь.

यदिदं किञ्च जगत्सर्वं प्राण एजति निःसृतम् ।
महद् भयं वज्रमुद्यतं य एतद्विदुरमृतास्ते भवन्ति ॥२॥

*yadidaṁ kiñca jagatsarvaṁ prāṇa ejati niḥśṛtam ।
mahad bhayaṁ vajramudyataṁ ya etaviduramṛtāste bhavanti ॥*

2. Вся эта вселенная движения движется в Пране, и из Праны она происходит. Он есть могучий страх, воистину, громовой удар, готовый грянуть. Кто знает Его, становится бессмертным.

भयादस्याग्निस्तपति भयात्तपति सूर्यः ।
भयादिन्द्रश्च वायुश्च मृत्युर्धावति पञ्चमः ॥३॥

*bhayādasyāgnistapati bhayāttapati sūryaḥ ।
bhayādirindrasca vāyuśca mṛtyurdhāvati pañcamaḥ ॥*

3. Из страха пред Ним горит Огонь, из страха пред Ним греет Солнце, из страха пред Ним спешат своими путями Индра, и Ваю, и Смерть.

इह चेदशकद्वोद्धुं प्राक् शरीरस्य विस्त्रसः ।
ततः सर्गेषु लोकेषु शरीरत्वाय कल्पते ॥४॥

*iha cedaśakadboddhūṃ prāk śarīrasya visrasaḥ ।
tataḥ sargeṣu lokeṣu śarīratvāya kalpate ॥*

4. Если в этом мире людей, прежде чем тело твоё изнашивается, сумел ты постичь это, то тебя ждёт воплощение в мирах, что Он созидает.

यथाऽऽदर्शे तथात्मनि यथा स्वप्ने तथा पितृलोके ।
यथाप्सु परीव ददृशे तथा गन्धर्वलोके छायातपयोरिव ब्रह्मलोके ॥५॥

*yathā''darśe tathātmani yathā svapne tathā piṭṛloke ।
yathāpsu parīva dadṛṣe tathā gandharvaloke chāyātapayoriva brahmaloke ॥*

5. В “я” словно в зеркале видится Бог; словно во сне видится Он в мире Праотцев; и как сквозь воду видна поверхность предмета, так видится Он в мире гандхарвов. А в небе Духа Он виден как свет и тень.

इन्द्रियाणां पृथग्भावमुदयास्तमयौ च यत् ।
पृथगुत्पद्यमानानां मत्वा धीरो न शोचति ॥६॥

*indriyāṇāṃ pṛthagbhāvamudayāstamayau ca yat ।
pṛthagutpadyamānānām matvā dhīro na śocati ॥*

6. Безмятежная душа, осознавшая отдельность чувств — и восход их, и их закат, и их возникновение по отдельности, избавляется от страдания и скорби.

इन्द्रियेभ्यः परं मनो मनसः सत्त्वमुत्तमम् ।
सत्त्वादधि महानात्मा महतोऽव्यक्तमुत्तमम् ॥७॥

*indriyebhyaḥ paraṃ mano manasaḥ sattvamuttamam ।
sattvādadhi mahānātmā mahato 'vyaktamuttamam ॥*

7. Ум выше чувств, но выше ума — дух, но выше духа — Великий Дух, но выше Великого — Непроявленное.

अव्यक्तात्तु परः पुरुषो व्यापकोऽलिङ्ग एव च ।
यं ज्ञात्वा मुच्यते जन्तुरमृतत्वं च गच्छति ॥८॥

*avyaktāttu paraḥ puruṣo vyāpako'liṅga eva ca ।
yaṁ jñātvā mucyate janturamṛtatvaṁ ca gacchati ॥*

8. Но еще выше, чем Непроявленное, — Пуруша, который проникает все и единственный не обладает ни признаками, ни чертами. Смертный человек, Его познавший, освобождается, обретая бессмертие.

न संदृशे तिष्ठति रूपमस्य न चक्षुषा पश्यति कश्चनैनम् ।
हृदा मनीषा मनसाऽभिक्लृप्तो य एतद्विदुरमृतास्ते भवन्ति ॥९॥

*na saṁdr̥ṣe tiṣṭhati rūpamasya na cakṣuṣā paśyati kaścānainam ।
hṛdā manīṣā manasā'bhikṣpto ya etadviduramṛtāste bhavanti ॥*

9. Бог не сделал Свое тело доступным для зрения, и не может человек оком узреть Его, но Он явлен сердцу, уму и сверхразуму. Кто знает Его, становится бессмертным.

यदा पञ्चावतिष्ठन्ते ज्ञानानि मनसा सह ।
बुद्धिश्च न विचेष्टति तामाहुः परमां गतिम् ॥१०॥

*yadā pañcāvatiṣṭhante jñānāni manasā saha ।
buddhiśca na viceṣṭati tāmāhuḥ paramāṁ gatim ॥*

10. Когда пять чувств прекращают действовать и успокаиваются, и ум успокаивается вместе с ними, и высший ум оставляет свои труды — это наивысшее состояние; так говорят мудрецы.

तां योगमिति मन्यन्ते स्थिरामिन्द्रियधारणाम् ।
अप्रमत्तस्तदा भवति योगो हि प्रभवाप्ययौ ॥११॥

*tām yogamiti manyante sthirāmindriyadhāraṇām ।
apramattastadā bhavati yogo hi prabhavāpyayau ॥*

11. Состояние невозмутимости, когда чувства удерживаются умом, о нем говорится: “это — Йога”. Тогда человек становится неотвлеченным, ибо Йога есть рождение вещей и их конец¹.

नैव वाचा न मनसा प्राप्तुं शक्यो न चक्षुषा ।
अस्तीति ब्रुवतोऽन्यत्र कथं तदुपलभ्यते ॥१२॥

*naiva vācā na manasā prāptuṁ śakyo na cakṣuṣā ।
astīti bruvato ’nyatra katham tadupalabhyate ॥*

12. Не умом человек обретает силу, чтобы достичь Бога, нет, не речью и не оком. Только если скажет человек: “Он есть”, лишь тогда воспринять Его он сможет.

अस्तीत्येवोपलब्धव्यस्तत्त्वभावेन चोभयोः ।
अस्तीत्येवोपलब्धस्य तत्त्वभावः प्रसीदति ॥१३॥

*astītyevopalabdhavyastattvabhāvena cobhayoḥ ।
astītyevopalabdhasya tattvabhāvaḥ prasīdati ॥*

13. Нужно постичь Бога в представлении: «Он есть», и также в Его сути; но когда человек постиг Его как «Есть», то и суть Бога раскрывается перед ним.

¹ В истолковании Шанкары: «как есть у Йоги начало (рождение), так есть у нее и конец». Но в Шрути говорится иначе.

यदा सर्वे प्रमुच्यन्ते कामा येऽस्य हृदि श्रिताः ।
अथ मर्त्योऽमृतो भवत्यत्र ब्रह्म समश्नुते ॥१४ ॥

*yadā sarve pramucyante kāmā ye'sya hṛdi śritāḥ ।
atha martyo'mṛto bhavatyatra brahma samaśnute ॥*

14. Когда всякое желание, укоренившееся в сердце человека, больше не находит в нем пристанища, тогда этот смертный обретает бессмертие; даже здесь, в этом человеческом теле, он постигает Бога.

यदा सर्वे प्रभिद्यन्ते हृदयस्येह ग्रन्थयः ।
अथ मर्त्योऽमृतो भवत्येतावद्ध्वयनुशासनम् ॥१५ ॥

*yadā sarve prabhidante hṛdayasyeḥa granthayaḥ ।
atha martyo'mṛto bhavatyetāvaddhyanuśāsanam ॥*

15. Воистину, когда разорваны все узы сердца, то и здесь, в этом человеческом рождении, смертный становится бессмертным. Это — все, чему учит Писание.

शतं चैका च हृदयस्य नाड्यस्तासां मूर्धानमभिनिःसृतैका ।
तयोर्ध्वमायन्नमृतत्वमेति विश्वङ्मुन्या उत्क्रमणे भवन्ति ॥१६ ॥

*śataṁ caikā ca hṛdayasya nādyastāsāṁ mūrdhānamabhinīḥṛtaikā ।
tayordhvamāyannamṛtatvameti viśvaṅṅnyā utkramaṇe bhavanti ॥*

16. Сто и один нерв находится в сердце, и из всех лишь один проходит через голову человека — лишь по нему душа его поднимается в свою бессмертную обитель, остальные же ведут его по смерти тела к самым разным видам и условиям рождения.

अङ्गुष्ठमात्रः पुरुषोऽन्तरात्मा सदा जनानां हृदये सन्निविष्टः ।
 तं स्वाच्छरीरात्प्रवृहेन्मुञ्जादिवेषीकां धैर्येण ।
 तं विद्याच्छुक्रममृतं तं विद्याच्छुक्रममृतमिति ॥१७ ॥

*aṅguṣṭhamātraḥ puruṣo 'ntarātmā sadā janānām hṛdaye sanniviṣṭaḥ ।
 taṁ svāccharīrātpurvāheṅmuñjādiveṣīkāṁ dhairyaṇa ।
 taṁ vidyācchukramamṛtaṁ taṁ vidyācchukramamṛtamiti ॥*

17. Пуруша, Дух внутри нас размером не более человеческого пальца, вечно пребывает в сердце созданий — терпеливо нужно отделять Его от своего тела, как отделяют от травинки ее сердцевину. И ты познаешь Его как Светозарного Бессмертного, поистине как Светозарного Бессмертного».

मृत्युप्रोक्तां नचिकेतोऽथ लब्ध्वा विद्यामेतां योगविधिं च कृत्स्नम् ।
 ब्रह्मप्राप्तो विरजोऽभूद्धिमृत्युरन्योऽप्येवं यो विदध्यात्ममेव ॥१८ ॥

*mṛtyuproktāṁ naciketo 'tha labdhvā vidyāmetāṁ yogavidhiṁ ca kṛtsnam ।
 brahmaprāpto virajo 'bhūddhimṛtyuranyo 'pyevaṁ yo vidadhyātmameva ॥*

18. Так Начикетас, обретя в Смерти учителя, стяжал знание Бога, и также узнал он все предписания Йоги — и достиг он Бога, и стал свободным от порока и свободным от смерти. Таким же станет и всякий, кто так же придет к Науке Духа.

МУНДАКА УПАНИШАДА

Мундака Упанишада

ॐ भद्रं कर्णेभिः शृणुयाम देवा
भद्रं पश्येमाक्षभिर्यजत्राः ।
स्थिरैरङ्गैस्तुष्टुवाꣳसस्तनूभिर्व्यशेम
देवहितं यदायुः ॥
स्वस्ति न इन्द्रो वृद्धश्रवाः
स्वस्ति नः पूषा विश्ववेदाः ।
स्वस्ति नस्तार्क्ष्यो अरिष्टनेमिः
स्वस्ति नो बृहस्पतिर्दधातु ॥
ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥

*OM bhadram karṇebhiḥ śṛṇuyāma devā
bhadram paśyemākṣabhiryajatrāḥ ।
sthirairāṅgaistuṣṭuvāꣳsastanūbhirvyaśema
devahitam yadāyuh ॥
svasti na indro vrddhaśravāḥ
svasti naḥ pūṣā viśvavedāḥ ।
svasti nastārksyo ariṣṭanemiḥ
svasti no bṛhaspatirdadhātu ॥
OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ ॥*

ОМ. Пусть благое мы услышим своими ушами, о Боги; пусть благое мы увидим своими глазами, о достойные жертвы; вознося молитву неколебимыми частями, недвижимыми телами, да достигнем мы жизни той, что имеет основу в Богах.

Да утвердит в нас благость Индра, исполненный славы; да наделит нас благом Пушан, всеведающее Солнце; да наделит нас благом Таркшья Ариштанеми; Брихаспати да наделит нас благом.

ОМ. Мир, мир, мир!

ГЛАВА ПЕРВАЯ: РАЗДЕЛ I

ब्रह्मा देवानां प्रथमः सम्बभूव विश्वस्य कर्ता भुवनस्य गोप्ता ।
स ब्रह्मविद्यां सर्वविद्याप्रतिष्ठामथर्वाय ज्येष्ठपुत्राय प्राह ॥१॥

*brahmā devānām prathamah sambabhūva viśvasya kartā bhuvanasya goptā ।
sa brahmavidyām sarvavidyāpratiṣṭhām atharvāya jyeṣṭhaputrāya prāha ॥*

1. Брахма был рожден первым из Богов, созидатель всего и вся, охранитель мира, — Атхарвану, старшему сыну, он поведал Знание Бога, то, в котором берут начало все иные познания.

अथर्वणे यां प्रवदेत ब्रह्माथर्वा तां पुरोवाचाङ्गिरे ब्रह्मविद्याम् ।
स भारद्वाजाय सत्यवहाय प्राह भारद्वाजोऽङ्गिरसे परावराम् ॥२॥

*atharvaṇe yām pravadeta brahmātharvā tāṃ purovācāṅgire brahmavidyām ।
sa bhāradvājāya satyavahāya prāha bhāradvājo 'ṅgirase parāvarām ॥*

2. Это Знание Бога, возглашенное Атхарвану Брахмой, Атхарван в стародавние годы возгласил Ангиру; тот открыл его Сатьявахе Бхарадвадже, Бхарадваджа Ангирасу поведал, вместе высшее и низшее знание.

शौनको ह वै महाशालोऽङ्गिरसं विधिवदुपसन्नः पप्रच्छ ।
कस्मिन् नु भगवो विज्ञाते सर्वमिदं विज्ञातं भवतीति ॥३॥

*śaunako ha vai mahāśālo 'ṅgirasam vidhivadupasannaḥ papraccha ।
kasmin nu bhagavo vijñāte sarvamidaṃ vijñātaṃ bhavatīti ॥*

3. Шаунака, великий домохозяин, к Ангирасу пришел, как ученику подобает, и спросил: «Господин, ответь мне, что познав, мы стяжем всего познание?»

तस्मै स होवाच द्वे विद्ये वेदितव्ये इति ह स्म यद् ब्रह्मविदो वदन्ति
परा चैवापरा च ॥४॥

*tasmai sa hovāca — dve vidye veditavye iti ha sma yad brahmavidō vadanti
parā caivāparā ca ॥*

4. И ему ответил Ангирас: Двуетно знание, что постигнуть дол́жно, — так постигшие Брахмана возглашают, — знание высшее и низшее знание.

तत्रापरा ऋग्वेदो यजुर्वेदः सामवेदोऽथर्ववेदः शिक्षा कल्पो व्याकरणं
निरुक्तं छन्दो ज्योतिषमिति । अथ परा यया तदक्षरमधिगम्यते ॥५॥

*tatrāparā ṛgvedo yajurvedaḥ sāmavedo `tharvavedaḥ śikṣā kalpo vyākaraṇam
niruktaṁ chando jyotiṣamiti । atha parā yayā tadakṣaramadhigamyate ॥*

5. Знание низшее есть Ригведа, и Яджур-, и Сама-, и Атхарваведа, гимнопевчество и ритуалы, и наука о правилах речи, о происхождении слов, о сложении гимнов, о небесных телах наука. Ну а высшее есть то знание, что Нетленного дарует постижение.

यत् तदद्रेश्यमग्राह्यमगोत्रमवर्णमचक्षुःश्रोत्रं तदपाणिपादम् ।
नित्यं विभुं सर्वगतं सुसूक्ष्मं तदव्ययं यद् भूतयोनिं
परिपश्यन्ति धीराः ॥६॥

*yat tadadreśyamagrāhyamagotramavarṇamacakṣuṣrotraṁ tadapāṇipādam ।
nityam vibhuṁ sarvagataṁ susūkṣmaṁ tadavyayaṁ yad bhūtayoniṁ
paripaśyanti dhīrāḥ ॥*

6. То, незримое и необъятное, не имеющее черт и оттенков, не имеющее ока иль уха, ни рук, ни ног не имеющее, то, всевечное, вседущее, всепроникшее и неуловимое, то, что есть Нетленное, то, что есть лоно всех существ, — всюду мудрые постигают.

यथोर्णनाभिः सृजते गृह्णते च यथा पृथिव्यामोषधयः सम्भवन्ति ।
यथा सतः पुरुषात् केशलोमानि तथाक्षरात् सम्भवतीह विश्वम् ॥७॥

*yathorṇanābhiḥ sṛjate grhṇate ca yathā pṛthivyāmoṣadhayaḥ sambhavanti ।
yathā sataḥ puruṣāt keśalomāni tathākṣarāt sambhavatīha viśvam ॥*

7. Как паук ткёт и вбирает, как трава из земли вырастает, как растут-
взрастают волосы на теле, так и все здесь из Нетленного исходит.

तपसा चीयते ब्रह्म ततोऽन्नमभिजायते ।
अन्नात् प्राणो मनः सत्यं लोकाः कर्मसु चामृतम् ॥८॥

*tapasā cīyate brahma tato'nnamabhijāyate ।
annāt prāṇo manaḥ satyaṁ lokāḥ karmasu cāmṛtam ॥*

8. Возрастает Брахман своей энергией в действии, и тогда из Него
происходит Материя, и из Материи — жизнь, и ум, и истина, и ми-
ры, и в деяниях — бессмертие.

यः सर्वज्ञः सर्वविद् यस्य ज्ञानमयं तपः ।
तस्मादेतद् ब्रह्म नाम रूपमन्नं च जायते ॥९॥

*yaḥ sarvajñaḥ sarvavid yasya jñānamayaṁ tapaḥ ।
tasmādetad brahma nāma rūpamannaṁ ca jāyate ॥*

9. Он, Всеведущий и Всеумудрый, чья энергия всецело есть знание,
из Него происходит то, что есть Брахман здесь, из Него — это Имя,
Форма и Материя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: РАЗДЕЛ II

तदेतत् सत्यं मन्त्रेषु कर्माणि कवयो
यान्यपश्यंस्तानि त्रेतायां बहुधा सन्ततानि ।
तान्याचरथ नियतं सत्यकामा
एष वः पन्थाः सुकृतस्य लोके ॥१॥

*tadetat satyaṁ mantreṣu karmāṇi kavayo
yānyapaśyaṁstāni tretāyāṁ bahudhā santatāni ।
tānyācaratha niyataṁ satyakāmā
eṣa vaḥ panthāḥ sukṛtasya loke ॥*

1. Это То, это Истина сущего: те деяния, что мудрые в Мантрах¹ прозрели, в Трета-юге² многократно продолжены. Исполняйте ж дела эти праведно, возделая единственно Истины — это будет ваш путь в небо дел благих.

यदा लेलायते ह्यर्चिः समिद्धे हव्यवाहने ।
तदाज्यभागावन्तरेणाहुतीः प्रतिपादयेच्छ्रद्धयाहुतम् ॥२॥

*yadā lelāyate hyarciḥ samiddhe havyavāhane ।
tadājyabhāgāvantareṇāhutīḥ pratipādayecchraddhayāhutam ॥*

2. Как огонь возгорится жертвенный, как взовьется пламя, встретится, так меж двух возлияний масла, преисполнясь веры, вы бросайте свои подношения.

यस्याग्निहोत्रमदर्शमपौर्णमास-
मचातुर्मास्यमनाग्रयणमतिथिवर्जितं च ।
अहुतमवैश्वदेवमविधिना हुत-
मासप्तमांस्तस्य लोकान् हिनस्ति ॥३॥

¹ Боговдохновенные стихи Веды.

² Вторая из четырех эпох мирового цикла.

*yasyāgnihotramadarśamapaurṇamāsa-
macāturmāsyamanāgrayaṇamatithivarjitam ca |
ahutamavaiśvadevamavidhinā huta-
māsaptamāmstasya lokān hinasti ||*

3. Ибо тот, чей жертвенный огонь не возносит подношений в новолуние, не возносит подношений в полнолуние, подношений в пору дождей, подношений первых плодов, кто забудет питать свой жертвенный огонь или станет питать без должных обрядов, без почтения ли гостей, без воздаяния ли должного Вишва-Дэвам, тот лишает себя надежды вплоть до самых седьмых миров.

काली कराली च मनोजवा च सुलोहिता या च सुधूम्रवर्णा ।
स्फुलिङ्गिनी विश्वरुची च देवी लेलायमाना इति सप्त जिह्वाः ॥४॥

*kālī karālī ca manojavā ca sulohitā yā ca sudhūmravarṇā |
sphuliṅginī viśvarucī ca devī lelāyamānā iti sapta jihvāḥ ||*

4. Кали, черная, Карали, грозная, и Маноджава, мыслескорая, и Сулохита, кровавокрасная, и Судхумраварна, дымоцветная, и Спхулингини, искрометная, и Вишваручи, всепрекрасная, — вот семь трепетных языков огня.

एतेषु यश्चरते भ्राजमानेषु यथाकालं चाहुतयो ह्यादायन् ।
तं नयन्त्येताः सूर्यस्य रश्मयो यत्र देवानां पतिरेकोऽधिवासः ॥५॥

*eteṣu yaścarate bhrājamāneṣu yathākālaṁ cāhutayo hyādāyan |
taṁ nayantyetāḥ sūryasya raśmayo yatra devānāṁ patireko 'dhivāsaḥ ||*

5. Тот, кто с ними, когда они взовьются, исполняет благие обряды и кто жертвует в должное время, того подхватят его огни жертвы и поведут его, эти солнечные лучи, туда, где Все-Господь Богов пребывает всего превыше.

एह्येहीति तमाहुतयः सुवर्चसः सूर्यस्य रश्मिभिर्यजमानं वहन्ति ।
प्रियां वाचमभिवदन्त्योऽर्चयन्त्य एष वः पुण्यः सुकृतो ब्रह्मलोकः ॥६॥

*ehyehīti tamāhutayaḥ suvarcasāḥ sūryasya raśmibhiryajamānaṁ vahanti ।
priyāṁ vācamabhivadantyo 'rcayantya eṣa vaḥ puṇyaḥ sukṛto brahmalokaḥ ॥*

6. «Иди, иди с нами», — они зовут его, эти светозарные жертвенные огни, и они несут его лучами солнца, услаждая его благодатной речью, должное ему воздавая: «Вот, сие твой священный мир Брахмана и небеса твоего благочестия».

प्लवा ह्येते अट्टवा यज्ञरूपा अष्टादशोक्तमवरं येषु कर्म ।
एतच्छ्रेयो येऽभिनन्दन्ति मूढा जरामृत्युं ते पुनरेवापि यन्ति ॥७॥

*plavā hyete aṭṭvā yajñarūpā aṣṭādaśoktamavaraṁ yeṣu karma ।
etacchreyo ye 'bhinandanti mūḍhā jarāmṛtyuṁ te punarevāpi yanti ॥*

7. Но непрочны те суда жертвы, непрочны те виды воздаяния, все восемнадцать видов, которыми возглашаются низшие деяния; неразумны те, что почитают их наивысшим благом, и опять приходят они в этот мир тления и смерти.

अविद्यायामन्तरे वर्तमानाः स्वयं धीराः पण्डितं मन्यमानाः ।
जङ्घन्यमानाः परियन्ति मूढा अन्धेनैव नीयमाना यथान्धाः ॥८॥

*avidyāyāmantare vartamānāḥ svayaṁ dhīrāḥ paṇḍitaṁ manyamānāḥ ।
jaṅghanyamānāḥ pariyaṁti mūḍhā andhenaiva nīyamānā yathāndhāḥ ॥*

8. Те, что живут в плену неведения и мнят себя мужами умудренными, мысля так: «Воистину, мы прозорливы и мудры», — неразумны они и бродят вокруг да около, оступаясь и падая, словно слепцы, ведомые слепцом.

अविद्यायं बहुधा वर्तमाना वयं कृतार्था इत्यभिमन्यन्ति बालाः ।
यत् कर्मिणो न प्रवेदयन्ति रागात् तेनातुराः क्षीणलोकाश्च्यवन्ते ॥९॥

*avidyāyaṁ bahudhā vartamānā vayaṁ kṛtārthā ityabhimanyanti bālāḥ ।
yat karmaṇo na pravedayanti rāgāt tenāturāḥ kṣīṇalokāśchyavante ॥*

9. И живут они опутанные многими узами Неведения, словно дети неразумные, мысля так: «Мы достигли нашей высшей цели, обители райской»; ибо если люди действия предаются своим предпочтениям и не достигают Знания, то их одолевает страдание, и расстрачивается Рай их в наслаждениях, и низвергаются они со своих небес.

इष्टापूर्तं मन्यमाना वरिष्ठं नान्यच्छेयो वेदयन्ते प्रमूढाः ।
नाकस्य पृष्ठे ते सुकृतेऽनुभूत्वेमं लोकं हीनतरं वा विशन्ति ॥१०॥

*iṣṭāpūrtaṁ manyamānā varīṣṭhaṁ nānyacchreyo vedayante pramūḍhāḥ ।
nākasya pṛṣṭhe te sukṛte 'nubhūtvemaṁ lokam hīnataram vā viśanti ॥*

10. Те умы омраченные, что мнят воздаяние совершенное и колодец вырытый величайшим благочестием и не ведают иного высшего блага, на хребте небес наслаждаются они миром, заслуженным их благочестием, и возвращаются вновь в этот или даже более низкий мир.

तपःश्रद्धे ये ह्युपवासन्त्यरण्ये शान्ता विद्वांसो भैक्ष्यचर्या चरन्तः ।
सूर्यद्वारेण ते विरजाः प्रयान्ति यत्रामृतः स पुरुषो ह्यव्ययात्मा ॥११॥

*tapasḥśraddhe ye hyupavasantyaranye śāntā vidvāṁso bhaikṣyacyar्याṁ carantaḥ ।
sūryadvāreṇa te virajāḥ prayānti yatrāmṛtaḥ sa puruṣo hyavyayātmā ॥*

11. Те же, что в лесной глуши следуют вере и самообузданию, умиротворенные, преисполненные знания, живя подаянием, отряхнув с себя прах своих страстей, проходят они через врата Солнца туда, где пребывает Бессмертный, Дух, высшее «Я», неподвластное распаду и тлению.

परीक्ष्य लोकान् कर्मचितान् ब्राह्मणो निर्वेदमायान्नास्त्यकृतः कृतेन ।
तद्विज्ञानार्थं स गुरुमेवाभिगच्छेत् समित्पाणिः श्रोत्रियं ब्रह्मनिष्ठम् ॥१२॥

*parīkṣya lokān karmacitān brāhmaṇo nirvedamāyānnāstyakṛtaḥ kṛtena ।
tadvijñānārtham sa gurumevābhigacchet samitpāṇiḥ śrotriyaṁ brahmaniṣṭham ॥*

12. Ищущий Брахмана, испробовав миры, воздвигаемые деяниями, приходит к отвращению от мира, ибо не свершенным деянием достигается Тот, кто Несотворен¹. Ради познания Того да направится он, неся в руках пищу для огня, к Гуру, к тому, который изучил Веду и посвятил себя созерцанию Брахмана.

तस्मै स विद्वानुपसन्नाय सम्यक् प्रशान्तचित्ताय शमान्विताय ।
येनाक्षरं पुरुषं वेद सत्यं प्रोवाच तां तत्त्वतो ब्रह्मविद्याम् ॥१३॥

*tasmai sa vidvānupasannāya samyak praśāntacittāya śamānvitāya ।
yenākṣaram puruṣaṁ veda satyaṁ provāca tāṁ tattvato brahmavidyām ॥*

13. И ему, ибо он доверился всецело, с умиротворенным сердцем и покойным духом, этот человек знания возглашает в ее основах науку Брахмана, что ведет к постижению Непреходящего Духа, Истинного и Воистину Сущего.

¹ Или — «Он, несотворенный, живет не тем, что сотворено». Дословно: «не сделанным (или — не тем, что сделано) Несделанный (Тот, который есть несотворенный)».

ГЛАВА ВТОРАЯ: РАЗДЕЛ I

तदेतत् सत्यं यथा सुदीप्तात् पावकाद्
विस्फुलिङ्गाः सहस्रशः प्रभवन्ते सरूपाः ।
तथाक्षराद् विविधाः सोम्य भावाः
प्रजायन्ते तत्र चैवापि यन्ति ॥१॥

*tadetat satyaṁ yathā sudīptāt pāvakād
visphuliṅgāḥ sahasraśaḥ prabhavante sarūpāḥ ।
tathākṣarād vividhāḥ somya bhāvāḥ
prajāyante tatra caivāpi yanti ॥*

1. Это То, это Истина сущего: как из единого высоко воспылавшего огня излетают тысячи отдельных искр и все они являют собой один тот же их породивший огонь, так, о благочестивый сын, из непреходящего многообразные становления рождаются и туда же уходят они.

दिव्यो ह्यमूर्तः पुरुषः स बाह्याभ्यन्तरो ह्यजः ।
अप्राणो ह्यमनाः शुभ्रो ह्यक्षरात् परतः परः ॥२॥

*divyo hyamūrtaḥ puruṣaḥ sa bāhyābhyantaro hyajaḥ ।
apraṇo hyamanāḥ śubhro hyakṣarāt parataḥ paraḥ ॥*

2. Он, божественный, Он, безвидный Дух, воистину, Он — и снаружи, и внутри, и Он — Нерожденный; Он — за пределами жизни, за пределами ума, светозарный, Всевышний превыше непреходящего.

एतस्माज्जायते प्राणो मनः सर्वेन्द्रियाणि च ।
खं वायुर्ज्योतिरापः पृथिवी विश्वस्य धारिणी ॥३॥

*etasmājjāyate prāṇo manaḥ sarvendriyāṇi ca ।
khaṁ vāyurjyotirāpaḥ pṛthivī viśvasya dhāriṇī ॥*

3. Жизнь и ум, и все эти чувства рождаются из Него, и небо, и ветер, и свет, и воды, и земля, что несет на себе все сущее.

अग्निर्मूर्धा चक्षुषी चन्द्रसूर्यो दिशः श्रोत्रे वाग् विवृताश्च वेदाः ।
वायुः प्राणो हृदयं विश्वमस्य पद्भ्यां पृथिवी ह्येष सर्वभूतान्तरात्मा ॥४ ॥

*agnirmūrdhā cakṣuṣī candrasūryau diśaḥ śrotre vāg vivṛtāśca vedāḥ ।
vāyuh prāṇo hṛdayaṁ viśvamasya padbhyāṁ pṛthivī hyeṣa sarvabhūtāntarātmā ॥*

4. Огонь — Его голова, а очи Его — Солнце и Луна, стороны света — уши Его, а Веды возглашенные — Его глас, воздух — Его дыхание, вселенная — сердце Его, Земля — Его подножие. Он есть внутреннее «Я» во всех существах.

तस्मादग्निः समिधो यस्य सूर्यः सोमात् पर्जन्य ओषधयः पृथिव्याम् ।
पुमान् रेतः सिञ्चति योषितायां बह्वीः प्रजाः पुरुषात् सम्प्रसूताः ॥५ ॥

*tasmādagniḥ samidho yasya sūryaḥ somāt parjanya oṣadhayaḥ pṛthivyām ।
pumān retaḥ siñcati yoṣitāyām bahvīḥ prajāḥ puruṣāt samprasūtāḥ ॥*

5. Из Него — огонь, которому Солнце служит топливом, и далее — дождь из Сомы, травы на земле, и муж зароняет свое семя в жену: так эти множества народов рождаются из Духа.

तस्मादृचः साम यजूषि दीक्षा यज्ञाश्च सर्वे क्रतवो दक्षिणाश्च ।
संवत्सरश्च यजमानश्च लोकाः सोमो यत्र पवते यत्र सूर्यः ॥६ ॥

*tasmādṛcaḥ sāma yajūṣi dīkṣā yajñāśca sarve kratavo dakṣiṇāśca ।
samvatsaraśca yajamānaśca lokāḥ somo yatra pavate yatra sūryaḥ ॥*

6. Из Него — гимны Ригведы, Самаведы и Яджурведы, посвящения, и все жертвования и труды жертвования, и все должные воздаяния, и год, и воздающий жертву, и миры, где светит луна и где светит солнце.

तस्माच्च देवा बहुधा सम्प्रसूताः साध्या मनुष्याः पशवो वयांसि ।
प्राणापानौ ब्रीहियवौ तपश्च श्रद्धा सत्यं ब्रह्मचर्यं विधिश्च ॥७॥

*tasmācca devā bahudhā samprasūtāḥ sādhyā manuṣyāḥ paśavo vayāmsi ।
prāṇāpānau vrīhiyavau tapaśca śraddhā satyaṁ brahmacaryaṁ vidhiśca ॥*

7. И из Него произошли многочисленные боги и полубоги, и люди, и звери, и птицы, основное дыхание и вниз идущее дыхание, и рис, и ячмень, и подвижничество, и вера, и Истина, и воздержание, и правило верного пути.

सप्त प्राणाः प्रभवन्ति तस्मात् सप्तार्चिषः समिधः सप्त होमाः ।
सप्त इमे लोका येषु चरन्ति प्राणा गुहाशया निहिताः सप्त सप्त ॥८॥

*sapta prāṇāḥ prabhavanti tasmāt saptārciṣaḥ samidhaḥ sapta homāḥ ।
sapta ime lokā yeṣu caranti prāṇā guhāśayā nihitāḥ sapta sapta ॥*

8. Семь дыханий родились из Него, и семь сияний и видов топлива, и семь возлияний, и эти семь миров, в которых движутся дыхания жизни, помещенные вовнутрь, семь и семь, с их обителью в тайном сердце.

अतः समुद्रा गिरयश्च सर्वेऽस्मात् स्यन्दन्ते सिन्धवः सर्वरूपाः ।
अतश्च सर्वा ओषधयो रसश्च येनैष भूतैस्तिष्ठते ह्यन्तरात्मा ॥९॥

*ataḥ samudrā girayaśca sarve'asmāt syandante sindhavaḥ sarvarūpāḥ ।
ataśca sarvā oṣadhayo rasaśca yenaīṣa bhūtaistiṣṭhate hyantarātmā ॥*

9. Из Него — океаны и все эти горы, и из Него текут реки всех видов, и из Него — все растения, и чувственное наслаждение, из-за которого эта душа пребывает с материальными первоначалами.

पुरुष एवेदं विश्वं कर्म तपो ब्रह्म परामृतम् ।
एतद् यो वेद निहितं गुहायां सोऽविद्याग्रन्थिं विकिरतीह सोम्य ॥१०॥

*puruṣa evedaṁ viśvaṁ karma tapo brahma parāmṛtam ।
etad yo veda nihitaṁ guhāyām so 'vidyāgranthiṁ vikiratīha somya ॥*

10. И Дух тот есть вся эта вселенная; он есть деяния, и он есть подвижность, и Брахман, всевышний и бессмертный. О благочестивый сын, тот, кто ведаёт это сокровенное в сердце тайном, тот даже здесь, в этом мире, разрубает узел Неведения.

ГЛАВА ВТОРАЯ: РАЗДЕЛ II

आविः सनिहितं गुहाचरं नाम
महत् पदमत्रैतत् समर्पितम् ।
एजत् प्राणान्निमिषच्च यदेतज्जानथ सदस-
द्वरेण्यं परं विज्ञानाद् यद् वरिष्ठं प्रजानाम् ॥१॥

*āvih saṁnihitam guhācaram nāma
mahat padamatraitat samarpitam ।
ejat prāṇannimiṣacca yadetajjānatha sadasa-
dvareṇyam param vijñānād yad variṣṭham prajānām ॥*

1. Проявленное, утвержденное здесь глубоко внутри, в сердце тайном живущее, это есть могучее основание, и в нем установлено все, что движется, и дышит, и видит. Это, которое есть то великое основание здесь, узнай как «Сущее» и как «Не-Сущее», желаемое превыше всего, величайшее и Наивысшее, пребывающее за пределами постижения созданий.

यदर्चिमद् यदणुभ्योऽणु च
यस्मिँल्लोका निहिता लोकिनश्च ।
तदेतदक्षरं ब्रह्म स प्राणस्तदु वाङ्मनः
तदेतत् सत्यं तदमृतं तद् वैद्वव्यं सोम्य विद्धि ॥२॥

*yadarcimad yadaṇubhyo 'ṇu ca
yasmimllokā nihitā lokinaśca ।
tadetadakṣaram brahma sa prāṇastadu vāṅmanah
tadetat satyam tadamṛtam tad veddhavyam somya viddhi ॥*

2. То, которое есть Светозарное, то, которое меньше атомов, то, в котором живут миры и их обитатели, То есть Это — это Брахман непреходящий; жизнь есть То — это речь и ум. То есть Это, Истинное и Воистину Сущее, — это То, что бессмертно; это То, что ты должен пронзить, о благочестивый сын, То, во что ты должен попасть.

धनुर्गृहीत्वौपनिषदं महास्त्रं शरं ह्युपासानिशितं सन्धयीत ।
आयम्य तद्भावागतेन चेतसा लक्ष्यं तदेवाक्षरं सोम्य विद्धि ॥३॥

*dhanurgr̥hītvāupaniṣadam mahāstram śaram hyupāsāniśitam sandhayīta ।
āyamya tadbhāvagatena cetasā lakṣyaṁ tadevākṣaram somya viddhi ॥*

3. Возьми же лук Упанишады, это могучее оружие, и вложи в него стрелу, заостренную поклонением, и натяни тетиву сердцем, от-
данным созерцанию Того, и, о благочестивый сын, попади в То,
в свою цель, воистину, пронзи Непреходящее.

प्रणवो धनुः शरो ह्यात्मा ब्रह्म तल्लक्ष्यमुच्यते ।
अप्रमत्तेन वेद्धव्यं शरवत् तन्मयो भवेत् ॥४॥

*praṇavo dhanuḥ śaro hyātmā brahma tallakṣyamucyate ।
apramattena veddhavyaṁ śaravat tanmayo bhavet ॥*

4. Лук тот — ОМ, стрела же — душа, целью же То зовется, воистину,
этот Брахман. В То должно вонзиться с непоколебимым намерени-
ем; должно слиться воедино с Тем, как стрела сливается с целью
своей.

यस्मिन् द्यौः पृथिवी चान्तरिक्षमोतं मनः सह प्राणैश्च सर्वैः ।
तमेवैकं जानथ आत्मानमन्या वाचो विमुञ्चथामृतस्यैष सेतुः ॥५॥

*yasmin dyauḥ pṛthivī cāntarikṣamotaṁ manaḥ saha prāṇaiśca sarvaiḥ ।
tamevaikaṁ jānatha ātmānamanyā vāco vimuñcathāmṛtasyaiṣa setuḥ ॥*

5. Он, в ком сплетены воедино небеса и земля, и срединное простран-
ство, и ум со всеми потоками жизни, — Его знай как единое «Я»;
иные слова отбрось прочь от себя — таков мост к бессмертию.

अरा इव रथनाभौ संहता यत्र नाड्यः
 स एषोऽन्तश्चरते बहुधा जायमानः ।
 ओमित्येवं ध्यायथ आत्मानं
 स्वस्ति वः पाराय तमसः परस्तात् ॥६॥

*arā iva rathanābhau samhatā yatra nāḍyaḥ
 sa eṣo 'ntaścarate bahudhā jāyamānaḥ ।
 omityevam dhyāyatha ātmānaṁ
 svasti vaḥ pārāya tamaśaḥ parastāt ॥*

6. Это Он движется там, внутри, где нервы собраны воедино, словно спицы в ступице колеса колесницы, — там рождается Он многообразно. Сосредоточься на постижении «Я» посредством Ом¹, и счастлив будет твой переход на другой берег за пределы тьмы.

यः सर्वज्ञः सर्वविद् यस्यैष महिमा भुवि ।
 दिव्ये ब्रह्मपुरे ह्येष व्योमन्यात्मा प्रतिष्ठितः ॥७॥

*yaḥ sarvajñaḥ sarvavid yasyaiṣa mahimā bhuvi ।
 divye brahmapure hyeṣa vyomnyātmā pratiṣṭhitaḥ ॥*

7. Всеведущий, Всеумудренный, кому принадлежат на земле это могущество и величие, есть это «Я», царствующее во граде Божественном Брахмана, в его небесах эфирных.

मनोमयः प्राणशरीरनेता
 प्रतिष्ठितोऽन्ने हृदयं सन्निधाय ।
 तद् विज्ञानेन परिपश्यन्ति धीरा
 आनन्दरूपममृतं यद् विभाति ॥८॥

*manomayaḥ prāṇaśarīranetā
 pratiṣṭhito 'nne hṛdayaṁ sannidhāya ।
 tad vijñānena paripaśyanti dhīrā
 ānandarūpamamṛtaṁ yad vibhāti ॥*

¹ Или — «медитируй на “Я” (на Атмане), представленном как Ом» (прим. пер.).

8. Это ментальное существо, этот предводитель жизни и тела поместил сердце в материю, в материи обрел он свою прочную основу. И постигая это, мудрые прозревают всюду вокруг себя То, что сияет в своем лучезарном свете, образ Блаженства и Бессмертия.

भिद्यते हृदयग्रन्थिश्छिद्यन्ते सर्वसंशयाः ।
क्षीयन्ते चास्य कर्माणि तस्मिन् दृष्टे परावरे ॥९॥

*bhidiate hrdayagranthiśchidyante sarvasamśayāḥ ।
kṣīyante cāsya karmāṇi tasmin dṛṣṭe parāvare ॥*

9. И разрубается узел сердечных уз, и прочь отпадают все сомнения, и, став суетою, прекращаются все людские дела, когда То открывается взору, То, которое есть и это существо внизу, и Всевышний.

हिरण्मये परे कोशे विरजं ब्रह्म निष्कलम् ।
तच्छुभ्रं ज्योतिषां ज्योतिस्तद् यदात्मविदो विदुः ॥१०॥

*hiraṇmaye pare koṣe virajaṁ brahma niṣkalam ।
tacchubhraṁ jyotiṣāṁ jyotistad yadātmavidō viduḥ ॥*

10. Во всевышнем золотом облачении возлежит Брахман, беспорочный, неделимый. То есть Высшее Великолепие, Оно есть Свет Светов, Оно есть То, которое ведают изведавшие себя.

न तत्र सूर्यो भाति न चन्द्रतारकं
नेमा विद्युतो भान्ति कुतोऽयमग्निः ।
तमेव भान्तमनुभाति सर्वं
तस्य भासा सर्वमिदं विभाति ॥११॥

*na tatra sūryo bhāti na candratāraḥ
nemā vidyuto bhānti kuto'yamagniḥ ।
tameva bhāntamanubhāti sarvaṁ
tasya bhāsā sarvamidaṁ vibhāti ॥*

11. Там не светит солнце, и не блестит луна, и там меркнут звезды; там не сверкают эти молнии — где уж гореть этому земному огню? Все, что сияет, есть лишь отсвет Его сияния; и вся эта вселенная лучится светом Его.

ब्रह्मैवेदममृतं पुरस्ताद् ब्रह्म पश्चाद् ब्रह्म दक्षिणतश्चोत्तरेण ।
अधश्चोर्ध्वं च प्रसृतं ब्रह्मैवेदं विश्वमिदं वरिष्ठम् ॥१२ ॥

*brahmaivedamamṛtaṁ purastād brahma paścād brahma dakṣiṇataścottareṇa ।
adhaścordhvaṁ ca prasṛtaṁ brahmaivedaṁ viśvamidaṁ variṣṭham ॥*

12. Все это есть Брахман бессмертный, и не что иное; Брахман перед нами, Брахман позади нас, и к югу от нас, и к северу от нас¹, и под нами, и над нами; это он простирается всюду. Все это — один только Брахман, вся эта величественная вселенная.

¹ Или — «и справа от нас, и слева от нас».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: РАЗДЕЛ I

द्वा सुपर्णा सयुजा सखाया समानं वृक्षं परिषस्वजाते ।
तयोरन्यः पिप्पलं स्वाद्वत्त्यनश्नन्नन्यो अभिचाकशीति ॥१॥

*dvā suparṇā sayujā sakhāyā samānaṁ vṛkṣaṁ pariśasvajāte ।
tayoranyaḥ pippalaṁ svādvattyanaśnannanyo abhicākaśīti ॥*

1. Две птицы прекраснокрылые, неразлучные спутники, облюбовали одно общее древо; и одна из двух лакомится сладким плодом этого древа, другая же не притрагивается к нему, а лишь наблюдает за своим напарником.

समाने वृक्षे पुरुषो निमग्नोऽनीशया शोचति मुह्यमानः ।
जुष्टं यदा पश्यत्यन्यमीशमस्य महिमानमिति वीतशोकः ॥२॥

*samāne vṛkṣe puruṣo nimagno 'nīśayā śocati muhyamānaḥ ।
juṣṭaṁ yadā paśyatyanyamīśamasya mahimānamiti vītaśokaḥ ॥*

2. Душа есть та птица, что сидит, поглощенная, на одном общем древе; но, не будучи господином, она пребывает в заблуждении и подвержена скорби. Однако когда она видит ту другую, которая есть Господин и возлюбленный, она познает, что все есть Его величие, и скорбь покидает ее.

यदा पश्यः पश्यते रुक्मवर्णं कर्तारमीशं पुरुषं ब्रह्मयोनिम् ।
तदा विद्वान् पुण्यपापे विधूय निरञ्जनः परमं साम्यमुपैति ॥३॥

*yadā paśyaḥ paśyate rukmavarṇaṁ kartāramīśaṁ puruṣaṁ brahmayonim ।
tadā vidvān puṇyapāpe vidhūya nirañjanaḥ paramaṁ sāmyamupaiti ॥*

3. Когда, провидица, она прозревает того Златоцветного, того создателя, Господина, тот Дух, который есть источник Брахмана¹, тогда

¹ Или — «чей источник есть Брахман»; Шанкара допускает возможность

она становится постигшей и отряхает со своих крыл грех и добродетель; чиста, избавлена от всех пятен порока, она достигает наивысшего отождествления¹.

प्राणो ह्येष यः सर्वभूतैर्विभाति
विजानन् विद्वान् भवते नातिवादी ।
आत्मक्रीड आत्मरतिः
क्रियावानेष ब्रह्मविदां वरिष्ठः ॥४ ॥

*prāṇo hyeṣa yaḥ sarvabhūtairvibhāti
vijānan vidvān bhavate nātivādī ।
ātmakrīḍa ātmaratiḥ
kriyāvāneṣa brahmavidāṃ variṣṭhaḥ ॥*

4. Это — жизнь всего сущего, что сияет, проявленная всеми этими существами; человек знания, полностью постигший это, сторонится всяких вероучений и излишних словопрений. В одном лишь «Я» обретает он усладу, в игре с «Я», совершая труды, — он лучший среди постигших Вечное.

सत्येन लभ्यस्तपसा ह्येष आत्मा
सम्यग्ज्ञानेन ब्रह्मचर्येण नित्यम् ।
अन्तःशरीरे ज्योतिर्मयो हि शुभ्रो
यं पश्यन्ति यतयः क्षीणदोषाः ॥५ ॥

*satyena labhyastapasā hyeṣa ātmā
samyagjñānena brahmacaryeṇa nityam ।
antaḥśarīre jyotirmayo hi śubhro
yaṁ paśyanti yatayaḥ kṣīṇadoṣāḥ ॥*

5. Это «Я» можно снискать лишь истиной, самообузданием, полным знанием, чистой жизнью — именно это «Я», пребывающее

альтернативного прочтения, но трактует его как «источник низшего Брахмана».

¹ Или — «очистившись от всяких порочащих пятен, она достигает высшего равновесия».

во внутреннем теле, лучезарное, все из света, избавляясь от своих пороков, прозревают подвижники.

सत्यमेव जयते नानृतं सत्येन पन्था विततो देवयानः ।
येनाक्रमन्त्यृषयो ह्यासकामा यत्र तत् सत्यस्य परमं निधानम् ॥६॥

*satyameva jayate nānṛtaṁ satyena panthā vitato devayānaḥ ।
yenākramantyr̥ṣayo hyāptakāmā yatra tat satyasya paramaṁ nidhānam ॥*

6. Только Истина, не ложь, торжествует; Истиной проложен путь странствия богов, которым мудрые, побеждая свое желание, восходят туда, где Истины верховная Обитель.

बृहच्च तद् दिव्यमचिन्त्यरूपं सूक्ष्माच्च तत् सूक्ष्मतरं विभाति ।
दूरात् सुदूरे तदिहान्तिके च पश्यत्स्विहैव निहितं गुहायाम् ॥७॥

*bṛhacca tad divyamacintyarūpaṁ sūkṣmācca tat sūkṣmataraṁ vibhāti ।
dūrāt sudūre tadihāntike ca paśyatsvihaiva nihitaṁ guhāyām ॥*

7. Безбрежно То, божественно, и образ его не подвластен мысли; оно сияет тоньше, чем тонкое¹, очень далекое, дальше, чем сама даль, оно здесь, возле нас: те, что обладают видением, прозревают его даже здесь, в этом мире; оно здесь, сокрытое в тайном сердце.

न चक्षुषा गृह्यते नापि वाचा नान्यैर्देवैस्तपसा कर्मणा वा ।
ज्ञानप्रसादेन विशुद्धसत्त्वस्ततस्तु तं पश्यते निष्कलं ध्यायमानः ॥८॥

*na cakṣuṣā gr̥hyate nāpi vācā nānyairdevaistapasā karmaṇā vā ।
jñānaprasādena viśuddhasattvastatastu taṁ paśyate niṣkalaṁ dhyāyamānaḥ ॥*

8. Око не в силах настичь, и речь не в силах выразить Его, и эти другие боги; и ни самообузданием, ни совершением трудов нельзя стяжать его — и лишь когда внутреннее существо обретает чистоту

¹ Или — «мельче мельчайшего».

через радостную ясность знания, тогда, воистину, отдавшись созерцанию, человек прозревает Дух неделимый.

एषोऽगुरात्मा चेतसा वेदितव्यो
 यस्मिन् प्राणः पञ्चधा संविवेश ।
 प्राणैश्चित्तं सर्वमोतं प्रजानां
 यस्मिन् विशुद्धे विभवत्येष आत्मा ॥९॥

eṣo 'nūrātmā cetasā veditavyo
yasmin prāṇaḥ pañcadhā saṁviveśa |
prāṇaiścittaṁ sarvamotaṁ prajānāṁ
yasmin viśuddhe vibhavatyēṣa ātmā ||

9. Это «я» относится к тонкому, и должно постигать его мыслящим разумом, в который жизненная сила вошла пятикратно; все создающее сердце созданий пронизано и оплетено потоками жизненной силы, и только когда оно обретает чистоту, это «Я» может явить свою силу¹.

यं यं लोकं मनसा संविभाति
 विशुद्धसत्त्वः कामयते यांश्च कामान् ।
 तं तं लोकं जयते तांश्च कामां-
 स्तस्मादात्मज्ञं ह्यर्चयेद् भूतिकामः ॥१०॥

yaṁ yaṁ lokaṁ manasā saṁvibhāti
viśuddhasattvaḥ kāmayate yāṁśca kāmān |
taṁ taṁ lokaṁ jayate tāṁśca kāmāṁ-
stasmādātmajñaṁ hyarcayed bhūtikāmaḥ ||

10. Какой бы мир ни охватил он светом своего разума — тот, чье внутреннее существо обрело чистоту, какие бы желания ни возымел он, этот мир он завоевывает и эти желания. Так пусть же всякий, кто ищет успеха и благополучия, приближается с почтением к постигшему себя.

¹ Глагол *vibhavati* здесь, вероятно, имеет комплексное значение: «проявляться во всей своей силе и всепроникающем присутствии».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: РАЗДЕЛ II

स वेदैतत् परमं ब्रह्म धाम यत्र विश्वं निहितं भाति शुभ्रम् ।
उपासते पुरुषं ये ह्यकामास्ते शुक्रमेतदतिवर्तन्ति धीराः ॥१॥

*sa vedaitat paramam brahma dhāma yatra viśvaṁ nihitam bhāti śubhram ।
upāsate puruṣam ye hyakāmāste śukrametadativartanti dhīrāḥ ॥*

1. Он знает этого верховного Брахмана как высочайшее пристанище, где испускает сияние сокровенный светозарный мир. Мудрые, которые свободны от желания и поклоняются Духу, выходят за пределы этого семени¹.

कामान् यः कामयते मन्यमानः स कामभिर्जायते तत्र तत्र ।
पर्याप्तकामस्य कृतात्मनस्तु इहैव सर्वे प्रविलीयन्ति कामाः ॥२॥

*kāmān yaḥ kāmayate manyamānaḥ sa kāmabhirjāyate tatra tatra ।
paryāptakāmasya kṛtātmanastu ihaiva sarve praviliyanti kāmāḥ ॥*

2. Тот, кто лелеет желания и чей ум занят своими пристрастиями, тот из-за своих желаний вновь рождается там, куда они ведут его; тот же, кто осуществит все свое желание² и отыщет душу свою, для того даже здесь, в этом мире, все желания сгинут без следа.

¹ Согласно Шанкаре, имеется в виду мужская семенная жидкость, которая является источником рождения в этом космосе. Но, возможно, это означает скорее «выходят за пределы этой блистающей вселенной», того светозарного мира, о котором только что говорилось, в еще более высокий Свет, который являет собой его пристанище и источник, верховного Брахмана.

² Или — «кто покончит с желаниями».

नायमात्मा प्रवचनेन लभ्यो न मेधया न बहुना श्रुतेन ।
यमेवैष वृणुते तेन लभ्यस्तस्यैष आत्मा विवृणुते तनुं स्वाम् ॥३॥

*nāyamātmā pravacanena labhyo na medhayā na bahunā śrutena ।
yamevaiṣa vṛṇute tena labhyastasyaiṣa ātmā vivṛṇute tanuṁ svām ॥*

3. Не достичь этого «Я» ни толкованиями, ни силой ума, ни усердным изучением Писания. И лишь тому, кого Оно избирает, под силу достичь его; лишь пред ним обнажает это «Я» тело свое.

नायमात्मा बलहीनेन लभ्यो न च प्रमादात् तपसो वाप्यलिङ्गात् ।
एतैरुपायैर्यतते यस्तु विद्वांस्तस्यैष आत्मा विशते ब्रह्मधाम ॥४॥

*nāyamātmā balahīnena labhyo na ca pramādāt tapaso vāpyaliṅgāt ।
etairupāyairyatate yastu vidvāṁstasyaiṣa ātmā viśate brahmadhāma ॥*

4. Не достичь этого «Я» тому, кто лишен силы, и тому, в чьих исканиях кроется изъязн, не достигнуть его и подвижничеством без истинной цели; если же человек знания стремится, используя эти средства, то его «Я» достигает Брахмана, своего пристанища.

संप्राप्यैनमृषयो ज्ञानतृप्ताः कृतात्मानो वीतरागाः प्रशान्ताः
ते सर्वगं सर्वतः प्राप्य धीरा युक्तात्मानः सर्वमेवाविशन्ति ॥५॥

*saṁprāpyainamṛṣayo jñānatṛptāḥ kṛtātmāno vītarāgāḥ praśāntāḥ ।
te sarvagaṁ sarvataḥ prāpya dhīrā yuktātmānaḥ sarvamevāviśanti ॥*

5. Достигая его, провидцы, упоенные полностью знания, обретшие совершенство в своем «я», свободные от страстей, умиротворенные, — они, мудрые, приходят к всепроницающему отовсюду и, обретая единство с ним, воистину, проникают во Все.

वेदान्तविज्ञानसुनिश्चितार्थाः संन्यासयोगाद् यतयः शुद्धसत्त्वाः ।
ते ब्रह्मलोकेषु परान्तकाले परामृताः परिमुच्यन्ति सर्वे ॥६॥

*vedāntavijñānasuniścītārthāḥ saṁnyāsayogād yatayah śuddhasattvāḥ ।
te brahmalokeṣu parāntakāle parāmṛtāḥ parimucyanti sarve ॥*

6. Подвижники, чья цель¹ вполне определена всеохватным знанием Веданты, очистив внутреннее существо с помощью Йоги отвержения, все они в свой последний час, минуя смерть, обретают освобождение в мирах Брахмана.

गताः कलाः पञ्चदश प्रतिष्ठा देवाश्च सर्वे प्रतिदेवतासु ।
कर्माणि विज्ञानमयश्च आत्मा परेऽव्यये सर्व एकीभवन्ति ॥७॥

*gatāḥ kalāḥ pañcadaśa pratiṣṭhā devāśca sarve pratidevatāsu ।
karmāṇi vijñānamayaśca ātmā pare 'vyaye sarva ekībhavanti ॥*

7. Пятнадцать частей возвращаются в свои основания, и все боги уходят в соответствующих им божеств, труды и «Я», исполненное Знания, — все становится единым во Всевышнем и Нетленном.

यथा नद्यः स्यन्दमानाः समुद्रेऽस्तं गच्छन्ति नामरूपे विहाय ।
तथा विद्वान् नामरूपाद् विमुक्तः परात्परं पुरुषमुपैति दिव्यम् ॥८॥

*yathā nadyaḥ syandamānāḥ samudre 'staṁ gacchanti nāmarūpe vihāya ।
tathā vidvān nāmarūpād vimuktaḥ parātparam puruṣamupaiti divyam ॥*

8. Как реки, устремляя вперед свои воды, в океане достигают пристанища² и теряют свои имена и обличия, точно так же постигший освобождается от имени и обличия и достигает Всевышнего превыше Наивысшего, поистине достигает Божественной Личности.

¹ Или — «смысл».

² Или — «обретают свою цель», «находят свой конец».

स यो ह वै तत् परमं ब्रह्म वेद
 ब्रह्मैव भवति नास्याऽब्रह्मवित् कुले भवति ।
 तरति शोकं तरति पाप्मानं
 गुहाग्रन्थिभ्यो विमुक्तोऽमृतो भवति ॥९॥

*sa yo ha vai tat paramam brahma veda
 brahmaiva bhavati nāsya'brahmavit kule bhavati ।
 tarati śokaṁ tarati pāpmānaṁ
 guhāgranthibhyo vimukto'mṛto bhavati ॥*

9. Тот, кто, воистину, знает того Верховного Брахмана, сам становится Брахманом; и среди потомков его не будет больше таких, кто не познал бы Брахмана. Он покидает пределы скорби, он покидает пределы порока, он освобождается от запутанных уз тайного сердца и становится бессмертным.

तदेतदृचाऽभ्युक्तम् ॥
 क्रियावन्तः श्रोत्रिया ब्रह्मनिष्ठाः
 स्वयं जुहुत एकार्षिं श्रद्धयन्तः ।
 तेषामेवैतां ब्रह्मविद्यां वदेत
 शिरोव्रतं विधिवद् यैस्तु चीर्णम् ॥१०॥

*tadetadṛcā'bhyuktam ॥
 kriyāvantaḥ śrotriyā brahmaniṣṭhāḥ
 svayam juhvata ekarṣim śraddhayantaḥ ।
 teṣāmevaitāṁ brahmavidyāṁ vadeta
 śirovrataṁ vidhivad yaistu cīrṇam ॥*

10. Это То, возглашенное Ригведой. Вершители деяний, воспетые в Веде, люди, утвержденные в Брахмане, кто, устремив веру свою к единственному провидцу, сами приносят ему жертву, — им должно поведать это Знание-Брахмана, людям, совершившим Обряд Главы¹ согласно предписанию.

¹ Имеется в виду обряд несения на голове огня, связанный с ритуалом Атхарва-веды (прим. ред.).

तदेतत् सत्यमृषिरङ्गिराः पुरोवाच नैतदचीर्णव्रतोऽधीते ।
नमः परमन्त्रेषिभ्यो नमः परमन्त्रेषिभ्यः ॥११॥

*tadetat satyamṛṣiraṅgirāḥ purovāca naitadacīrṇavrato 'dhīte ।
namaḥ paramaṅṣibhyo namaḥ paramaṅṣibhyaḥ ॥*

11. Это То, это Истина сущего, возглашенная некогда провидцем Ангирасом. Не узнает ее не свершивший Обряда Главы. Да славятся провидцы всевышние! Да славятся провидцы всевышние!

МАНДУКЪЯ УПАНИШАДА

Мандукья Упанишада

ॐ भद्रं कर्णेभिः शृणुयाम देवा
भद्रं पश्येमाक्षभिर्यजत्राः ।
स्थिरैरङ्गैस्तुष्टुवाꣳसस्तनूभिर्व्यशेम
देवहितं यदायुः ॥
स्वस्ति न इन्द्रो वृद्धश्रवाः
स्वस्ति नः पूषा विश्ववेदाः ।
स्वस्ति नस्तार्क्ष्यो अरिष्टनेमिः
स्वस्ति नो बृहस्पतिर्दधातु ॥
ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥

*OM bhdraṁ karṇebhiḥ śṛṇuyāma devā
bhdraṁ paśyemākṣabhiryajatrāḥ ।
sthirairāṅgaistuṣṭuvāꣳsastanūbhirvyaśema
devahitaṁ yadāyuh ॥
svasti na indro vṛddhaśravāḥ
svasti naḥ pūṣā viśvavedāḥ ।
svasti nastārṁkṣyo ariṣṭanemiḥ
svasti no bṛhaspatirdadhātu ॥
OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ ॥*

ОМ. Пусть благое мы услышим своими ушами, о Боги; пусть благое мы увидим своими глазами, о достойные жертвы; вознося молитву неколебимыми частями, недвижимыми телами, да достигнем мы жизни той, что имеет основу в Богах.

Да утвердит в нас благость Индра, исполненный славы; да наделит нас благом Пушан, всеведающее Солнце; да наделит нас благом Таркшья Ариштанеми; Брихаспати да наделит нас благом.

ОМ. Мир, мир, мир!

ॐ इत्येतदक्षरमिदं सर्वं तस्योपव्याख्यानं भूतं भवद्
भविष्यदिति सर्वमोङ्कार एव । यच्चान्यत् त्रिकालातीतं तदप्योङ्कार एव ॥१॥

*OM ityetadakṣaramidaṁ sarvaṁ tasyopavyākhyānaṁ, bhūtaṁ bhavad
bhaviṣyadīti sarvamoṅkāra eva | yaccānyat trikālātītaṁ tadapyoṅkāra eva ॥*

1. OM есть это нетленное Слово, OM есть эта Вселенная, а это — разъяснение OM. Прошедшее, настоящее, будущее, все, что было, все, что есть, все, что будет, есть OM. Также все прочее, что может существовать за пределами границ Времени, и это OM.

सर्वं ह्येतद् ब्रह्म । अयमात्मा ब्रह्म सोऽयमात्मा चतुष्पात् ॥२॥

sarvaṁ hyetad brahma | ayamātmā brahma, so'yamātmā catuspāt ॥

2. Вся эта Вселенная есть Вечный Брахман, это «Я» есть Вечный Брахман, и это «Я» — четырехчленно.

जागरितस्थानो बहिष्प्रज्ञः सप्ताङ्ग एकोनविंशतिमुखः स्थूलभुग्वैश्वानरः प्रथमः पादः ॥३॥

jāgaritasthāno bahiṣprajñāḥ saptaṅga ekonaviṁśatimukhaḥ sthūlabhugvaiśvānaraḥ prathamah pādah ॥

3. Он, чье место есть бодрствование, кто умудрен во внешнем, кто обладает семью членами, у кого девятнадцать врат, кто осязает грубые предметы и ими наслаждается, Вайшванара, Вселенский Муж, Он есть первый (из четырех).

स्वप्नस्थानोऽन्तःप्रज्ञः सप्ताङ्ग एकोनविंशतिमुखः प्रविविक्तभुक्
तैजसो द्वितीयः पादः ॥४॥

*svapnasthāno'ntahprajñāḥ saptaṅga ekonaviṁśatimukhaḥ praviviktabhuk
taijaso dviṭīyah pādah ॥*

4. Он, чье место есть сон, кто умудрен во внутреннем, кто обладает семью членами, у кого девятнадцать врат, кто осязает тонкие предметы и ими наслаждается, Тайджаса, Обитающий в Светозарном Разуме, Он есть второй.

यत्र सुप्तो न कञ्चन कामं कामयते न कञ्चन स्वप्नं पश्यति तत्
सुषुप्तम्। सुषुप्तस्थान एकीभूतः प्रज्ञानघन एवानन्दमयो ह्यानन्द-
भुक् चेतोमुखः प्राज्ञस्तृतीयः पादः ॥५॥

*yatra supto na kañcana kāmam kāmayate, na kañcana svapnam paśyati, tat
susuptam | susuptasthāna ekībhūtaḥ prajñānaghana evānandamayo hyānanda-
bhuk cetomukhaḥ prājñastṛtīyaḥ pādaḥ ||*

5. Когда уснувший не томится никаким желанием и не видит снов — это совершенный глубокий сон. Он, чье место есть совершенный глубокий сон, кто стал Единым, кто есть мудрость, собранная в себе, кто состоит из одного блаженства, кто наслаждается блаженством безотносительным, у кого сознающий разум есть врата, Праджня, Повелитель Мудрости, Он есть третий.

एष सर्वेश्वर एष सर्वज्ञ एषोऽन्तर्याम्येष योनिः सर्वस्य प्रभवाप्ययौ
हि भूतानाम् ॥६॥

*eṣa sarveśvara eṣa sarvajña eṣo 'ntaryāmyeṣa yoniḥ sarvasya prabhavāpyayau
hi bhūtānām ||*

6. Это есть Всемогущий, это есть Всеведущий, это есть Внутренняя Душа, это есть Лоно Вселенной, это есть Начало и Конец созданий.

नान्तःप्रज्ञं न बहिष्प्रज्ञं नोभयतःप्रज्ञं न प्रज्ञानघनं न
प्रज्ञं नाप्रज्ञम्। अदृष्टमव्यवहार्यमग्राह्यमलक्षणमचिन्त्य-
मव्यपदेश्यमेकात्मप्रत्ययसारं प्रपञ्चोपशमं शान्तं शिव-
मद्वैतं चतुर्थं मन्यन्ते स आत्मा स विज्ञेयः ॥७॥

nāntaḥprajñam na bahiḥprajñam nobhayataḥprajñam na prajñānaghanam na prajñam nāprajñam | adṛṣṭamavyavahāryamagrāhyamalakṣaṇamacintyavyapadeśyamekātmapratyayasāraṁ prapañcopaśamaṁ śāntam śivamadvaitam caturtham manyante sa ātmā sa vijñeyaḥ ||

7. Тот, кто не умудрен во внутреннем и не умудрен во внешнем, и не умудрен в обоих, во внутреннем и во внешнем, кто не есть ни мудрость, собранная в себе, ни обладающий мудростью, ни не обладающий мудростью, Он, Кто незрим, невыразим, неуловим, неразличим, немыслим, неименуем, Чья сущность есть осознание «Я» в его единственном существовании, в Ком все проявления растворяются, Кто есть Безмятежный, Кто есть Благой, Кто есть Единый, Недвойственный, — Его считают четвертым: Он есть «Я», Он есть предмет Познания.

सोऽयमात्माध्यक्षरमोङ्करोऽधिमात्रं पादा मात्रा मात्राश्च पादा अकार
उकारो मकार इति ॥८॥

so'yamātmādhyaḥṣaramoṅkaro'dhimātraṁ pādā mātrā mātrāśca pādā akāra ukāro makāra iti ||

8. Так это «Я» в отношении вечного Слова есть ОМ; в отношении букв — Его части есть буквы и буквы есть Его части, а именно: А У М.

जागरितस्थानो वैश्वानरोऽकारः प्रथमा मात्राऽऽप्तेरादिमत्त्वाद्
वाऽऽप्नोति ह वै सर्वान् कामानादिश्च भवति य एवं वेद ॥९॥

jāgaritasthāno vaiśvānaro'kāraḥ prathamā mātrā, āpterādimattvād vā, āpnoti ha vai sarvān kāmānādiśca bhavati ya evaṁ veda ||

9. Бодрствующий, Вайшванара, Вселенский Муж, Он есть А, первая буква, из-за Первенства и Всеохватности; кто знает Его таковым, объемлет все свои желания и достигает их исполнения; он становится источником и первым.

स्वप्नस्थानस्तैजस उकारो द्वितीया मात्रा उत्कर्षाद् उभयत्वाद्वा उत्कर्षति
ह वै ज्ञानसन्ततिं समानश्च भवति नास्याब्रह्मवित् कुले भवति य
एवं वेद ॥१० ॥

*svapnasthānastaijasa ukāro dvitīyā mātrā, utkarṣād ubhayatvādvā, utkarṣati
ha vai jñānasantatiṁ samānaśca bhavati; nāsyābrahmavit kule bhavati ya
evaṁ veda ॥*

10. Сновидец, Тайджаса, Обитающий в Светозарном Разуме, Он есть У, вторая буква, из-за Продвижения и Центральности; кто знает Его таковым, продвигает границы своего знания и превосходит различие; не родится в его роду тот, кто не знает Вечного.

सुषुप्तस्थानः प्राज्ञो मकारस्तृतीया मात्रा मितेरपीतेर्वा मिनोति ह वा
इदं सर्वमपीतिश्च भवति य एवं वेद ॥११ ॥

*susuptasthānaḥ prājño makārastrīyā mātrā, miterapītervā, minoti ha vā
idaṁ sarvamapītiśca bhavati ya evaṁ veda ॥*

11. Спящий, Праджня, Повелитель Мудрости, Он есть М, третья буква, из-за Меры и Конечности; кто знает Его таковым, измеряет собой Вселенную и становится уходом в Вечного.

अमात्रश्चतुर्थोऽव्यवहार्यः प्रपञ्चोपशमः शिवोऽद्वैत एवमोङ्कार
आत्मैव संविशत्यात्मनात्मानं य एवं वेद य एवं वेद ॥१२ ॥

*amātraścaturtho 'vyavahāryaḥ prapañcopaśamaḥ śivo 'dvaita evamoṅkāra
ātmaiva, saṁviśatyātmanātmānaṁ ya evaṁ veda ya evaṁ veda ॥*

12. Не имеет буквы четвертый, Неизреченный, конец явленного, Благой, Единый, и нет иного, кроме Него: таков есть ОМ. Тот, кто так знает, есть «Я» и проникает он своим «я» в высшее «Я» — тот, кто так знает, тот, кто так знает.

ПРАШНА УПАНИШАДА

Прашна Упанишада

(Упанишада шести вопросов)

ॐ भद्रं कर्णेभिः शृणुयाम देवा
भद्रं पश्येमाक्षभिर्यजत्राः ।
स्थिरैरङ्गैस्तुष्टुवाꣳसस्तनूभिर्व्यशेम
देवहितं यदायुः ॥
स्वस्ति न इन्द्रो वृद्धश्रवाः
स्वस्ति नः पूषा विश्ववेदाः ।
स्वस्ति नस्तार्क्ष्यो अरिष्टनेमिः
स्वस्ति नो बृहस्पतिर्दधातु ॥
ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥

*OM bhadram karṇebhiḥ śṛṇuyāma devā
bhadram paśyemākṣabhiryajatrāḥ ।
sthirairāṅgaistuṣṭuvāꣳsastanūbhirvyaśema
devahitam yadāyuh ॥
svasti na indro vṛddhaśravāḥ
svasti naḥ pūṣā viśvavedāḥ ।
svasti nastārṅkṣyo ariṣṭanemiḥ
svasti no bṛhaspatirdadhātu ॥
OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ ॥*

ОМ. Пусть благое мы услышим своими ушами, о Боги; пусть благое мы увидим своими глазами, о достойные жертвы; вознося молитву неколебимыми частями, недвижимыми телами, да достигнем мы жизни той, что имеет основу в Богах.

Да утвердит в нас благость Индра, исполненный славы; да наделит нас благом Пушан, всеведающее Солнце; да наделит нас благом Таркшья Ариштанеми; Брихаспати да наделит нас благом.

ОМ. Мир, мир, мир!

ВОПРОС ПЕРВЫЙ

ॐ नमः परमात्मने । हरिः ॐ ॥ सुकेशा च भारद्वाजः शैब्यश्च
सत्यकामः सौर्यायणी च गार्ग्यः कौसल्यश्चाश्वलायनः भार्गवो
वैदर्भिः कबन्धी कात्यायनस्ते हैते ब्रह्मपरा ब्रह्मनिष्ठाः परं
ब्रह्मान्वेषमाणा एष ह वै तत्सर्वं वक्ष्यतीति ते ह समित्पाणयो भग-
वन्तं पिप्पलादमुपसन्नाः ॥१॥

*OM namaḥ paramātmane | hariḥ OM ॥ sukeśā ca bhāradvājaḥ, śaibyaśca
satyakāmaḥ, sauryāyaṇī ca gārgyaḥ, kausalyaścāśvalāyanaḥ, bhārgavo
vaidarbhiḥ, kabandhī kātyāyanaste haite brahmaparā brahmaniṣṭhāḥ paraṁ
brahmānveṣamāṇā eṣa ha vai tatsarvaṁ vakṣyatīti, te ha samitpāṇayo bhaga-
vantaṁ pippalādamupasannāḥ ॥*

1. OM! Приветствие Наивысшему Духу. Наивысший есть OM.

Сукеша Бхарадваджа, Шайбья Сатьякама, Гार्गья, сын Солнечного рода, Кошалан, сын Ашвалы, Бхаргава из Видарбхи и Кабандхи Катьяяна — они искали Бога Самого Высокого, веруя в Наивысшего и Наивысшему преданные. Потому они пришли к почтенному Пиппаладе, ибо сказали: «Это тот, кто поведает нам о Вселенском».

तान् ह स ऋषिरुवाच भूय एव तपसा ब्रह्मचर्येण श्रद्धया सं-
वत्सरं संवत्स्यथ यथाकामं प्रश्नान् पृच्छत यदि विज्ञास्यामः
सर्वं ह वो वक्ष्याम इति ॥२॥

*tān ha sa ṛṣiruvāca, — bhūya eva tapasā brahmacaryeṇa śraddhayā saṁ-
vatsaraṁ saṁvatsyatha, yathākāmaṁ praśnān pṛchata, yadi vijñāsyāmaḥ
sarvaṁ ha vo vakṣyāma iti ॥*

2. Риши сказал им: «Еще год поживите в праведности, и вере, и воздержании, потом спрашивайте, что пожелаете, и если я знаю, то воистину я ничего не скрою».

अथ कबन्धी कात्यायन उपेत्य पप्रच्छ भगवन् कुतो ह वा इमाः
प्रजाः प्रजायन्त इति ॥३॥

*atha kabandhī kātyāyana upetya ppraccha, bhagavan kuto ha vā imāḥ
prajāḥ prajāyanta iti ॥*

3. Тогда подошел Кабандхи, сын Катья, к нему и спросил: «Господин, откуда рождаются все эти творения?»

तस्मै स होवाच प्रजाकामो वै प्रजापतिः स तपोऽतप्यत स
तपस्तप्त्वा स मिथुनमुत्पादयते रयिञ्च प्राणञ्चेति एतौ मे बहुधा
प्रजाः करिष्यत इति ॥४॥

*tasmai sa hovāca — prajākāmo vai prajāpatiḥ, sa tapo'tapyata, sa
tapastaptvā, sa mithunamutpādayate rayiñca prāṇañceti, etau me bahudhā
prajāḥ kariṣyata iti ॥*

4. И отвечивал ему риши Пиппалада: «Вечный Прародитель желал детей, поэтому он излучил свою энергию и теплом своей энергии сотворил близнецов, Прану, Жизнь — Мужчину и Райи, Материю — Женщину. “Эти, — сказал он, — народят для меня детей многих и разных”».

आदित्यो ह वै प्राणः रयिरेव चन्द्रमाः रयिर्वा एतत् सर्वं यन्मूर्त्तं
चामूर्त्तं च तस्मान्मूर्त्तिरेव रयिः ॥५॥

*ādityo ha vai prāṇaḥ, rayireva candramāḥ, rayirvā etat sarvaṁ yannmūrttaṁ
cāmūrttaṁ ca, tasmānmūrttireva rayiḥ ॥*

5. Солнце поистине есть Жизнь, а Луна есть не более чем Материя; но поистине вся эта Вселенная, в формах и вне форм, есть Материя, поэтому Форма и Материя суть Одно.

अथादित्य उदयन् यत् प्राचीं दिशं प्रविशति तेन प्राच्यान् प्राणान्
रश्मिषु सन्निधत्ते । यद्दक्षिणां यत्प्रतीचीं यदुदीचीं यदधो
यदूर्ध्वं यदन्तरा दिशो यत्सर्वं प्रकाशयति तेन सर्वान् प्राणान्
रश्मिषु सन्निधत्ते ॥६॥

*athāditya udayan yat prācīm diśam praviśati tena prācyān prāṇān
raśmiṣu sannidhatte । yaddakṣiṇām yatpratīcīm yadudīcīm yadadho
yadūrdhvaṁ yadantarā diśo yatsarvaṁ prakāśayati tena sarvān prāṇān
raśmiṣu sannidhatte ॥*

6. Так вот, когда Солнце, восходя, приходит на Восток, оно впитывает восточные дыхания в свои лучи. Но когда оно освещает юг, и запад, и север, и низ, и верх, и все внутренние пространства, и воистину все, что есть, тогда оно вбирает все дыхания в свои лучи.

स एष वैश्वानरो विश्वरूपः प्राणोऽग्निरुदयते । तदेतद्गच्छाम्युक्तम् ॥७॥

sa eṣa vaiśvānaro viśvarūpaḥ prāṇo'gnirudayate । tadetadṛcābhyuktam ॥

7. Поэтому есть этот огонь, что восходит, этот Вселенский Муж, чьи ми телами являются все существа, Прана, дыхание существования. Это то, о чем сказано в Ригведе:

विश्वरूपं हरिणं जातवेदसं परायणं ज्योतिरेकं तपन्तम् ।
सहस्ररश्मिः शतधा वर्तमानः प्राणः प्रजानामुदयत्येष सूर्यः ॥८॥

*viśvarūpaṁ hariṇaṁ jātavedasaṁ parāyaṇaṁ jyotirekaṁ tapantam ।
sahasraraśmiḥ śatadhā vartamānaḥ prāṇaḥ prajānāmudayatyeṣa sūryaḥ ॥*

8. “...Огонь есть это горящее лучезарное Солнце, он есть Единое сияние и всеведущий Свет, он есть высочайшее небо духов. Тысячью лучей, горит он и существует в сотне существований; вот это Солнце, которое восходит, оно есть Жизнь всех его творений”.

संवत्सरो वै प्रजापतिः तस्यायने दक्षिणञ्चोत्तरं च । तद्ये ह वै
तदिष्टपूर्त्ते कृतमित्युपासते ते चान्द्रमसमेव लोकमभिजयन्ते त एव
पुनरावर्तन्ते । तस्मादेत ऋषयः प्रजाकामा दक्षिणं प्रतिपद्यन्ते । एष
ह वै रयिर्यः पितृयाणः ॥९॥

*saṁvatsaro vai prajāpatiḥ, tasyāyane dakṣiṇaṅcōttaram ca | tadye ha vai
tadiṣṭpūrtte kṛtamityupāsate, te cāndramasameva lokamabhijayante, ta eva
punarāvarttante | tasmādetā ṛṣayaḥ prajākāmā dakṣiṇam pratipadyante | eṣa
ha vai rayiryah pitṛyāṇaḥ ||*

9. Год тоже есть тот Вечный Прародитель, и два есть пути у года, северное солнцестояние и южное. Так те, кто чтит Бога колодцем вырытым и приношением предложенным, их считая праведностью, завоевывают себе небеса Луны: эти возвращаются вновь в мир рождения. Поэтому души мудрецов, которые еще не отринули от себя желание потомства, идут путем южного солнцестояния, который есть дорога Отцов¹. И это также есть Материя, Женщина.

अथोत्तरेण तपसा ब्रह्मचर्येण श्रद्धया विद्ययात्मानमन्विष्यादित्य-
मभिजयन्ते । एतद्वै प्राणानामायतनमेतदमृतमभयमेतत्
परायणमेतस्मान्न पुनरावर्तन्त इत्येष निरोधः । तदेष श्लोकः ॥१०॥

*athottareṇa tapasā brahmacaryeṇa śraddhayā vidyayātmānamanviṣyāditya-
mabhijayante | etadvai prāṇānāmāyatanametadamṛtamabhayametāt
parāyaṇametasmānna punarāvarttanta ityeṣa nirodhaḥ | tadeṣa ślokaḥ ||*

10. Но путем северного солнцестояния идут души, которые снискали Дух через святость и знание, веру и воздержание, ибо они завоевывают себе небеса Солнца. Там место отдыха дыханий, там бессмертие отвергает страх, там высочайшее небо духов: оттуда не возвращается ни одна душа — потому есть эта стена и препона. Об этом гласит Писание:

¹ Или — «путь Предков» (прим. ред.).

पञ्चपादं पितरं द्वादशाकृतिं दिव आहुः परे अर्धे पुरीषिणम् ।
अथेमे अन्य उ परे विचक्षणं सप्तचक्रे षडर आहुरर्पितमिति ॥११॥

*pañcapādaṁ pitaraṁ dvādaśākṛtiṁ diva āhuḥ pare ardhe purīṣiṇam ।
atheme anya u pare vicakṣaṇaṁ saptaçakre ṣaḍara āhurarpitamiti ॥*

11. “Пятичастен, одни говорят, Прародитель, и у него двенадцать обликов, и он течет в верхней полусфере превыше небес; другие же говорят о нем как о Мудрости, помещенной в колеснице с шестью спицами и семью колесами”.

मासो वै प्रजापतिस्तस्य कृष्णपक्ष एव रयिः शुक्लः प्राणस्तस्मादेत
ऋषयः शुक्ल इष्टं कुर्वन्तीतर इतरस्मिन् ॥१२॥

*māso vai prajāpatistasya kṛṣṇapakṣa eva rayiḥ śuklaḥ prāṇastasmādetā
ṛṣayaḥ śukla iṣṭaṁ kurvantītara itarasmin ॥*

12. Месяц есть тоже тот Вечный Прародитель, темная половина которого — Материя, Женщина, а светлая половина — Жизнь, Мужчина. Поэтому одни мудрецы совершают жертвоприношение в светлую половину, другие — в темную.

अहोरात्रो वै प्रजापतिस्तस्याहरेव प्राणो रात्रिरेव रयिः । प्राणं वा
एते प्रस्कन्दन्ति ये दिवा रत्या संयुज्यन्ते ब्रह्मचर्यमेव तद्यद्रात्रौ
रत्या संयुज्यन्ते ॥१३॥

*ahorātro vai prajāpatistasyāhareva prāṇo rātrireva rayiḥ । prāṇaṁ vā
ete praskandanti ye divā ratyā saṁyujyante, brahmacaryameva tadyadrātrau
ratyā saṁyujyante ॥*

13. День и ночь — тоже тот Вечный Прародитель, у которого день есть Жизнь, а ночь — Материя. Поэтому те вредят собственной жизни, кто получает радость с женщиной днем: кто ночью получает радость, поступает благочестиво.

अन्नं वै प्रजापतिस्ततो ह वै तद्रेतस्तस्मादिमाः प्रजाः प्रजायन्त
इति ॥१४ ॥

annaṁ vai prajāpatistato ha vai tadretastasmādimāḥ prajāḥ prajāyanta iti ॥

14. Пища есть Вечный Прародитель, ибо от нее — то семя, а из семени рожден мир творений.

तद्ये ह वै तत्प्रजापतिव्रतं चरन्ति ते मिथुनमुत्पादयन्ते ।
तेषामैवैष ब्रह्मलोको येषां तपो ब्रह्मचर्यं येषु सत्यं प्रतिष्ठितम् ॥१५ ॥

*tadye ha vai tatprajāpativrataṁ caranti te mīthunamutpādayante ।
teṣāmevaiṣa brahmaloko yeṣāṁ tapo brahmacaryaṁ yeṣu satyaṁ pratiṣṭhitam ॥*

15. Поэтому те, кто следует завету Вечного Прародителя, порождают пары творений. Но тем принадлежит небо духа, в ком утверждены воздержание и святость и в ком Истина обрела обитель.

तेषामसौ विरजो ब्रह्मलोको न येषु जिह्वमनृतं न माया चेति ॥१६ ॥

teṣāmasau virajo brahmaloko na yeṣu jihvamamṛtaṁ na māyā ceti ॥

16. Тем принадлежит небо Духа, мир непорочный, в ком нет ни криво-душия, ни лжи, ни заблуждения никакого».

В О П Р О С В Т О Р О Й

अथ हैनं भार्गवो वैदर्भिः पप्रच्छ । भगवन् कत्येव देवाः प्रजां
विधारयन्ते कतर एतत्प्रकाशयन्ते कः पुनरेषां वरिष्ठः इति ॥१॥

*atha hainam bhārgavo vaidarbhiḥ papraccha | bhagavan ka tyeva devāḥ prajāṁ
vidhārayante? katara etatprakāśayante? kaḥ punareṣāṁ varīṣṭhaḥ? iti ||*

1. Тогда Бхаргава из Видарбхи спросил его: «Господин, сколько Богов поддерживают это создание, сколько освещают его и какой же из них самый могущественный?»

तस्मै स होवाचाकाशो ह वा एष देवो वायुरग्निरापः पृथिवी वाङ्-
मनश्चक्षुः श्रोत्रं च । ते प्रकाश्याभिवदन्ति वयमेतद्भागमवष्टभ्य
विधारयामः ॥२॥

*tasmai sa hovācākāśo ha vā eṣa devo vāyuragnirāpaḥ pṛthivī vāṅ-
manaścakṣuḥ śrotraṁ ca | te prakāśyābhivadanti vayametadbhāgamavaṣṭabhya
vidhārayāmaḥ ||*

2. Ответствовал ему риши Пиппалада: «Вот эти Боги: Эфир, и Ветер, и Огонь, и Вода, и Земля, и Речь, и Ум, и Зрение, и Слух. Эти девяттеро освещают это создание; поэтому они восхвалили себя — “Мы, воистину мы поддерживаем эту Божью арфу, и мы есть сохранители”».

तान् वरिष्ठः प्राण उवाच । मा मोहमापद्यथ अहमेवैतत्पञ्चधा-
त्मानं प्रविभज्यैतद्भागमवष्टभ्य विधारयामीति तेऽश्रद्धधाना
बभूवुः ॥३॥

*tān varīṣṭhaḥ prāṇa uvāca | mā mohamāpadyatha ahamevaitatpañcadhā-
tmānaṁ pravibhajyaitadbhāgamavaṣṭabhya vidhārayāmīti; te 'śraddadhānā
babhūvuḥ ||*

3. Тогда сказало Дыхание, из них могущественнейшее: «Не впадайте в заблуждение: я, разделившись на эти пять частей, поддерживаю эту Божью арфу, я ее хранитель». Но они не поверили ему.

सोऽभिमानादूर्ध्वमुत्क्रामत इव तस्मिन्नुत्क्रामत्यथेतरे सर्व
 एवोत्क्रामन्ते तस्मिँश्च प्रतिष्ठमाने सर्व एव प्रतिष्ठन्ते । तद्यथा
 मक्षिका मधुकरराजानमुत्क्रामन्तं सर्वा एवोत्क्रामन्ते तस्मिँश्च
 प्रतिष्ठमाने सर्वा एव प्रतिष्ठन्त एवं वाङ्मनश्चक्षुःश्रोत्रं च ते
 प्रीताः प्राणं स्तुन्वन्ति ॥५॥

*so'bhimānādūrdhvamutkrāmata iva; tasminnutkrāmatyathetare sarva
 evotkrāmante, tasmimśca pratiṣṭhamāne sarva eva pratiṣṭhante । tadyathā
 makṣikā madhukararājānamutkrāmantaṁ sarvā evotkrāmante, tasmimśca
 pratiṣṭhamāne sarvā eva pratiṣṭhanta evaṁ vāṅmanaścakṣuḥśrotraṁ ca, te
 prītāḥ prāṇaṁ stunvanti ॥*

4. Поэтому, оскорбленное, оно поднялось; оно стало покидать тело. Но когда Дыхание уходит, тогда уходят все другие с ним, а когда Дыхание на месте, на месте и все другие; поэтому, как у пчел с царем пчел — когда он улетает, все вылетают за ним, а когда он на месте, то и все остаются с ним, — так было с Речью, с Умом, Зрением и Слухом; тогда, вполне удовлетворенные, они восславили Дыхание, дабы почтить его:

एषोऽग्निस्तपत्येष सूर्य एष पर्जन्यो मघवानेष वायुः ।
 एष पृथिवी रयिर्देवः सदसच्चामृतं च यत् ॥५॥

*eṣo'gnistapatyēṣa sūrya eṣa parjanya maghavāneṣa vāyuh ।
 eṣa pṛthivī rayirdevaḥ sadasaccāmṛtaṁ ca yat ॥*

5. “Воистину это Дыхание есть Огонь и Солнце, которое жжет, Дождь, и Индра, и Земля, и Воздух, Материя и Бог, Форма и Бесформенность, и Бессмертие.

अरा इव रथनाभौ प्राणे सर्वं प्रतिष्ठितम् ।
ऋचो यजूषि सामानि यज्ञः क्षत्रं ब्रह्म च ॥६॥

*arā iva rathanābhau prāṇe sarvaṁ pratiṣṭhitam ।
rco yajūṁṣi sāmāni yajñāḥ kṣatram brahma ca ॥*

6. Как спицы сходятся в ступице колеса, так все утверждено в Дыхании, Ригведа и Яджурведа, и Самаведа, и Жертвоприношение, и Браминство, и Кшатрийство.

प्रजापतिश्चरसि गर्भे त्वमेव प्रतिजायसे । तुभ्यं प्राण प्रजास्त्विमा
बलिं हरन्ति यः प्राणैः प्रतितिष्ठसि ॥७॥

*prajāpatiścarasi garbhe tvameva pratijāyase । tubhyaṁ prāṇa prajāstvimā
baliṁ haranti yaḥ prāṇaiḥ pratitiṣṭhasi ॥*

7. Как Вечный Прародитель ты движешься в лоне и рождаешься в образе родительском. Тебе, о Жизнь, мир творений возжигает приношения, тебе, кто живет дыханиями.

देवानामसि वह्नितमः पितृणां प्रथमा स्वधा ।
ऋषीणां चरितं सत्यमथर्वाङ्गिरसामसि ॥८॥

*devānāmasi vahnitamah pitṛṇām prathamā svadhā ।
ṛṣiṇām caritaṁ satyamatharvāṅgirasāmasi ॥*

8. Из всех Богов ты сильнейший и свирепейший, и предкам ты есть первое возлияние; ты есть истина и добродетель мудрецов, и ты есть Атхарван среди сынов Ангираса.

इन्द्रस्त्वं प्राण तेजसा रुद्रोऽसि परिरक्षिता ।
त्वमन्तरिक्षे चरसि सूर्यस्त्वं ज्योतिषां पतिः ॥९॥

*indrastvaṁ prāṇa tejasā rudro'si parirakṣitā ।
tvamantarikṣe carasi sūryastvaṁ jyotiṣāṁ patiḥ ॥*

9. Ты есть Индра, о Дыхание, по своему блеску и энергии, ты есть Рудра, ибо ты охраняешь, ты шагаешь в небе как Солнце, это царственное светило.

यदा त्वमभिवर्षस्यथेमाः प्राण ते प्रजाः ।
आनन्दरूपास्तिष्ठन्ति कामायान्नं भविष्यतीति ॥१०॥

*yadā tvamabhivarṣasyathemāḥ prāṇa te prajāḥ ।
ānandarūpāstiṣṭhanti kāmāyānnaṁ bhaviṣyatīti ॥*

10. Когда ты, о Дыхание, проливаешься дождем, твои создания исполнены радости, потому что будет зерно по желанию их сердца.

व्रात्यस्त्वं प्राणैर्कर्षिरत्ता विश्वस्य सत्पतिः ।
वयमाद्यस्य दातारः पिता त्वं मातरिश्च नः ॥११॥

*vrātyastvaṁ prāṇaikarṣirattā viśvasya satpatiḥ ।
vayamādyasya dātāraḥ pitā tvam mātariśva naḥ ॥*

11. Ты есть, о Дыхание, неочищенное, и ты есть Огонь, чистота единственная, пожиратель всего и повелитель существований. Мы податели того, что ты поедаеть, ибо ты, Матарिशван, есть наш Прародитель.

या ते तनूर्वाचि प्रतिष्ठिता या श्रोत्रे या च चक्षुषि ।
या च मनसि सन्तता शिवां तां कुरु मोत्कामीः ॥१२॥

*yā te tanūrvāci pratiṣṭhitā yā śrotre yā ca cakṣuṣi ।
yā ca manasi santatā śivāṁ tāṁ kuru motkāmīḥ ॥*

12. То тело твое, которое утверждено в речи, зрении и слухе и простирается в уме, его сделай благодатным; о Жизнь, не уходи от нас!

प्राणस्येदं वशे सर्वं त्रिदिवे यत् प्रतिष्ठितम् ।
 मातेव पुत्रान् रक्षस्व श्रीश्च प्रज्ञां च विधेहि न इति ॥१३॥

*prāṇasyedaṁ vaśe sarvaṁ tridive yat pratiṣṭhitam ।
 māteva putrān rakṣasva śrīśca prajñāṁ ca vidhehi na iti ॥*

13. Ибо вся эта Вселенная, поистине все, что утверждено в небесах, Дыханию подчинено; оберегай нас, как мать следит за своими детьми малыми, дай нам благоденствие и красоту, дай нам Мудрость!”».

ВОПРОС ТРЕТИЙ

अथ हैनं कौसल्यश्चाश्वलायनः पप्रच्छ । भगवन् कुत एष प्राणो
जायते कथमायात्यस्मिञ्शरीरे आत्मानं वा प्रविभज्य कथं प्रातिष्ठते
केनोत्क्रमते कथं बाह्यमभिधत्ते कथमध्यात्ममिति ॥१॥

*atha hainaṁ kausalyaścāśvalāyanaḥ papraccha । bhagavan kuta eṣa prāṇo
jāyate kathamāyātyasmiñśarīre, ātmānaṁ vā pravibhajya katham prātiṣṭhate
kenotkramate katham bāhyamabhidhatte kathamadhyātmamiti ॥*

1. Тогда Кошалан, сын Ашвалы, спросил его: «Господин, откуда рождается эта Жизнь? Как входит она в это тело или как пребывает, разделив себя? Каким путем уходит или как поддерживает внешнее и как внутреннее духовное?»

तस्मै स होवाचातिप्रश्नान् पृच्छसि ब्रह्मिष्ठोऽसीति तस्मात्तेऽहं ब्रवीमि ॥२॥

tasmai sa hovācātipraśnān pṛcchasi brahmiṣṭho'sīti tasmātte'haṁ bravīmi ॥

2. Ответствовал ему риши Пиппалада: «О многих и трудных вещах спрашиваешь ты, но поскольку ты отличаешься праведностью, я расскажу тебе.

आत्मन एष प्राणो जायते । यथैषा पुरुषे छायैतस्मिन्नेतदाततं
मनोकृतेनायात्यस्मिञ्शरीरे ॥३॥

*ātmana eṣa prāṇo jāyate । yathaiṣā puruṣe chāyaitasminnetadātataṁ
manokṛtenāyātyasmiñśarīre ॥*

3. От Духа рождается это дыхание Жизни; как тень отбрасывается человеком, так эта Жизнь простирается в Духе и действием Ума входит в это тело.

यथा सम्राडेवाधिकृतान् विनियुङ्क्ते । एतान् ग्रामानेतान् ग्रामानधि-
तिष्ठस्वेत्येवमेवैष प्राण इतरान् प्राणान् पृथक्पृथगेव सन्निधत्ते ॥४ ॥

yathā samrāḍevādhiḥkṛtān viniyuṅkte | etān grāmānetān grāmānadhitiṣṭhasvetyevamevaiṣa prāṇa itarān prāṇān pṛthakpṛthageva sannidhatte ॥

4. Как правитель распоряжается своими подданными и говорит одному: “Управляй за меня этими деревнями”, а другому: “Теми деревнями управляй за меня”, так и это дыхание, Жизнь, назначает другие дыхания, каждое в свою область.

पायूपस्थेऽपानं चक्षुःश्रोत्रे मुखनासिकाभ्यां प्राणः स्वयं
प्रातिष्ठते मध्ये तु समानः । एष ह्येतद्धृतमन्नं समं नयति
तस्मादेताः सप्तार्चिषो भवन्ति ॥५ ॥

*pāyūpasthe'pānam cakṣuḥśrotre mukhanāsikābhyāṁ prāṇaḥ svayaṁ
prātiṣṭhate madhye tu samānaḥ | eṣa hyetaddhutamannaṁ samaṁ nayati
tasmādetāḥ saptārciṣo bhavanti ॥*

5. В заднем проходе и органе удовольствия — дыхание, идущее вниз; в глазах и в ушах, во рту и в носу помещается само главное дыхание; а срединное дыхание — посредине. Это оно поровну распределяет сожженное приношение пищи; от него рождаются семь огней.

हृदि ह्येष आत्मा । अत्रैतदेकशतं नाडीनां तासां शतं शतमेकैकस्यां
द्वासप्ततिर्द्वासप्ततिः प्रतिशाखानाडीसहस्राणि भवन्त्यासु व्यानश्चरति ॥६ ॥

*hṛdi hyeṣa ātmā | atraitadekaśataṁ nāḍīnāṁ tāsāṁ śataṁ śatamekaikasyāṁ
dvāsaptatirdvāsaptatiḥ | pratiśākhānāḍīsahasrāṇi bhavantyāsu vyānaścarati ॥*

6. Дух этот находится в сердце, и в сердце есть сто и один нерв, у каждого нерва есть по сто ответвлений, а у каждого ответвления есть по семьдесят две тысячи своих ответвлений; по ним распределяющее дыхание движется по всему телу.

अथैकयोर्ध्व उदानः पुण्येन पुण्यं लोकं नयति ।
पापेन पापमुभाभ्यामेव मनुष्यलोकम् ॥७॥

*athaikayordhva udānaḥ puṇyena puṇyaṁ lokam nayati ।
pāpena pāpamubhābhyaṁeva manuṣyalokam ॥*

7. Среди этого множества нервов есть один, через который исходит дыхание, идущее вверх, и оно благодаря добродетели ведет к небу добродетели, из-за греха ведет в ад греха, а смешанным грехом и праведностью возвращает человека в мир людей.

आदित्यो ह वै बाह्यः प्राण उदयत्येष ह्येनं चाक्षुषं प्राणमनुगृह्णानः ।
पृथिव्यां या देवता सैषा पुरुषस्यापानमवष्टभ्यान्तरा यदाकाशः
स समानो वायुर्व्यानः ॥८॥

*ādityo ha vai bāhyaḥ prāṇa udayatyēṣa hyenaṁ cākṣuṣaṁ prāṇamanugrḥṇānaḥ ।
pṛthivyāṁ yā devatā saiṣā puruṣasyāpānamavaṣṭabhyañtarā yadākāśaḥ
sa samāno vāyurvyaṇaḥ ॥*

8. Солнце есть главное дыхание вне этого тела, ибо оно питает око при восходе. То божество, что в земле, привлекает идущее вниз дыхание человека, эфир посредине — срединное дыхание; воздух — дыхание, разлитое по телу.

तेजो ह वा उदानस्तस्मादुपशान्ततेजाः पुनर्भवमिन्द्रियैर्मनसि
सम्पद्यमानैः ॥९॥

*tejo ha vā udānastasmādupaśāntatejāḥ punarbhavamindriyairmanasi
sampadyamānaiḥ ॥*

9. Свет, изначальная энергия, есть дыхание, идущее вверх, поэтому когда свет и жар в человеке истощаются, его чувства отступают в ум и с ними он уходит в другое рождение.

यच्चित्तस्तेनैष प्राणमायाति प्राणस्तेजसा युक्तः । सहात्मना यथा-
सङ्कल्पितं लोकं नयति ॥१०॥

*yaccittastenaīṣa prāṇamāyāti prāṇastejasā yuktaḥ | sahātmanā yathā-
saṅkalpitaṁ lokaṁ nayati ||*

10. Каков есть ум человека, с этим умом он находит пристанище в дыхании, когда умирает, и дыхание и верхнее дыхание ведут его с Духом внутри него в мир его воображения.

य एवं विद्वान् प्राणं वेद । न हास्य प्रजा हीयतेऽमृतो भवति तदेष
श्लोकः ॥११॥

*ya evaṁ vidvān prāṇaṁ veda | na hāsya prajā hīyate'amṛto bhavati tadeṣa
ślokaḥ ||*

11. У мудрого человека, который знает это о дыхании, потомство не прекращается, и он становится бессмертен. Об этом гласит Писание:

उत्पत्तिमायतिं स्थानं विभुत्वं चैव पञ्चधा ।
अध्यात्मं चैव प्राणस्य विज्ञायामृतमश्नुते विज्ञायामृतमश्नुत इति ॥१२॥

*utpattimāyatiṁ sthānaṁ vibhutaṁ caiva pañcadhā |
adhyātmaṁ caiva prāṇasya vijñāyāmṛtamaśnute vijñāyāmṛtamaśnuta iti ||*

12. “Зная возникновение Дыхания, его появление, его пребывание и его господство в пяти частях, а также его отношение к Духу, человек испытает бессмертие”».

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ

अथ हैनं सौर्यायणी गार्ग्यः पप्रच्छ । भगवन्नेतस्मिन् पुरुषे कानि
स्वपन्ति कान्यस्मिञ्जाग्रति कतर एष देवः स्वप्नान् पश्यति
कस्यैतत्सुखं भवति कस्मिन्नु सर्वे संप्रतिष्ठिता भवन्तीति ॥१॥

*atha hainam sauryāyaṇī gārgyaḥ papraccha | bhagavannetasmin puruṣe kāni
svapanti? kānyasmiñjāgrati? katara eṣa devaḥ svapnān paśyati?
kasyaitatsukham bhavati? kasminnu sarve sampratiṣṭhitā bhavantīti ||*

1. Тогда Гаргья из Солнечного рода спросил его: «Господин, кто те, что спят в этом Существующем, и кто те, что бодрствуют? Кто этот бог, что видит сны, или у кого бывает это счастье? В ком все они исчезают?»

तस्मै स होवाच । यथ गार्ग्य मरीचयोऽर्कस्यास्तं गच्छतः सर्वा
एतस्मिंस्तेजोमण्डल एकीभवन्ति । ताः पुनः पुनरुदयतः प्रचरन्त्येवं
ह वै तत् सर्वं परे देवे मनस्येकीभवति । तेन तर्ह्येष पुरुषो न
शृणोति न पश्यति न जिघ्रति न रसयते न स्पृशते नाभिवदते नादत्ते
नानन्दयते न विसृजते नेयायते स्वपितीत्याचक्षते ॥२॥

*tasmai sa hovaca | yatha gārgya marīcayo'rkasyāstaṁ gacchataḥ sarvā
etasmim̐stejomaṇḍala ekībhavanti | tāḥ punaḥ punarudayataḥ pracarantyevaṁ
ha vai tat sarvaṁ pare deve manasyekībhavati | tena tarhyeṣa puruṣo na
śṛṇoti na paśyati na jighrati na rasayate na sprśate nābhivadate nādatte
nānandayate na visṛjate neyāyate svapitītyācakṣate ||*

2. Ему ответствовал риши Пиппалада: «О Гаргья, как лучи солнца на закате, ибо они отступают и все становятся едины в одном блистающем диске, но опять расходятся, когда оно снова восходит, так все в человеке становится единым в высочайшем боге — разуме. Тогда воистину это существо не видит и не слышит, не обоняет, не ощущает вкуса, не осязает, не говорит ничего, не берет и не дает, не приходит, не уходит: не чувствует никакого счастья. Тогда о нем говорят: “Он спит”».

प्राणान्नय एवैतस्मिन् पुरे जाग्रति । गार्हपत्यो ह वा एषोऽपानो व्यानो-
ऽन्वाहार्यपचनो यद् गार्हपत्यात् प्रणीयते प्रणयनादाहवनीयः प्राणः ॥३॥

*prāṇāgnaya evaitasmin pure jāgrati | gārhapatyo ha vā eṣo'pāno vyāno-
'nvāhāryapacano yad gārhapatyāt praṇīyate praṇayanādāhavanīyaḥ prāṇaḥ ||*

3. Но огни дыхания бодрствуют в этом спящем городе. Идущее вниз дыхание — это огонь домашнего очага, и дыхание, разлитое по телу, — огонь Ларов, который горит на юге. Главное дыхание — это восточный огонь жертвоприношения; и так же как восточный огонь питается топливом западного, в глубоком сне человека главное дыхание заимствует у дыхания, идущего вниз.

यदुच्छ्वासनिःश्वासावेतावाहुती समं नयतीति स समानः । मनो ह
वाव यजमानः इष्टफलमेवोदानः स एनं यजमानमहरहर्ब्रह्म
गमयति ॥४॥

*yaducchvāsaniḥśvāsāvetāvāhūtī samam nayatīti sa samānaḥ | mano ha
vāva yajamānaḥ iṣṭaphalamevodānaḥ sa enaṁ yajamānamaharahrabrahma
gamayati ||*

4. Но срединное дыхание есть жрец, вершитель жертвоприношения, ибо уравнивает приношение вдоха и приношение выдоха. Ум есть жертвователь, а верхнее дыхание есть плод жертвоприношения, ибо оно день за днем приводит жертвователя в присутствие Вечного.

अत्रैष देवः स्वप्ने महिमानमनुभवति । यद् दृष्टं दृष्टमनुपश्यति
श्रुतं श्रुतमेवार्थमनुशृणोति देशदिगन्तरैश्च प्रत्यनुभूतं पुनः
पुनः प्रत्यनुभवति दृष्टं चादृष्टं च श्रुतं चाश्रुतं चानुभूतं
चानुभूतं च स्वासच्च सर्वं पश्यति सर्वः पश्यति ॥५॥

*atraiṣa devaḥ svapne mahimānamanubhavati | yad dṛṣṭam dṛṣṭamanupaśyati
śrutam śrutamevārthamanuśṛṇoti deśadigantaraiśca pratyanubhūtam punaḥ
punaḥ pratyanubhavati dṛṣṭam cādṛṣṭam ca śrutam cāśrutam cānubhūtam
cānanubhūtam ca saccāsacca sarvaṁ paśyati sarvaḥ paśyati ||*

5. И так Ум в сновидении наслаждается великолепием своего воображения. Все, что он видел, он будто видит снова, и все услышанное им он слышит вновь; поистине все, что он ощущал и думал, и знал во многих землях и разных краях, это он переживает опять в сновидениях. Что он видел и что не видел, что он слышал и что не слышал, что он познал и что не познал, что есть и чего нет — все, все он видит, ибо Ум есть Вселенная.

स यदा तेजसाभिभूतो भवत्यत्रैष देवः स्वप्नान् न पश्यत्यथ तदै-
तस्मिञ्शरीर एतत्सुखं भवति ॥६॥

*sa yadā tejasābhibhūto bhavatyatraiṣa devaḥ svapnān na paśyatyatha tadai-
tasmīñśarīra etatsukhaṁ bhavati ॥*

6. Но когда его переполняет свет, тогда Ум, этот Бог, долее не видит сны; тогда в этом теле он обретает счастье.

स यथा सोम्य वयांसि वासोवृक्षं संप्रतिष्ठन्ते एवं ह वै तत् सर्वं
पर आत्मनि संप्रतिष्ठते ॥७॥

*sa yathā somya vayānsi vāsovr̥kṣaṁ saṁpratiṣṭhante, evaṁ ha vai tat sarvaṁ
para ātmani saṁpratiṣṭhate ॥*

7. О благочестивый сын, подобно тому, как птицы слетаются к дереву — своему жилищу, так и эти все уходят в Наивысший Дух:

पृथिवी च पृथिवीमात्रा चापश्चापोमात्रा च तेजश्च तेजोमात्रा च वायुश्च
वायुमात्रा चाकाशश्चाकाशमात्रा च चक्षुश्च द्रष्टव्यं च श्रोत्रं च
श्रोतव्यं च घ्राणं च घ्रातव्यं च रसश्च रसयितव्यं च त्वक्
स्पर्शयितव्यं च वाक् वक्तव्यं च हस्तौ चादातव्यं चोपस्थश्चा-
नन्दयितव्यं च पायुश्च विसर्जयितव्यं च पादौ च गन्तव्यं च
मनश्च मन्तव्यं च बुद्धिश्च बोद्धव्यं चाहंकारश्चाहंकर्तव्यं
च चित्तं च चेतयितव्यं च तेजश्च विद्योतयितव्यं च प्राणश्च
विधारयितव्यं च ॥८॥

pr̥thivī ca pr̥thivīmātrā cāpaścāpomātrā ca, tejaśca tejomātrā ca vāyuśca vāyumātrā cākāśaścākāśamātrā ca cakṣuśca draṣṭavyaṁ ca śrotraṁ ca śrotavyaṁ ca ghrāṇaṁ ca ghrātavyaṁ ca rasaśca rasayitavyaṁ ca tvakca sparśayitavyaṁ ca vākca vaktavyaṁ ca hastau cādātavyaṁ copasthaścānandayitavyaṁ ca pāyuśca visarjayitavyaṁ ca pādau ca gantavyaṁ ca manaśca mantavyaṁ ca buddhiśca boddhavyaṁ cāhankāraścāhankartavyaṁ ca, cittaṁ ca cetayitavyaṁ ca tejaśca vidyotayitavyaṁ ca prāṇaśca vidhārayitavyaṁ ca ॥

8. Земля и составляющие земли, вода и составляющие воды, свет и составляющие света, воздух и составляющие воздуха, эфир и составляющие эфира; глаз и видимое им, ухо и слышимое им, обоняние и обоняемое им, вкус и вкушаемое им, кожа и осязаемое ею, речь и то, что должно быть сказано, две руки и то, что берется, орган удовольствия и его наслаждения, задний проход и его испражнения, ноги и их хождения, ум и его чувствования, разум и его понимания, ощущение Эго и то, что ощущается как Эго, сознательное сердце и сознаваемое им, свет и освещаемое им, Жизнь и все, что она поддерживает.

एष हि द्रष्टा स्प्रष्टा श्रोता घ्राता रसयिता मन्ता बोद्धा कर्ता विज्ञानात्मा
पुरुषः । स परेऽक्षर आत्मनि संप्रतिष्ठते ॥९॥

eṣa hi draṣṭā spraṣṭā śrotā ghrātā rasayitā mantā boddha karta vijñānātmā puruṣaḥ | sa pare'kṣara ātmani saṁpratiṣṭhate ॥

9. Ибо то, что видит и осязает, слышит, обоняет, пробует на вкус, чувствует, понимает, действует, есть распознающее «я», Муж внутри. Это тоже уходит в Высшее «Я», которое есть Непреходящее.

परमेवाक्षरं प्रतिपद्यते स यो ह वै तदच्छायमशरीरमलोहितं
शुभ्रमक्षरं वेदयते यस्तु सोम्य स सर्वज्ञः सर्वो भवति तदेष
श्लोकः ॥१०॥

*paramevākṣaram pratipadyate sa yo ha vai tadacchāyamaśarīramalohitaṁ
śubhramakṣaram vedayate yastu somya sa sarvajñaḥ sarvo bhavati tadeṣa
ślokaḥ ॥*

10. Тот, кто знает Дух, лишенный тени, бесцветный, бестелесный, светозарный и непреходящий, достигает Непреходящего, самого Наивысшего. О благочестивый сын, он знает Все и становится Всем. Об этом сказано в Писании:

विज्ञानात्मा सह देवैश्च सर्वैः प्राणा भूतानि संप्रतिष्ठन्ति यत्र ।
तदक्षरं वेदयते यस्तु सोम्य स सर्वज्ञः सर्वमेवाविवेशेति ॥११॥

*vijñānātmā saha devaiṣca sarvaiḥ prāṇā bhūtāni sampratiṣṭhanti yatra ।
tadakṣaram vedayate yastu somya sa sarvajñaḥ sarvamevāviveśeti ॥*

11. “Тот, о прекрасный сын, кто знает Непреходящее, в которое уходит распознающее ‘я’ и все Боги, и жизненные дыхания, и первоначала, — знает Вселенную!..”».

ВОПРОС ПЯТЫЙ

अथ हैनं शैब्यः सत्यकामः पप्रच्छ स यो ह वै तद् भगवन्
मनुष्येषु प्रायणान्तमोङ्कारमभिध्यायीत कतमं वाव स तेन लोकं
जयतीति ॥१॥

*atha hainaṁ śaibyaḥ satyakāmaḥ ppraccha — sa yo ha vai tad bhagavan
manuṣyeṣu prāyaṇāntamoṅkāramabhidhyāyīta katamaṁ vāva sa tena lokam
jayatīti ॥*

1. Тогда Шайбья Сатьякама спросил его: «Господин, тот среди людей, кто до самой смерти сосредотачивается на слогѣ ОМ, какой из миров завоевывает он этим могуществом?»

तस्मै स होवाच एतद् वै सत्यकाम परं चापरं च ब्रह्म यदोङ्कारः ।
तस्माद् विद्वानेतेनैवायतनैकतरमन्वेति ॥२॥

*tasmai sa hovāca etad vai satyakāma param cāparam ca brahma yadoṅkārah ।
tasmād vidvānetenaivāyatanenaikataramanveti ॥*

2. Ему ответствовал риши Пиппалада: «Это Слово непреходящее, этот слог ОМ, о Сатьякама, есть Высший Брахман и также Низший. Поэтому мудрый человек, обретя свою обитель в этом Слове, достигает того или другого.

स यद्येकमात्रमभिध्यायीत स तेनैव संवेदितस्तूर्णमेव जगत्याभि-
सम्पद्यते । तमृचो मनुष्यलोकमुपनयन्ते स तत्र तपसा ब्रह्मचर्येण
श्रद्धया सम्पन्नो महिमानमनुभवति ॥३॥

*sa yadyekamātramabhidhyāyīta sa tenaiva saṁveditastūrṇameva jagatyābhi-
sampadyate । tamṛcho manuṣyalokamupanayante, sa tatra tapasā brahmacaryeṇa
śraddhayā sampanno mahimānamanubhavati ॥*

3. Если он сосредотачивается на одной букве слога ОМ, то, ею просвещенный, он быстро достигает материальной вселенной, и гимны Ригведы приводят его в мир людей; там, наделенный подвижничеством, и верой, и святостью, он испытывает величие.

अथ यदि द्विमात्रेण मनसि सम्पद्यते सोऽन्तरिक्षं यजुर्भिरुन्नीयते
सोमलोकम् । स सोमलोके विभूतिमनुभूय पुनरावर्तते ॥४ ॥

*atha yadi dvimātreṇa manasi sampadyate so'ntarikṣaṁ yajurbhirunnīyate
somalokam | sa somaloke vibhūtimanubhūy punarāvartate ॥*

4. Двумя же буквами этого слога он достигает ума, к небу он возвышается, и гимны Яджурведы приводят его в Лунный Мир. В небе Луны он испытывает величие своей души; затем он снова возвращается.

यः पुनरेतं त्रिमात्रेणौमित्येतेनैवाक्षरेण परं पुरुषमभिध्यायीत
स तेजसि सूर्ये संपन्नः । यथा पादोदरस्त्वचा विनिर्मुच्यत एवं ह वै
स पाप्मना विनिर्मुक्तः स सामभिरुन्नीयते ब्रह्मलोकं स एतस्माज्जीव-
घनात्परात्परं पुरिशयं पुरुषमीक्षते तदेतौ श्लोकौ भवतः ॥५ ॥

*yaḥ punaretaṁ trimātreṇaumityetenaivākṣareṇa paraṁ puruṣamabhidhyāyīta
sa tejasi sūrye saṁpannaḥ | yathā pādodarastvacā vinirmucyata evaṁ ha vai
sa pāpmanā vinirmuktaḥ sa sāmabhirunnīyate brahmalokaṁ sa etasmājjīva-
ghanātparātparaṁ puriśayaṁ puruṣamīkṣate tadetau ślokau bhavataḥ ॥*

5. Кто же всеми тремя буквами, всем этим слогом ОМ, сосредотачивается на Наивысшем Существо, тот упрочивает свои достижения в Солнечном Мире света и энергии; как змея сбрасывает с себя кожу, так он освобождается от грехов, и гимны Самаведы возводят его на небо Духа. Из этого Низшего, кто есть плотность существования, он прозревает Того, кто Выше Высочайшего, каждая форма которого есть город особый. Об этом есть стихи:

तिष्ठो मात्रा मृत्युमत्यः प्रयुक्ता अन्योन्यसक्ता अनविप्रयुक्ताः ।
क्रियासु बाह्यान्तरमध्यमासु सम्यक्प्रयुक्तासु न कम्पते ज्ञः ॥६॥

*tisro mātrā mṛtyumatyaḥ prayuktā anyonyasaktā anaviprayuktāḥ ।
kriyāsu bāhyāntaramadhyamāsu samyakprayuktāsu na kampate jñāḥ ॥*

6. “Дети смерти есть буквы, когда они употреблены как три, объемлющие и неразделимые, но мудрый не колеблется, ибо есть три рода трудов: внешний поступок, и внутреннее действие, и еще одно, которое есть сочетание обоих, и все они совершаются им должным образом, без страха и без трепета.

ऋग्भिरेतं यजुर्भिरन्तरिक्षं सामभिर्यत्तत्कवयो वेदयन्ते ।
तमोङ्कारेणैवायतनेनान्वेति विद्वान् यत्तच्छान्तमजरममृतमभयं
परं चेति ॥७॥

*ṛgbhiretaṁ yajurbhirantarikṣaṁ sāmabhiryattatkavayo vedayante ।
tamoṅkāreṇaivāyatanenānveti vidvān yattacchāntamajaramamṛtamabhayaṁ
paraṁ ceti ॥*

7. К земле Ригведа ведет, к небесам — Яджурведа, а Самаведа — к Тому, о чем ведают мудрецы. Того достигает мудрый, опираясь на слог ОМ, воистину, той Наивысшей Безмятежности, где нет старости и где страх отринут бессмертием”».

ВОПРОС ШЕСТОЙ

अथ हैनं सुकेशा भारद्वाजः पप्रच्छ । भगवन् हिरण्यनाभः
कौसल्यो राजपुत्रो मामुपेत्यैतं प्रश्नमपृच्छत षोडशकलं
भारद्वाज पुरुषं वेत्थ तमहं कुमारमब्रुवं नाहमिमं वेद
यद्यहमिममवेदिषं कथं ते नावक्ष्यमिति । समूलो वा एष परिशुष्यति
योऽनृतमभिवदति । तस्मान्नार्हाम्यनृतं वक्तुम् । स तूष्णीं रथमारुह्य
प्रवव्राज । तं त्वा पृच्छामि क्वासौ पुरुष इति ॥१॥

*atha hainam sukeśā bhāradvājaḥ papraccha | bhagavan hiraṇyanābhaḥ
kausalyo rājaputro māmupetyaitam praśnamapṛcchata — ṣoḍaśakalaṁ
bhāradvāja puruṣaṁ vettha? tamahaṁ kumāramabruvaṁ nāhamimam veda
yadyahamimamavediṣaṁ kathaṁ te nāvakṣyamiti | samūlo vā eṣa pariśuṣyati
yo 'nṛtamabhivadati | tasmānnārhāmyanṛtaṁ vaktum | sa tūṣṇīṁ rathamāruhya
pravavrāja | taṁ tvā pṛcchāmi kvāsau puruṣa iti ॥*

1. Тогда Сукеша Бхарадваджа спросил его: «Господин, Хираньянаб-
ха из Кошалы, царский сын, пришел ко мне и задал такой вопрос:
“О Бхарадваджа, ведом ли тебе тот Суший и шестнадцать частей
Его?” — и я ответил юноше: “Я не знаю Его, ибо если бы я знал
Его, поистине, я поведал бы тебе о Нем, но я не могу говорить тебе
неправду, ибо с корнем засохнет тот, кто произнесет неправду”.
В молчании он поднялся на свою колесницу и удалился. О Нем я
спрашиваю тебя — кто этот Суший?»

तस्मै स होवाच । इहैवान्तःशरीरे सोम्य स पुरुषो यस्मिन्नेताः षोडश
कलाः प्रभवन्तीति ॥२॥

*tasmai sa hovāca | ihavāntaḥśarīre somya sa puruṣo yasminnetāḥ ṣoḍaśa
kalāḥ prabhavantīti ॥*

2. Ему ответствовал риши Пиппалада: «О прекрасный сын, воистину,
здесь есть тот Суший, во внутреннем теле всякого создания, ибо
в Нем рождаются шестнадцать частей.

स ईक्षांचक्रे । कस्मिन्नहमुत्क्रान्त उत्क्रान्तो भविष्यामि कस्मिन् वा
प्रतिष्ठिते प्रतिष्ठास्यामीति ॥३॥

*sa ikṣāṃcakre | kasminnahamutkrānta utkrānto bhaviṣyāmi kasmin vā
pratiṣṭhite pratiṣṭhāsyāmīti ||*

3. Он — Тот Сущий — задумался: “Чем будет то, с чьим уходом я уйду из тела и с чьим пребыванием пребуду и я?”

स प्राणमसृजत । प्राणाच्छ्रद्धां खं वायुर्ज्योतिरापः पृथिवीन्द्रियं
मनोऽन्नमन्नद्वैर्यं तपो मन्त्राः कर्म लोका लोकेषु च नाम च ॥४॥

*sa prāṇamasṛjata | prāṇācchraddhām khaṃ vāyurjyotirāpaḥ pṛthivīndriyaṃ
mano'nnamannādvīryaṃ tapo mantrāḥ karma lokā lokeṣu ca nāma ca ||*

4. Тогда он сотворил Жизнь, а из Жизни — веру, затем эфир, потом — воздух, потом — свет, потом — воду, потом — землю, чувства и ум, и пищу, а из пищи — мужскую силу, а из мужской силы — подвижничество, а из подвижничества — стихи, полные мощи, а из них — действие, и миры — из действия, и имя в мирах: таким образом все родилось из Духа.

स यथेमा नद्यः स्यन्दमानाः समुद्रायणाः समुद्रं प्राप्यास्तं
गच्छन्ति भिद्येते तासां नामरूपे समुद्र इत्येवं प्रोच्यते । एवमेवास्य
परिद्रष्टुरिमाः षोडश कलाः पुरुषायणाः पुरुषं प्राप्यास्तं गच्छन्ति
भिद्येते चासां नामरूपे पुरुष इत्येवं प्रोच्यते स एषोऽकलोऽमृतो भवति
तदेष श्लोकः ॥५॥

*sa yathemā nadyaḥ syandamānāḥ samudrāyaṇāḥ samudraṃ prāpyāstaṃ
gacchanti bhidyete tāsāṃ nāmarūpe samudra ityevaṃ procyate | evamevāsya
paridraṣṭurimāḥ ṣoḍaśa kalāḥ puruṣāyaṇāḥ puruṣaṃ prāpyāstaṃ gacchanti;
bhidyete cāsāṃ nāmarūpe puruṣa ityevaṃ procyate sa eṣo'kalo'mṛto bhavati
tadeṣa ślokaḥ ||*

5. Поэтому как все эти реки текущие движутся к морю, а когда они достигают моря, то исчезают в нем, теряя и имя свое, и форму, и все

именуется лишь морем, так же все шестнадцать частей безмолвного, наблюдающего Духа направляются к этому Сушему, а когда достигают Сущего, исчезают в Нем, теряя и имя, и форму, и все именуется лишь Сущим: тогда Он — несчастный и бессмертный. Об этом гласит Писание:

अरा इव रथनाभौ कला यस्मिन् प्रतिष्ठिताः ।
तं वेद्यं पुरुषं वेद यथा मा वो मृत्युः परिव्यथा इति ॥६॥

*arā iva rathanābhau kalā yasmin pratiṣṭhitāḥ ।
taṁ vedyam puruṣam veda yathā mā vo mṛtyuḥ parivyathā iti ॥*

6. «Он, в ком части установлены, как спицы установлены в ступице колеса, Его знайте как Сущего, как Того, кто есть цель Знания, и смерть с ее мукой минует вас».

तान् होवाचैतावदेवाहमेतत् परं ब्रह्म वेद । नातः परमस्तीति ॥७॥

tān hovācāitāvadevāhametat param brahma veda । nātaḥ paramasīti ॥

7. И Пиппалада сказал им: «Вот все, что я знаю о Боге Самом Высоком, которого нет Превыше».

ते तमर्चयन्तस्त्वं हि नः पिता योऽस्माकमविद्यायाः परं पारं तारय-
सीति । नमः परमन्ऋषिभ्यो नमः परमन्ऋषिभ्यः ॥८॥

*te tamarçayantastvam hi naḥ pitā yo'smākamavidyāyāḥ param pāram tāraya-
sīti । namaḥ paramaṛṣibhyo namaḥ paramaṛṣibhyaḥ ॥*

8. И они восславили его: «Поистине, ты отец наш, кто переправил нас на другую сторону, за пределы Неведения!»
Поклон великим мудрецам, поклон!

ТАЙТТИРИЯ УПАНИШАДА

Тайттирия Упанишада

Ш И К Ш А В А Л Л И

ПЕРВАЯ ГЛАВА

हरिः ॐ ॥ शं नो मित्रः शं वरुणः । शं नो भवत्वय्यमा । शं न इन्द्रो
वृहस्पतिः । शं नो विष्णुरुक्रमः ॥ नमो ब्रह्मणे । नमस्ते वायो ।
त्वमेव प्रत्यक्षं ब्रह्मासि । त्वामेव प्रत्यक्षं ब्रह्म वदिष्यामि । ऋतं
वदिष्यामि । सत्यं वदिष्यामि । तन्मामवतु । तद्वक्तारमवतु । अवतु
माम् । अवतु वक्तारम् । ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥

*hariḥ OM ॥ śaṁ no mitraḥ śaṁ varuṇaḥ | śaṁ no bhavatvāyamā | śaṁ na indro
br̥haspatiḥ | śaṁ no viṣṇururukramaḥ ॥ namo brahmaṇe | namaste vāyo |
tvameva pratyakṣaṁ brahmāsi | tvāmeva pratyakṣaṁ brahma vadiṣyāmi | ṛtaṁ
vadiṣyāmi | satyaṁ vadiṣyāmi | tanmā mavatu | tadvaktāramavatu | avatu
mām | avatu vaktāram | OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ ॥*

Хари ОМ. Будь благосклонен к нам, Митра. Будь благосклонен к нам, Варуна. Будь благосклонен к нам, Арьяман. Будьте благосклонны к нам, Индра и Брихаспати. Да будет благосклонен к нам широко шагающий Вишну. Поклонение Вечному. Поклонение тебе, о Ваю. Ты, ты есть зримый Вечный, и как зримого Вечного я возглашу тебя. Я возглашу Праведность! Я возглашу Истину! Да защитит это меня! Да защитит это говорящего! Поистине, да защитит это меня! Да защитит это говорящего!

ОМ! Мир! Мир! Мир!

ВТОРАЯ ГЛАВА

ॐ शीक्षां व्याख्यास्यामः । वर्णः स्वरः । मात्रा बलम् । साम सन्तानः ।
इत्युक्तः शीक्षाध्यायः ॥

*OM śikṣām vyākhyāsyāmaḥ | varṇaḥ svaraḥ | mātrā balam | sāma santānaḥ |
ityuktaḥ śikṣādhyāyaḥ ॥*

ОМ. Мы изложим Шикшу, основы. Слог и Ударение, Долгота и Уси-
лие, Тон и Соединение — этими шестью мы огласили главу основ.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

सह नौ यशः । सह नौ ब्रह्मवर्चसम् । अथातः संहिताया उपनिषदं
व्याख्यास्यामः । पञ्चस्वधिकरणेषु । अधिलोकमधिज्यौतिषमधिविद्य-
मधिप्रजमध्यात्मम् । ता महासंहिता इत्याचक्षते ।

अथाधिलोकम् । पृथिवी पूर्वरूपम् । द्यौरुत्तररूपम् । आकाशः सन्धिः ।
वायुः सन्धानम् । इत्यधिलोकम् ।

अथाधिज्यौतिषम् । अग्निः पूर्वरूपम् । आदित्य उत्तररूपम् । आपः
सन्धिः । वैद्युतः सन्धानम् । इत्याधिज्यौतिषम् ।

अथाधिविद्यम् । आचार्यः पूर्वरूपम् । अन्तेवास्युत्तररूपम् । विद्या
सन्धिः । प्रवचनं सन्धानम् । इत्याधिविद्यम् ।

अथाधिप्रजम् । माता पूर्वरूपम् । पितोत्तररूपम् । प्रजा सन्धिः ।
प्रजननं सन्धानम् । इत्यधिप्रजम् ।

अथाध्यात्मम् । अधरा हनुः पूर्वरूपम् । उत्तरा हनुरुत्तररूपम् । वाक्
सन्धिः । जिह्वा सन्धानम् । इत्यध्यात्मम् ।

इतीमा महासंहिताः । य एवमेता महासंहिता व्याख्याता वेद । सन्धीयते
प्रजया पशुभिः । ब्रह्मवर्चसेनान्नाद्येन सुवर्ग्येण लोकेन ॥

*saha nau yaśaḥ | saha nau brahmavarçasam | athātaḥ saṁhitāyā upaṇiṣadam
vyākhyāsyāmaḥ | pañcasvadhikaraṇeṣu | adhilokamadhijyautiṣamadhividya-
madhiprajamadhyātmam | tā mahāsaṁhitā ityācakṣate |*

*athādhilokam | pṛthivī pūrvarūpam | dyauruttararūpam | ākāśaḥ sandhiḥ |
vāyuh sandhānam | ityadhilokam ||*

*athādhijyautiṣam | agniḥ pūrvarūpam | āditya uttararūpam | āpaḥ
sandhiḥ | vaidyutaḥ sandhānam | ityadhijyautiṣam |*

*athādhividyam | ācāryaḥ pūrvarūpam | antevāsyuttararūpam | vidyā
sandhiḥ | pravacanaṁ sandhānam | ityadhividyam |*

*athādhiprajam | mātā pūrvarūpam | pitottararūpam | prajā sandhiḥ |
prajananaṁ sandhānam | ityadhiprajam |*

*athādhyātmam | adharā hanuḥ pūrvarūpam | uttarā hanuruttararūpam | vāk
sandhiḥ | jihvā sandhānam | ityādhyātmam |*

*iṭmā mahāsamhitāḥ | ya evametā mahāsamhitā vyākhyātā veda | sandhīyate
prajāyā paśubhiḥ | brahmavarcasenānnādyena suvargyeṇa lokena ||*

Совместно да достигнем мы славы, совместно — к сиянию святости. Теперь мы перейдем к изложению сокровенного смысла Самхиты из пяти разделов: Относительно Миров; Относительно Сияющих Огней; Относительно Знания; Относительно Потомства; Относительно «Я». Они именуются великими Самхитами.

Теперь — относительно Миров. Земля есть первая форма, небеса есть вторая форма, эфир есть соединение, воздух есть средство соединения. Это — относительно Миров.

Затем — относительно Сияющих Огней. Огонь есть первая форма, Солнце есть последующая форма, воды есть соединение, разряд молнии есть средство соединения. Это — относительно Сияющих Огней.

Затем — относительно Знания. Учитель есть первая форма, ученик есть последующая форма, Знание есть соединение, наставление есть средство соединения. Это — относительно Знания.

Затем — относительно Потомства. Мать есть первая форма, отец есть последующая форма, Потомство есть соединение, акт воспроизводства есть средство соединения. Это — относительно Потомства.

Затем — относительно «Я». Верхняя челюсть есть первая форма, нижняя челюсть есть последующая форма, речь есть соединение, язык есть средство соединения. Это — относительно «Я».

Таковы великие Самхиты. Кто знает великие Самхиты, как мы их изложили, с тем соединено потомство, и богатство скота, и сияние святости, и пища, и все, что от пищи, и мир его высокого положения на небе.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

यश्छन्दसामृषभो विश्वरूपः । छन्दोभ्योऽध्यमृतात्सम्बभूव । स
मेन्द्रो मेधया स्पृणोतु । अमृतस्य देव धारणो भूयासम् । शरीरं मे
विचर्षणम् । जिह्वा मे मधुमत्तमा । कर्णाभ्यां भूरि विश्रुवम् ।
ब्रह्मणः कोशोऽसि मेधया पिहितः । श्रुतं मे गोपाय ।

आवहन्ती वितन्वाना । कुर्वाणा चीरमात्मनः । वासांसि मम गावश्च ।
अन्नपाने च सर्वदा । ततो मे श्रियमावह । लोमशां पशुभिः सह स्वाहा ।

आ मा यन्तु ब्रह्मचारिणः स्वाहा ।

वि मा यन्तु ब्रह्मचारिणः स्वाहा ।

प्र मा यन्तु ब्रह्मचारिणः स्वाहा ।

दमायन्तु ब्रह्मचारिणः स्वाहा ।

शमायन्तु ब्रह्मचारिणः स्वाहा ।

यशो जनेऽसानि स्वाहा ।

श्रेयान् वस्यसोऽसानि स्वाहा ।

तं त्वा भग प्रविशानि स्वाहा ।

स मा भग प्रविश स्वाहा ।

तस्मिन् सहस्रशाखे । नि भगाहं त्वयि मृजे स्वाहा ।

यथापः प्रवृता यन्ति । यथा मासा अहर्जरम् । एवं मां ब्रह्मचारिणो

धातरायन्तु सर्वतः स्वाहा ।

प्रतिवेशोऽसि । प्र मा भाहि । प्र मा पद्यस्व ॥

*yaśchandasāmṛṣabho viśvarūpaḥ | chandobhyo'dhyamṛtātsambabhūva | sa
mendro medhayā spr̥ṇotu | amṛtasya deva dhāraṇo bhūyāsam | śarīraṁ me
vicarṣaṇam | jihvā me madhumattamā | karṇābhyāṁ bhūri viśruvam |
brahmaṇaḥ kośo'si medhayā pihitaḥ | śrutam me gopāya |*

*āvahanī vitanvānā | kurvāṇā cīramātmanaḥ | vāsāṁsi mama gāvaśca |
annapāne ca sarvadā | tato me śriyamāvaha | lomaśāṁ paśubhiḥ saha svāhā |*

ā mā yantu brahmacāriṇaḥ svāhā |

vi mā yantu brahmacāriṇaḥ svāhā |

pra mā yantu brahmacāriṇaḥ svāhā |

damāyantu brahmacāriṇaḥ svāhā |

śamāyantu brahmacāriṇaḥ svāhā |

yaśo jane'sāni svāhā |

śreyān vasyaso'sāni svāhā |

taṁ tvā bhaga praviśāni svāhā |

sa mā bhaga praviśa svāhā |
tasmin sahasraśākhe | ni bhagāhaṁ tvayi mṛje svāhā |
yathāpaḥ pravatā yanti | yathā māsā aharjaram | evaṁ mām brahmacāriṇo
dhātarāyantu sarvataḥ svāhā |
pratīveśo'si | pra mā bhāhi | pra mā padyasva ||

Бык гимнов Веды, чья зримая форма есть вся эта Вселенная, он превыше Вед, возникший из того, что бессмертно, да увеличит Индра во мне разум, дабы укрепился я. О Боже, да стану я сосудом бессмертия. Да будет тело мое быстрым для всех трудов, да источит язык мой чистый мед. Да услышат уши мои обширное и многообразное знание. О Индра, ты — покров Вечного и завеса, которой действия мозга окутали Его; в цельности сохрани во мне священное знание, которое я изучил.

Она несет мне богатство и умножает его, воистину, она быстро создает мне одежду, и скот, и питье, и пищу сейчас, и всегда; так приведи ко мне Удачу с большим богатством руна и со скотом. Свага!

Да придут ко мне брахмачарины. Свага!

Отовсюду да придут ко мне брахмачарины. Свага!

Да направятся брахмачарины ко мне. Свага!

Да достигнут брахмачарины умения владеть собой. Свага!

Да буду я славен среди людей. Свага!

Да буду я первым из богатых. Свага!

О Благой Владыка, да войду я в то, что есть ты. Свага!

Да войдешь и ты в меня, о Сияющий. Свага!

Ты река с сотней рукавов, о Владыка Блага, да омоюсь я в тебе. Свага!

Как воды реки стекают по склону, как месяцы года поспешают к старости дней, о Господь питающий, так же да придут брахмачарины со всех краев ко мне. Свага!

О Боже, ты рядом со мной, ты пребываешь совсем близко от меня, приди же ко мне, будь моим светом и солнцем.

ПЯТАЯ ГЛАВА

भूर्भुवः सुवरिति वा एतास्तिस्त्रो व्याहृतयः । तासामु ह स्मैतां चतुर्थी
माहाचमस्यः प्रवेदयते । मह इति । तद् ब्रह्म । स आत्मा । अङ्गान्यन्या
देवताः ।

भूरिति वा अयं लोकः । भुव इत्यन्तरिक्षम् । सुवरित्यसौ लोकः । मह
इत्यादित्यः । आदित्येन वाव सर्वे लोका महीयन्ते ।

भूरिति वा अग्निः । भुव इति वायुः । सुवरित्यादित्यः । मह इति
चन्द्रमाः । चन्द्रमसा वाव सर्वाणि ज्योतीषि महीयन्ते ।

भूरिति वा ऋचः । भुव इति सामानि । सुवरिति यजूषि । मह इति ब्रह्म ।
ब्रह्मणा वाव सर्वे वेदा महीयन्ते ।

भूरिति वै प्राणः । भुव इत्यपानः । सुवरिति व्यानः । मह इत्यन्नम् ।
अन्नेन वाव सर्वे प्राणा महीयन्ते ।

ता वा एताश्चतस्रश्चतुर्धा । चतस्रश्चतस्रो व्याहृतयः । ता यो वेद ।
स वेद ब्रह्म । सर्वेऽस्मै देवा बलिमावहन्ति ॥

*bhūrbhuvah suvariti vā etāstisro vyāhṛtayaḥ | tāsāmu ha smaitām caturthīm
māhācamasyaḥ pravedayate | maha iti | tad brahma | sa ātmā | aṅgānyanya
devatāḥ |*

*bhūrīti vā ayaṁ lokaḥ | bhuva ityantarikṣam | suvarityasau lokaḥ | maha
ityādityaḥ | ādityena vāva sarve loka mahīyante |*

*bhūrīti vā agniḥ | bhuva iti vāyuḥ | suvarityādityaḥ | maha iti
candramāḥ | candramasā vāva sarvāṇi jyotīṁṣi mahīyante |*

*bhūrīti vā ṛcaḥ | bhuva iti sāmāni | suvariti yajūṁṣi | maha iti brahma |
brahmaṇā vāva sarve vedā mahīyante |*

*bhūrīti vai prāṇaḥ | bhuva ityapānaḥ | suvariti vyānaḥ | maha ityannam |
annena vāva sarve prāṇā mahīyante |*

*tā vā etāścatasraścaturdhā | catasraścatasro vyāhṛtayaḥ | tā yo veda |
sa veda brahma | sarve'smai devā balimāvahanti ॥*

Бхур, Бхувар и Сувар — это три Слова Его именованія. Воистину, риши Махачамасья поведал четвертое среди них, которое есть Махас. Это есть Брахман, это есть «Я», и другие боги есть члены его.

Бхур есть этот мир, Бхувар — воздушное пространство, Сувар — мир иной; Махас же есть Солнце. Благодаря Солнцу все эти миры возрастают и процветают.

Бхур есть Огонь; Бхувар есть Воздух; Сувар есть Солнце; Махас же это Луна. Благодаря Луне все эти светочи небес¹ возрастают и процветают.

Бхур есть гимны Ригведы; Бхувар есть гимны Самаведы; Сувар есть гимны Яджурведы; Махас же есть Вечный. Благодаря Вечному все эти Веды возрастают и процветают.

Бхур это главное дыхание; Бхувар это дыхание, идущее вниз; Сувар это дыхание-распространитель; Махас же есть пища. Благодаря пище все эти дыхания возрастают и процветают.

Таковы эти четыре и они есть четырежды четыре — четыре Слова Его именования и в каждом еще четыре. Кто знает их, знает Вечного, и ему все Боги несут приношения.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

स य एषोन्तर्हृदय आकाशः । तस्मिन्नयं पुरुषो मनोमयः । अमृतो
हिरण्मयः । अन्तरेण तालुके । य एष स्तन इवावलम्बते । सेन्द्रयोनिः ।
यत्रासौ केशान्तो विवर्तते । व्यपोह्य शीर्षकपाले ।

भूरित्यग्नौ प्रतितिष्ठति । भुव इति वायौ । सुवरित्यादित्ये । मह इति
ब्रह्मणि । आप्नोति स्वाराज्यम् । आप्नोति मनसस्पतिम् । वाक्पतिश्चक्षुष्पतिः ।
श्रोत्रपतिर्विज्ञानपतिः । एतत्ततो भवति । आकाशशरीरं ब्रह्म । सत्यात्म
प्राणारामं मन आनन्दम् । शान्तिसमृद्धममृतम् । इति प्राचीनयोग्योपास्व ॥

*sa ya eṣontarhṛdaya ākāśaḥ | tasminnayaṁ puruṣo manomayaḥ | amṛto
hiraṇmayāḥ | antareṇa tāluke | ya eṣa stana ivāvalambate | sendrayoniḥ |
yatrāsau keśānto vivartate | vyapohya śīrṣakapāle |*

*bhūrityagnau pratitiṣṭhati | bhuva iti vāyau | suvarityāditye | maha iti
rahmaṇi | āpnoti svārājyaṁ | āpnoti manasaspatim | vākpatiścakṣuṣpatiḥ |
śrotrapatirvijñānapatiḥ | etattato bhavati | ākāśaśarīraṁ brahma | satyātma
prāṇārāmaṁ mana ānandam | śāntisamṛddhamamṛtam | iti prācīnayogyopāśsva ॥*

Вот это небо эфира, что внутри сердца, там обитает Существо, которое всецело есть Ум, лучезарный и золотой Бессмертный. Между двумя

¹ Или — «сияющие огни».

сторонами неба то, что свисает как грудь женщины, есть лоно Индры; поистине, там где корни волос завиваются водоворотом, там он раздвигает череп и проталкивается сквозь него.

Как Бхур, Он установлен в Агни, как Бхувар — в Ваю, как Сувар — в Солнце, как Махас — в Вечном. Он достигает владычества Своего, становится Повелителем Ума; Он становится Повелителем Речи, Повелителем Зрения, Повелителем Слуха, Повелителем Знания. После этого Он становится Вечным, чье тело есть все эфирное пространство, чья душа есть Истина, чье блаженство в Уме, кто вкушает радость в Пране, Богатый в Безмятежности, Бессмертный. Таковым, о Сын древней Йоги, чти Его.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

पृथिव्यन्तरिक्षं द्यौर्दिशोऽवान्तरदिशाः । अग्निर्वायुरादित्यश्चन्द्रमा
नक्षत्राणि । आप ओषधयो वनस्पतय आकाश आत्मा । इत्यधिभूतम् ।
अथाध्यात्मम् । प्राणो व्यानोऽपान उदानः समानः ।
चक्षुः श्रोत्रं मनो वाक्त्वक् । चर्म मांससं स्नावास्थि मज्जा । एतदधि-
विधाय ऋषिरवोचत् । पाङ्कं वा इदं सर्वम् । पाङ्कैव पाङ्कं स्पृणोतीति ॥

*prthivyantarikṣaṁ dyaurdiśo'vāntaradiśāḥ | agnirvāyurādityaścandramā
nakṣatrāṇi | āpa oṣadhayo vanaspataya ākāśa ātmā | ityadhibhūtam |
athādhyātmam | prāṇo vyāno'pāna udānaḥ samānaḥ |
cakṣuḥ śrotraṁ mano vāktvak | carma māṁsaṁ snāvāsthi majjā | etadadhi-
vidhāya ṛṣiravocat | pāṅktaṁ vā idaṁ sarvam | pāṅktenaiva pāṅktaṁ sprṇotīti ॥*

Земля, воздушное пространство, небо, страны света и промежуточные страны света; Огонь, Воздух, Солнце, Луна и Созвездия; Воды, целебные травы, лесные деревья, эфир и «Я» во всем — эти три относительно сего внешнего творения.

Затем относительно «Я». Главное дыхание, среднее дыхание, нижнее дыхание, верхнее дыхание и дыхание-распространитель; глаз, ухо, ум, речь и кожа; шкура, мясо, мышца, кость и костный мозг. Таким образом риши разделил их и сказал: «Пятерична эта вселенная; пять и пять с пятью и пятью Он связует».

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

ओमिति ब्रह्म । ओमितीदं सर्वम् । ओमित्येतदनुकृतिर्ह स्म वा अप्यो
 श्रावयेत्याश्रावयन्ति । ओमिति सामानि गायन्ति । ओम् शोमिति शस्त्राणि
 शंसन्ति । ओमित्यध्वर्युः प्रतिगरं प्रतिगृणाति । ओमिति ब्रह्मा प्रसौति ।
 ओमित्यग्निहोत्रमनुजानाति । ओमिति ब्राह्मणः प्रवक्ष्यन्नाह ब्रह्मो-
 पाप्रवानीति । ब्रह्मैवोपाप्नोति ॥

*omiti brahma | omitīdaṁ sarvam | omityetadanukṛtirha sma vā apyo
 śrāvayetyāśrāvayanti | omiti sāmāni gāyanti | om śomiti śastrāṇi
 śamsanti | omityadhvaryuḥ pratigaram pratigrṇāti | omiti brahmā prasauti |
 omityagnihotramanujānāti | omiti brāhmaṇaḥ pravakṣyannāha brahmo-
 pāpnavānīti | brahmaivopāpnoti ॥*

ОМ есть Вечный, ОМ есть вся эта вселенная. ОМ есть слог согласия; говоря «ОМ! Да услышим!» — начинают повествование. Произнеся ОМ, поют гимны Самаведы; произнеся ОМ ШОМ, читают Шастру. Произнеся ОМ, жрец, совершающий обряд жертвоприношения, произносит ответное возгласие. С ОМ начинает Брахма творение¹. С ОМ дается согласие на возжигаемое приношение. Произнеся ОМ, Брамин прежде чем излагать Знание, возглашает: «Да взойду я к Вечному». К Вечному, воистину, он восходит.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

ऋतं च स्वाध्यायप्रवचने च । सत्यं च स्वाध्यायप्रवचने च । तपश्च
 स्वाध्यायप्रवचने च । दमश्च स्वाध्यायप्रवचने च । शमश्च स्वाध्याय-
 प्रवचने च । अग्नयश्च स्वाध्यायप्रवचने च । अग्निहोत्रं च स्वाध्याय-
 प्रवचने च । अतिथयश्च स्वाध्यायप्रवचने च । मानुषं च स्वाध्याय-
 प्रवचने च । प्रजा च स्वाध्यायप्रवचने च । प्रजनश्च स्वाध्याय-
 प्रवचने च । प्रजातिश्च स्वाध्यायप्रवचने च । सत्यमिति सत्यवचा राथी-

¹ Или — «с ОМ главный жрец дает разрешение».

तरः । तप इति तपोनित्यः पौरुशिष्टिः । स्वाध्यायप्रवचने एवेति नाको
मौद्गल्यः । तद्धि तपस्तद्धि तपः ॥

*ṛtaṁ ca svādhyāyapracane ca | satyaṁ ca svādhyāyapracane ca | tapaśca
svādhyāyapracane ca | damaśca svādhyāyapracane ca | śamaśca svādhyāya-
prvacane ca | agnayaśca svādhyāyapracane ca | agnihotraṁ ca svādhyāya-
prvacane ca | atithayaśca svādhyāyapracane ca | mānuṣaṁ ca svādhyāya-
prvacane ca | prajā ca svādhyāyapracane ca | prajanaśca svādhyāya-
prvacane ca | prajātiśca svādhyāyapracane ca | satyamiti satyavacā rāthi-
taraḥ | tapa iti taponityaḥ pauruṣiṣṭiḥ | svādhyāyapracane eveti nāko
maudgalyaḥ | taddhi tapastaddhi tapaḥ ॥*

Праведность с изучением и преподаванием Веды; Истина с изучением и преподаванием Веды; подвижничество с изучением и преподавани-ем Веды; власть над собой с изучением и преподаванием Веды. Душев-ный покой с изучением и преподаванием Веды. Домашние огни с изу-чением и преподаванием Веды. Возжигаемое приношение с изучением и преподаванием Веды. Потомство с изучением и преподаванием Ве-ды. Радость матери твоего дитяти¹ с изучением и преподаванием Веды. Дети твоих детей с изучением и преподаванием Веды — *вот обязанно-сти*. «Истина первым делом», — сказал глашатай истины, риши, сын Ратхитары. «Подвижничество первым делом», — сказал постоянный в самообуздании, риши, сын Пурушишты. «Изучение и преподавание Веды первым делом», — сказал Нака, сын Мудгалы. Ибо это тоже есть самообуздание, и это тоже есть подвижничество.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

अहं वृक्षस्य रेरिवा । कीर्तिः पृष्ठं गिरेरिव । ऊर्ध्वपवित्रो वाजिनीव
स्वमृतमस्मि । द्रविणं सवर्चसम् । सुमेधा अमृतोक्षितः । इति त्रिशङ्को-
र्वेदानुवचनम् ॥

¹ Или — «акт деторождения».

*ahaṁ vṛkṣasya rerivā | kīrtiḥ pṛṣṭhaṁ gireriva | ūrdhvapavitro vājīnīva
svamṛtamasmī | draviṇaṁ savarcasam | sumedhā amṛtokṣitaḥ | iti triśaṅko-
rvedānuvacanam ||*

«Я есмь Тот, кто движет Древом Вселенной, и моя слава подобна вершине горы высокой. Высокий и чистый, как сладкий нектар в могучем, я есмь сияющие богатства мира, я мыслитель глубокий, бессмертный Единый, кто от начала нетленен». Так Тришанку возглашает Веду, это гимн его самопознания.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

वेदमनूच्याचार्योऽन्तेवासिनमनुशास्ति ।

सत्यं वद । धर्मं चर । स्वाध्यायान्मा प्रमदः । आचार्याय प्रियं
धनमाहृत्य प्रजातन्तुं मा व्यवच्छेत्सीः । सत्यान्न प्रमदितव्यम् ।
धर्मान्न प्रमदितव्यम् । कुशलान्न प्रमदितव्यम् । भूत्यै न
प्रमदितव्यम् । स्वाध्यायप्रवचनाभ्यां न प्रमदितव्यम् ॥

देवपितृकार्याभ्यां न प्रमदितव्यम् । मातृदेवो भव । पितृदेवो भव ।
आचार्यदेवो भव । अतिथिदेवो भव । यान्यनवद्यानि कर्माणि । तानि
सेवितव्यानि । नो इतराणि । यान्यस्माकं सुचरितानि । तानि त्वयो-
पास्यानि । नो इतराणि ।

ये के चास्मच्छ्रेयांसो ब्राह्मणाः । तेषां त्वयासनेन प्रश्वसितव्यम् ।
श्रद्धया देयम् । अश्रद्धयाऽदेयम् । श्रिया देयम् । हिया देयम् । भिया
देयम् । संविदा देयम् ॥

अथ यदि ते कर्मविचिकित्सा वा वृत्तविचिकित्सा वा स्यात् । ये तत्र
ब्राह्मणाः सम्मर्शिनः । युक्ता आयुक्ताः । अलूक्षा धर्मकामाः स्युः । यथा ते
तत्र वर्तेरन् । तथा तत्र वर्तेथाः । अथाभ्याख्यातेषु । ये तत्र ब्राह्मणाः
सम्मर्शिनः । युक्ता आयुक्ताः । अलूक्षा धर्मकामाः स्युः । यथा ते तेषु
वर्तेरन् । तथा तेषु वर्तेथाः ।

एष आदेशः । एष उपदेशः । एषा वेदोपनिषत् । एतदनुशासनम् ।
एवमुपासितव्यम् । एवमु चैतदुपास्यम् ॥

vedamanūcyācāryo'ntevāsinamanuśāsti |

*satyaṁ vada | dharmam cara | svādhyāyānmā pramadaḥ | ācāryāya priyaṁ
dhanamāhr̥tya prajātantuṁ mā vyavacchetsiḥ | satyānna pramaditavyam |
dharmānna pramaditavyam | kuśalānna pramaditavyam | bhūtyai na
pramaditavyam | svādhyāyapracāsanābhyaṁ na pramaditavyam |*

*devapitṛkāryābhyaṁ na pramaditavyam | māṛḍdevo bhava | pitṛdevo bhava |
ācāryadevo bhava | atithidevo bhava | yānyanavadyāni karmāṇi | tāni
sevītavyāni | no itarāṇi | yānyasmākaṁ sucaritāni | tāni tvayo-
pāsyāni | no itarāṇi |*

*ye ke cāsmacchreyāṁso brāhmaṇāḥ | teṣāṁ tvayāsanena praśvasitavyam |
śraddhayā deyam | aśraddhayā'deyam | śrīyā deyam | hriyā deyam | bhiyā
deyam | sam̐vidā deyam |*

*atha yadi te karmavicikitsā vā vṛttavicikitsā vā syāt | ye tatra
brāhmaṇāḥ sammarśinaḥ | yuktā āyuktāḥ | alūkṣā dharmakāmāḥ syuḥ | yathā te
tatra varteran | tathā tatra vartethāḥ | athābhyaḥkyāteṣu | ye tatra brāhmaṇāḥ
sammarśinaḥ | yuktā āyuktāḥ | alūkṣā dharmakāmāḥ syuḥ | yathā te teṣu
varteran | tathā teṣu vartethāḥ |*

*eṣa ādeśaḥ | eṣa upadeśaḥ | eṣā vedopaniṣat | etadanuśāsanam |
evamupāsītavyam | evamu caitadupāsyam ||*

После того, как Учитель провозгласил Веду, он дает наставления ученику.

Говори правду, следуй своему долгу, не пренебрегай изучением Веды. Принеся Учителю богатство, которого он желает, ты не оборвешь длинную нить своего рода. Не пренебрегай истиной; не пренебрегай своим долгом; не пренебрегай благополучием; не пренебрегай своим возрастом и процветанием; не пренебрегай изучением и преподаванием Веды.

Не пренебрегай трудами во имя Богов, или трудами во имя Праотцев. Пусть отец твой будет тебе Богом, и мать пусть будет тебе Богиней, которым ты поклоняешься. Служи Учителю как Богу и как Богу служи гостю в доме твоём. Труды, что безупречны перед людьми, верши с прилежанием, и никакие другие. Деяния, что мы совершили, которые хороши и праведны, их исповедуй как религию, и никакие другие.

Кто среди Браминов лучше и благороднее нас, тех усади для отдыха, проявляя почтение к ним. Давай с верой и почтением; без веры не давай. Давай со стыдом, давай со страхом; давай с братским чувством.

Более того, если усомнишься в своем пути или в деяниях своих, поступи, как поступают в этом те Брамины, которые здраво мыслят, праведны, не движимы другими, любят добродетель, не суровы и не жестоки. Далее, с людьми обвиняемыми или порицаемыми их собратьями веда себя как ведут себя с ними те Брамины, которые здраво мыслят, праведны, не движимы другими, любят добродетель, не суровы и не жестоки.

Таков закон и учение. Таковы наставления. Таким образом должно следовать вере, воистину, всегда поступай по вере.

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

शं नो मित्रः शं वरुणः । शं नो भवत्वय्यमा । शं न इन्द्रो बृहस्पतिः ।
 शं नो विष्णुरुक्रमः । नमो ब्रह्मणे । नमस्ते वायो । त्वमेव प्रत्यक्षं
 ब्रह्मासि । त्वामेव प्रत्यक्षं ब्रह्मावादिषम् । ऋतमवादिषम् । सत्यमवा-
 दिषम् । तन्मामावीत् । तद्वक्तारमावीत् । आवीन्माम् । आवीद्वक्तारम् ।
 ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥

śaṁ no mitraḥ śaṁ varuṇaḥ | śaṁ no bhavatvayamā | śaṁ na indro bṛhaspatiḥ |
śaṁ no viṣṇururukramaḥ | namo brahmaṇe | namaste vāyo | tvameva pratyakṣaṁ
brahmāsi | tvāmeva pratyakṣaṁ brahmāvādiṣam | ṛtamavādiṣam | satyamavā-
diṣam | tanmāmāvīt | tadvaktāramāvīt | āvīnmām | āvīdvaktāram |
OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ ॥

Будь благосклонен к нам, Митра. Будь благосклонен к нам, Варуна. Будь благосклонен к нам, Арьяман. Будьте благосклонны к нам, Индра и Брихаспати. Да будет благосклонен к нам широко шагающий Вишну. Поклонение Вечному. Поклонение тебе, о Ваю. Ты, ты есть зримый Вечный, и как зримого Вечного я провозгласил тебя. Я провозгласил Праведность, я провозгласил Истину. Это защитило меня. Это защитило говорящего. Поистине, это защитило меня; это защитило говорящего.

ОМ! Мир! Мир! Мир!

БРАХМАНАНДАВАЛЛИ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

हरिः ॐ । सह नाववतु । सह नौ भुनक्तु । सह वीर्यं करवावहै ।
तेजस्वि नावधीतमस्तु । मा विद्विषावहै । ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥
ॐ ब्रह्मविदाप्नोति परम् । तदेषाभ्युक्ता । सत्यं ज्ञानमनन्तं
ब्रह्म । यो वेद निहितं गुहायां परमे व्योमन् । सोऽश्नुते सर्वान् कामान्
सह ब्रह्मणा विपश्चितेति ।

तस्माद्वा एतस्मादात्मन आकाशः सम्भूतः । आकाशाद्वायुः ।
वायोरग्निः । अग्नेरापः । अद्भ्यः पृथिवी । पृथिव्या ओषधयः ।
ओषधीभ्योन्नम् । अन्नात्पुरुषः । स वा एष पुरुषोऽन्नरसमयः ।
तस्येदमेव शिरः । अयं दक्षिणः पक्षः । अयमुत्तरः पक्षः । अयमात्मा ।
इदं पुच्छं प्रतिष्ठा । तदप्येष श्लोको भवति ॥

*hariḥ OM | saha nāvavatu | saha nau bhunaktu | saha vīryam karavāvahai |
tejasvi nāvadhītamastu | mā vidviṣāvahai | OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ |
OM brahmavidāpnoti param | tadeṣābhyuktā | satyam jñānamanantam
brahma | yo veda nihitam guhāyām parame vyoman | so'snute sarvān kāmān |
saha brahmaṇā vipaściteti |*

*tasmādvā etasmādātmana ākāśaḥ sambhūtaḥ | ākāśādvāyuḥ |
vāyoragniḥ | agnerāpaḥ | adbhyaḥ pṛthivī | pṛthivyā ośadhayaḥ |
ośadhībhyonnam | annātpuruṣaḥ | sa vā eṣa puruṣo'narasamayaḥ |
tasyedameva śiraḥ | ayam dakṣiṇaḥ pakṣaḥ | ayamuttaraḥ pakṣaḥ | ayamātmā |
idaṁ puccaṁ pratiṣṭhā | tadapyeṣa śloko bhavati ॥*

Хари ОМ. Вместе нас да защитит Он; вместе нас да обретет Он; вместе да сотворим мы силу и отвагу в себе! Пусть будет для нас полным силы и света то, что мы изучили! Да не узнаем мы никогда ненависти!

ОМ. Мир, мир, мир!

ОМ. Знающий Брахмана достигает Наивысшего; ибо таков стих, сложенный в давние времена: «Брахман есть Истина, Брахман есть Знание, Брахман есть Беспредельность; он находит Его сокрытым в своем существе в тайнике сердца; и в высочайших небесах Его творений, воистину, он достигает исполнения всех желаний, и он пребывает с Вечным, неразлучно с этим ведающим и различающим Духом».

Это есть «Я», Дух, и из Духа рожден был эфир, а из эфира — воздух, а из воздуха — огонь, а из огня — воды, а из вод — земля, а из земли — травы и растения, а из трав и растений — пища, а из пищи был рожден человек. Воистину, человек, эта тварь человеческая, состоит из сущности пищи. И это, что мы видим, есть его голова, и это его правая сторона, и это его левая; и это его дух и его «я»; и это его нижняя часть, на которую он опирается прочно. Об этом гласит Писание.

ВТОРАЯ ГЛАВА

अन्नद्वै प्रजाः प्रजायन्ते । याः काश्च पृथिवीं श्रिताः । अथो अन्नेनैव जीवन्ति । अथैनदपि यन्त्यन्ततः । अन्नं हि भूतानां ज्येष्ठम् । तस्मात् सर्वौषधमुच्यते । सर्वं वै तेऽन्नमाप्नुवन्ति येऽन्नं ब्रह्मोपासते । अन्नं हि भूतानां ज्येष्ठम् । तस्मात्सर्वौषधमुच्यते । अन्नाद् भूतानि जायन्ते । जातान्यन्नेन वर्धन्ते । अद्यतेऽत्ति च भूतानि । तस्मादन्नं तदुच्यत इति ।

तस्माद्वा एतस्मादन्नरसमयात् । अन्योऽन्तर आत्मा प्राणमयः । तेनैष पूर्णः । स वा एष पुरुषविध एव । तस्य पुरुषविधताम् । अन्वयं पुरुषविधः । तस्य प्राण एव शिरः । व्यानो दक्षिणः पक्षः । अपान उत्तरः पक्षः । आकाश आत्मा । पृथिवी पुच्छं प्रतिष्ठा । तदप्येष श्लोको भवति ॥

annādvai prajāḥ prajāyante | yāḥ kāśca pṛthivīm śritāḥ | atho annenaiva jīvanti | athainadapi yantyantataḥ | annam hi bhūtānām jyeṣṭham | tasmāt sarvausadhamucyate | sarvam vai te'nnamāpnuvanti ye'nnam brahmopāsate | annam hi bhūtānām jyeṣṭham | tasmātsarvausadhamucyate | annād bhūtāni jāyante | jātānyannena vardhante | adyate'tti ca bhūtāni | tasmādannam taducyata iti |

tasmādvā etasmādannarasamayāt | anyo'ntara ātmā prāṇamayāḥ | tenaiṣa pūrṇaḥ | sa vā eṣa puruṣavidha eva | tasya puruṣavidhatām | anvayaṁ puruṣavidhaḥ | tasya prāṇa eva śiraḥ | vyāno dakṣiṇaḥ pakṣaḥ | apāna uttaraḥ pakṣaḥ | ākāśa ātmā | pṛthivī puccam pratiṣṭhā | tadapyeṣa śloko bhavati ॥

Воистину, творения всех видов и пород, которые нашли себе приют на земле, рождаются из пищи; а затем и живут они тоже пищей, и в пищу же опять возвращаются они в конце. Ибо пища есть старейшее из сотворенного и потому ее зовут Зеленым Материалом Вселенной. Воистину, те, кто почитают Вечного как пищу, достигают полнейшего владения пищей; ибо пища есть старейшее из сотворенного и потому ее зовут Зеленым Материалом Вселенной. Из пищи рождены все творения, а рожденные они возрастают пищей. Вот, она поедается и она поедает; поистине, она пожирает создания, которые ею питаются, и потому называется пищей от слова «поедание».

Есть другое, внутреннее «Я», иное, нежели то, что состоит из сущности пищи, и состоит оно из витального материала, именуемого Прана. И «Я» Праны наполняет «Я» пищи. И вот «Я» Праны имеет образ человека: соответственно человеческому образу одного, у другого тоже образ человека. Главное Дыхание — голова его; дыхание-распространитель — его правая сторона, а нижнее дыхание — его левая сторона; эфир — его дух, который есть его «я»; земля — его нижняя часть, на которую он опирается прочно. Об этом гласит Писание.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

प्राणं देवा अनु प्राणन्ति । मनुष्याः पशवश्च ये । प्राणो हि भूतानामायुः ।
तस्मात्सर्वायुषमुच्यते । सर्वमेव त आयुर्यन्ति ये प्राणं ब्रह्मोपासते ।
प्राणो हि भूतानामायुः । तस्मात्सर्वायुषमुच्यत इति । तस्यैष एव शारीर
आत्मा यः पूर्वस्य ।

तस्माद्वा एतस्मात्प्राणमयात् । अन्योऽन्तर आत्मा मनोमयः । तेनैष
पूर्णः । स वा एष पुरुषविध एव । तस्य पुरुषविधताम् । अन्वयं पुरुष-
विधः । तस्य यजुरेव शिरः । ऋग् दक्षिणः पक्षः । सामोत्तरः पक्षः ।
आदेश आत्मा । अथर्वाङ्गिरसः पुच्छं प्रतिष्ठा । तदप्येष श्लोको भवति ॥

*prāṇam devā anu prāṇanti | manuṣyāḥ paśavaśca ye | prāṇo hi bhūtānāmāyuh |
tasmātsarvāyusaṃucyate | sarvameva ta āyuryanti ye prāṇam brahmopāsate |
prāṇo hi bhūtānāmāyuh | tasmātsarvāyusaṃucyata iti | tasyaiṣa eva śārīra
ātmā yaḥ pūrvasya |*

tasmādvā etasmātpṛāṇamayāt | anyo'ntara ātmā manomayaḥ | tenaiṣa pūrṇaḥ | sa vā eṣa puruṣavidha eva | tasya puruṣavidhatām | anvayaṁ puruṣavidhaḥ | tasya yajureva śiraḥ | ṛg dakṣiṇaḥ pakṣaḥ | sāmottaraḥ pakṣaḥ | ādeśa ātmā | atharvāṅgirasah pucchaṁ pratiṣṭhā | tadapyeṣa śloko bhavati ||

Боги живут и дышат под управлением Праны, и люди, и все те, кто звери; ибо Прана есть жизнь сотворенного, и потому ее зовут Всеобщим Жизненным Материалом. Воистину, те, кто почитают Вечного как Прану, полным образом достигают Жизни¹, ибо Прана есть жизнь сотворенного, и потому ее зовут Всеобщим Жизненным Материалом. И это «Я» Праны есть душа в теле предыдущего, которое из пищи.

Но есть и еще одно внутреннее «Я», иное, нежели то, что состоит из Праны, и оно состоит из Ума. И «Я» Ума наполняет «Я» Праны. И вот «Я» Ума имеет образ человека: соответственно человеческому образу одного, у другого тоже образ человека. Яджурведа — голова его; Ригведа — его правая сторона, а Самаведа — левая сторона; Наставление — его дух, который есть его «я»; Атхарваведа — его нижняя часть, на которую он опирается прочно. Об этом гласит Писание.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

यतो वाचो निवर्तन्ते । अप्राप्य मनसा सह । आनन्दं ब्रह्मणो विद्वान् ।
न बिभेति कदाचनेति । तस्यैष एव शरीर आत्मा यः पूर्वस्य ।
तस्माद्वा एतस्मान्मनोमयात् । अन्योऽन्तर आत्मा विज्ञानमयः । तेनैष
पूर्णः । स वा एष पुरुषविध एव । तस्य पुरुषविधताम् । अन्वयं
पुरुषविधः । तस्य श्रद्धैव शिरः । ऋतं दक्षिणः पक्षः । सत्यमुत्तरः
पक्षः । योग आत्मा । महः पुच्छं प्रतिष्ठा । तदप्येष श्लोको भवति ॥

*yato vāco nivartante | aprāpya manasā saha | ānandaṁ brahmaṇo vidvān |
na bibheti kadācaneti | tasyaiṣa eva śārīra ātmā yaḥ pūrvasya |
tasmādvā etasmānmanomayāt | anyo'ntara ātmā vijñānamayaḥ | tenaiṣa
pūrṇaḥ | sa vā eṣa puruṣavidha eva | tasya puruṣavidhatām | anvayaṁ
puruṣavidhaḥ | tasya śraddhaiva śiraḥ | ṛtaṁ dakṣiṇaḥ pakṣaḥ | satyamuttaraḥ
pakṣaḥ | yoga ātmā | mahaḥ pucchaṁ pratiṣṭhā | tadapyeṣa śloko bhavati ||*

¹ Или — «достигают всецелой власти над Жизнью».

Радость Вечного, пред которой слова, бессильные, отступают и ум в смятении обращается вспять, — кто знает радость Вечного, тому нечего бояться ни ныне, ни после. И это «Я» Ума есть душа в теле предыдущего, которое было из Праны.

Но есть и еще одно внутреннее «Я», иное, нежели то, что состоит из Ума, и оно состоит из Знания. И «Я» Знания наполняет «Я» Ума. И вот «Я» Знания имеет образ человека: соответственно человеческому образу одного, у другого тоже образ человека. Вера — голова его, Закон — его правая сторона, а Истина — левая сторона; Йога — его дух, который есть его «я»; Махас¹ — его нижняя часть, на которую он опирается прочно. Об этом гласит Писание.

ПЯТАЯ ГЛАВА

विज्ञानं यज्ञं तनुते । कर्माणि तनुतेऽपि च । विज्ञानं देवाः सर्वे । ब्रह्म
ज्येष्ठमुपासते । विज्ञानं ब्रह्म चेद्वेद । तस्माच्चेन्न प्रमाद्यति । शरीरे
पाप्मानो हित्वा । सर्वान् कामान् समश्नुत इति । तस्यैष एव शारीर आत्मा
यः पूर्वस्य ।

तस्माद्वा एतस्माद्विज्ञानमयात् । अन्योऽन्तर आत्माऽऽनन्दमयः । तेनैष
पूर्णः । स वा एष पुरुषविध एव । तस्य पुरुषविधताम् । अन्वयं पुरुष-
विधः । तस्य प्रियमेव शिरः । मोदो दक्षिणः पक्षः । प्रमोद उत्तरः
पक्षः । आनन्द आत्मा । ब्रह्म पुच्छं प्रतिष्ठा । तदप्येष श्लोको भवति ॥

*vijñānaṁ yajñam tanute | karmāṇi tanute'pi ca | vijñānaṁ devāḥ sarve | brahma
jyeṣṭhamupāsate | vijñānaṁ brahma cedveda | tasmāccenna pramādyati | śarīre
pāpmano hitvā | sarvān kāmān samaśnuta iti | tasyaiṣa eva śārīra ātmā
yaḥ pūrvasya |*

*tasmādvā etasmādvijñānamayāt | anyo'ntara ātmā'nandamayaḥ | tenaiṣa
pūrṇaḥ | sa vā eṣa puruṣavidha eva | tasya puruṣavidhatām | anvayaṁ puruṣa-
vidhaḥ | tasya priyameva śiraḥ | modo dakṣiṇaḥ pakṣaḥ | pramoda uttaraḥ
pakṣaḥ | ānanda ātmā | brahma puśccham pratiṣṭhā | tadapyeṣa śloko bhavati ॥*

¹ Или — «материальный мир».

Знание устраивает пиршество жертвоприношения, и знание устраивает также пиршество трудов. Все боги приносят почитание ему как Брахману и как Старейшине Вселенной. Ибо если кто поклоняется Брахману как знанию, не отворачиваясь от него и не колеблясь, тот отбрасывает от себя грех в этом теле и достигает всего желанного. И это «Я» Знания есть душа в теле предыдущего, которое было из Ума.

Но есть и еще одно внутреннее «Я», иное, нежели то, что состоит из Знания, и оно сделано из Блаженства. И «Я» Блаженства наполняет «Я» Знания. И вот «Я» Блаженства имеет образ человека: соответственно человеческому образу одного, у другого тоже образ человека. Любовь — голова Его; Радость — Его правая сторона, а наслаждение — левая сторона; Блаженство — Его дух, который есть Его «я»; Вечный — Его нижняя часть, на которую он опирается прочно. Об этом гласит Писание.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

असन्नेव स भवति । असद् ब्रह्मेति वेद चेत् । अस्ति ब्रह्मेति चेद्वेद ।
सन्तमेनं ततो विदुरिति । तस्यैष एव शारीर आत्मा यः पूर्वस्य ।
अथातोऽनुप्रश्नाः । उताविद्वानमुं लोकं प्रेत्य । कश्चन गच्छती ३ । आहो
विद्वानमुं लोकं प्रेत्य । कश्चित्समश्नुता ३ उ ।

सोऽकामयत । बहु स्यां प्रजायेयेति । स तपोऽत्प्यत । स तपस्तप्त्वा ।
इदं सर्वमसृजत । यदिदं किंच । तत् सृष्ट्वा । तदेवानुप्राविशत् । तदनु-
प्रविश्य । सच्च त्यच्चाभवत् । निरुक्तं चानिरुक्तं च । निलयनं चानि-
लयनं च । विज्ञानं चाविज्ञानं च । सत्यं चानृतं च सत्यमभवत् ।
यदिदं किंच । तत्सत्यमित्याचक्षते । तदप्येष श्लोको भवति ॥

*asanneva sa bhavati | asad brahmeti veda cet | asti brahmeti cedveda |
santamenam tato viduriti | tasyaiṣa eva śārīra ātmā yaḥ pūrvasya |
athāto'nupraśnāḥ | utāvidvānamuṃ lokam pretya | kaścana gacchatī ? āho
vidvānamuṃ lokam pretya | kaścitsamaśnutā u ? |*

*so'kāmayata | bahu syāṃ prajāyeyeti | sa tapo'tapyata | sa tapastaptvā |
idaṃ sarvamasṛjata | yadidaṃ kiṃca | tat sṛṣṭvā | tadevānuprāviśat | tadanu-
praviśya | sacca tyaccābhavat | niruktaṃ cāniruktaṃ ca | nilayanam cāni-
layanam ca | vijñānam cāvijñānam ca | satyam cāṅṛtaṃ ca satyamabhavat |
yadidaṃ kiṃca | tatsatyamityācakṣate | tadapyeṣa śloko bhavati ॥*

Словно несуществующим становится человек, если он знает Вечного как отрицание; но если он знает о Вечном, что Он есть, то люди знают его как святого и как единую реальность. И это «Я» Блаженства есть душа в теле предыдущего, которое было из Знания. И тогда возникают эти вопросы: «Когда тот, у кого нет Знания, переходит в тот мир иной, продолжит ли он путешествие дальше? Или, когда тот, кто знает, перешел в тот мир иной, наслаждается ли он властью?»

Дух возжелал некогда: «Да буду я множествен ради рождения людей». Поэтому Он сосредоточил всего Себя¹ в мысли, и силой Своего размышления сотворил всю вселенную, поистине, все сущее. Сотворив все это, Он вошел в сотворенное, войдя же стал «Этим Сущим» и «Тем Возможным»; Он стал тем, что определено, и тем, что неопределенно, Он стал этим основанным и тем безосновным; Он стал Знанием, и Он стал Неведением; Он стал Истиной, и Он стал ложью. Поистине, Он стал всем истинно сущим, всем, что бы ни существовало здесь. Поэтому говорят о Нем, что Он есть Истина. Об этом гласит Писание.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

असद् वा इदमग्र आसीत् । ततो वै सदजायत । तदात्मानं स्वयमकुरुत् ।
तस्मात् तत्सुकृतमुच्यत इति । यद् वै तत् सुकृतम् । रसो वै सः । रसं
ह्येवायं लब्ध्वानन्दी भवति । को ह्येवान्यात् कः प्राण्यात् । यदेष आकाश
आनन्दो न स्यात् । एष ह्येवानन्दयाति । यदा ह्येष एतस्मिन्नद्रश्ये-
ऽनात्म्येऽनिरुक्तेऽनिलयनेऽभयं प्रतिष्ठां विन्दते । अथ सोऽभयं गतो
भवति । यदा ह्येष एतस्मिन्नुदरमन्तरं कुरुते । अथ तस्य भयं
भवति । तत्त्वेव भयं विदुषो मन्वानस्य । तदप्येष श्लोको भवति ॥

*asad vā idamagra āsīt | tato vai sadajāyata | tadātmānaṁ svayamakuruta |
tasmāt tatsukṛtamucyata iti | yad vai tat sukṛtam | raso vai saḥ | rasaṁ
hyevāyaṁ labdhvānandī bhavati | ko hyevānyāt kaḥ prāṇyāt | yadeṣa ākāśa
ānando na syāt | eṣa hyevānandayāti | yadā hyevaiṣa etasminnadṛśye-
'nātmnye'nirukte'nīlayane'bhayaṁ pratiṣṭhāṁ vindate | atha so'bhayaṁ gato
bhavati | yadā hyevaiṣa etasminnudaramantaram kuruṭe | atha tasya bhayaṁ
bhavati | tattveva bhayaṁ viduṣo manvānasya | tadapyeṣa śloko bhavati ॥*

¹ Или — «силу».

Вначале вся эта Вселенная, все это было Не-Сушим и Не-Проявленным, из чего родилось это явленное Существование. Оно само сотворило себя — и никто иной. Поэтому говорят о нем — ладно и прекрасно сделано. Вот это, что ладно и прекрасно сделано, воистину, это не что иное, как радость по ту сторону существования. Когда человек обретает эту радость, тогда это творение исполняется блаженства; ибо кто мог бы так потрудиться, чтобы совершить вдох, или кто нашел бы силу совершить выдох, если бы не было этого Блаженства в небе его сердца, в эфире внутри его существа? Это Он есть источник Блаженства; ибо когда Дух, который внутри нас, находит Незримого, Бестелесного, Неопределимого и Безосновного Вечного, свое прибежище и прочную основу, тогда он минует предел Страха. Но когда Дух, который внутри нас, делает для себя хоть малое различие в Вечном, тогда есть у него страх, поистине, сам Вечный становится ужасом для такого знающего, который не мыслит. Об этом гласит Писание.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

भीषाऽस्माद्वातः पवते । भीषोदेति सूर्यः । भीषाऽस्मादग्निश्चेन्द्रश्च ।
 मृत्युर्धावति पञ्चम इति ॥ सैषाऽऽनन्दस्य मीमांसा भवति । युवा स्यात्
 साधुयुवाऽध्यायकः । आशिष्ठो द्रष्टिष्ठो बलिष्ठः । तस्येयं पृथिवी सर्वा
 वित्तस्य पूर्णा स्यात् । स एको मानुष आनन्दः । ते ये शतं मानुषा
 आनन्दाः । स एको मनुष्यगन्धर्वाणामानन्दः । श्रोत्रियस्य चाकामहतस्य ।
 ते ये शतं मनुष्यगन्धर्वाणामानन्दाः । स एको देवगन्धर्वा-
 णामानन्दः । श्रोत्रियस्य चाकामहतस्य । ते ये शतं देवगन्धर्वा-
 णामानन्दाः । स एकः पितॄणां चिरलोकलोकानामानन्दः । श्रोत्रियस्य
 चाकामहतस्य । ते ये शतं पितॄणां चिरलोकलोकानामानन्दाः । स एक
 आजानजानां देवानामानन्दः । श्रोत्रियस्य चाकामहतस्य । ते ये
 शतमाजानजानां देवानामानन्दाः । स एकः कर्मदेवानां देवा-
 नामानन्दः । ये कर्मणा देवानपियन्ति । श्रोत्रियस्य चाकामहतस्य । ते ये
 शतं कर्मदेवानां देवानामानन्दाः । स एको देवानामानन्दः । श्रोत्रियस्य
 चाकामहतस्य । ते ये शतं देवानामानन्दाः । स एक इन्द्रस्यानन्दः ।
 श्रोत्रियस्य चाकामहतस्य । ते ये शतमिन्द्रस्यानन्दाः । स एको
 बृहस्पतेरानन्दः । श्रोत्रियस्य चाकामहतस्य । ते ये शतं

बृहस्पतेरानन्दाः । स एकः प्रजापतेरानन्दः । श्रोत्रियस्य चाकामहतस्य ।
ते ये शतं प्रजापतेरानन्दाः । स एको ब्रह्मण आनन्दः । श्रोत्रियस्य
चाकामहतस्य ।

स यश्चायं पुरुषे । यश्चासावादित्ये । स एकः । स य एववित् ।
अस्माल्लोकात् प्रेत्य । एतमन्नमयमात्मानमुपसङ्क्रामति । एतं प्राणमय-
मात्मानमुपसङ्क्रामति । एतं मनोमयमात्मानमुपसङ्क्रामति । एतं
विज्ञानमयमात्मानमुपसङ्क्रामति । एतमानन्दमयमात्मानमुपसङ्-
क्रामति । तदप्येष श्लोको भवति ॥

*bhīṣā'smādvātaḥ pavate | bhīṣodeti sūryaḥ | bhīṣā'smādagniścendraśca |
mṛtyurdhāvati pañcama iti || saiṣā'nandasya mīmāṃsā bhavati | yuvā syāt
sādhuyuvā'dhyāyakaḥ | āśiṣṭho draḍhiṣṭho baliṣṭhaḥ | tasyeyam pṛthivī sarvā
vittasya pūrṇā syāt | sa eko mānuṣa ānandaḥ | te ye śataṁ mānuṣā
ānandāḥ | sa eko manuṣyagandharvāṅāmānandaḥ | śrotriyasya cākāmahatasya |
te ye śataṁ manuṣyagandharvāṅāmānandāḥ | sa eko devagandharvā-
ṅāmānandaḥ | śrotriyasya cākāmahatasya | te ye śataṁ devagandharvā-
ṅāmānandāḥ | sa ekaḥ pitṛṇām ciralokalokānāmānandaḥ | śrotriyasya
cākāmahatasya | te ye śataṁ pitṛṇām ciralokalokānāmānandāḥ | sa eka
ājānājānām devānāmānandaḥ | śrotriyasya cākāmahatasya | te ye
śatamājānājānām devānāmānandāḥ | sa ekaḥ karmadevānām devā-
nāmānandaḥ | ye karmaṇā devānāpiyanti | śrotriyasya cākāmahatasya | te ye
śataṁ karmadevānām devānāmānandāḥ | sa eko devānāmānandaḥ | śrotriyasya
cākāmahatasya | te ye śataṁ devānāmānandāḥ | sa eka indrasyānandaḥ |
śrotriyasya cākāmahatasya | te ye śatamindrasyānandāḥ | sa eko
bṛhaspaterānandaḥ | śrotriyasya cākāmahatasya | te ye śataṁ
bṛhaspaterānandāḥ | sa ekaḥ prajāpaterānandaḥ | śrotriyasya cākāmahatasya |
te ye śataṁ prajāpaterānandāḥ | sa eko brahmaṇa ānandaḥ | śrotriyasya
cākāmahatasya |*

*sa yaścāyam puruṣe | yaścāsāvāditye | sa ekaḥ | sa ya evamvit |
asmallokāt pretya | etamannamayamātmānamupasaṅkrāmati | etaṁ prāṇamaya-
mātmānamupasaṅkrāmati | etaṁ manomayamātmānamupasaṅkrāmati | etaṁ
vijñānamayamātmānamupasaṅkrāmati | etamānandamayamātmānamupasaṅ-
krāmati | tadapyeṣa śloko bhavati ||*

Из страха перед Ним дует Ветер; из страха перед Ним восходит Солнце; из страха перед Ним Индра, и Агни, и Смерть спешают своими путями. Внемлите же этому рассуждению о Блаженстве, которое вы услышите. Пусть будет юноша, превосходный и прекрасный в своей

юности, способный ученик; пусть будут у него отличные манеры, и самое стойкое сердце, и большая сила тела, и пусть вся эта широкая земля будет полна богатств для его услады. Это мера блаженства одного человека. Сто и стократно человеческой мере блаженства есть одно блаженство тех людей, которые стали ангелами в небе. И это блаженство умудренного в Веде, чьей души не касается изъян желания. Сто и стократно этой мере ангельского блаженства есть одно блаженство Богов, которые суть ангелы в небе. И это блаженство умудренного в Веде, чьей души не касается изъян желания. Сто и стократно этой мере божественного ангельского блаженства есть одно блаженство Предков, чей мир небесный им принадлежит навеки. И это блаженство умудренного в Веде, чьей души не касается изъян желания. Сто и стократно этой мере блаженства Предков, чьи миры — навеки, есть одно блаженство Богов, которые родились Богами на небе. И это блаженство умудренного в Веде, чьей души не касается изъян желания. Сто и стократно этой мере блаженства Богов по рождению есть одно блаженство Богов по деяниям, которые Боги, ибо силой своих деяний они исходят и становятся Богами на небе. И это блаженство умудренного в Веде, чьей души не касается изъян желания. Сто и стократно этой мере блаженства Богов по деяниям есть одно блаженство великих Богов, которые Боги навеки. И это блаженство умудренного в Веде, чьей души не касается изъян желания. Сто и стократно этой мере божественного блаженства есть одно блаженство Индры, Царя Небес. И это блаженство умудренного в Веде, чьей души не касается изъян желания. Сто и стократно этой мере блаженства Индры есть одно блаженство Брихаспати, который учил Богов на небе. И это блаженство умудренного в Веде, чьей души не касается изъян желания. Сто и стократно этой мере блаженства Брихаспати есть одно блаженство Праджапати, Всемогущего Отца. И это блаженство умудренного в Веде, чьей души не касается изъян желания. Сто и стократно этой мере блаженства Праджапати есть одно блаженство Вечного Духа. И это блаженство умудренного в Веде, чьей души не касается изъян желания.

Дух, который здесь в человеке, и Дух, который там в Солнце, есть один Дух и нет другого. Кто знает это, когда покидает этот мир, переходит в то «Я», которое из пищи; он переходит в то «Я», которое из Праны; он переходит в то «Я», которое из Ума; он переходит в то «Я», которое из Знания; он переходит в то «Я», которое из Блаженства. Об этом гласит писание.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

यतो वाचो निवर्तन्ते । अप्राप्य मनसा सह । आनन्दं ब्रह्मणो विद्वान् ।
न बिभेति कुतश्चनेति । एतं ह वाव न तपति । किमहं साधु नाकर-
वम् । किमहं पापमकरवमिति । स य एवं विद्वानेते आत्मानं स्पृणुते ।
उभे ह्येवैष एते आत्मानं स्पृणुते । य एवं वेद । इत्युपनिषत् ।

सह नाववतु । सह नौ भुनक्तु । सह वीर्यं करवावहै । तेजस्वि
नावधीतमस्तु । मा विद्विषावहै । ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥

*yato vāco nivartante | aprāpya manasā saha | ānandaṁ brahmaṇo vidvān |
na bibheti kutaścaneti | etaṁ ha vāva na tapati | kimahaṁ sādhu nākara-
vam | kimahaṁ pāpamakarovamiti | sa ya evaṁ vidvānete ātmānaṁ sprṇute |
ubhe hyevaīṣa ete ātmānaṁ sprṇute | ya evaṁ veda | ityupaniṣat |*

*saha nāvavatu | saha nau bhunaktu | saha vīryaṁ karavāvahai | tejasvi
nāvadhītamastu | mā vidviṣāvahai | OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ ॥*

Блаженство Вечного, от которого, не достигая, возвращаются слова и ум тоже возвращается в смятении: кто знает Блаженство Вечного, тот ничего не боится ни в этом мире, ни где бы то ни было. Воистину, к нему не подступает раскаяние и муки раскаяния со словами: «Почему я оставил несделанным добро, и почему я сделал то, что было злом?» Ибо кто знает Вечного, знает и то, и другое и избавляет от них свой Дух; поистине, тот знает истинный смысл добра и зла и избавляет от них свой Дух, кто знает Вечного. И это есть Упанишада, тайна Веды.

ОМ. Вместе нас да защитит Он; вместе нас да обретет Он; вместе да сотворим мы силу и отвагу в себе! Пусть будет для нас полным силы и света то, что мы изучили! Да не узнаем мы никогда ненависти!

ОМ! Мир! Мир! Мир!

БХРИГУВАЛЛИ

हरिः ॐ । सह नाववतु । सह नौ भुनक्तु । सह वीर्यं करवावहै ।
तेजस्वि नावधीतमस्तु । मा विद्विषावहै ॥ ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥

*hariḥ OM | saha nāvavatu | saha nau bhunaktu | saha vīryam karavāvahai |
tejasvi nāvadhītamastu | mā vidviṣāvahai | OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ ॥*

ОМ. Вместе нас да защитит Он; вместе нас да обретет Он; вместе да сотворим мы силу и отвагу в себе! Пусть будет для нас полным силы и света то, что мы изучили! Да не узнаем мы никогда ненависти!

ОМ! Мир! Мир! Мир!

ПЕРВАЯ ГЛАВА

भृगुर्वै वारुणिः । वरुणं पितरमुपससार । अधीहि भगवो ब्रह्मेति ।
तस्मा एतत् प्रोवाच । अन्नं प्राणं चक्षुः श्रोत्रं मनो वाचमिति । तं
होवाच । यतो वा इमानि भूतानि जायन्ते । येन जातानि जीवन्ति । यत्
प्रयन्त्यभिसंविशन्ति । तद् विजिज्ञासस्व । तद् ब्रह्मेति । स तपोऽतप्यत ।
स तपस्तप्त्वा ।

*bhṛgurvai vāruṇiḥ | varuṇam pitaramupasasāra | adhihi bhagavo brahmeti |
tasmā etat provāca | annam prāṇam cakṣuḥ śrotram mano vācamiti | taṁ
hovāca | yato vā imāni bhūtāni jāyante | yena jātāni jīvanti | yat
prayantyaḥhisamviśanti | tad vijijñāsasva | tad brahmeti | sa tapo'atapyata |
sa tapastaptvā ॥*

Бхригу, сын Варуны, приблизился к отцу своему Варуне и сказал: «Премудрый, научи меня Вечному». И отец так объявил ему: «Пища, и Прана, и Глаз, и Ухо, и Ум — все они». Воистину, он сказал ему: «Ищи познания того, от чего все эти создания рождаются, чем они живут, родившись, и к чему они уходят отсюда и приходят снова; ибо это и есть Вечный». И Бхригу сосредоточился в мысли и подвижничеством своего размышления

ВТОРАЯ ГЛАВА

अन्नं ब्रह्मेति व्यजानात् । अन्नाद्धयेव खल्विमानि भूतानि जायन्ते । अन्नेन जातानि जीवन्ति । अन्नं प्रयन्त्यभिसंविशन्तीति ॥ तद्विज्ञाय । पुनरेव वरुणं पितरमुपससार । अधीहि भगवो ब्रह्मेति । तं होवाच । तपसा ब्रह्म विजिज्ञासस्व । तपो ब्रह्मेति । स तपोऽतप्यत ॥ स तपस्तप्त्वा ॥

annaṁ brahmeti vyajānāt | annāddhyeva khalvimāni bhūtāni jāyante | annena jātāni jīvanti | annaṁ prayantyaḥhisamviśantīti || tadvijñāya | punareva varuṇaṁ pitaramupasasāra | adhihi bhagavo brahmeti | taṁ hovāca | tapasā brahma vijijñāsasva | tapo brahmeti | sa tapo'tapyata || sa tapastaptvā ||

Он познал пищу как Вечного. Ибо только от пищи, по-видимому, рождаются эти создания, а родившись, живут пищей и в пищу они уходят и приходят снова. И когда он познал это, он опять пришел к Варуне, отцу своему и сказал: «Премудрый, научи меня Вечному». И отец сказал ему: «Подвижничеством ищи познания Вечного, ибо подвижничество¹ есть Вечный». Он сосредоточился в мысли и энергией своего размышления

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

प्राणो ब्रह्मेति व्यजानात् । प्राणाद्धयेव खल्विमानि भूतानि जायन्ते । प्राणेन जातानि जीवन्ति । प्राणं प्रयन्त्यभिसंविशन्तीति ॥ तद्विज्ञाय । पुनरेव वरुणं पितरमुपससार । अधीहि भगवो ब्रह्मेति । तं होवाच । तपसा ब्रह्म विजिज्ञासस्व । तपो ब्रह्मेति । स तपोऽतप्यत । स तपस्तप्त्वा ॥

prāṇo brahmeti vyajānāt | prāṇāddhyeva khalvimāni bhūtāni jāyante | prāṇena jātāni jīvanti | prāṇaṁ prayantyaḥhisamviśantīti || tadvijñāya | punareva varuṇaṁ pitaramupasasāra | adhihi bhagavo brahmeti | taṁ hovāca | tapasā brahma vijijñāsasva | tapo brahmeti | sa tapo'tapyata | sa tapastaptvā ||

¹ Или — «сосредоточение в мысли».

Он познал Прану как Вечного. Ибо только от Праны, по-видимому, рождаются эти создания, а родившись, живут Праной и в Прану они уходят и приходят снова. И когда он познал это, он опять пришел к Варуне, отцу своему, и сказал: «Премудрый, научи меня Вечному». Но отец сказал ему: «Подвижничеством ищи познания Вечного, ибо подвижничество в мысли есть Вечный». Он сосредоточился в мысли и энергией своего размышления

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

मनो ब्रह्मेति व्यजानात् । मनसो ह्येव खल्विमानि भूतानि जायन्ते । मनसा जातानि जीवन्ति । मनः प्रयन्त्यभिसंविशन्तीति ॥ तद्विज्ञाय । पुनरेव वरुणं पितरमुपससार । अधीहि भगवो ब्रह्मेति । तं होवाच । तपसा ब्रह्म विजिज्ञासस्व । तपो ब्रह्मेति । स तपोऽतप्यत । स तपस्तप्त्वा ॥

mano brahmeti vyajānāt | manaso hyeva khalvimāni bhūtāni jāyante | manasā jātāni jīvanti | manaḥ prayantyaḥsaviśantīti || tadvijñāya | punareva varuṇam pitarāmapasasāra | adhihi bhagavo brahmeti | taṁ hovāca | tapasā brahma vijijñāsasva | tapo brahmeti | sa tapo'tapyata | sa tapastaptvā ||

Он познал ум как Вечного. Ибо только от ума, по-видимому, рождаются эти создания, а родившись, живут умом и в ум они уходят отсюда и приходят снова. И когда он познал это, он опять пришел к Варуне, отцу своему, и сказал: «Премудрый, научи меня Вечному». Но отец сказал ему: «Подвижничеством ищи познания Вечного, ибо сосредоточение в мысли¹ есть Вечный». Он сосредоточился в мысли и энергией своего размышления

¹ Или — «сосредоточение силы».

ПЯТАЯ ГЛАВА

विज्ञानं ब्रह्मेति व्यजानात् । विज्ञानाद्धयेव खल्विमानि भूतानि जायन्ते ।
विज्ञानेन जातानि जीवन्ति । विज्ञानं प्रयन्त्यभिसंविशन्तीति ॥ तद्विज्ञाय ।
पुनरेव वरुणं पितरमुपससार । अधीहि भगवो ब्रह्मेति । तं होवाच ।
तपसा ब्रह्म विजिज्ञासस्व । तपो ब्रह्मेति । स तपोऽतप्यत । स तपस्तप्त्वा ॥

*vijñānaṁ brahmeti vyajānāt | vijñānāddhyeva khalvimāni bhūtāni jāyante |
vijñānena jātāni jīvanti | vijñānaṁ prayantyaḥhisamviśantīti || tadvijñāya |
punareva varuṇaṁ pitaramupasāsāra | adhihi bhagavo brahmeti | taṁ hovāca |
tapasā brahma vijijñāsasva | tapo brahmeti | sa tapo'tapyata | sa tapastaptvā ||*

Он познал Знание как Вечного. Ибо только от Знания, по-видимому, рождаются эти создания, а родившись, живут Знанием и в Знание они уходят отсюда и приходят снова. И когда он познал это, он опять пришел к Варуне, отцу своему, и сказал: «Премудрый, научи меня Вечному». Но отец сказал ему: «Подвижничеством ищи познания Вечного, ибо сосредоточение силы есть Вечный». Он сосредоточился в мысли и энергией своего размышления

ШЕСТАЯ ГЛАВА

आनन्दो ब्रह्मेति व्यजानात् । आनन्दाद्धयेव खल्विमानि भूतानि जायन्ते ।
आनन्देन जातानि जीवन्ति । आनन्दं प्रयन्त्यभिसंविशन्तीति ॥ सैषा
भार्गवी वारुणी विद्या । परमे व्योमन्प्रतिष्ठिता । स य एवं वेद प्रतितिष्ठति ।
अन्नवानन्नादो भवति । महान् भवति प्रजया पशुभिर्ब्रह्मवर्चसेन ।
महान् कीर्त्या ॥

*ānando brahmeti vyajānāt | ānandāddhyeva khalvimāni bhūtāni jāyante |
ānandena jātāni jīvanti | ānandaṁ prayantyaḥhisamviśantīti || saiṣā
bhārgavī vāruṇī vidyā | parame vyomanpratiṣṭhitā | sa ya evaṁ veda pratitiṣṭhati |
annavānannādo bhavati | mahān bhavati prajāyā paśubhirbrahmavarçasena |
mahān kīrtyā ||*

Он познал Блаженство как Вечного. Ибо только от Блаженства, по-видимому, рождаются эти создания, а родившись, живут Блаженством и в Блаженство они уходят отсюда и приходят снова. Это есть учение Бхригу, учение Варуны, чья прочна опора в высочайшем небе. Кто это знает, обретает прочную основу, он становится владыкой пищи и ее поедателем, великим в потомстве, великим в скоте, великим в блистании святости, великим в славе.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

अन्नं न निन्द्यात् । तद् व्रतम् । प्राणो वा अन्नम् । शरीरमन्नादम् ।
प्राणे शरीरं प्रतिष्ठितम् । शरीरे प्राणः प्रतिष्ठितः । तदेतदन्नमन्ने प्रति-
ष्ठितम् । स य एतदन्नमन्ने प्रतिष्ठितं वेद प्रतिष्ठति । अन्नवानन्नादो
भवति । महान् भवति प्रजया पशुभिर्ब्रह्मवर्चसेन । महान् कीर्त्या ॥

*annam na nindyāt | tad vratam | prāṇo vā annam | śarīramannādam |
prāṇe śarīram pratiṣṭhitam | śarīre prāṇaḥ pratiṣṭhitaḥ | tade tadannamanne prati-
ṣṭhitam | sa ya etadannamanne pratiṣṭhitam veda pratīṣṭhati | annavānannādo
bhavati | mahān bhavati prajāyā paśubhirbrahmavarçasena | mahān kīrtyā ॥*

Не порицай пищу; ибо это твое наставление к труду. Воистину, Прана есть тоже пища и тело есть поедатель. Тело утверждено в Пране, а Прана утверждена в теле. А потому пища здесь утверждена в пище. Кто знает эту пищу, что утверждена в пище, обретает себе прочную основу, он становится владыкой пищи и ее поедателем, великим в потомстве, великим в скоте, великим в блистании святости, великим в славе.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

अन्नं न परिचक्षीत । तद् व्रतम् । आपो वा अन्नम् । ज्योतिरन्नादम् । अप्सु
ज्योतिः प्रतिष्ठितम् । ज्योतिष्यापः प्रतिष्ठिताः । तदेतदन्नमन्ने प्रतिष्ठितम् ।
स य एतदन्नमन्ने प्रतिष्ठितं वेद प्रतिष्ठति । अन्नवानन्नादो भवति ।
महान् भवति प्रजया पशुभिर्ब्रह्मवर्चसेन । महान् कीर्त्या ॥

*annaṁ na paricakṣīta | tad vratam | āpo vā annam | jyotirannādam | apsu
jyotiḥ pratiṣṭhitam | jyotiṣyāpaḥ pratiṣṭhitāḥ | tadetadannamanne pratiṣṭhitam |
sa ya etadannamanne pratiṣṭhitam veda pratitiṣṭhati | annavānannādo bhavati |
mahān bhavati prajayā paśubhirbrahmavarçasena | mahān kīrtyā ॥*

Не отвергай пищу; ибо это тоже обет твоего труда. Воистину, воды тоже пища и яркий огонь — поедатель. Огонь утвержен в водах, а воды утверждены в огнях. Здесь тоже пища утверждена в пище. Кто знает эту пищу, что утверждена в пище, обретает себе прочную основу, он становится владыкой пищи и ее поедателем, великим в потомстве, великим в скоте, великим в блистании святости, великим в славе.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

अन्नं बहु कुर्वीत । तद् व्रतम् । पृथिवी वा अन्नम् । आकाशोऽन्नादः ।
पृथिव्यामाकाशः प्रतिष्ठितः । आकाशे पृथिवी प्रतिष्ठिता । तदेतदन्नमन्ने
प्रतिष्ठितम् । स य एतदन्नमन्ने प्रतिष्ठितं वेद प्रतिष्ठति । अन्नवानन्नादो
भवति । महान् भवति प्रजया पशुभिर्ब्रह्मवर्चसेन । महान् कीर्त्या ॥

*annaṁ bahu kurvīta | tad vratam | pṛthivī vā annam | ākāśo'nnādaḥ |
pṛthivyāmākāśaḥ pratiṣṭhitaḥ | ākāśe pṛthivī pratiṣṭhitā | tadetadannamanne
pratiṣṭhitam | sa ya etadannamanne pratiṣṭhitam veda pratitiṣṭhati | annavānannādo
bhavati | mahān bhavati prajayā paśubhirbrahmavarçasena | mahān kīrtyā ॥*

Увеличивай и накапливай пищу, ибо это тоже твое наставление к труду. Воистину, земля тоже есть пища и эфир есть поедатель. Эфир утвер-

жден в земле, а земля утверждена в эфире. Здесь тоже пища утверждена в пище. Кто знает эту пищу, что утверждена в пище, обретает себе прочную основу. Он становится владыкой пищи и ее поедателем, великим в потомстве, великим в скоте, великим в блистании святости, великим в славе.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

न कञ्चन वसतौ प्रत्याचक्षीत । तद् व्रतम् । तस्माद् यया कया च विधया बह्वन्नं प्राप्नुयात् । अराध्यस्मा अन्नमित्याचक्षते । एतद् वै मुखतोऽन्नं राद्धम् । मुखतोऽस्मा अन्नं राध्यते । एतद् वै मध्यतोऽन्नं राद्धम् । मध्यतोऽस्मा अन्नं राध्यते । एतद् वा अन्ततोऽन्नं राद्धम् । अन्ततोऽस्मा अन्नं राध्यते । य एवं वेद । क्षेम इति वाचि । योगक्षेम इति प्राणापानयोः । कर्मेति हस्तयोः । गतिरिति पादयोः । विमुक्तिरिति पायौ । इति मानुषीः समाज्ञाः ॥ अथ दैवीः । तृप्तिरिति वृष्टौ । बलमिति विद्युति । यश इति पशुषु । ज्योतिरिति नक्षत्रेषु । प्रजातिरमृतमानन्द इत्युपस्थे । सर्वमित्याकाशे । तत्प्रतिष्ठेत्युपासीत । प्रतिष्ठावान् भवति । तन्मह इत्युपासीत । महान् भवति । तन्मन इत्युपासीत । मानवान् भवति । तन्नम इत्युपासीत । नम्यन्तेऽस्मै कामाः । तद् ब्रह्मेत्युपासीत । ब्रह्मवान् भवति । तद् ब्रह्मणः परिमर इत्युपासीत । पर्येणं प्रियन्ते द्विषन्तः सपत्नाः । परि येऽप्रिया भ्रातृन्याः । स यश्चायं पुरुषे । यश्चासावादित्ये । स एकः । स य एवंवित् । अस्माल्लोकात् प्रेत्य । एतमन्नमयमात्मानमुपसङ्क्रम्य । एतं प्राणमयमात्मानमुपसङ्क्रम्य । एतं मनोमयमात्मानमुपसङ्क्रम्य । एतं विज्ञानमयमात्मानमुपसङ्क्रम्य । एतमानन्दमयमात्मानमुपसङ्क्रम्य । इमाँल्लोकान् कामान्नी कामरूप्यनुसञ्चरन् । एतत् साम गायन्नास्ते । हाश्वु हाश्वु हाश्वु । अहमन्नमहमन्नमहमन्नम् । अहमन्नादोऽहमन्नादोऽहमन्नादः । अहं श्लोककृदहं श्लोककृदहं श्लोककृत् । अहमस्मि प्रथमजा ऋताश्स्य । पूर्वं देवेभ्योऽमृतस्य नाश्भापि । यो मा ददाति स इदेव माश्वाः । अहमन्नमन्नमदन्तमाश्वि । अहं विश्वं भुवनमभ्यभवाश्म् । सुवर्नं ज्योतीः । य एवं वेद । इत्युपनिषत् ॥ सह नाववतु । सह नौ भुनक्तु । सह वीर्यं करवावहै । तेजस्वि नावधीतमस्तु । मा विद्विषावहै । ॐ शान्तिः शान्तिः शान्तिः ॥

*na kañcana vasatau pratyācakṣīta | tad vratam | tasmād yayā kayā ca vidhayā
bahvannaṁ prāpnuyāt | arādhyasmā annamityācakṣate | etad vai mukhato 'nnaṁ
rāddham | mukhato 'smā annaṁ rādhyate | etad vai madhyato 'nnaṁ rāddham |
madhyato 'smā annaṁ rādhyate | etad vā antato 'nnaṁ rāddham | antato 'smā
annaṁ rādhyate | ya evaṁ veda | kṣema iti vāci | yogakṣema iti prāṇāpānayoḥ |
karmeti hastayoḥ | gātiriti pādayoḥ | vimuktiriti pāyau | iti mānuṣiḥ
samājñāḥ || atha daivīḥ | tṛptiriti vṛṣṭau | balamiti vidyuti | yaśa iti
paśuṣu | jyotiriti nakṣatreṣu | prajātiramṛtamānanda ityupasthe | sarvamityā-
kāśe | tatpratiṣṭhetyupāsīta | pratiṣṭhāvān bhavati | tanmaha ityupāsīta | mahān
bhavati | tanmana ityupāsīta | mānavān bhavati | tannama ityupāsīta |
namyante 'smāi kāmāḥ | tad brahmetyupāsīta | brahmavān bhavati | tad
brahmaṇaḥ parimara ityupāsīta | paryeṇaṁ mriyante dviṣantaḥ sapatnāḥ | pari
ye 'priyā bhrātṛvyāḥ | sa yaścāyaṁ puruṣe | yaścāsāvādītye | sa ekaḥ | sa ya
evamvit | asmāllokāt pretya | etamannamayamātmānamupasaṅkramya | etaṁ
prāṇamayamātmānamupasaṅkramya | etaṁ manomayamātmānamupasaṅ-
kramya | etaṁ vijñānamayamātmānamupasaṅkramya | etaṁānandamaya-
mātmānamupasaṅkramya | imāṁllokān kāmānni kāmārūpyanusaṅcaran | etat
sāma gāyannāste | hā vu hā vu hā vu | ahamannamahamannamahamannam |
ahamannādo 'hamannādo 'hamannādaḥ | ahaṁ ślokakṛdahaṁ ślokakṛdahaṁ
ślokakṛt | ahamasmi prathamajā ṛtāsya | pūrvaṁ devebhyo 'mṛtāsya nābhāyi |
yo mā dadāti sa ideva māvāḥ | ahamannamannamadantamādmī | ahaṁ
viśvaṁ bhuvanamahyabhavām | suvarṇa jyotīḥ | ya evaṁ veda | ityupaniṣat ||
saha nāvavatu | saha nau bhunaktu | saha vīryaṁ karavāvahai | tejasvi
nāvadhītastu | mā vidviśāvahai | OM śāntiḥ śāntiḥ śāntiḥ ||*

Никого не отвергай в своей обители; ибо и это тоже твое наставление к труду. А потому любым способом обрести ты должен себе большой запас пищи. Говорят постороннему в жилище: «Вставай, пища готова». Была ли пища готова вначале? Ему пища готова и вначале. Была ли пища готова в середине? Ему пища готова и в середине. Была ли пища готова в самом конце? Ему пища готова и в самом конце — тому, у кого есть это знание. Такие, как преуспевание в речи, как обретение и обладание в главном дыхании и в нижнем, как работа в руках, как движение в ногах, как испражнение в заднем проходе — таковы человеческие способы познания. Затем — божественные: такие, как удолетворение в дожде, как сила в молнии, как великолепие в тварях, как яркость в созвездиях, как деторождение, и блаженство, и смерть, побежденная в органе удовольствия, как Все в Эфире. Ищи Его как проч-

ную основу сущего, и ты обретишь себе прочную основу. Ищи Его как Махас, и ты станешь Могучим; ищи Его как Ум, и ты исполнишься ума; ищи Его как поклонение, и твои желания склонятся низко перед тобой; ищи Его как Вечного, и ты исполнишься Духа. Ищи Его как разрушение Вечного, царящее вокруг, и ты увидишь своих соперников и своих ненавистников во множестве гибнущими вокруг, и твою родню, которая не любила тебя. Дух, который здесь, в человеке, и Дух, который там, в Солнце, есть Один Дух и нет другого. Тот, кто обладает этим знанием, когда уходит из этого мира, перейдя в «Я», которое из пищи; перейдя в «Я», которое из Праны; перейдя в «Я», которое из Ума; перейдя в «Я», которое из Знания; перейдя в «Я», которое из Блаженства, он странствует по мирам, он ест, что желает, и принимает облик по желанию, и вечно он поет могучую песнь. «Хо, хо, хо! Я пища! Я пища! Я пища! Я поедатель пищи! Я едок! Я едок! Я едок! Я есмь тот, кто творит Писание! Я есмь тот, кто творит! Я есмь тот, кто творит! Я первенец Закона; прежде богов я есмь, воистину, в самом сердце бессмертия. Тот, кто дает мне, воистину, он поддерживает меня; ибо, будучи сам пищей, я поедаю того, кто ест. Я одолел весь мир и овладел им, мой свет как солнце в своей славе». Так он поет, тот, кто обладает знанием. Это, воистину, есть Упанишада, тайна Веды.

Вместе нас да защитит Он; вместе нас да обретет Он; вместе да сотворим мы силу и отвагу в себе! Пусть будет для нас полным силы и света то, что мы изучили! Да не узнаем мы никогда ненависти!

ОМ! Мир! Мир! Мир!

ЗАМЕТКИ О ТАЙТТИРИЯ УПАНИШАДЕ

Знание Брахмана

Познавший Брахмана достигает того, что всего превыше.

Об этом сложен такой стих:

«Истина, Знание, Бесконечность суть Брахман,
Тот, кто познал сокрытое в тайнике в наивысшем эфире,
Наслаждается исполнением всех желаний
неразлучный с всепостигающим премудрым Брахманом».

Такова суть начальных фраз второго раздела Тайттирия Упанишады — ими начинается истолкование наивысшей истины.

На санскрите они звучат так:

ब्रह्मविद् आप्नोति परम् -
तद् एषाभ्युक्ता - सत्यं ज्ञानम् अनन्तं ब्रह्म -
यो वेद निहितं गुहायां - परमे व्योमन् -
सोऽश्रुते सर्वान् कामान् - सह ब्रह्मणा विपश्चितेति ।

*brahmavid āpnoti param —
tad eṣābhyuktā — satyaṁ jñānāmanantaṁ brahma —
yo veda nihitaṁ guhāyām — parame vyoman —
so'shrute sarvān kāmān — saha brahmaṇā vipaściteti ।*

Но что есть Брахман?

Брахман есть вся существующая реальность, благодаря которой возможно существование всего прочего. Вечное за всеми непостоянствами, Истина сущего, которая подразумевается, даже будучи скрытой, во всех формах жизни, Неизменное, которое поддерживает все изменения, но при этом не прибывает, не убывает, не поглощается, — есть некий «икс», некое неизвестное, делающее проблемой существование, тайной наше собственное «я», загадкой — вселенную. Будь мы только тем, чем кажемся нашему нормальному самовосприятию, никакой тайны не было бы; будь мир только тем, что могут в нем распознать наши чувства и строгий анализ их восприятий разумом, не было бы никакой загадки; и если принять нашу жизнь, такой, какая она сейчас,

и этот мир, таким, каким он предстал в нашем развивающемся опыте до сих пор, за предельную возможность наших познаний и действий, то не было бы никакой проблемы. В крайнем случае, была бы некоторая таинственность, легко решаемая загадка, проблема на уровне детской головоломки. Однако существует нечто большее, и это большее есть сокровенная глава Бесконечного и потаенное сердце Вечного. Это нечто превыше всего — и это наивысшее есть все; нет ничего вне этого и ничего, кроме этого. Познать это значит познать высочайшее и знанием высочайшего знать все. Ибо поскольку это — начало и источник всего сущего, все остальное выступает как следствие; поскольку это опора и составляющая всего сущего, его тайна объясняет тайну всего сущего; поскольку это сумма и итог всего сущего, все составляет эту сумму и добавлением себя к ней обретает смысл собственного существования.

Это есть Брахман.

Будь это неизвестное просто не поддающимся расшифровке, просто неопределимым «иксом», всегда непознанным и непознаваемым, никогда не раскрываемым скрытым, секретом, который нам никогда не разгадать, то наша тайна вовек оставалась бы тайной, загадка не имела бы разгадки, а проблема — разрешения. Существование этого, даже определяя собой все, что мы есть, что мы знаем и что делаем, практического значения для нас не имело бы; ибо наша связь с ним была бы слепой и беспомощной зависимостью, связью неведения, которое только одно и могло бы ее поддерживать. Или же, если бы этот «икс» каким-то образом был познаваем, но единственным результатом его познания было бы исчезновение или постепенное угасание нашего существа, то внутри нашего существа результат не мог бы иметь последствий: сам акт познания и его плоды вели бы к уничтожению всего, что мы сейчас есть, — а не к его завершению или осуществлению. Тайна, загадка, проблема были бы не столько решены, сколько отменены за отсутствием надобности. Фактически, нам пришлось бы предположить, что существует некая вечная и непримиримая противоположность между Брахманом и тем, что мы сейчас есть, между наивысшей причиной и всеми ее следствиями или между наивысшей причиной и всеми ее производными. При этом все порожаемое Вечным, все, что он поддерживает, и все, что он возвращает в себя, предстало бы

по отношению к его бытию как отрицание или противоречие, ибо, будучи само по себе негативно по отношению к тому, что единственно есть, оно каким-то образом становится позитивным. То и другое не могло бы сосуществовать в сознании; если бы он допустил мир познать себя, мир исчез бы.

Но Вечный познаваем, Он определяет себя, так что мы в состоянии уловить его, и человек способен познать Брахмана, даже оставаясь человеком, в этом мире и в этом теле.

Знание Брахмана бесполезно и не несет света, если оно лишь формирует интеллектуальное мировоззрение, не воздействуя на душу человека и на его образ жизни; это знание, которое есть энергия и божественное побуждение к перемене; через него человеческое существование получает нечто, чем до того не обладает сознание. Что же это такое? Теперь человек сознает, что находится в низшем состоянии своего бытия, но через знание обретает свое высочайшее бытие.

Высочайшее состояние нашего бытия это не отрицание, противоречие и уничтожение всего того, что мы есть сейчас, а наивысшая реализация всего, что заложено в нашем нынешнем существовании, но только в самом высоком смысле и в ценностях вечных.

ЖИТЬ в нашем нынешнем состоянии самосознания значит жить и действовать в неведении. Мы пребываем в неведении относительно себя, ибо нам известно пока лишь то, что постоянно в нас меняется, от мига к мигу, от часа к часу, от периода к периоду, от жизни к жизни, — а не то, что в нас вечно. Мы пребываем в неведении относительно мира, потому что мы не знаем Бога. Нам знаком закон мнимостей, но не закон и истина бытия.

Самая высокая наша мудрость, самая детальная и точная наша наука, наше самое эффективное использование знания, в лучшем случае, способны сделать завесу неведения чуть потоньше, но заглянуть за нее мы не в силах, пока не доберемся до фундаментального знания и до того сознания, которому это знание присуще. Все прочее эффективно для достижения собственных временных целей, но оказывается неэффективным в конечном счете, ибо не ведет к высочайшему благу; не ведет к постоянному разрешению проблемы бытия.

Неведение, в котором мы живем, не есть просто неистинность, полная и ни на чем не основанная — на самом низком уровне это

искажение истины, на самом высоком уровне — несовершенное понимание Истины, истолкованной посредством низших ценностей, соответственно искажающих ее. Это знание одного лишь поверхностного, знание, которое упускает сокровенную суть, являющуюся ключом ко всему, к чему стремится поверхностное; знание конечного и видимого, не улавливающее того, что символизируется видимым и подсказывается конечным; знание второстепенных форм, проходящее мимо того, что превышает нашей низшей жизни и бытия и к чему оно должно стремиться, если его цель — осуществление своих величайших возможностей. Истинное знание есть знание высочайшего, глубиннейшего, бесконечного. Познавшему Брахмана все низшее видится в свете Высочайшего, внешнее и поверхностное — как истолкование внутреннего и сущностного, конечное — с точки зрения Бесконечности. Он начинает видеть и понимать существование уже не как мыслящее животное, но так, как его видит и знает Вечный. Поэтому он счастлив и изобилует в бытии, лучезарен в радости, удовлетворен существованием.

ЗНАНИЕ не кончается на познании, его ищут и находят не просто ради познания. Полноценно знание только тогда, когда оно ведет к завоеванию большего, чем оно само, к завоеванию бытия. Просто знать вечное и оставаться в страдании, борениях и приниженности нашего нынешнего существования было бы достижением относительным.

Высокое знание открывает возможность и, при настоящем овладении, ведет к реальности высокого бытия. Быть — это первый глагол, который содержит в себе все остальные; знание, действие, созидание, наслаждение — только реализации бытия. Поскольку мы незавершенны в нашем бытии, то наша цель — расти, а знание, действие, созидание, наслаждение есть лучшее, что больше всего помогает нам расширяться, возрасти, почувствовать свое существование.

Просто существование не есть полнота бытия. Бытие знает себя как силу, сознание, радость; более великое бытие означает большую силу, сознание, радость.

Если, становясь более великими, мы бы увеличивали боль и страдание, то такое благо не стоило бы обретать. Те, кто говорит, что все равно стоило бы, имеют в виду просто обретение большего чувства самоосуществления, которое само по себе дает большую радость силы существования, так что распространение страдания или утрата других

радостей — цена, которую стоит заплатить за это большее ощущение широты, высоты и силы. Но это не может быть совершенством существа или высочайшей вершиной его реализации. Страдание есть печать низшего статуса. Высочайшее сознание интегрально осуществляется в широте и силе своего бытия, но также интегрально оно осуществляется в радости.

Познавший Брахмана обладает не только радостью света, но результатом его знания становится и нечто безмерное, *brahmavid āpnoti*.

Он обретает то, что превышает всего, — наивысшее, он обретает высочайшее бытие, высочайшее сознание, высочайшую широту и силу, высочайшую радость, *brahmavid āpnoti param*.

НАИВЫСШЕЕ не есть нечто отстраненное и замкнутое в себе. Оно не просто неопределимое, поработанное собственной безликой абсолютностью, бессильной определять, созидать, разнообразно познавать себя, вечно погруженной в сон или глубокий обморок поглощенности собой. Высочайшее есть Бесконечное, и Бесконечное заключает в себе Все. Достигший высшего сознания становится бесконечен в бытии и объемлет Все.

Дабы объяснить это, Упанишада определяет Брахмана как Истину, Знание, Бесконечность, а результат Его познания — сокрытый в тайнике, в пещере существа, в наивысшем эфире — как наслаждение исполнением всех желаний индивидуальной души в достижении ее высочайшего самосуществования.

Наше высочайшее состояние есть по сути слияние с Брахманом в его вечности и беспредельности, но, вместе с тем, и связь с ним в радости самоосуществления, *aśnute saha brahmaṇā*. И тот принцип Вечного, благодаря которому возможна такая связь, есть принцип его знания, его саморазличения и всеразличения, мудрость, через которую он совершенно знает себя во всем и во всех существах, *brahmaṇā vipaścītā*.

Радость бытия есть средоточие всех осуществленных ценностей существования, которые мы сейчас ищем в формах желания. Знание ее условий, чистое и совершенное обладание ею есть бесконечная привилегия вечной Мудрости.

Истина, Знание, Бесконечность

ИСТИНА, Знание, Бесконечность — не по отдельности, но в их неделимом единстве — есть высшее сознательное бытие Вечного. Это есть бесконечное бытие, бесконечная истина бытия, бесконечное самознание самобытия. Стоит упустить из виду хотя бы один из этих аспектов, и идея Вечного ускользает от нас, и мы обрекаем себя на блуждание во мраке, на следование за полусветами блистательных парадоксов, которые ведут в никуда, на поклонение обманчивым кумирам оторванных от жизни интеллектуальных концепций.

Бесконечность есть вневременная, внепространственная и надпричинная бесконечность вечного, заключающего в себе все безграничности пространства и времени и всю ту нескончаемую последовательность пространственно-временных фактов, которую мы со своих человеческих позиций называем причинностью. Но в действительности причинность есть лишь низший аспект и воспроизведение в рамках ментально-витальных понятий того, что представляет собой не какой-то механистичный детерминизм, но сочетание гармоний, выражающих свободное самоопределение бытия Вечного.

Истина есть истина бесконечного и вечного, истина бытия, и истина становления — но лишь в качестве самовыражения бытия. Обстоятельства этого самовыражения для ума представляются конечными, но в действительности нет ничего конечного, за исключением самого способа восприятия умом всего, что предстает перед его взором. Все и вся существует, все и вся, каждая вещь и каждое существо, есть Брахман.

Знание есть неотъемлемое самознание Вечного, знание им своего бесконечного самосуществования, всей его истины и реальности и, в этой истине, — всех вещей и существ, но не так, как они видятся уму, а так, как они открыты самопрозреванию Духа. Это знание невозможно для ума; он способен лишь неполноценно отражать его, когда к нему прикасается луч, исходящий из сокровенного светозарного тайника нашего сверхсознательного бытия; и тем не менее этот луч может стать для нас сияющей лестницей, ведущей к источнику этой верховной самопрозревающей мудрости.

Постигать вечную Истину, Знание, Бесконечность означает постигать Брахмана.

АЙТАРЕЯ УПАНИШАДА

Айтарея Упанишада

ГЛАВА ПЕРВАЯ: РАЗДЕЛ I

हरिः ॐ ॥ आत्मा वा इदमेक एवाग्र आसीन्नान्यत्किञ्चन मिषत् ।
स ईक्षत लोकान्नु सृजा इति ॥१॥

*hariḥ OM ॥ ātmā vā idameka evāgra āsīnnānyatkiñcana miṣat ।
sa īkṣata lokānnu sṛjā iti ॥*

1. Хари ОМ. В начале был Один Дух, и Дух был все это, вся вселенная; не было ничего другого зрящего¹. Дух помыслил: «Я сотворю себе миры из самого себя».

स इमाँल्लोकानसृजत अम्भो मरीचीर्मरमापोऽदोऽम्भः परेण दिवं
द्यौः प्रतिष्ठन्तरिक्षं मरीचयः । पृथिवी मरो या अधस्तात्ता आपः ॥२॥

*sa imāṅllokānasṛjata — ambho marīcīrmaramāpo’do’mbhaḥ pareṇa divam
dyauḥ pratiṣṭhāntarikṣam marīcayaḥ । pṛthivī maro yā adhastāttā āpaḥ ॥*

2. Такими были миры, которые он сотворил: *амбхах* (*ambhaḥ*), мир эфирных вод, *маричих* (*marīcīḥ*), мир света, *мара* (*mara*), мир смерти и того, что смертно, *анах* (*āpaḥ*), мир нижних вод. Эфирные воды — превыше сияющего небосвода, и небосвод — их основа и опора; Пространство это мир света; земля — мир того, что смертно, а ниже земли — нижние воды.

¹ Или — «движущегося».

स ईक्षतेमे नु लोका लोकपालान्नु सृजा इति । सोऽद्भ्य एव पुरुषं
समुद्धृत्यामूर्च्छयत् ॥३॥

*sa īkṣateme nu lokā lokapālān nu sṛjā iti | so'dbhya eva puruṣam
samuddhṛtyāmūrchayat ||*

3. Дух помыслил: «Вот эти миры; а теперь я сотворю себе хранителей для моих миров». И вот он извлек из вод Пурушу и придал Ему облик и сущность.

तमभ्यतपत्तस्याभितप्तस्य मुखं निरभिद्यत यथाण्डं मुखा-
द्वाग्वाचोऽग्निर्नासिके निरभिद्येतां नासिकाभ्यां प्राणः । प्राणाद्वायु-
रक्षिणी निरभिद्येतामक्षिभ्यां चक्षुश्चक्षुष आदित्यः कर्णौ निरभि-
द्येतां कर्णाभ्यां श्रोत्रं श्रोत्रादिशस्त्वङ् निरभिद्यत त्वचो लोमानि
लोमभ्य ओषधिवनस्पतयो हृदयं निरभिद्यत हृदयान्मनो
मनसश्चन्द्रमा नाभिर्निरभिद्यत नाभ्या अपानोऽपानान्मृत्युः शिश्रं
निरभिद्यत शिश्राद्रेतो रेतस आपः ॥४॥

*tamabhyatapatasyābhitaptasya mukhaṁ nirabhidyata, yathāṇḍam; mukhā-
dvāgvāco'gnirnāsike nirabhidyetām, nāsikābhyām prāṇaḥ | prāṇādvāyu-
rakṣiṇī nirabhidyetāmakṣibhyām cakṣuścakṣuṣa ādityaḥ karṇau nirabhi-
dyyetām, karṇābhyām śrotraṁ śrotrāddiśastvaṅ nirabhidyata, tvaco lomāni
lomabhyā oṣadhivanaspatayo hṛdayaṁ nirabhidyata, hṛdayānmano
manasaścandramā nābhīr nirabhidyata nābhya apāno'pānānmṛtyuḥ śiśraṁ
nirabhidyata, śiśnādretō retasa āpaḥ ||*

4. Поистине, Дух вынашивал Его, и у Него, так выношенного, раскрылся рот, как лопается высуженное яйцо; изо рта вырвалась Речь, и от Речи родился огонь. Раскрылись ноздри, из ноздрей — Дыхание, а от Дыхания родился воздух. Раскрылись глаза, из глаз — Зрение, а от Зрения родилось Солнце. Раскрылись уши, и из ушей — Слух, а от Слуха родились стороны света. Раскрылась Кожа, и из Кожи — волосы, а из волос родились целебные травы и все деревья и растения. Раскрылось сердце, и из сердца — Ум, а от Ума родилась луна. Раскрылся пуп, и из пупа — апана (*apāna*), а от апаны родилась Смерть. Раскрылся орган удовольствия, и из него — семя, а от семени родились воды.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: РАЗДЕЛ II

ता एता देवताः सृष्टा अस्मिन्महत्त्यण्वि प्रापतंस्तमशनापिपासाभ्या-
मन्ववार्जत् । ता एनमब्रुवन्नायतनं नः प्रजानीहि यस्मिन् प्रतिष्ठिता
अन्नमदामेति ॥१॥

*tā etā devatāḥ sṛṣṭā asminmahatyaṇve prāpataṁstamaśanāpipāsābhyā-
manvavārjat | tā enamabruvannāyatanam naḥ prajānīhi, yasmin pratiṣṭhitā
annamadāmeti ||*

1. Такими были Боги, которых Он сотворил; они погрузились в этот великий Океан, и Голод и Жажда напали на них. Тогда они сказали Ему: «Повели, чтобы была у нас обитель, дабы могли мы жить в безопасности и вкушать пищу».

ताभ्यो गामानयत्ता अब्रुवन्न वै नोऽयमलमिति ताभ्योऽश्वमानयत्ता
अब्रुवन्न वै नोऽयमलमिति ॥२॥

*tābhyo gāmānayattā abruvanna vai no'yamalamiti tābhyo'svamānayattā
abruvanna vai no'yamalamiti ||*

2. Он привел им корову, но они сказали: «Воистину, этого недостаточно для нас». Он привел им лошадь, но они сказали: «Воистину, этого недостаточно для нас».

ताभ्यः पुरुषमानयत्ता अब्रुवन् सुकृतं बतेति पुरुषो वाव सुकृतम् ।
ता अब्रवीद्यथायतनं प्रविशति ॥३॥

*tābhyaḥ puruṣamānayattā abruvan sukṛtaṁ bateti; puruṣo vāva sukṛtam |
tā abravīdyathāyatanam praviśateti ||*

3. Он привел им Человека, и они сказали: «О, поистине, хорошо сделано! Человек, воистину, сотворен ладно и прекрасно». Тогда Дух сказал им: «Войдите же — каждый в свою обитель».

अग्निर्वाग्भूत्वा मुखं प्राविशद्वायुः प्राणो भूत्वा नासिके प्राविशदादि-
त्यश्वक्षुर्भूत्वाऽक्षिणी प्राविशाद्दिशः श्रोत्रं भूत्वा कर्णौ प्राविशन्नो-
षधिवनस्पतयो लोमानि भूत्वा त्वचं प्राविशंश्चन्द्रमा मनो भूत्वा
हृदयं प्राविशन्मृत्युरपानो भूत्वा नाभिं प्राविशदापो रेतो भूत्वा
शिश्रं प्राविशन् ॥४॥

*agnirvāgbhūtvā mukhaṁ prāviśadvāyuh prāṇo bhūtvā nāsike prāviśadādi-
tyaścakṣurbhūtvā'kṣiṇī prāviśāddiśaḥ śrotraṁ bhūtvā karnau prāviśanno-
ṣadhivanaspatayo lomāni bhūtvā tvacaṁ prāviśaṁścandramā mano bhūtvā
hṛdayaṁ prāviśanmṛtyurapāno bhūtvā nābhīm prāviśadāpo reto bhūtvā
śiśraṁ prāviśan ॥*

4. Огонь стал Речью и вошел в уста; Воздух стал Дыханием и вошел в ноздри; Солнце стало Зрением и вошло в глаза; Стороны света стали Слухом и вошли в уши; Травы целебные, растения и деревья стали Волосами и вошли в кожу; Луна стала Умом и вошла в сердце; Смерть стала *ананой*, вниз идущим дыханием, и вошла в пуп; Воды стали Семенем и вошли в детородный орган.

तमशनापिपासे अब्रूतामावाभ्यामभिप्रजानीहीति । ते अब्रवीदेतास्वेव
वां देवतास्वाभजाम्येतासु भागिन्यौ करोमीति । तस्माद्यस्यै कस्यै
च देवतायै हविर्गृह्यते भागिन्यावेवास्यामशनापिपासे भवतः ॥५॥

*tamaśanāpipāse abrūtāmāvābhyaṁabhiprajānīhīti । te abravīdetāsveva
vāṁ devatāsvābhajāmyetāsu bhāginyau karomīti । tasmādyasyai kasyai
ca devatāyai havirgrhyate bhāginyāvevāsyāmaśanāpipāse bhavataḥ ॥*

5. Тогда Голод и Жажда сказали Духу: «Повели, чтобы и у нас была обитель». Но Он сказал им: «Среди этих богов я назначаю вам долю; вот, я сделал вас соучастниками их божественности». Поэтому, кому бы из богов ни возносилось подношение, Голод и Жажда непременно получают в нем свою долю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: РАЗДЕЛ III

स ईक्षतेमे नु लोकाश्च लोकपालाश्चान्नमेभ्यः सृजा इति ॥१॥

sa īkṣateme nu lokāśca lokapālāścānnamebhyaḥ sṛjā iti ॥

1. Дух помыслил: «Вот, воистину, — мои миры и хранители их; теперь я сотворю пищу для них».

सोऽपोऽभ्यतपत् ताभ्योऽभितप्ताभ्यो मूर्तिरजायत । या वै सा मूर्ति-
रजायतान्नं वै तत् ॥२॥

*so'po'bhyatapat tābhyo'bhitaptābhyo mūrtirajāyata । yā vai sā mūrti-
rajāyatānnaṁ vai tat ॥*

2. Дух в могуществе вынашивал воды, и из вод, выношенных могуче, родилась Форма. И вот, все это, рожденное как форма, есть Пища и ничто иное.

तदेनदभिसृष्टं पराङ्त्यजिघांसत् । तद्वाचाऽजिघृक्षत् तन्नाशक्रोद्धाचा
ग्रहीतुम् । स यद्धैनद्वाचाग्रहैष्यदभिव्याहृत्य हैवान्नमत्रप्स्यत् ॥३॥

*tadenadabhisṛṣṭaṁ parāṅtṛyajighānsat । tadvācā'jighṛkṣat, tannāśaknodvācā
grahītum । sa yaddhainadvācāgrahaiṣyadabhivyāhṛtya haivānnamatrapṣyat ॥*

3. Будучи созданной, Пища ускользнула от Него. Он хотел поймать ее речь, но не смог поймать ее речь. Поймай Он ее речь, человек насыщался бы просто произнося пищу.

तत् प्राणेनाजिघृक्षत् तन्नाशक्रोत् प्राणेन ग्रहीतुम्। स यद्वैनत्
प्राणेनाग्रहैष्यदभिप्राण्य हैवान्नमत्रप्स्यत् ॥४॥

*tat prāṇenājighṛkṣat, tannāśaknot prāṇena grahītum | sa yaddhainat
prāṇenāgrahaiṣyadabhiprāṇya haivānnamatrapṣyat ||*

4. Он хотел поймать ее дыханием, но не смог поймать ее дыханием. Поймай Он ее дыханием, человек насыщался бы просто вдыхая пищу.

तच्चक्षुषाजिघृक्षत् तन्नाशक्रोच्चक्षुषा ग्रहीतुम्। स यद्वैनच्चक्षु-
षाग्रहैष्यद् दृष्ट्वा हैवान्नमत्रप्स्यत् ॥५॥

*taccakṣuṣā'jighṛkṣat, tannāśaknoccakṣuṣā grahītum | sa yaddhainaccakṣu-
ṣāgrahaiṣyad dṛṣṭvā haivānnamatrapṣyat ||*

5. Он хотел поймать ее глазом, но не смог поймать ее глазом. Поймай Он ее глазом, человек насыщался бы просто видя пищу.

तच्छ्रोत्रेणाजिघृक्षत् तन्नाशक्रोच्छ्रोत्रेण ग्रहीतुम्। स यद्वैनच्छ्रोत्रे-
णाग्रहैष्यच्छ्रुत्वा हैवान्नमत्रप्स्यत् ॥६॥

*tacchrotreṇājighṛkṣat tannāśaknocchrotreṇa grahītum | sa yaddhainacchrotre-
ṇāgrahaiṣyacchrutvā haivānnamatrapṣyat ||*

6. Он хотел поймать ее ухом, но не смог поймать ее ухом. Поймай Он ее ухом, человек насыщался бы просто слыша пищу.

तत्त्वचाजिघृक्षत् तन्नाशक्रोत्त्वचा ग्रहीतुम्। स यद्वैनत्त्वचाग्रहै-
ष्यत्स्पृष्ट्वा हैवान्नमत्रप्स्यत् ॥७॥

*tattvacājighṛkṣat, tannāśaknottvacā grahītum | sa yaddhainattvacāgrahai-
ṣyatspṛṣṭvā haivānnamatrapṣyat ||*

7. Он хотел поймать ее кожей, но не смог поймать ее кожей. Поймай Он ее кожей, человек насыщался бы просто касаясь пищи.

तन्मनसाजिघृक्षत् तन्नाशक्रोन्मनसा ग्रहीतुम् । स यद्वैनन्मनसा-
ग्रहैष्यद् ध्यात्वा हैवान्नमत्रप्स्यत् ॥८॥

*tanmanasājighṛkṣat, tannāśaknonmanasā grahītum | sa yaddhainanmanasā-
grahaiṣyad, dhyātvā haivānnamatrapsyat ||*

8. Он хотел поймать ее умом, но не смог поймать ее умом. Поймай Он ее умом, человек насыщался бы просто мысля пищу.

तच्छिश्रेनाजिघृक्षत् तन्नाशक्रोच्छिश्रेन ग्रहीतुम् । स यद्वैन-
च्छिश्रेनाग्रहैष्याद्वित्सृज्य हैवान्नमत्रप्स्यत् ॥९॥

*tacchiśnenājighṛkṣat, tannāśaknocchiśnena grahītum | sa yaddhaina-
cchiśnenāgrahaiṣyadvitsṛjya haivānnamatrapsyat ||*

9. Он хотел поймать ее детородным членом, но не смог поймать ее детородным членом. Поймай Он ее детородным членом, человек насыщался бы просто извергая пищу.

तदपानेनाजिघृक्षत् तदावयत् । सैषोऽन्नस्य ग्रहो यद्वायुरन्नायुर्वा
एष यद्वायुः ॥१०॥

*tadapānenājighṛkṣat, tadāvayat | saiṣo'nnasya graho yadvāyurannāyurvā
eṣa yadvāyuḥ ||*

10. Он хотел поймать ее *апаной*, и *апаной* она была поймана. Воистину, это уловитель пищи, который есть также и Дыхание Жизни, а потому все, что есть Дыхание, жизнь свою берет в пище.

स ईक्षत कथं न्विदं मदृते स्यादिति । स ईक्षत कतरेण प्रपद्या इति ।
 स ईक्षत यदि वाचाभिव्याहृतं यदि प्राणेनाभिप्राणितं यदि चक्षुषा
 दृष्टं यदि श्रोत्रेण श्रुतं यदि त्वचा स्पृष्टं यदि मनसा ध्यातं
 यद्यपानेनाभ्यपानितं यदि शिश्रेण विसृष्टमथ कोऽहमिति ॥११ ॥

*sa īkṣata katham nvidam madṛte syāditi । sa īkṣata katareṇa prapadyā iti ।
 sa īkṣata yadi vācābhivyāhṛtam, yadi prāṇenābhiprāṇitam, yadi cakṣuṣā
 dṛṣṭam, yadi śrotreṇa śrutam, yadi tvacā sprṣṭam, yadi manasā dhyātam,
 yadyapānenābhyapānitam, yadi śiśreṇa viśṣṭamatha ko'hamiti ॥*

11. Дух подумал: «Как может все это существовать без меня?» И подумал Он: «Каким путем войду я?» И еще Он подумал: «Если говорят Речью, если дышат Дыханием, если видят Глазом, если слышат Ухом, если мыслят Умом, если низшие действия производятся *апаной*, если извержение производится детородным членом, то кто же я?»

स एतमेव सीमानं विदार्यैतया द्वारा प्रापद्यत । सैषा विदृतिर्नाम
 द्वास्तदेतन्नन्दनम् । तस्य त्रय आवसथास्त्रयः स्वप्नाः । अयमा-
 वसथोऽयमावसथोऽयमावसथ इति ॥१२ ॥

*sa etameva sīmānam vidāryaitayā dvārā prāpadyata । saiṣā vidṛtirnāma
 dvāstadetannandanam । tasya traya āvasathāstrayaḥ svapnāḥ । ayamā-
 vasatho'yamāvasatho'yamāvasatha iti ॥*

12. И вот преграду эту Он рассек, и через эти врата вошел Он. Это и называется вратами рассечения; это врата Его вхождения и это место Его блаженства. У Него три обители в Его городе, три состояния сна, в которых Он обитает, и о каждом в свой черед Он говорит: «Вот это моя обитель», и «Это моя обитель», и «Это моя обитель».

स जातो भूतान्यभिव्यैख्यत् किमिहान्यं वावदिषदिति । स एतमेव
पुरुषं ब्रह्म ततममपश्यदिदमदर्शमिती३ ॥१३ ॥

*sa jāto bhūtānyabhivyaikhyat, kimihānyaṃ vāvadiṣaditi | sa etameva
puruṣaṃ brahma tatamamapaśyadidamadārśamītī ॥*

13. И вот, когда Он родился, Он говорил и думал только о Природе и ее творениях; в этом мире материи о чем еще Он мог бы говорить и размышлять? Потом же Он узрел то Существо, которое есть Брахман и окончательная Суть. Он сказал: «Поистине, это Он, воистину, я увидел Его».

तस्मादिदन्द्रो नामेदन्द्रो ह वै नाम । तमिदन्द्रं सन्तमिन्द्र इत्या-
चक्षते परोक्षेण । परोक्षप्रिया इव हि देवाः परोक्षप्रिया इव हि
देवाः ॥१४ ॥

*tasmādidandro nāmedandro ha vai nāma | tamidandraṃ santamindra ityā-
cakṣate parokṣeṇa | parokṣapriyā iva hi devāḥ, parokṣapriyā iva hi
devāḥ ॥*

14. Поэтому есть Он Идандра; ибо Идандра есть истинное имя Его. Но хотя Он есть Идандра, его называют Индрой, дабы сохранить покров Нераскрытости; ибо любят боги этот покров Нераскрытости, воистину, боги любят эту Нераскрытость.

ГЛАВА ВТОРАЯ

पुरुषे ह वा अयमादितो गर्भो भवति । यदेतद्रेतः तदेतत्सर्वेभ्यो-
ऽङ्गेभ्यस्तेजः संभूतमात्मन्येवात्मानं बिभर्ति तद्यदा स्त्रियां सिञ्च-
त्यथैनज्जनयति तदस्य प्रथमं जन्म ॥१॥

*puruṣe ha vā ayamādīto garbho bhavati | yadetadretaḥ tadetatsarvebhyo-
'ṅgebhyastejaḥ sambhūtamātmānyevātmānaṁ bibharti; tadyadā striyāṁ
siñcatyathainajjanayati; tadasya prathamāṁ janma ||*

1. Это нерожденное дитя сначала появляется в мужчине. То, что есть семя, это сила и жар его, которые из всех частей этого создания сходятся вместе ради становления; поэтому он носит себя в себе, и когда изливает это в женщину, то зачинает самого себя. И это есть первое рождение Духа.

तत् स्त्रिया आत्मभूयं गच्छति । यथा स्वमङ्गं तथा । तस्मादेनां न
हिनस्ति सास्यैतमात्मानमत्र गतं भावयति ॥२॥

*tat striyā ātmabhūyaṁ gacchati | yathā svamaṅgaṁ tathā | tasmādenāṁ na
hinasti; sāsyaitamātmānamatra gataṁ bhāvayati ||*

2. Оно же становится с этой женщиной единым «я» и потому не причиняет ей вреда, и она пестует это «я» своего мужа, которое вошло в ее чрево.

सा भावयित्री भावयितव्या भवति । तं स्त्री गर्भं बिभर्ति सोऽग्र
एव कुमारं जन्मनोऽग्रेऽधिभावयति । स यत् कुमारं जन्मनोऽग्रे-
ऽधिभावयति आत्मानमेव तद् भावयति एषां लोकानां सन्तत्या ।
एवं सन्तता हीमे लोकास्तदस्य द्वितीयं जन्म ॥३॥

*sā bhāvayitrī bhāvayitavyā bhavati | taṁ strī garbhaṁ bibharti; so'gra
eva kumāraṁ janmano'gre'dhibhāvayati | sa yat kumāraṁ janmano'gre-
'dhibhāvayati, ātmānameva tad bhāvayati, eṣāṁ lokānāṁ santatyā |
evaṁ santatā hīme lokāstadasya dvitīyaṁ janma ||*

3. Ее, пестующую, следует пестовать. Так женщина носит нерожденное дитя, а мужчина пестует мальчика с самого начала, еще до того, как он родится. И пестуя мальчика до того, как он родился, поистине, себя он пестует, ради продолжения этих миров и людей, их населяющих, ибо только таким образом прядется, не обрываясь, нить этих миров. И это есть второе рождение Духа.

सोऽस्यायमात्मा पुण्येभ्यः कर्मभ्यः प्रतिधीयते । अथास्यायामितर
आत्मा कृतकृत्यो वयोगतः प्रैति स इतः प्रयन्नेव पुनर्जायते तदस्य
तृतीयं जन्म ॥४॥

*so'syāyamātmā puṇyebhyaḥ karmabhyaḥ pratidhīyate | athāsyāyāmitara
ātmā kṛtakṛtyo vayogataḥ praiti, sa itaḥ prayanneva punarjāyate; tadasya
tṛtīyaṁ janma ||*

4. Вот это есть дух и «я» его, и он оставляет его вместо себя для продолжения трудов праведности. А потом это его другое «я», совершив то, что оно пришло совершить, и достигши своего срока, воистину, оно уходит отсюда, а уйдя, рождается снова. И это есть третье рождение Духа.

तदुक्तमृषिणा गर्भे नु सन्नन्वेषामवेदमहं देवानां जनिमानि
विश्वा । शतं मा पुर आयसीररक्षन्नधः श्येनो जवसा निरदीयमिति
गर्भ एवैतच्छयानो वामदेव एवमुवाच ॥५॥

*taduktamṛṣiṇā — garbhe nu sannanveṣāmedamaham devānām janimāni
viśvā । śataṁ mā pura āyasīrarakṣannadhāḥ śyeno javasā niradīyamiti;
garbha evaitacchayāno vāmadeva evamuvāca ॥*

5. Поэтому было сказано мудрецом Вамадевой: «Я, Вамадева, находясь еще в материнском чреве, знал все рождения этих богов и их причины. В сотне крепостей железных удерживали меня и не выпускали; я вырвался из всех, с мощью¹ и яростью, как сокол взмыл я в мои небеса». Так сказал Вамадева, все еще лежа во чреве.

स एवं विद्वानस्माच्छरीरभेदादूर्ध्व उत्क्रम्यामुष्मिन् स्वर्गे लोके
सर्वान् कामानास्त्वाऽमृतः समभवदमृतः समभवत् ॥६॥

*sa evaṁ vidvānasmāccharīrabhedādūrdhva utkramyāmuṣmin svarge loke
sarvān kāmānāstvāḥ amṛtaḥ samabhavadamṛtaḥ samabhavat ॥*

6. И поскольку он знал это, то, когда путы тела лопнули, воистину, он вознесся в райский мир иной и там, обретя все желанное, оставил смерть позади, поистине, он оставил смерть позади.

¹ Или — «скоростью».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

कोऽयमात्मैति वयमुपास्महे कतरः स आत्मा येन वा पश्यति
येन वा श्रुणोति येन वा गंधानाजिघ्रति येन वा वाचं व्याकरोति
येन वा स्वादु चास्वादु च विजानाति ॥१॥

*ko'yamātmēti vayamupāsmāhe? katarah sa ātmā yena vā paśyati,
yena vā śruṇoti, yena vā gaṅdhānājighrati, yena vā vācaṁ vyākaroti,
yena vā svādu cāsvādu ca vijānāti ॥*

1. Кто есть этот Дух, кого мы могли бы почитать как Его? И который из них всех есть Дух? — Тот, посредством кого человек видит, посредством кого он слышит, посредством кого обоняет все ароматы, посредством кого достигает ясности речи, посредством кого понимает, что сладко и что горько.

यदेतद्धृदयं मनश्चैतत्। संज्ञानमाज्ञानं विज्ञानं प्रज्ञानं
मेधा दृष्टिर्धृतिर्मतिर्मनीषा जूतिः स्मृतिः संकल्पः क्रतुरसुः कामो
वश इति सर्वाण्येवैतानि प्रज्ञानस्य नामधेयानि भवन्ति ॥२॥

*yadetaddhṛdayaṁ manaścaitat। saṁjñānamājñānaṁ vijñānaṁ prajñānaṁ
medhā dṛṣṭirḍhṛtirmatirmanīṣā jūtiḥ smṛtiḥ saṅkalpaḥ kraturasuḥ kāmo
vaśa iti sarvāṅyevaitāni prajñānasya nāmadheyāni bhavanti ॥*

2. То, что есть сердце, есть и ум тоже. Представление, и воля, и анализ, и мудрость, и интеллект, и видение, и целеустремленность, и чувство, и понимание, боль и память, и волевой акт, и приложение мысли¹, и витальность, и желание, и страсть — все это, поистине, все, есть лишь имена Вечной Мудрости.

¹ Или — «мыследействие».

एष ब्रह्मैष इन्द्र एष प्रजापतिरेते सर्वे देवाः इमानि च पञ्च महा-
भूतानि पृथिवी वायुराकाश आपो ज्योतीषीत्येतानि इमानि च
क्षुद्रमिश्राणीव बीजानि इतराणि चेताराणि चाण्डजानि च जारुजानि च
स्वेदजानि चोद्भिज्जानि चाश्वा गावः पुरुषा हस्तिनः यत्किञ्चेदं प्राणि
जङ्गमं च पतत्रि च यच्च स्थावरं सर्वं तत् प्रज्ञानेत्रं प्रज्ञाने
प्रतिष्ठितं प्रज्ञानेत्रो लोकः प्रज्ञा प्रतिष्ठा प्रज्ञानं ब्रह्म ॥३॥

*eṣa brahmaiṣa indra eṣa prajāpatirete sarve devāḥ, imāni ca pañca mahā-
bhūtāni — pṛthivī vāyurākāśa āpo jyotīṣītyetāni, imāni ca
kṣudramiśrāṇīva bijāni, itarāṇi cetarāṇi cāṇḍajāni ca jārujāni ca,
svedajāni codbhijjāni cāśvā gāvaḥ puruṣā hastinaḥ, yatkiñcedaṁ prāṇi
jaṅgamaṁ ca patatṛi ca yacca sthāvaraṁ; sarvaṁ tat prajñānetraṁ prajñāne
pratiṣṭhitaṁ prajñānetro lokaḥ, prajñā pratiṣṭhā, prajñānaṁ brahma ॥*

3. Этот созидающий Брахман, этот правящий Индра; этот Праджапати, Отец своих созданий; все эти Боги, и эти пять первостихий, земля, воздух, эфир, вода и сияющие начала; все эти создания, великие и крошечные; и семена любого типа; и существа, рожденные из яйца, и существа, рожденные из пота, и существа, рожденные из чрева, и растения, которые прорастают; и лошади, и коровы, и люди, и слоны, — поистине, всякое существо, которое дышит, и все, что движется, и все, что с крыльями, и то, что не движется, — Мудростью все это направляется и все это прочно зиждется в Мудрости. Ибо Мудрость есть око мироздания, Мудрость есть прочная основа, Мудрость есть Брахман Вечный.

स एतेन प्रज्ञेनात्मनास्माल्लोकादुत्क्रम्यामुष्मिन् स्वर्गे लोके सर्वान्
कामानास्वाऽमृतः समभवदमृतः समभवत् ॥ ४ ॥

*sa etena prajñenātmanāsmāllōkādutkramyāmuṣmin svarge lōke sarvān
kāmanāsvāḥ amṛtaḥ samabhavadamṛtaḥ samabhavat ॥*

4. Силой этого мудрого и прозорливого «Я» мудрец, вознесясь из этого мира, поднялся в тот, иной райский мир и там, обретя все желанное, смерть оставил позади, воистину, смерть оставил позади.

ИЗ ШВЕТАШВАТАРА УПАНИШАДЫ

Главы 4—6

Шветашватара Упанишада

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

य एकोऽवर्णो बहुधा शक्तियोगाद्वर्णाननेकान्निहितार्थो दधाति ।
वि चैति चान्ते विश्वमादौ स देवः स नो बुद्ध्या शुभया संयुनक्तु ॥१॥

*ya eko'varṇo bahudha śaktiyogādvarṇānanekānnihitārtho dadhāti ।
vi caiti cānte viśvamādau sa devaḥ sa no buddhyā śubhayā saṃyunaktu ॥*

1. Единый был без формы и без цвета; и Он, Йогой собственной мощи, стал многообразен; Он облачен во многие формы и цвета, но ни цели, ни интереса в них не имеет; Бог, в Ком вся вселенная исчезает в конце всего, Он единственный был в начале. Да наделит Он нас ясным, благим постижением.

तदेवाग्निस्तदादित्यस्तद्वायुस्तदु चन्द्रमाः ।
तदेव शुक्रं तद् ब्रह्म तदापस्तत्प्रजापतिः ॥२॥

*tadevāgnistadādityastadvāyustadu candramāḥ ।
tadeva śukraṃ tad brahma tadāpastatprajāpatiḥ ॥*

2. Бог есть огонь, который горит, и солнце в небе, и ветер, который дует; и Он есть луна. Он Светозарный, Он Брахман, Он есть воды, и Он есть Отец и Владыка созданий.

त्वं स्त्री त्वं पुमानसि त्वं कुमार उत वा कुमारी ।
त्वं जीर्णो दण्डेन वञ्चसि त्वं जातो भवसि विश्वतोमुखः ॥३॥

*tvaṁ strī tvaṁ pumānasi tvaṁ kumāra uta vā kumārī ।
tvaṁ jīrṇo daṇḍena vañcasi tvaṁ jāto bhavasi viśvatomukhaḥ ॥*

3. Ты женщина и Ты мужчина, Ты мальчик и Ты же юная дева, и Ты вон тот изможденный, согбенный старик, что ковыляет, опершись на свою клюку. Но вот Ты становишься рожденным, и вся вселенная полнится Твоими ликами.

नीलः पतङ्गो हरितो लोहिताक्षस्तडिदर्भ ऋतवः समुद्राः ।
अनादिमत्त्वं विभुत्वेन वर्तसे यतो जातानि भुवनानि विश्वा ॥४॥

*nīlaḥ pataṅgo harito lohitaākṣastadidarbha ṛtavaḥ samudrāḥ ।
anādimattvaṁ vibhutvena vartase yato jātāni bhuvanāni viśvā ॥*

4. Ты синяя птица и зеленая, и алоглазая; Ты лоно молнии и времен года, и океанов. Ты есть Дух безначальный, ибо Ты излился многообразно во все формы, и так возникли все эти миры.

अजामेकां लोहितशुक्लकृष्णां बह्वीः प्रजाः सृजमानां सरूपाः ।
अजो ह्येको जुषमाणोऽनुशेते जहात्येनां भुक्तभोगामजोऽन्यः ॥५॥

*ajāmekāṁ lohitaśuklakṛṣṇāṁ bahvīḥ prajāḥ sṛjamānāṁ sarūpāḥ ।
ajo hyeko juṣaṁāṇo ’nuśete jahātyeṇāṁ bhuktabhogāmajo ’nyaḥ ॥*

5. Есть одна Нерожденная Матерь, цветом белая, цветом черная, кроваво-красная цветом; узри, как, приняв обличье, она рождает разнообразных созданий; ибо Один из двух Нерожденных получает удовольствие от нее и возлежит с ней, в то время как Другой уже исчерпал всю ее сладость и отстраняет ее от себя.

द्वा सुपर्णा सयुजा सखाया समानं वृक्षं परिषस्वजाते ।
तयोरन्यः पिप्पलं स्वाद्वत्त्यनश्नन्नन्यो अभिचाकशीति ॥६॥

*dvā suparṇā sayujā sakhāyā samānaṁ vṛkṣaṁ pariśasvajāte ।
tayoranyaḥ pippalaṁ svādvattyanaśnannanyo abhicākaśīti ॥*

6. Они — две птицы, что льнут к одному общему дереву, прекраснорылые, неразлучные спутники; и одна из них поедает восхитительный плод того дерева, а Другая не ест, но лишь наблюдает за той.

समाने वृक्षे पुरुषो निमग्नोऽनीशया शोचति मुह्यमानः ।
जुष्टं यदा पश्यत्यन्यमीशमस्य महिमानमिति वीतशोकः ॥७॥

*samāne vṛkṣe puruṣo nimagno 'nīśayā śocati muhyamānaḥ ।
juṣṭaṁ yadā paśyatyanyamīśamasya mahimānamiti vītaśokaḥ ॥*

7. Человек есть та птица, что живет на одном дереве с Богом, но забывается в сладости плодов его и, став рабом сладости, утрачивает связь с Богом; поэтому он скорбит, поэтому он ослеплен. Но когда видит он другую птицу, которая есть Бог, тогда он познает, что нет ничего, кроме величия Бога, и скорбь оставляет его.

ऋचो अक्षरे परमे व्योमन् यस्मिन्देवा अधि विश्वे निषेदुः ।
यस्तं न वेद किमृचा करिष्यति य इत्तद्विदुस्त इमे समासते ॥८॥

*ṛco akṣare parame vyoman yasmindevā adhi viśve niṣeduḥ ।
yastaṁ na veda kimṛcā kariṣyati ya ittadvidusta ime samāstate ॥*

8. В том высочайшем нетленном Небе, где восседают все Боги, там стихи Ригведы; и тому, кто не знает места их пребывания, как поможет Ригведа? Те же, кто знает, вот они, они навеки заняли место здесь.

छन्दांसि यज्ञाः क्रतवो व्रतानि भूतं भव्यं यच्च वेदा वदन्ति ।
अस्मान्मायी सृजते विश्वमेतत्तस्मिंश्चान्यो मायया संनिरुद्धः ॥९॥

*chandāmsi yajñāḥ kratavo vratāni bhūtaṁ bhavyaṁ yacca veda vadanti ।
asmānmāyī sṛjate viśvametattasmimścānyo māyayā sanniruddhaḥ ॥*

9. Святость и жертвоприношения, обеты и все обряды, что было и что будет, и о чем говорят Веды — все это материал, из которого Владыка Иллюзии строит для Себя свою многообразную Вселенную, и во всем этом, словно в застенках, тот Другой, Его Иллюзией заключен и закован.

मायां तु प्रकृतिं विद्यान्मायिनं तु महेश्वरम् ।
तस्यावयवभूतैस्तु व्याप्तं सर्वमिदं जगत् ॥१०॥

*māyāṁ tu prakṛtiṁ vidyānmāyinaṁ tu maheśvaram ।
tasyāvayavabhūtaistu vyāptaṁ sarvamidaṁ jagat ॥*

10. Знай, что Природа есть Иллюзия, и что Махешвара, Всемогуший, есть Владыка Иллюзии: весь этот движущийся мир наполнен творениями, словно членами Его.

यो योनिं योनिमधितिष्ठत्येको यस्मिन्नदं सं च वि चैति सर्वम् ।
तमीशानं वरदं देवमीड्यं निचाय्येमां शान्तिमत्यन्तमेति ॥११॥

*yo yonim yonimadhitiṣṭhatyeko yasminnidaṁ saṁ ca vi caiti sarvam ।
tamīśānaṁ varadaṁ devamīḍyaṁ nicāyemāṁ śāntimatyantameti ॥*

11. Он, будучи Единым, входит в каждое лоно, в Нем весь явленный мир собирается воедино и распадается опять; Владыка, Податель благ, Бог Почитаемый, возрадив которого внутри себя человек обретает покой несказанный.

यो देवानां प्रभवश्चोद्भवश्च विश्वाधिपो रुद्रो महर्षिः ।
हिरण्यगर्भं पश्यत जायमानं स नो बृद्ध्या शुभया संयुनक्तु ॥१२ ॥

*yo devānām prabhavaścodbhavaśca viśvādhipo rudro maharṣiḥ ।
hiraṇyagarbhaṁ paśyata jāyamānaṁ sa no brddhyā śubhayā saṁyunaktu ॥*

12. Он есть рождение их Богов, и Он есть их угодник, Владыка Вселенной, Рудра, могучий Провидец, Он видел, как возникал Хиранья-гарбха — да наделит Он нас ясным, благим постижением.

यो देवानामधिपो यस्मिँल्लोका अधिश्रिताः ।
य ईशे अस्य द्विपदश्चतुष्पदः कस्मै देवाय हविषा विधेम ॥१३ ॥

*yo devānām adhipo yasmiṁlloka adhiśritāḥ ।
ya īśe asya dvipadaścaturṣpadaḥ kasmai devāya haviṣā vidhema ॥*

13. Владыка и Царь Богов, в ком пребывают миры, Он правит тварями двуногими и четвероногими. Какому Богу воздадим мы наше приношение?

सुक्ष्मातिसूक्ष्मं कलिलस्य मध्ये विश्वस्य स्रष्टारमनेकरूपम् ।
विश्वस्यैकं परिवेष्टितारं ज्ञात्वा शिवं शान्तिमत्यन्तमेति ॥१४ ॥

*sukṣmātisūkṣmaṁ kalilasya madhye viśvasya sraṣṭāramanekarūpaṁ ।
viśvasyaikam pariveṣṭitāraṁ jñātvā śivaṁ śāntimatyantameti ॥*

14. Тоньше тонкого, Он спрятался в самой сердцевине этого бурлящего хаоса. Он сотворил эту вселенную, принимая многие облики, и, как Единый, Он объемлет ее и окружает¹; познав Шиву, Благословенного, человек обретает покой несказанный.

¹ Или — «Объемлющий Вселенную, Единый и Единственный».

स एव काले भुवनस्य गोप्ता विश्वाधिपः सर्वभूतेषु गूढः ।
यस्मिन्मुक्ता ब्रह्मर्षयो देवताश्च तमेवं ज्ञात्वा मृत्युपाशाश्छिनन्ति ॥१५॥

*sa eva kāle bhuvanasya goptā viśvādhīpaḥ sarvabhūteṣu gūḍhaḥ ।
yasmīnyuktā brahmarṣayo devatāśca tamevaṁ jñātvā mṛtyupāśāśchinanti ॥*

15. Он охраняет Свой Мир в назначенный срок, поистине, Владыка Вселенной наблюдает за всем, скрытый во всех своих творениях; в Нем при помощи Йоги святые мудрецы и Боги обрели знание и прочь отбросили Смерть и тенета ее.

घृतात्परं मण्डमिवातिसूक्ष्मं ज्ञात्वा शिवं सर्वभूतेषु गूढम् ।
विश्वस्यैकं परिवेष्टितारं ज्ञात्वा देवं मुच्यते सर्वपाशैः ॥१६॥

*ghṛtātparaṁ maṇḍamivātisūkṣmaṁ jñātvā śivaṁ sarvabhūteṣu gūḍham ।
viśvasyaikam pariveṣṭitāraṁ jñātvā devaṁ mucyate sarvapāśaiḥ ॥*

16. Словно нежнейшие сливки в очищенном масле, которые гуще масла, так Шива, Благословенный, сокрылся в каждом из Своих созданий; но, как Единый, Он объемлет весь этот мир и окружает его. Познай же Бога, и ты разорвешь всякие узы.

एष देवो विश्वकर्मा महात्मा सदा जनानां हृदये संनिविष्टः ।
हृदा मनीषा मनसाभिहृतो य एतद्विदुरमृतास्ते भवन्ति ॥१७॥

*eṣa devo viśvakarmā mahātmā sadā janānāṁ hṛdaye saṁniviṣṭaḥ ।
hṛdā maṇiṣā manasābhikṛto ya etadviduramṛtāste bhavanti ॥*

17. Этот Бог, Великая Душа, Зодчий мироздания, вовеки восседает в сердце своих созданий; и сердцем, и умом, и пониманием душа постигает Его. Те, кто ведают это, обретают бессмертие.

यदाऽतमस्तन्न दिवा न रात्रिर्न सन्न चासञ्छिव एव केवलः ।
तदक्षरं तत्सवितुर्वरेण्यं प्रज्ञा च तस्मात्प्रसृता पुराणी ॥१८ ॥

*yadā'tamastanna divā na rātrirna sanna cāsañchiva eva kevalaḥ ।
tadaḥṣaram tatsaviturvareṇyaṁ prajā ca tasmātpṛasṛtā purāṇī ॥*

18. Когда нет тьмы, ни день не занимается, ни ночь не наступает, нет ни реальности, ни нереальности, но все есть Шива, Благословенный, чистый и абсолютный, который воистину есть Непреходящее и есть Солнце, блистательней, чем Савитар, и из Него в самом начале излилась Мудрость, Древняя Богиня¹.

नैनमूर्ध्वं न तिर्यञ्चं न मध्ये परिजग्रभत् ।
न तस्य प्रतिमा अस्ति यस्य नाम महद्यशः ॥१९ ॥

*nainamūrdhvaṁ na tiryāñcaṁ na madhye parijagrabhat ।
na tasya pratimā asti yasya nāma mahadyaśaḥ ॥*

19. В высоту не охватить Его, и поперек не обнять Его, и не взять Его; воистину, нет у Него ни подобия, ни образа, чья слава была бы подлинно велика среди созданий.

न संदृशे तिष्ठति रूपमस्य न चक्षुषा पश्यति कश्चनैनम् ।
हृदा हृदिस्थं मनसा य एनमेवं विदुरमृतास्ते भवन्ति ॥२० ॥

*na saṁdṛṣe tiṣṭhati rūpamasya na cakṣuṣā paśyati kaścanainam ।
hṛdā hṛdisthaṁ manasā ya enamevaṁ viduramṛtāste bhavanti ॥*

20. Образ Его — вне пределов видения, не увидеть Его оком, но те, кто сердцем и умом подлинно знают Это, что находится в сердце, они обретают бессмертие.

¹ Или — «Когда тьма забыта, но это не день и не ночь, и нет ни реального, ни нереального, но все есть абсолютное, Шива, Благословенный, тогда, воистину, это есть нетленность Бога и Солнце, которое блистательнее Гелиоса; из этого возникла Мудрость, древнейшая во вселенной».

अजात इत्येवं कश्चिद्भीरुः प्रपद्यते ।
रुद्र यत्ते दक्षिणं मुखं तेन मां पाहि नित्यम् ॥२१॥

*ajāta ityevaṃ kaścīdbhīruḥ prapadyate ।
rudra yatte dakṣiṇaṃ mukhaṃ tena mām pāhi nityam ॥*

21. Зная Тебя Нерожденным, человек приходит к Тебе, и сердце его исполнено страха. О Рудра, о Грозный, есть у тебя и другой лик, благой и улыбочивый, оберегай же меня этой нежной улыбкой.

मा नस्तोके तनये मा न आयुषि मा नो गोषु मा नो अश्वेषु रीरिषः ।
वीरान्मा नो रुद्र भामितो वधीर्हविष्मन्तः सदमित्त्वा हवामहे ॥२२॥

*mā nastoke tanaye mā na āyusi mā no goṣu mā no aśveṣu rīriṣaḥ ।
vīrānmā no rudra bhāmito vadhīrhaviṣmantah sadamittvā havāmahe ॥*

22. О Рудра, не сокрушай ни наших сынов, ни наших детей малых, ни наши жизни, ни лошадей, ни скот наш; не убивай наших героев в гнев Своем, о Грозный; вот мы пришли с приношениями в руках и взываем к Тебе в собрании народа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

द्वे अक्षरे ब्रह्मपरे त्वनन्ते विद्याविद्ये निहिते यत्र गूढे ।
क्षरं त्वविद्या ह्यमृतं तु विद्या विद्याविद्ये ईशते यस्तु सोऽन्यः ॥१॥

*dve akṣare brahmapare tvanante vidyāvidye nihite yatra gūḍhe ।
kṣaram tvavidyā hyamṛtaṁ tu vidyā vidyāvidye īśate yastu so 'nyaḥ ॥*

1. И то и другое во Внепредельном, и Знание, и Неведение, поистине, оба они скрыто пребывают в Вечном и Бесконечном и утверждены там навеки. Но одно из них, Неведение, умирает, а другое, Знание, — живет вечно, и тот, кто есть владыка обоих, отличен от них.

यो योनिं योनिमधितिष्ठत्येको विश्वानि रूपाणि योनीश्च सर्वाः ।
ऋषिं प्रसूतं कपिलं यस्तमग्रे ज्ञानैर्विभर्ति जायमानं च पश्येत् ॥२॥

*yo yoniṁ yonimadhitiṣṭhatyeko viśvāni rūpāṇi yonīśca sarvāḥ ।
ṛṣiṁ prasūtaṁ kapilaṁ yastamagre jñānairbibharti jāyamānaṁ ca paśyēt ॥*

2. Он, будучи Единым, вступает в каждое лоно, поистине, во все формы бытия и во все лона созданий; Он вначале наполнил всеми видами знания Капилу, Провидца древности, когда тот был рожден своей матерью, поистине, он видел рождающимся Капилу¹.

¹ Или — «То был Он, кто в давние времена наполнил многими видами Знания Капилу, провидца, когда его мать понесла его; поистине, Он видел как возникал Капила».

एकैकं जालं बहुधा विकुर्वन्नस्मिन्क्षेत्रे संहरत्येष देवः ।
भूयः सृष्ट्वा यतयस्तथेशः सर्वधिपत्यं कुरुते महात्मा ॥३॥

*ekaikaṁ jālaṁ bahudhā vikurvannasminkṣetre saṁharatyēṣa devaḥ ।
bhūyaḥ sṛṣṭvā yatayastathēśaḥ sarvadhīpatyaṁ kurute mahātmā ॥*

3. Одну за одной Бог плетет Себе сети, сети с великим множеством ячеек плетет Он и разбрасывает их широко в этом поле тела; а потом Он обратно тянет сети. Еще Он сотворил Яти, великих Искателей, и посему Могучий Ум держит бразды вселенской Власти¹.

सर्वा दिश ऊर्ध्वमधश्च तिर्यक्प्रकाशयन्भ्राजते यद्वनड्वान् ।
एवं स देवो भगवान्वरेण्यो योनिस्वभावानधितिष्ठत्येकः ॥४॥

*sarvā diśa ūrdhvamadhaśca tiryakprakāśayanbhrājate yadvanaḍvān ।
evaṁ sa devo bhagavānvareṇyo yonisvabhāvānadhitiṣṭhatyekaḥ ॥*

4. Бог, солнце встает и правит колесницей мира, и оно пылает, освещая все края, и верх, и низ, и середина становятся единым сиянием — точно так же этот желанный и светозарный Бог, будучи Единым, вступает в лона разной природы и правит ими.

यच्च स्वभावं पचति विश्वयोनिः पाच्यांश्च सर्वान्परिणामयेद्यः ।
सर्वमेतद्विश्वमधितिष्ठत्येको गुणांश्च सर्वान्विनियोजयेद्यः ॥५॥

*yacca svabhāvaṁ pacati viśvayoniḥ pācyaṁśca sarvānpariṇāmayedyāḥ ।
sarvametatdviśvamadhitiṣṭhatyeko guṇāṁśca sarvānviniyojayedyaḥ ॥*

5. Ибо Он, кто есть Лоно Мира, всякую природу доводит до ее совершенства, и все то, что еще должно дойти до совершенства, Он приводит к созреванию. Он пребывает всюду, и правит всем этим Своим миром, и побуждает все качества Природы к их действиям.

¹ Или — «и посему Могучий Ум, Владыка, господствует над всем этим творением».

तद्वेदगुह्योपनिषत्सु गूढं तद् ब्रह्मा वेदते ब्रह्मयोनिम् ।
ये पूर्वदेवा ऋषयश्च तद्विदुस्ते तन्मया अमृता वै बभूवुः ॥६॥

*tadvedaguhyopaniṣatsu gūḍhaṁ tad brahmā vedate brahmayonim ।
ye pūrvadevā ṛṣayaśca tadviduste tanmayā amṛtā vai babhūvuḥ ॥*

6. Это и есть та сокровенная тайна, что сокрыта в Упанишадах, ибо Упанишада есть тайна Веды; это есть то, что Брахма знает как Лодно Вечного. И старейшие Боги и мудрецы, которые знали, стали Этим и обрели бессмертие.

गुणान्वयो यः फलकर्मकर्ता कृतस्य तस्यैव स चोपभोक्ता ।
स विश्वरूपस्त्रिगुणस्त्रिवर्त्मा प्राणाधिपः संचरति स्वकर्मभिः ॥७॥

*guṇānvayo yaḥ phalakarmakartā kṛtasya tasyaiva sa copabhoktā ।
sa viśvarūpastriguṇastrivartmā prāṇādhipaḥ saṁcarati svakarmabhiḥ ॥*

7. Тот, кто осуществляет действия и плоды их, ибо Свойства Природы принадлежат Ему, Он же и пожинает ото всех действий, которые совершил, и Мир есть Его форма, и троственна природа Его действия, и три есть пути Его продвижения¹. Воистину, Тот Владыка Жизни силой собственных действий движется в столетиях.

अङ्गुष्ठमात्रो रवितुल्यरूपः सङ्कल्पाहंकारसमन्वितो यः ।
बुद्धेर्गुणेनात्मगुणेन चैव आराग्रमात्रो ह्यपरोऽपि दृष्टः ॥८॥

*aṅguṣṭhamātro ravitulyarūpaḥ saṅkalpāhaṁkārasamanvito yaḥ ।
buddherguṇenātmaḡuṇena caiva āraḡramātro hyaparo'pi dṛṣṭaḥ ॥*

8. Размером он с большой палец человека, но вид Его подобен Солнцу в полном сиянии; и Он обладает Волей, и Он обладает Самосознанием. Однако есть и другой, кого мы видим благодаря

¹ Или — «Есть Единый, кто осуществляет деяния и плоды их, ибо качества Природы подвластны Ему; Он Сам наслаждается содеянным, и Мир есть Его тело, и Он обладает тремя качествами Своих природ, и у Него три пути продвижения».

свойству Различения и свойству Духа, ибо на вид он тоньше острия шила.

बालाग्रशतभागस्य शतधा कल्पितस्य च ।
भागो जीवः स विज्ञेयः स चानन्त्याय कल्पते ॥९॥

*bālāgraśatabhāgasya śatadhā kalpitasya ca ।
bhāgo jīvaḥ sa vijñeyaḥ sa cānntyāya kalpate ॥*

9. Если взять сотую долю кончика волоса и еще раз разделить ее на сто частей, то как сотую долю сотой доли — таким найдешь ты этот Дух в человеке, если попытаешься отделить Его; однако именно это в тебе способно быть Бесконечным.

नैव स्त्री न पुमानेष न चैवायं नपुंसकः ।
यद्यच्छरीरमादत्ते तेन तेन स रक्ष्यते ॥१०॥

*naiva strī na putāneṣa na caivāyaṁ napuṁsakaḥ ।
yadyaccharīramādatte tena tena sa rakṣyate ॥*

10. Не женщина Он и не мужчина, но Он и не беспол; однако какое бы тело Он ни принял, любое вмещает и сохраняет Его.

सङ्कल्पनस्पर्शनदृष्टिमोहैर्ग्रासाम्बुवृष्ट्या चात्मविवृद्धजन्म ।
कर्मानुगान्यनुक्रमेण देही स्थानेषु रूपाण्यभिसम्प्रपद्यते ॥११॥

*saṅkalpanasparśanadṛṣṭimohairgrāsāmbuvṛṣṭyā cātmaivivṛddhajanna ।
karmānugānyanukrameṇa dehī sthāneṣu rūpāṅyabhisampradyate ॥*

11. Чарами зрения, колдовством прикосновения, магией желания, как тело рождается и растет от пищи и питья и избытия, так же и Дух в теле постепенно обретает различные формы в местах им сообразных через чары и прочее; соответственно Своим трудам Он развивается, и Его формы принимают облик сообразно Его трудам.

स्थूलानि सूक्ष्माणि बहूनि चैव रूपानि देही स्वगुणैर्वृणोति ।
क्रियागुणैरात्मगुणैश्च तेषां संयोगहेतुरपरोऽपि दृष्टः ॥१२ ॥

*sthūlāni sūkṣmāṇi bahūni caiva rūpāni dehī svaguṇairvṛṇoti ।
kriyāguṇairātmaguṇaiśca teṣāṃ saṃyogaheturaparo 'pi dr̥ṣṭaḥ ॥*

12. Формы грубые и формы тонкие, формы многочисленные — Дух в теле все их развивает согласно Своей собственной Природе в ее действиях; по закону действия Его трудов и по закону действия Духа в человеке, по ним Он развивает их. Но есть Другой, в ком мы прозреваем Причину, благодаря которой все они соединяются в одно¹.

अनाद्यनन्तं कलिलस्य मध्ये विश्वस्य स्रष्टारमनेकरूपम् ।
विश्वस्यैकं परिवेष्टितारं ज्ञात्वा देवं मुच्यते सर्वपाशैः ॥१३ ॥

*anādyanantaṃ kalilasya madhye viśvasya sraṣṭāramanekarūpam ।
viśvasyaikam pariveṣṭitāraṃ jñātvā devaṃ mucyate sarvapāśaiḥ ॥*

13. Безначальный, бесконечный, кто в вихре и хаосе творит мир, принимая многие образы, и, как Единый, объемлет и окружает его, — Он есть Бог, и если ты познаешь Его, ты освободишься от всяких уз.

भावग्राह्यमनीडारख्यं भावाभावकरं शिवम् ।
कलासर्गाकरं देवं ये विदुस्ते जहुस्तनुम् ॥१४ ॥

*bhāvagrāhyamanīḍākhyam bhāvābhāvakaraṃ śivam ।
kalāsargakaraṃ devaṃ ye viduste jahustanum ॥*

14. Шива, Владыка всех становлений и не-становлений, и из Него проистекает все это творение, и оно — лишь одна часть Шивы; но Он не именуется гнездом крылатого Духа, и одним только сердцем Он постижим. Те, кто знают Шиву, Благословенного, навсегда покидают тело.

¹ Или — «Есть еще и Другой, в ком мы видим причину, по которой все они соединились и выступают как единое целое».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

स्वभावमेके कवयो वदन्ति कालं तथान्ये परिमुह्यमानाः ।
देवस्यैष महिमा तु लोके येनेदं भ्राम्यते ब्रह्मचक्रम् ॥१॥

*svabhāvameke kavayo vadanti kālaṁ tathānye parimuhyamānāḥ ।
devasyaiṣa mahimā tu loke yenedaṁ bhrāmyate brahmacakram ॥*

1. Это Природа и Самосущее, утверждает одна школа провидцев. Нет, это Время, говорят другие. И те и другие обманываются и заблуждаются. Это Величие Бога в мире Его созданий, которое постоянно приводит во вращение это Колесо Вечного.

येनावृतं नित्यमिदं हि सर्वं ज्ञः कालकारो गुणी सर्वविद्यः ।
तेनेशितं कर्म विवर्तते ह पृथ्व्यप्तेजोऽनिलखानि चिन्त्यम् ॥२॥

*yenāvṛtaṁ nityamidaṁ hi sarvaṁ jñāḥ kālakāro guṇī sarvavidyaḥ ।
teneśitaṁ karma vivartate ha pṛthvyaptejo`nilakhāni cintyam ॥*

2. Он вечно покрывает Собой всю эту Вселенную, Он — тот, кто знает, Творец Времени, и Свойства Природы живут в Нем; воистину, Он все различает. И Его властью закон Трудов совершает свое обращение; земля, вода, огонь, воздух, эфир — их понимай (как субстанцию, в которой происходит вращение).

तत्कर्म कृत्वा विनिवर्त्य भूयस्तत्त्वस्य तत्त्वेन समेत्य योगम् ।
एकेन द्वाभ्यां त्रिभिरष्टभिर्वा कालेन चैवात्मगुणैश्च सूक्ष्मैः ॥३॥

*tatkarma kṛtvā vinivartya bhūyastattvasya tattvena sametya yogam ।
ekena dvābhyāṁ tribhiraṣṭabhirvā kālena caivātmaguṇaiśca sūkṣmaiḥ ॥*

3. Бог вершит труды и снова отдыхает от Своих трудов, Он сопрягает Себя с принципом вещей в их сущности, будь то с одним, с двумя,

с тремя или с восьмью, и со Временем Он сопрягает Себя, и с «Я» в его тонких действиях.

आरभ्य कर्माणि गुणान्वितानि भावांश्च सर्वान्विनियोजयेद्यः ।
तेषामभावे कृतकर्मनाशः कर्मक्षये याति स तत्त्वतोऽन्यः ॥४॥

*ārabhya karmāṇi guṇānvitāni bhāvāṃśca sarvānviniyojayedyah ।
teṣāmbhāve kṛtakarmanāśah karmakṣaye yāti sa tattvato 'nyah ॥*

4. Так Он начинает действия, которые подчинены Свойствам Природы, и распределяет все существования по действиям их; и когда их нет, то приходит гибель действию, что было совершено прежде; и с гибелью действия Он покидает их; ибо в Своей окончательной истине Он отличен от них.

आदिः स संयोगनिमित्तहेतुः परस्त्रिकालादकलोऽपि दृष्टः ।
तं विश्वरूपं भवभूतमीड्यं देवं स्वचित्तस्थमुपास्य पूर्वम् ॥५॥

*ādih sa saṃyoganimittahetuḥ parastrikalādakalo 'pi dṛṣṭah ।
taṃ viśvarūpaṃ bhavabhūtamīdyam devam svacittasthamupāsya pūrvam ॥*

5. Мы видим, что Он начало, Изначальная Причина, по которой все соединено вместе; Он обитает превыше и вне прошлого, настоящего и будущего; Время не есть Его часть. Поклонитесь же Достоинному поклонения, чей облик есть вся вселенная, и кто обрел становление во Вселенной, почтите Бога, Древнего Днями, кто восседает в ваших сердцах¹.

¹ Или — «Вот мы узрели Его, и Он есть Начало и Причина всех причин, исходя из которой эти элементы сопрягаются вместе и возникает форма; прошлое, настоящее и будущее — эта сторона Его. Время непричастно Ему. Преклонимся же пред этим Древним Днями, ибо в наших сердцах восседает Он. Станем служить Богу, которого должно почитать, ибо мир есть образ Его и вся вселенная — лишь Его становление».

स वृक्षकालाकृतिभिः परोऽन्यो यस्मात्प्रपञ्चः परिवर्ततेऽयम् ।
धर्मावहं पापनुदं भगेशं ज्ञात्वात्मस्थममृतं विश्वधाम ॥६॥

*sa vṛkṣakālākṛtibhiḥ paro 'nyo yasmātprapañcaḥ parivartate 'yam ।
dharmāvahaṁ pāpanudaṁ bhageśaṁ jñātvātmasthamamṛtaṁ viśvadhāma ॥*

6. Он отличен от Времени, и от Формы, и от Древа Вселенского, и Он более велик, чем они, из Него этот мир явлений возникает и вращается. Познайте же Владыку Благодати, который приносит добродетель и удаляет порок. Он пребывает в Духе человека, Бессмертный, в ком все сущее имеет свою обитель и прибежище¹.

तमीश्वराणां परमं महेश्वरं तं देवतानां परमं च दैवतम् ।
पतिं पतीनां परमं परस्ताद्विदाम देवं भुवनेशमीड्यम् ॥७॥

*tamīśvarāṇāṁ paramaṁ maheśvaraṁ taṁ devatānāṁ paramaṁ ca daivatam ।
patiṁ patīnāṁ paramaṁ parastādvīdāma devaṁ bhuvaneśamīḍyam ॥*

7. Да познаем мы Его, Высочайшего, Владыку владык, Царя царей, вершину и Божество Богов, наивысшего Повелителя над повелителями, кто превыше всякой высоты, Властителя миров, кого должны мы почитать².

न तस्य कार्यं करणं च विद्यते न तत्समश्चाभ्यधिकश्च दृश्यते ।
परास्य शक्तिर्विविधैव श्रूयते स्वाभाविकी ज्ञानबलक्रिया च ॥८॥

*na tasya kāryaṁ karaṇaṁ ca vidyate na tatsamaścābhyadhikaśca dṛśyate ।
parāsyā śaktirvividhaiva śrūyate svābhāvīkī jñānabalakriyā ca ॥*

¹ Или — «Время, и Форма, и Древо Вселенной — Он не есть ни одно из этих, ибо Он больше, нежели они, — ведь из Него начинается этот космос. Мы познаем этого Владыку благодати и величия, Он идет к нам, неся праведность в руках Своих, и изгоняет порок из мест укрепленных. Мы познаем Его, ибо Он есть в нас самих, и Он есть Бессмертный и основа мира».

² Или — «Мы познаем этого Могущественнейшего, кто намного выше всех могучих — эту Вершину Богов и их Божественность, Царя царей и Владыку владык, кто вознесен высоко над всеми вершинами и величиями. Да узнаем мы о Боге, ибо Он есть Владыка Мира и все должны почитать Его».

8. Нет ничего, что Он должен делать, и нет никакого органа Его действия; не видно никого, равного Ему или Его превосходящего. Его мощь простирается над всем, и мы слышим о ней на разные лады¹. Воистину, Его сила, и действия Его, и Его знание — они самодостаточны, и они сами — причина своя и природа.

न तस्य कश्चित्पतिरस्ति लोके न चेशिता नैव च तस्य लिङ्गम् ।
स कारणं करणाधिपाधिपो न चास्य कश्चिज्जनितान् च अधिपः ॥९॥

*na tasya kaścītpatirasti loke na ceśitā naiva ca tasya liṅgam ।
sa kāraṇaṃ karaṇādhipādhipo na cāsya kaścijjanitā na cādhipaḥ ॥*

9. Нет у Него господина во всем этом мире и нет никого, кто управлял бы Им. Воистину, нет у Него ни признаков, ни черт², ибо Он есть порождающая причина и властитель владык этих органов действия, сам же Он никем не рожден, и нет над Ним властителя³.

यस्तन्तुनाभ इव तन्तुभिः प्रधानजैः स्वभावतो देव एकः स्वमावृणोत् ।
स नो दधाद् ब्रह्माप्ययम् ॥१०॥

*yastantunābha iva tantubhiḥ pradhānajaiḥ svabhāvato deva ekaḥ svamāvṛṇot ।
sa no dadhād brahmāpyayam ॥*

10. Как паук ткёт свою паутину и нити ее из своего собственного тела, так и Единый Бог, помимо которого ничего не существует, окутал Себя паутиной, рожденной из вечной материи, сокрылся от взора. Да предопределит Он нам уход в вечное⁴.

¹ Или — «Богу нет нужды действовать, и органа действия тоже нет у Него; нет никого более великого, чем Он, и не видим мы никого, кто был бы Ему равен — ибо Его власть распростерлась высоко надо всем, только люди слышат о ней под тысячью разных имен и на разные лады...».

² Или — «ни черт, ни отличий у Него нет».

³ Или — «нет никого, кто был Ему отцом или властелином».

⁴ Или — «Как паук, что из Себя ткёт собственную паутину, так и Бог Единый, и нет ничего иного — лишь Он по собственной природе укрывает Себя нитями, которые Он соткал из первичной материи. Да предопределит нам Бог Единый уход в Его вечное».

एको देवः सर्वभूतेषु गूढः सर्वव्यापी सर्वभूतान्तरात्मा ।
कर्माध्यक्षः सर्वभूताधिवासः साक्षी चेता केवलो निर्गुणश्च ॥११ ॥

*eko devaḥ sarvabhūteṣu gūḍhaḥ sarvavyāpī sarvabhūtāntarātmā ।
karmādhyakṣaḥ sarvabhūtādhivāsaḥ sākṣī cetā kevalo nirguṇaśca ॥*

11. Один лишь Единый Бог сокрыт во всех созданиях, ибо Он пронизывает все сущее и Он есть внутреннее «Я» всех существ, Владыка их трудов и обитель всего живого, великий Свидетель, Источник сознательной жизни, Абсолют, не имеющий качеств¹.

एको वशी निष्क्रियाणां बहुनामेकं बीजं बहुधा यः करोति ।
तमात्मस्थं येऽनुपश्यन्ति धीरास्तेषां सुखं शाश्वतं नेतरेषाम् ॥१२ ॥

*eko vaśī niṣkriyāṇāṃ bahunāmekam bījaṃ bahudhā yaḥ karoti ।
tamātmasthaṃ ye ’nupaśyanti dhīrāsteṣāṃ sukhaṃ śāśvataṃ netareṣāṃ ॥*

12. Единый Бог и единственно Он управляет многими, которые сами по себе не имеют ни действия, ни цели; и Он преумножает единое семя в созданиях многих видов; поэтому тем сильным, кто прозревает Его в своих собственных «я», где Он восседает, — им суждено блаженство, что не иссякает вечно, но не другим².

नित्योऽनित्यानां चेतनश्चेतनानमेको बहूनां यो विदधाति कामान् ।
तत्कारणं सांख्ययोगाधिगम्यं ज्ञात्वा देवं मुच्यते सर्वपाशैः ॥१३ ॥

*nityo ’nityānāṃ cetanaścetanānameko bahūnāṃ yo vidadhāti kāmān ।
tatkāraṇaṃ sāmkhyaयोगādhigamyam jñātvā devaṃ mucyate sarvapāśaiḥ ॥*

¹ Или — «Единый Бог, который один только и есть и который таится сокровенно в каждом создании, ибо Он всепроникающий и Он есть глубинное “Я” всех существ. И Он управляет всем действием, и Он есть прибежище всех живых тварей. Он есть Могучий Свидетель, кто связывает мысль с мыслью, и Он же есть Абсолют, у которого нет ни качеств, ни свойств».

² Или — «Сильные сердцем прозревают Бога в собственном “я”, а потому им суждено блаженство вечное, но не другим».

13. Единственный Вечный из всех тех, которые проходят и которых больше нет; Единственный Сознательный во всем сознании, Он, будучи Единственным, распоряжается желаниями многих; Он один есть великий Источник, к которому приводят нас Санкхья и Йога, — если ты познаешь Бога, ты освободишься от всяких уз.

न तत्र सूर्यो भाति न चन्द्रतारकं नेमा विद्युतो भान्ति कुतोऽयमग्निः ।
तमेव भान्तमनुभाति सर्वं तस्य भासा सर्वमिदं विभाति ॥१४ ॥

*na tatra sūryo bhāti na candratāraḥ nemā vidyuto bhānti kuto'yamagniḥ ।
tameva bhāntamanubhāti sarvaṁ tasya bhāsā sarvamidaṁ vibhāti ॥*

14. Там Солнце не может сиять, и луна лишена блеска, и меркнут звезды; там не сверкают наши молнии, и не может быть там земного огня; все яркое есть лишь отблеск Его яркости, лишь Его сиянием сияет все это.

एको ह्रसो भुवनस्यास्य मध्ये स एवाग्निः सलिले सनिविष्टः ।
तमेव विदित्वाति मृत्युमेति नान्यः पन्था विद्यतेऽयनाय ॥१५ ॥

*eko haṁso bhuvanasyāsya madhye sa evāgniḥ salile saniviṣṭaḥ ।
tameva viditvāti mṛtyumeti nānyaḥ panthā vidyate'yanāya ॥*

15. Единый Лебедь Бытия в сердце всей этой Вселенной, и Он есть Огонь, который лежит глубоко в сердце вод. Этим Знанием душа выходит за пределы досягаемости Смерти, и нет иного пути для великого перехода.

स विश्वकृद्विश्वविदात्मयोनिर्ज्ञः कालकारो गुणी सर्वविद्यः ।
प्रधानक्षेत्रज्ञपतिर्गुणेशः संसारमोक्षस्थितिबन्धहेतुः ॥१६ ॥

*sa viśvakṛdviśvavidātmayonirjñāḥ kālakāro guṇī sarvavidyaḥ ।
pradhānakṣetrajñapatirguṇeśaḥ saṁsāramokṣasthitibandhahetuḥ ॥*

16. Он сотворил все и знает все, ибо Он есть лоно, из которого выходит «Я», и, обладая Свойствами Природы, Он становится Временем. Есть вечная Материя и есть Дух внутри, который знает свое поле в Материи; Он Властелин того и другого, Он управляет Качествами Природы. Мир и избавление от мира, и постоянство сущего, и узы этого постоянства — всему этому Он есть Единая Причина и объяснение¹.

स तन्मयो ह्यमृत ईशसंस्थो ज्ञः सर्वगो भुवनस्यास्य गोप्ता ।
य ईशे अस्य जगतो नित्यमेव नान्यो हेतुर्विद्यत ईशनाय ॥१७ ॥

*sa tanmayo hyamṛta īśasamstho jñāḥ sarvago bhuvanasyāsya goptā ।
ya īśe asya jagato nityameva nānyo heturvidyata īśanāya ॥*

17. Он есть всецело Он Сам, ибо Он есть Бессмертный, проявленный в Могущественном, Знающий, кто простирается всюду и сохраняет этот космос², поистине, Он правит всем этим движущимся миром веки и веки, и нет иного источника величия и власти.

¹ Или — «И Материя подчинена Ему, и Дух в Человеке, который распознает Свое поле материи, и свойства Природы есть слуги Его. Он управляет Природой и ее действиями. Поэтому Он есть причина становления в явленном и высвобождения из явленного; и от Него — постоянство явленного, и от Него — узы явленного».

² Или — «Воистину, Он есть Бессмертный, ибо Он есть само существование; но Он помещает себя в Господа и становится Знающим, Вездесущим, который стоит на страже этой Своей вселенной».

यो ब्रह्माणं विदधाति पूर्वं यो वै वेदांश्च प्रहिणोति तस्मै ।
तं ह देवमात्मबुद्धिप्रकाशं मुमुक्षुर्वै शरणमहं प्रपद्ये ॥१८॥

*yo brahmāṇam vidadhāti pūrvam yo vai vedāṁśca prahiṇoti tasmai ।
taṁ ha devamātmabuddhiprakāśam mumukṣurvai śaraṇamaham prapadye ॥*

18. Он издревле посвятил Брахму, Творца, и ниспослал Ему Веду. К Богу, кто зиждется самоявленный в духе и в постижении, устремлюсь я. Я найду прибежище в Господе ради моего спасения¹.

निष्कलं निष्क्रियं शान्तं निरवद्यं निरञ्जनम् ।
अमृतस्य परं सेतुं दग्धेन्धनमिवानलम् ॥१९॥

*niṣkalam niṣkriyam śāntam niravadyam nirañjanam ।
amṛtasya param setum dagdhendhanamivānalam ॥*

19. Частей не имеющий, действий не совершающий, всецело безмятежный, беспорочный, безупречный — потому Он есть единственный великий мост, что переносит нас в Бессмертие, подобно огню, что сжигает топливо.

यदा चर्मवदाकाशं वेष्टयिष्यन्ति मानवाः ।
तदा देवमविज्ञाय दुःखस्यान्तो भविष्यति ॥२०॥

*yadā carmavadākāśam veṣṭayiṣyanti mānavāḥ ।
tadā devamavijñaya duḥkhasyānto bhaviṣyati ॥*

20. Когда сыны людей свернут эфир, как шкуру, и обернутся небесами, словно одеянием, только тогда и без знания Всевышнего, Бога нашего, придет конец страданию в мире.

¹ Или — «В Нем, кто посвятил Брахму издревле и ниспослал Ему Веду, в Боге, в ком постижение “Я” обретает озарение, во имя спасения я поспешу обрести прибежище».

तपःप्रभावाद्देवप्रसादाच्च ब्रह्म ह श्वेताश्वतरोऽथ विद्वान् ।
अत्याश्रमिभ्यः परमं पवित्रं प्रोवाच सम्यगृषिसंघजुष्टम् ॥२१॥

*tapaḥprabhāvāddevaprasādācca brahma ha śvetāśvataro 'tha vidvān |
atyāśramibhyaḥ paramaṁ pavitraṁ provāca samyagr̥ṣisamghajusṭam ||*

21. Мощью своей преданности и благодатью Божьей, энергией своего бытия¹ Ш्वетаशватара так познал Вечного и, придя к отрекшимся от мирской жизни, истинно возгласил им Высочайшего и Чистого Бога, к которому извечно зывают собрания провидцев.

वेदान्ते परमं गुह्यं पुराकल्पे प्रचोदितम् ।
नाप्रशान्ताय दातव्यं नापुत्रायाशिष्याय वा पुनः ॥२२॥

*vedānte paramaṁ guhyaṁ purākalpe pracoditam |
nāpraśāntāya dātavyaṁ nāputrāyāśiṣyāya vā punaḥ ||*

22. Это есть великая тайна Веданты, возглашенная в былые времена, и не должно расточать ее на сердца неумиротворенные и на людей бездушных или на того, у кого нет учеников².

यस्य देवे परा भक्तिर्यथा देवे तथा गुरौ ।
तस्यैते कथिता ह्यर्थाः प्रकाशन्ते महात्मनः प्रकाशन्ते महात्मनः ॥२३॥

*yasya deve parā bhaktiryathā deve tathā gurau |
tasyaite kathitā hyarthāḥ prakāśante mahātmanaḥ prakāśante mahātmanaḥ ||*

23. Но в ком есть наивысшая любовь и преклонение пред Богом, и как пред Богом, так и пред Учителем, тому эти великие истины, будучи изречены, становятся ясными сами по себе, поистине, Великой Душе его они явлены.

¹ Или — «Милостью Божьей, энергией своего подвижничества».

² Или — «Да не передашь ты ее душе неумиротворенной, или человеку бездушно-му, или тому, у кого нет учеников».

ИЗ ЧХАНДОГЪЯ УПАНИШАДЫ

Первая глава. Разделы I, II, III

Чхандогья Упанишада

ПЕРВАЯ ГЛАВА: РАЗДЕЛ I

ओमित्येतदक्षरमुद्गीथमुपासीत । ओमिति ह्युद्गायति तस्योपव्याख्यानम् ॥१॥

omītyetadaḥṣaramudgīthamupāsīta | omīti hyudgāyati tasyopavyākhyānam ||

1. Воистину, поклоняйтесь ОМ, вечному слогу, ОМ есть Удгитха, распев Самаведы, ибо с ОМ начинается пение Самана. Таково истолкование ОМ.

एषां भूतानां पृथिवी रसः पृथिव्या आपो रसः । अपामोषधयो रस
ओषधीनां पुरुषो रसः पुरुषस्य वाग्रसो वाच ऋग्रस ऋचः साम रसः
साम्न उद्गीथो रसः ॥२॥

*eṣāṃ bhūtānāṃ pṛthivī rasaḥ pṛthivyā āpo rasaḥ | apāmoṣadhayo rasa
oṣadhīnāṃ puruṣo rasaḥ puruṣasya vāgraso vāca ṛgrasa ṛcaḥ sāma rasaḥ
sāmna udgītho rasaḥ ||*

2. Земля есть материальная сущность всех этих созданий, и воды есть сущность земли; травы полевые есть сущность вод, человек есть сущность трав, Речь есть сущность человека, Ригведа есть сущность Речи, Саман — сущность Рика. ОМ есть сущность Самана.

स एष रसानां रसतमः परमः परार्धयोऽष्टमो यदुद्गीथः ॥३॥

sa eṣa rasānāṃ rasatamaḥ paramaḥ parārdhyo'ṣtamo yadudgīthaḥ ||

3. ОМ есть восьмая сущность сущностей и подлинно сущностная, наивысшая и относящаяся к высшей полусфере сущего.

कतमा कतमर्कतमत्कतमत्साम कतमः कतम उद्गीथ इति
विमृष्टं भवति ॥४॥

*katamā katamark katamat katamatsāma katamaḥ katama udgītha iti
vimṛṣṭaṁ bhavati ॥*

4. Что среди сущего и что опять же есть Рик; что среди сущего и что опять же есть Саман; что среди сущего и что опять же есть ОМ Удгитхи — об этом сейчас размышление.

वागेवर्क् प्राणः सामोमित्येतदक्षरमुद्गीथः । तद्वा एतन्मिथुनं
यद्वाक् प्राणश्चर्क साम च ॥५॥

*vāgevarḥ prāṇaḥ sāmomyetadakṣaramudgīthaḥ । tadvā etanmithunam
yadvākca prāṇaścark ca sāma ca ॥*

5. Речь есть Рик, Дыхание есть Саман, Нетленный есть ОМ Удгитхи. Вот божественные влюбленные: Речь и Дыхание, Рик и Саман.

तदेतन्मिथुनमोमित्येतस्मिन्नक्षरे संसृज्यते यदा वै मिथुनौ समा-
गच्छत आपयतो वै तावन्योन्यस्य कामम् ॥६॥

*tadetanmithunamomyetasminnakṣare saṁsṛjyate yadā vai mithunau samā-
gacchata āpayato vai tāvanyonyasya kāmam ॥*

6. Как пара влюбленных они, и они сливаются вместе в ОМ, в вечном слогe; и вот, когда встречаются возлюбленная и ее любимый, воистину, каждый исполняет желание другого.

आपयिता ह वै कामानां भवति य एतदेवं विद्वानक्षरमुद्गीथ-
मुपास्ते ॥७॥

*āpayitā ha vai kāmānām bhavati ya etadevaṁ vidvānakṣaramudgītha-
mupāste ॥*

7. Тот становится исполнителем людских желаний, кто с этим знани-
ем поклоняется ОМ, вечному слогу.

तद्वा एतदनुज्ञाक्षरं यद्धि किं चानुजानात्योमित्येव तदाह एषा एव
समृद्धिर्यदनुज्ञा । समर्धयिता ह वै कामानां भवति य एतदेवं
विद्वानक्षरमुद्गीथमुपास्ते ॥८॥

*tadvā etadanujñākṣaram yaddhi kiṁ cānujānātyomityeva tadāha eṣā eva
samṛddhiryadanujñā । samardhayitā ha vai kāmānām bhavati ya etadevaṁ
vidvānakṣaramudgīthamupāste ॥*

8. Вот этот ОМ есть слог Согласия, ибо когда с чем-либо соглашают-
ся, произносят ОМ; и согласие есть благословение процветания.
Воистину, тот благословляет и исполняет желания людей, кто
с этим знанием поклоняется ОМ, вечному слогу.

तेनेयं त्रयी विद्या वर्तत ओमित्याश्रावयत्योमिति शंसत्योमित्युद्-
गायत्येतस्यैवाक्षरस्यापचित्यै महिम्ना रसेन ॥९॥

*teneyam trayī vidyā vartata omityāśrāvayatyomiti śamsatyomityud-
gāyatyetasyaivākṣarasyāpacityai mahimnā rasena ॥*

9. Благодаря ОМ продолжается это тройственное знание; с ОМ жрец
начинает чтение Рика, с ОМ он возглашает Яджус, с ОМ он поет
Саман. И все это ради преумножения Нетленного (слога) и благо-
даря величию Его и восхитительности.

तेनोभौ कुरुतो यश्चैतदेवं वेद यश्च न वेद । नाना तु विद्या चाविद्या
च यदेव विद्यया करोति श्रद्धयोपनिषदा तदेव वीर्यवत्तरं भवतीति
खल्वेतस्यैवाक्षरस्योपव्याख्यानं भवति ॥१०॥

*tenobhau kuruto yaścaitadevaṃ veda yaśca na veda | nānā tu vidyā cāvidyā
ca yadeva vidyayā karoti śraddhayopaniṣadā tadeva vīryavattaraṃ bhavatīti
khalvetasyaivākṣarasyoṣavyākhyānaṃ bhavati ॥*

10. При помощи ОМ вершит труды тот, кто обладает этим знанием, и также тот, кто им не обладает; но они различны, Знание и Неведение. Какое бы деяние ни совершал человек со знанием, с верой и с тайной Веды, оно бывает для него более сильным и мощным. Таково истолкование вечных букв.

ПЕРВАЯ ГЛАВА: РАЗДЕЛ II

देवासुरा ह वै यत्र संयेतिर उभये प्राजापत्यास्तद्ध देवा उद्गीथ-
माजहुरनेनैनानभिभविष्याम इति ॥१॥

*devāsura ha vai yatra saṁyetira ubhaye prājāpatyāstaddha devā udgītha-
mājahuranenainānabhibhaviṣyāma iti ॥*

1. Боги и Демоны боролись друг с другом; и те и другие были детьми Всемогущего Отца. И вот Боги использовали как оружие ОМ Удгитхи, ибо сказали они: «Этим мы одолеем Титанов».

ते ह नासिक्यं प्राणमुद्गीथमुपासांचक्रिरे । तस्हासुराः पाप्मना
विविधुस्तस्मात्तेनोभयं जिघ्रति सुरभि च दुर्गन्धि च पाप्मना ह्येष
विद्धः ॥२॥

*te ha nāsikyam prāṇamudgīthamupāsāṁcakrīre | taṁ hāsuraḥ pāpmanā
vividhustasmātenobhayaṁ jighrati surabhi ca durgandhi ca pāpmanā hyeṣa
viddhaḥ ॥*

2. Боги стали поклоняться ОМ как Дыханию в ноздрях; но Демоны пришли и поразили его стрелой Зла; поэтому оно одинаково обоняет и то, и другое: благоухание и зловоние. Ибо оно насквозь поражено Злом.

अथ ह वाचमुद्गीथमुपासांचक्रिरे । तास्हासुराः पाप्मना विविधु-
स्तस्मात्तयोभयं वदति सत्यं चानृतं च पाप्मना ह्येषा विद्धा ॥३॥

*atha ha vācamudgīthamupāsāṁcakrīre | tāṁ hāsuraḥ pāpmanā vividhu-
stasmāttayobhayaṁ vadati satyam cānṛtaṁ ca pāpmanā hyeṣā viddhā ॥*

3. Тогда Боги стали поклоняться ОМ как Речи; но Демоны пришли и поразили ее стрелой Зла; поэтому она одинаково изрекает и то, и другое: Истину и Ложь. Ибо она насквозь поражена Злом.

अथ ह चक्षुरुद्गीथमुपासांचक्रिरे । तद्वासुराः पाप्मना विविधु-
स्तस्मात्तेनोभयं पश्यति दर्शनीयं चादर्शनीयं च पाप्मना ह्येतद्
विद्धम् ॥४॥

*atha ha cakṣurudgīthamupāsāṁcakrīre | taddhāsuraḥ pāpmanā vividhu-
stasmātenobhayaṁ paśyati darśanīyaṁ cādarśanīyaṁ ca pāpmanā hyetad
viddham ||*

4. Тогда Боги стали поклоняться ОМ как Глазу; но Демоны пришли и поразили его стрелой Зла; поэтому он одинаково видит и то, и другое: благовидное и неблагоприятное. Ибо он насквозь поражен Злом.

अथ ह श्रोत्रमुद्गीथमुपासांचक्रिरे । तद्वासुराः पाप्मना विविधु-
स्तस्मात्तेनोभयं शृणोति श्रवणीयं चाश्रवणीयं च पाप्मना ह्येतद्
विद्धम् ॥५॥

*atha ha śrotramudgīthamupāsāṁcakrīre | taddhāsuraḥ pāpmanā vividhu-
stasmātenobhayaṁ śṛṇoti śravaṇīyaṁ cāśravaṇīyaṁ ca pāpmanā hyetad
viddham ||*

5. Тогда Боги стали поклоняться ОМ как Уху; но Демоны пришли и поразили его стрелой Зла; поэтому оно одинаково слышит и то, и другое: то, что достойно слуха, и то, что грубо и непристойно. Ибо оно насквозь поражено Злом.

अथ ह मन उद्गीथमुपासांचक्रिरे । तद्वासुराः पाप्मना विविधु-
स्तस्मात्तेनोभयं संकल्पयते संकल्पनीयं चासंकल्पनीयं च
पाप्मना ह्येतद्विद्धम् ॥६॥

*atha ha mana udgīthamupāsāṁcakrīre | taddhāsuraḥ pāpmanā vividhu-
stasmātenobhayaṁ saṁkalpayate saṁkalpanīyaṁ cāsaṁkalpanīyaṁ ca
pāpmanā hyetadviddham ||*

6. Тогда Боги стали поклоняться Удгитхе как Уму; но Демоны пришли и поразили его стрелой Зла; поэтому он одинаково воспринимает

и то, и другое: праведные мысли и недостойные измышления. Ибо он насквозь поражен Злом.

अथ ह य एवायं मुख्यः प्राणस्तमुद्गीथमुपासांचक्रिरे । तंहासुरा
ऋत्वा विदध्वंसुर्यथाश्मानमाखणमृत्वा विध्वंसेत ॥७॥

*atha ha ya evāyaṁ mukhyaḥ prāṇastamudgīthamupāsāṁcakrīre | taṁhāsura
ṛtvā vidadhvaṁsuryathāśmānamākhaṇamṛtvā vidhvaṁseta ||*

7. Тогда Боги стали поклоняться ОМ как тому, что есть Дыхание в устах, и Демоны, набросившись на него, разбились вдребезги — так что-либо, ударившись о твердую скалу, разбивается вдребезги.

एवं यथाऽश्मानमाखणमृत्वा विध्वंसत एवंहैव स विध्वंसते
य एवविदि पापं कामयते यश्चैनमभिदासति स एषोऽश्माखणः ॥८॥

*evaṁ yathāśmānamākhaṇamṛtvā vidhvaṁsata evaṁ haiva sa vidhvaṁsate
ya evaṁvidi pāpaṁ kāmayate yaścainamabhidāsati sa eṣośmākhaṇaḥ ||*

8. И как какая-нибудь вещь, ударившись о твердую и прочную скалу, разбивается вдребезги, так обрекает себя на гибель тот, кто желает зла Знающему или кто причиняет ему вред; ибо Знающий подобен той скале твердой и прочной.

नैवैतेन सुरभि न दुर्गन्धि विजानात्यपहतपाप्मा ह्येष तेन यदश्नाति
यत्पिबति तेनेतरान्प्राणानवति । एतमु एवान्ततोऽवित्त्वोत्क्रामति
व्याददात्येवान्तत इति ॥९॥

*naivaitena surabhi na durgandhi vijānātyapahatapāpmā hyeṣa tena yadaśnāti
yatpibati tenetarāṅprāṇānavati | etamu evāntato'vittvotkrāmati
vyādadātyevāntata iti ||*

9. Этим Дыханием человек не распознает ни благоухания, ни зловония, ибо оно отринуло Зло от себя. Что бы человек ни съел и ни выпил с его помощью, все это питает прочие дыхания. В последний

час, не находя более этого Дыхания, Дух исходит из тела; поэтому, когда он исходит, человек широко раскрывает рот.

तश्हाङ्गिरा उद्गीथमुपासांचक्र एतमु एवाङ्गिरसं मन्यन्तेऽङ्गानां
यद्रसः ॥१०॥

*taṁ hāṅgirā udgīthamupāsāṁcakra etamu evāṅgirasam manyante'ṅgānām
yadrasaḥ ॥*

10. Ангирас поклонялся ОМ Удгитхи как Дыханию в устах, и люди представляют это Дыхание как Ангираса, потому что оно есть сущность членов тела.

तेन तश्ह बृहस्पतिरुद्गीथमुपासांचक्र एतमु एव बृहस्पतिं मन्यन्ते
वाग्धि बृहती तस्या एष पतिः ॥११॥

*tena taṁ ha bṛhaspatirudgīthamupāsāṁcakra etamu eva bṛhaspatim manyante
vāग्धि bṛhatī tasyā eṣa patiḥ ॥*

11. Силой Ангираса Брихаспати поклонялся ОМ как Дыханию в устах, и люди представляют это Дыхание как Брихаспати, потому что Речь есть великая богиня, а Дыхание есть повелитель Речи.

तेन तश्हायास्य उद्गीथमुपासांचक्र एतमु एवायास्यं मन्यन्त आस्या-
द्यदयते ॥१२॥

*tena taṁ hāyāsya udgīthamupāsāṁcakra etamu evāyāsyam manyanta āsyā-
dyadayate ॥*

12. Силой Брихаспати Аясья поклонялся ОМ как Дыханию в устах, и люди представляют Дыхание как Аясью, ибо изо рта оно исходит.

तेन त॒ह् ब॒को द॒ाल्भ्यो वि॒दांच॑कार । स ह॒ नै॒मिशी॑यानामुद्राता बभूव
स ह॒ स्मै॒भ्यः का॒माना॑गायति ॥१३॥

*tena taṁ ha bako dālbyo vidāncakāra | sa ha naimiśīyānāmudgātā babhūva
sa ha smaibhyaḥ kāmānāgayati ॥*

13. Силой Аясьи Бака, сын Далбхи, познал Дыхание. И он стал Песнопевцем Саман среди Наймишиев и пением своим он доставлял им исполнение желаний.

आगा॒ता ह॒ वै का॒मानां॑ भवति य ए॒तदे॒वं वि॒द्वान॑क्षरमुद्गीथमुपास्त
इ॒त्य॒ध्या॒त्मम् ॥१४॥

*āgātā ha vai kāmānām bhavati ya etadevaṁ vidvānakṣaramudgīthamupāsta
ityadhyātmam ॥*

14. Воистину, тот пением своим доставляет людям исполнение их желаний, кто с этим знанием поклоняется Ом Удгитхи, вечному слогу. Это — истолкование относительно «Я».

ПЕРВАЯ ГЛАВА: РАЗДЕЛ III

अथाधिदैवतं य एवासौ तपति तमुद्गीथमुपासीतोद्यन्वा एष प्रजाभ्य
उद्गायति । उद्यस्तमोभयमपहन्त्यपहन्ता ह वै भयस्य तमसो
भवति य एवं वेद ॥१॥

*athādhidaivataṁ ya evāsau tapati tamudgīthamupāsītodyanvā eṣa prajābhya
udgāyati | udyamstamobhayamapahantypahantā ha vai bhayasya tamaso
bhavati ya evaṁ veda ॥*

1. Теперь относительно Богов. Вон тот пылающий огонь в небесах — Ему поклоняйся как Удгитхе; ибо Солнце восходит и поет людям свой светозарный гимн. Поистине, оно восходит — и рассеивается тьма и страх ее. Поэтому тот становится гонителем тьмы и страха, кто так знает.

समान उ एवायं चासौ चोष्णोऽयमुष्णोऽसौ स्वर इतीममाचक्षते स्वर
इति प्रत्यास्वर इत्यमुं तस्माद्वा एतमिमममुं चोद्गीथमुपासीत ॥२॥

*samāna u evāyaṁ cāsau coṣṇo'yamuṣṇo'sau svara itīmamācakṣate svara
iti pratyāsvara ityamum tasmādvā etamimamamum cogīthamupāsīta ॥*

2. Дыхание и Солнце — едины и подобны, ибо одно есть жар и другое есть жар; и Дыхание зовется движителем, и Солнце также зовется движителем, а также зовется оно движителем, что возвращается на путях своих¹. Потому следует почитать и то и другое как Удгитху.

अथ खलु व्यानमेवोद्गीथमुपासीत यद्वै प्राणिति स प्राणो यदपानिति
सोऽपानः । अथ यः प्राणापानयोः सन्धिः स व्यानो यो व्यानः सा
वाक् । तस्मादप्राणन्नपानन्वाचमभिव्याहरति ॥३॥

¹ Или — «и Дыхание зовется идущим, и Солнце также зовется идущим, а также идущим зовется оно, что возвращается на путях своих» (прим. пер.).

atha khalu vyānamevodgīthamupāsīta yadvai prāṇīti sa prāṇo yadapāṇīti so'pānaḥ | atha yaḥ prāṇāpānayoḥ sandhiḥ sa vyāno yo vyānaḥ sā vāk | tasmādaprāṇannanapānanvācamabhivyaḥharati ||

3. И затем, поистине, следует почитать Вяню, срединное дыхание, как Удгитху. Ибо когда вдыхают — это Прана, Главное Дыхание, а когда выдыхают — это Апана, нижнее дыхание. То же, что соединяет и связует главное дыхание и нижнее дыхание, — это Вяна, и Вяна есть Речь. Потому когда не вдыхают и не выдыхают — тогда изрекают Речь.

या वाक्सर्क्तस्मादप्राणन्नपानन्नृचमभिव्याहरति यर्क्तसाम तस्मा-
दप्राणन्नपानन्साम गायति यत्साम स उद्गीथस्तस्मादप्राणन्नपान-
न्नृदायति ॥४॥

*yā vāksarktas mādapraṇannanapānanṛcamabhivyaḥharati yarkatsāma tasmā-
dapraṇannanapānansāma gāyati yatsāma sa udgīthastasmādapraṇannanapāna-
nnudāyati ||*

4. Но Речь есть Рик. Потому тогда изрекают Рик, когда не выдыхают и не вдыхают. И Рик есть Саман. Потому тогда воспевают Саман, когда не выдыхают и не вдыхают. Но Саман есть Удгитха. Потому тогда поют Удгитху, когда не выдыхают и не вдыхают.

अतो यान्यन्यानि वीर्यवन्ति कर्माणि यथाग्नेर्मन्थनमाजेः सरणं
दृढस्य धनुष आयमनमप्राणन्नपानंस्तानि करोत्येतस्य
हेतोर्व्यानमेवोद्गीथमुपासीत ॥५॥

*ato yānyanyāni vīryavanti karmāṇi yathāgnermanthanamājeḥ saraṇam
dṛḍhasya dhanuṣa āyamanapraṇannanapānaṁstāni karotyetasya
hetorvyānamevodgīthamupāsīta ||*

5. Потому какие бы действия ни совершались, требующие силы и усилия — как добывание огня трением, или преодоление высокой преграды, или сгибание крепкого, тугого лука, — тогда

совершают их, когда не выдыхают и не вдыхают. И по этой причине следует поклоняться срединному дыханию как Удгитхе.

अथ खलुद्गीथाक्षराण्युपासीतोद्गीथ इति प्राण एवोत्प्राणेन ह्युत्तिष्ठति
वाग्गीर्वाचो ह गिर इत्याचक्षतेऽन्नं थमन्ने हीदं सर्वं स्थितम् ॥६॥

*atha khalūdgīthākṣarāṇyupāsītodgītha iti prāṇa evotprāṇena hyuttiṣṭhati
vāggīrvāco ha gira ityācakṣate'nnam thamanne hīdam sarvaṁ sthitam ॥*

6. Затем, воистину, следует почитать слоги Удгитхи, произнося: «Уд-ги-тха» — где Прана есть первый слог, ибо человек поднимается благодаря главному дыханию; и Речь есть второй слог, ибо Речью зовется то, что исходит; и пища есть слог третий, ибо в пище основывается вся эта Вселенная.

द्यैरेवोदन्तरिक्षं गीः पृथिवी थमादित्य एवोद्वायुर्गीरग्निस्थं सामवेद
एवोद्यजुर्वेदो गीर्ग्वेदस्थं दुग्धेऽस्मै वाग्दोहं यो वाचो दोहोऽन्न-
वानन्नादो भवति य एतान्येवं विद्वानुद्गीथाक्षराण्युपास्त उद्गीथ इति ॥७॥

*dyaurevodantarikṣaṁ gīḥ pṛthivī thamāditya evodvāyurgīragnisthaṁ sāmaveda
evodyajurvedo gīrgvedasthaṁ dugdhe'smai vāgdoham yo vāco doho'nna-
vānannādo bhavati ya etānyevaṁ vidvānudgīthākṣarāṇyupāsta udgītha iti ॥*

7. Небо есть первый слог, воздушное пространство есть слог второй, земля есть слог третий. Солнце есть первый слог, Воздух есть слог второй, Огонь есть слог третий. Самаведа есть первый слог, Яджурведа есть слог второй, Ригведа есть слог третий. Для того Речь становится коровой, дающей сладкое молоко, — а что же есть этот удой Речи? — и тот становится богатым пищей и поедателем пищи, кто знает их и почитает эти слоги Удгитхи, произнося вот так: «Уд-ги-тха».

(Не закончено)

ЗАМЕТКИ О ЧХАНДОГЪЯ УПАНИШАДЕ

Заметки о Чхандогья Упанишаде

НАЧАЛЬНАЯ ФРАЗА

ओमित्येतदक्षरमुदीथमुपासीत । ओमिति ह्युद्गायति तस्योपव्याख्यानम् ॥१॥

omityetadakṣaramudgīthamupāsīta | omīti hyudgāyati tasyopavyākhyānam ||

ОМ есть тот слог (тот Непреходящий); ему должно следовать, как восходящей Песне (движению); ибо с ОМ человек поет (идет) ввысь; и этому таково (аналитическое) объяснение.

ТАКОВА начальная фраза Упанишады в буквальном переводе, отражающем ее двоякий смысл: с одной стороны — экзотерический, физический и символический, а с другой — выражающий символизируемую ею эзотерическую реальность. В Веданте эти начальные строки или фразы всегда имеют важное значение: они неизменно строятся таким образом, чтобы подсказать или даже подытожить если не все, что следует за ними, то во всяком случае центральную и основополагающую идею Упанишады. *Īśā vāsyam* Ваджасанеи, *kenēṣitam ... manas* Талавакары¹, Жертвенный Конь Брихадараньяки, единственный Атман с намеком на будущие мировые вибрации в Айтарее, относятся к этой категории. Чхандогья, как мы видим из ее первых и вводных фраз, должна быть произведением о правильном и совершенном пути посвящения себя Брахману; нам должны быть предложены дух учения, его методы и формулировки. Тема ее — Брахман, но Брахман, символизируемый посредством слога ОМ, священного слога Веды; иными словами, не только чистое состояние Универсального Бытия, но это же Бытие во всех его составных: бодрствующий мир, «я» сновидений и сон, проявленное, полупроявленное и сокровенное, Бхурлока, Бхувар и Свар — правильные средства для того, чтобы завоевать их все,

¹ Имеются в виду начальные фразы Иша и Кена Упанишады соответственно (прим. ред.)

насладиться всеми, выйти за пределы всех — такова тема Чхандогьи. ОМ есть и символ, и символизируемое. Он есть символ, *akṣaram* — слог, в котором звучание речи полностью возвращается к своему широкому и чистому неопределимому состоянию; и он есть символизируемое, *akṣaram* — неизменная, неубывающая, непребывающая, непроявляющаяся, нетленная Реальность, которая в условиях опыта раскрывает себя во всем этом изменении, преумножении, убывании, видимости, тлении, которые в их определенной частной совокупности и гармонии мы именуем миром, — точно так же, как ОМ, чистая вечная звукооснова речи раскрывает себя слуху в разнообразных вариациях и сочетаниях нечистого звука, которые в их определенной совокупности и гармонии мы называем Ведой. Нам следует всей душой устремиться вслед за этим слогом ОМ, *upāsita*, — всецело сосредоточиться на нем и посвятить себя познанию этого слога и овладению им, но обязательно на ОМ как Удгитхе. В этом слове мы вновь находим символический смысл и одновременно — выражение символизируемой истины, как в *akṣaram* и ОМ: одна вокабула¹ имеет двоякую функцию и значение.

Санскрит всегда был языком, в котором одно слово может естественным образом заключать в себе несколько значений и следовательно — вызывать целый ряд различных ассоциаций. Он поэтому позволяет с особой легкостью и естественностью образовывать речевые фигуры, называемые *śleṣa*, или «объединение», то есть сочетание различных смыслов в одной словесной форме. Парономазия² в английском сводится к забавным каламбурам, упражнениям в остроумии, странным нелепицам, к гротескным юмористическим ухищрениям. Парономазия, *śleṣa*, в санскрите, хотя и совершенно такая же по форме, вовсе не носит характера каламбура, не выглядит нелепой или неестественной, но напротив — ясна и понятна, естественна и зачастую даже неизбежна, служит не для пустой умственной потехи, но для достижения серьезных и часто высоких и благородных целей. Ее без меры и без должного искусства использовали писатели-стилисты, принижая ее подлинную ценность; и тем не менее она стала прекрасным подспорьем поэтов, создавших с ее помощью великие и тонченные строки и образы, когда, например, одна и та же словес-

¹ Слово как лексическая единица (*прим. пер.*).

² Сочетание отдельных оттенков смысла в одной словесной форме (*прим. пер.*).

ная форма могла выражать и открытое порицание, и неявную завуалированную похвалу. Несмотря на это, в классическом санскрите язык приобрел несколько излишнюю жесткость с точки зрения совершенного использования этой речевой фигуры; он стал слишком буквальным, слишком скрупулезно регламентированным; он утратил память своих истоков. Ощущение искусственности и надуманности фигуры возникает у нас из-за того, что различные значения, совершенно далекие и не пересекающиеся друг с другом, соединены в одной функции слова, которое обычно принимает их только в разных контекстах. Но ведическая *śleṣa* не вызывает у нас чувства надуманности и искусственности, поскольку его не было у самих творцов Вед. Язык был все еще близок к своим истокам и хранил не интеллектуальную, пожалуй, но инстинктивную память о них. Обладая меньшими грамматическими познаниями, чем Панини и другие классические грамматисты, и немногим уступая им в знании этимологическом, Риши тем не менее лучше чувствовали саму душу санскритской речи. Различные значения слова, хоть и вполне отчетливые, еще не обособились совершенно; между ними еще сохранялись многие впоследствии утраченные связи; еще не стерлись градации смысла, еще прослеживалась история слова, еще ощущались тонкие переходы от одного смысла к другому. *Ardha* сейчас означает «половина» — и ничего больше. У человека же ведической поры оно вызывало иные ассоциации. Ведя свое происхождение от корня *rdh*, что первоначально означало «идти» и «соединяться», потом — «прибавлять», «преумножать», «процветать», оно могло означать место назначения или человека, к которому обращаются, или просто место; а также — увеличение, прибавление, добавленную часть или просто часть, половину. Использование его в каком-либо другом смысле, нежели «место назначения», или обозначение им одновременно «половины, части» и «места назначения» не показалось бы ведическому уму каким-то произволом или насилием, но было бы воспринято как проявление естественной ассоциативной взаимосвязи идей. Поэтому когда Риши говорили о высших мирах Сатчитананды как о Парардхе, под этим словом они имели в виду одновременно высшую половину внутреннего бытия человека и *paraṁ dhāma*, или высший престол Вишну в иных мирах, и кроме того подразумевали, что этот высший престол есть цель и конечный пункт, «местоназначение» нашего движения ввысь. И как только они слышали это слово, так сразу же все эти идеи возникали у них в сознании — естественно,

спонтанно и, вследствие длительного существования соответствующих ассоциативных связей, неизбежно.

ОМ — слово аналогичное. Когда оно произносилось в знак священного утверждения, у всех возникала мысль о ведической Пранаве, но слово ОМ не могло также не вызывать у всех, кто его слышал, мысль о Брахмане в Его тройственном Проявлении и в Его трансцендентном Бытии. Слово *akṣaram*, означая или «слог», или «нечто неизменное, незыблемое», в сочетании с ОМ также приобретало новую окраску: выражение «слог ОМ» неизбежно обозначало для ведического ума еще и «Брахман, который не подвержен изменению и тлению». То же самое относится к словам *udgītha* и *udgāyati*. В классическом санскрите предлоги-приставки глаголов отмерли и носили лишь условное значение или и вовсе не имели никакой силы; *udgāyati* или *pragāyati* мало чем отличаются от просто *gāyati* — все они означают просто «петь» или «воспевать». Но в Ведах предлоги-приставки еще вполне жизнеспособны и могут свободно присоединяться к глаголам или отделяться от них; поэтому они всегда полностью сохраняют свое значение. В Веданте их способность отделяться от глаголов теряется, но они еще сохраняют свою особую силу. Кроме того, корни *gī* и *gā* в классическом Санскрите означают «петь», а их значение «идти» передалось родственному им *gam*; но в ведические времена их употребление в смысле «идти» еще было активным и общепринятым. Они означали также «выражать», «обладать», «держаться»; но эти значения, прежде обычные для семьи корней в целом, теперь распределены между отдельными ее членами: *gir* означает выражение, *grh* — удерживание. *Gāthā*, *gīthā*, *gāna*, *gāyati*, *gātā*, *gātu* означали для ведического ума одновременно и «движение», и «пение», *udgītha* означало «восхождение, возвышение» и также — «посылание с песнью голоса или души ввысь». Когда ведический песнопевец произносил *ud gāyāmi*, физически он, вероятно, имел в виду песнь, обращенную ввысь, но у него был и психический образ — образ души, восходящей с песнью к богам и достигающей самоосуществления во встрече с ними, донося до них свое выраженное песнью устремление. Чтобы показать, что эта идея не является современной этимологической фантазией моего производства, достаточно привести свидетельства самой Чхандогья Упанишады из той ее главы, где Бака Далбхья именуется Удгатой Наймишиев, который посредством ведического песнопения доставляет им осуществление их желаний, *ebhyaḥ āgāyati kāmān*; так, добавляет Упанишада,

всякий становится «песнопевцем» желанного и «доставителем» желанного, *āgātā kāmānām*, кто с этим знанием следует ОМ, Брахману, как Удгитхе.

Таким образом, смысл Упанишады в том, что на слоге ОМ, «технически» называемом Удгитхой, следует медитировать как на символе четырехаспектного Брахмана, имея в виду две цели: «песнопение» во имя осуществления своих желаний и стремлений в пределах тройственного Проявления и духовное восхождение к Самому Брахману, ведущее к открытию и освоению неба за небом и увенчивающееся оберетением Его трансцендентного блаженства. Ибо, гласит она, со слога ОМ начинают песнопение Самаведы — или, в эзотерическом смысле, посредством медитации на ОМ человек осуществляет это восхождение-возвышение души и становится властелином всех ее желаний. Именно с такой позиции и имея в виду такую цель Упанишада рассматривает ОМ. Пояснить природу и деятельность Брахмана, научить правильно поклонению Брахману и медитации на Брахмане, предложить различные средства достижения различных результатов, а также формулы молитвы и медитации — такова ее задача. Всю эту пояснительную работу необходимо проделать опираясь на Веды и ведическое жертвоприношение и ритуал, саму сущность которых составляет ОМ. Поэтому Упанишада, в определенном смысле, является объяснением цели и символики ведического канона и ритуала; она обобщает результаты долгого и напряженного поиска, посредством которого основатели и пионеры Веданты в эпоху, когда скрытый и подлинный смысл Вед был уже в значительной мере поглощен ритуализмом и формализмом конца Двапара-юги, пытались воссоздать свое утраченное наследие — частично за счет обращения к опыту адептов, которые еще обладали древним знанием, частично — на основе традиций великих искателей прошлой юги: Джанаки, Яджнявалкьи, Кришны и других, частично — при помощи собственных прозрений и духовного опыта. Чхандогья Упанишада, таким образом, подытоживает историю одной из величайших и наиболее интересных эпох человеческой мысли.

САТЪЯКАМА ДЖАБАЛА

I

История Сатьякамы Джабалы занимает пять разделов — с третьего по восьмой¹ — четвертой главы Чхандогья Упанишады. Чхандогья, по-видимому, является наиболее древней из дошедших до нас Упанишад. Она повествует о Кришне, сыне Деваки, и Дхритараштре Вайчитравирье в такой манере, которая служит подтверждением наших предположений о том, что для создателей Упанишады это были не древние легендарные имена, но реальные живые люди, которые еще недавно ходили по земле.

Ход философской мысли, донесенной до нас Упанишадами, демонстрирует попытку перехода от прежней ритуалистической *карма-марги* (*karmamārga*) к свободе *джнянамарги* (*jñānamārga*). Согласно сказанному в Гите, то было не новое устремление, но возврат к былой утраченной дисциплине; ибо Шри Кришна говорит Арджуне об истинной или *саджняна кармамарге* (*sajñāna karmamārga*), которую он раскрывает перед ним: «Сие есть нетленная Йога, которую я возгласил Вивасвану, Вивасван раскрыл ее Ману, а Ману — поведал Икшваку. Так была она известна царственным мудрецам, передаваемая по цепи преемственности, пока по прошествии длительного времени Йога эта не была утрачена, о гроза своих недругов. Эту-то древнюю Йогу я и поведал тебе сегодня, поскольку ты возлюбил меня и ты друг мне, — ибо это величайшая из всех сокровенных истин».

Двапара-юга была эпохой господства Куру: Куру были великим родом римского типа, родом практицистов, воинов, знатоков ритуала и юриспруденции, которым был несвойственен созерцательный характер или этическая устремленность восточных родов Кошалов, Видехов, Кашьев, Чедьев. Запад Индии всегда отличался практическим, воинским и коммерческим складом ума по сравнению с умозрительным и идеалистическим Востоком и схоластическим, логическим и метафизическим Югом. Согласно индуистской теории эпох-юг, Двапара — это время, когда все классифицировано, ритуализовано,

¹ В большинстве изданий — с четвертого по девятый (*прим. англ. ред.*).

формализовано. В эпоху Сатья Вишну нисходит и пребывает среди людей как Яджня. Яджня это дух преклонения и жертвенности, и в эпоху Сатья Яджня владеет людскими сердцами, а потому нет необходимости во внешнем ритуале, внешних жертвоприношениях, сложной системе законов, правительстве, кастовом делении, классах и догматах. Люди соблюдают закон просто в силу чистоты своей природы и полноты своего знания. Царство Божие и Веда, Знание, пребывают в сердцах Его народа. В период Трета прежний совершенный порядок начинает нарушаться, и Вишну нисходит как *sakravartī rājā*, воин и правитель, Картавирия, Парашурама, Рама: отныне людьми правят меч, закон и предписания Веды. Но все еще сохраняются значительная гибкость и свобода, и люди, хоть и в определенных пределах, могут жить в соответствии со здоровым побуждением собственной природы, пока лишь едва омраченной первым отступлением от изначальной чистоты. И уже в период Двапара на смену идее и духу в качестве истинных регулирующих средств религии, этики и общественной жизни должны прийти форма и закон. На этот раз Вишну нисходит как Вьяса, великий классификатор и систематизатор знания.

В конце эпохи Двапара, когда пришел Шри Кришна, эта тенденция достигла своего предельного развития, и форма стала подменять идею, а закон — подменять дух не только во внешнем поведении, но и в сердцах людей. Тем не менее, уже начала проявляться и противоположная тенденция. Сам Дхритараштра был искренним искателем сокровенного смысла вещей. Были и живые учителя, великие ведантисты, такие как риши Гхора, к которому сам Шри Кришна пришел, чтобы услышать просветляющее слово. Шри Кришна явил собой интеллектуальную силу, которая собрала воедино все эти разрозненные тенденции и, разрушив косный формализм периода Двапара, позволила выполнить задачу эпохи Кали. В Гите он порицает тех, кто не выходит за пределы четырех углов Веды, и дает философское обоснование системе жертвоприношения; он с презрением отвергает подчиненность установленным этическим стандартам и утверждает вместо этого внутренний и духовный закон поведения. Многим своим современникам он, должно быть, казался вестником гибели и разрушения; подобно всем великим новаторам-революционерам, он был осужден Бхуришравасом как известный отступник и растлитель нравов, сбивающий людей с пути истинного. Но такова задача Кали-юги: разрушить все, усомнившись во всем, с тем чтобы в результате борьбы между силами

чистоты и нечистоты установить новую гармонию жизни и знания в новой Сатья-юге.

С уничтожением консервативных Куру и Панчалов на Курукшетре началось развитие Веданты, которое продолжалось до тех пор, пока ее мысль, в свою очередь, не достигла предельного и чрезмерного выражения в учениях Будды и Шанкарачарьи. Но в период, к которому относится Чхандогья, Веданта еще находилась в ранней стадии своего развития. В начальных разделах Упанишады разрабатывается с эзотерических позиций внутренний смысл определенных частей жертвенных формул, что уже само по себе ясно говорит о том, что эта работа относится к первому пласту ведантистской формации.

История Сатьякамы является одним из наиболее типичных сказаний Упанишады. Она изобилует подробностями, проливающими свет на ранневедантистское учение, йогическую *садхану* (*sādhana*) и то глубокое психическое знание, наличие которого у слушателей подразумевалось автором при создании этой работы. В самом деле, подразумевается столь значительное знание, что те, кто не обладает практическим опытом Йоги, не в состоянии понять что-либо, кроме общих выводов Упанишады. Современные комментаторы, включая Шанкару, анализировали ее с целью создания на ее основе частных метафизических доктрин и не имели в виду полного прояснения ее смысла. Я займусь тем, что было упущено — ибо то, что кажется «детским лепетом» европейскому исследователю, для Йогина таит в себе бесконечную истину, богатство и глубину.

II

«Однажды Сатьякама Джабала обратился к своей матери Джабале и сказал: “Мать, я пойду и стану вести жизнь Брахмачарина. Скажи мне мою *готру* (*gotra*)”. Но она ответила ему: “Не знаю я, сын мой, твоей готры. В юности, когда я зачала тебя, я была служанкой и бывала у многих, потому я не знаю, какой ты готры. Но мое имя — Джабала, а твое — Сатьякама. Называй же себя Сатьякама Джабала”. И вот он пришел к Харидрумате Гаутаме и сказал: “Господин мой, я хочу жить у тебя учеником-брахмачарином, примешь ли ты меня?” И тот сказал ему: “Сын мой, какой же ты готры?” Но он ответил: “Увы, я не знаю, какой я готры. Я спросил мать, и она ответила мне: «Не знаю я, сын мой, твоей готры. В юности, когда я зачала тебя, я была служанкой и бывала у многих, потому я не знаю, какой ты готры, но мое имя — Джабала, а твое — Сатьякама». Так что я — Сатьякама Джабала”. И тот сказал ему: “Ни в ком, кроме Брамина, не может быть столько силы, чтобы сказать это. Собери же дров, сын мой, я принимаю тебя, ибо ты не отступил от истины”. Он принял его и отобрал четыре сотни тощих слабых коров и сказал: “За ними, сын мой, следуй и будь им пастухом” — и тот погнал этих коров и сказал: “Не вернусь, пока их не станет тысяча”. И он бродил с ними несколько лет, пока их не стало тысяча».

Так начинается эта история — и пусть начало ее кажется простым, но в нем уже содержатся несколько ключевых моментов с точки зрения понимания идей того времени и принципов древней ведантистской садханы. Сатьякама, как мы узнаем из дальнейшего повествования, был одним из великих ведантистских учителей периода, непосредственно предшествовавшего созданию Чхандогья Упанишады. Но при этом он человек самого низкого происхождения. Его мать — служанка, причем не *дацу* (*dāsi*), имевшая постоянного хозяина, чей сын мог бы назвать своего отца и свою готру, но *паричарика* (*paricārikā*), служившая по найму в разных домах, «бывавшая у многих» и поэтому не знающая, кто отец ее сына. Поэтому Сатьякама не имел ни касты, ни готры, ни какого-либо положения в жизни. Из этой истории, как и из других, явствует, что хотя система четырех каст уже прочно утвердилась, кастовая принадлежность не считалась препятствием для поисков знания и духовного продвижения. Кшатрий мог обучать Брамина,

незаконнорожденный сын служанки от неизвестного отца мог быть гуру для людей чистейшей и благороднейшей крови. В этом нет ничего нового или неправдоподобного, ибо такое положение дел сохранялось на протяжении всей истории индуизма, и отстранение кого бы то ни было от духовной истины и культуры по причине кастовой принадлежности — это изобретение позднейших времен. В силу самой природы вещей более высокие касты должны были, как правило, порождать большее количество духовных наставников, но то был результат естественных законов, а не навязанных запретов. Примечательно также и то, что, как следует из этого и еще ряда примеров, именно положением отца определялось положение сына, в то время как положение матери, судя по всему, не играло особой роли. Вероятно, вопрос готры имел значение для определения ритуала и других особенностей обряда посвящения. Сатьякама, должно быть, прекрасно знал, что он незаконнорожденный сын служанки, но он хотел узнать имя и готру своего отца, поскольку должен был сообщить их своему гуру. Даже узнав наихудшее, он не оставил своего намерения пойти в духовное обучение — то есть у него не было оснований бояться, что он будет отвергнут из-за своего низкого происхождения. Его гуру, впечатленный его правдивостью, говорит: «Никто, кроме Брамина, не обладает достаточной моральной силой, чтобы сделать подобное признание». Вряд ли это означало, что отец Сатьякамы был Брамином — скорее то, что, обладая качествами Брамина, он должен быть принят как Брамин. Даже Кшатрий в такой ситуации не решился бы быть столь правдивым, поскольку Кшатрий по природе своей любит честь и избегает бесчестия, ему присуще чувство *tāna* и *aratāna*; но истинный Брамин есть *samo tānāratānauḥ*, он одинаково беспристрастно приемлет мирскую честь и бесчестие и печется лишь об истине и правде. Гаутама сразу же приходит к заключению, что, каким бы ни было физическое происхождение Сатьякамы, в духовном отношении он принадлежит к наивысшему порядку и особенно подходит как *садхак* (*sādhaka*): *na satyād agāḥ*, он не отступил от истины.

Другой момент — это первое действие гуру после обряда посвящения. Вместо того, чтобы начать наставлять своего многообещающего ученика, он отправляет его ходить за четырьмястами жалкими коровами, готовыми скорее испустить дух, чем тучнеть и множиться, и запрещает ему возвращаться, пока он не преумножит их до тысячи. Чем же было вызвано столь странное решение? Было ли это испытание?

Было ли это стремление привить дисциплину своему ученику? Но Харидрумата уже увидел, что его новый ученик обладает высокими качествами Брамина. Чего же еще ему было нужно?

Совершенный человек есть существо четырехаспектное и единственная цель ведантистской дисциплины — стать совершенным человеком, *сиддой* (*siddha*). Когда Христос говорил: «Будьте совершенны как совершенен Отец ваш небесный», — он лишь повторял более доступным языком ведантистское учение о *садхарме* (*sādharmya*), уподоблении Богу.

(Не закончено)

ИЗ БРИХАДАРАНЬЯКА УПАНИШАДЫ

Глава первая. Разделы I, II и частично III

Брихадараньяка Упанишада

ГЛАВА ПЕРВАЯ: РАЗДЕЛ I

ॐ । उषा वा अश्वस्य मेध्यस्य शिरः । सूर्यश्चक्षुर्वातः प्राणो
व्यात्तमग्निर्वैश्वानरः संवत्सर आत्माऽश्वस्य मेध्यस्य । द्यौः पृष्ठ-
मन्तरिक्षमुदरं पृथिवी पाजस्यं दिशः पार्श्वे अवान्तरदिशः पर्शव
ऋतवोऽङ्गानि मासाश्चार्धमासाश्च पर्वाण्यहोरात्राणि प्रतिष्ठा
नक्षत्राण्यस्थीनि नभो मांसानि । ऊवध्यं सिकताः सिन्धवो
गुदा यक्च क्लोमानश्च पर्वता ओषधयश्च वनस्पतयश्च लोमा-
न्युद्यन्पूर्वार्धो निम्लोचञ्जघनार्धो यद्विजृम्भते तद्विद्योतते
यद्विधूनुते तत्स्तनयति यन्मेहति तद्वर्षति वागेवास्य वाक् ॥१॥

*OM | uṣā vā aśvasya medhyasya śiraḥ | sūryaścakṣurvātaḥ prāṇo
vyāttamagnirvaiśvānaraḥ samvatsara ātmāśvasya medhyasya | dyauḥ pṛṣṭha-
mantarikṣamudaram pṛthivī pājasyam diśaḥ pārśve avāntaradiśaḥ parśava
ṛtavo'ṅgāni māsāścārdhamāsāśca parvānyahorātrāṇi pratiṣṭhā
nakṣatrāṇyasthīni nabho māṁsāni | ūvadyam sikatāḥ sindhavo
gudā yakṛcca kломānaśca parvatā ośadhayaśca vanaspatayaśca lomā-
nyudyanpūrvārdho nimlōcañjaghanārdho yadvijṛmbhate tadvidyotate
yadvidhūnute tatstanayati yanmehati tadvarṣati vāgevāsya vāk ||*

1. OM. Заря — это голова¹ жертвенного коня². Солнце — его око³, его дыхание — ветер, его широко отверстая пасть — Огонь, могучий

¹ Поскольку это перед и начало.

² Слово «ашва» изначально обозначало «бытие, существование, субстанция». Ассоциируясь также со скоростью и силой, оно постепенно стало употребляться в значении «конь». Поэтому здесь это слово олицетворяет материальное существование, а образ коня, который чаще всего ассоциируется с этим именем, выступает как символ универсального существования в *аннам*, материи. И конь, и жертвоприношение являются символическими. Это образ Вират Пुरुши, Яджня Пुरुши — Бога, выражающего себя в материальной вселенной.

³ Поскольку солнце это владыка видения.

владыка вселенной¹. Время — суть жертвенного коня². Небеса — его спина, а срединный мир — брюхо его, земля же — его подножие; стороны света — его бока, а промежуточные стороны света — ребра, времена года — ноги его, месяцы и половины месяцев — их суставы, дни и ночи — опора его ног, созвездия — его кости, а небосвод — плоть его тела. Песчаные берега — это пища в его брюхе, реки — его вены, его печень и легкие — это горы, деревья и травы — его волосяной покров, восход — передняя часть его тела, а закат — его задняя часть; когда он потягивается, сверкает молния, а когда встряхивается — гремит гром, когда же он мочится — идет дождь. Речь, воистину, это голос его.

अहर्वा अश्वं पुरस्तान्महिमाऽन्वजायत तस्य पूर्वे समुद्रे योनी रात्रि-
रेनं पश्चान्महिमाऽन्वजायत तस्यापरे समुद्रे योनिनरेतौ वा अश्वं
महिमानावभितः संबभूवतुः । हयो भूत्वा देवानवहद्वाजी गन्धर्वा-
नर्वाऽसुरानश्वो मनुष्यान्समुद्र एवास्य बन्धुः समुद्रो योनिः ॥२॥

*aharvā aśvaṁ purastānmahimā'nvajāyata tasya pūrve samudre yonī rātri-
renam paścānmahimā'nvajāyata tasyāpare samudre yoninaretāu vā aśvaṁ
mahimānāvabhitaḥ sambabhūvatuḥ | hayo bhūtvā devānavahadvājī gandharvā-
narvā'surānaśvo manuṣyānsamudra evāsya bandhuḥ samudro yoniḥ ||*

2. День был величием, рожденным впереди коня, когда тот мчался вскачь, — восточный океан породил его; ночь была величием, рожденным позади коня, и она родилась из иных вод. Таковы два величия, родившиеся по обе стороны коня. Он стал Хайей и понес на себе богов, стал Ваджином — и понес гандхарвов, стал Арваном — и понес титанов, стал Ашвой — и понес людей. Море было братом его, и море — местом его рождения.

¹ Воздух является основой жизни, Огонь — силы и распространения.

² Время есть то, что поддерживает существование в материальном пространстве, и оно является его душой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: РАЗДЕЛ II

नैवेह किञ्चनाग्र आसीन्मृत्युनैवेदमावृतमासीत् । अशनाययाऽशनाया
हि मृत्युस्तन्मनोऽकुरुताऽऽत्मन्वो स्यामिति । सोऽर्चन्नचरत्तस्यार्चत
आपोऽजायन्तार्चते वै मे कमभूदिति तदेवार्कस्यार्कत्वं कश्ह वा अस्मै
भवति य एवमेतदर्कस्यार्कत्वं वेद ॥१॥

*naiveha kiñcanāgra āsīnmṛtyunaivedamāvṛtamāsīt । aśanāyayā'sanāyā
hi mṛtyustanmano'kuruṭā''tmanvo syāmiti । so'rcannacarattasyārcata
āpo'jāyantārcate vai me kamabhūditi tadevārkasyārkatvaṁ kaṁha vā asmai
bhavati ya evametadarkasyārkatvaṁ veda ॥*

1. Вначале не было здесь ничего; все это было окутано Смертью — Голодом, ибо, воистину, Голод и есть Смерть. Тот сотворил Разум, и он сказал: «Да обрету я сущность». Он пребывал в движении, совершая действие, и от его движения родились воды, и он сказал: «Блаженство пришло ко мне, когда я действовал». Воистину, такова активность в действии. Посему блаженство приходит к тому, кто так познает эту суть активности в действии.

आपो वा अर्कस्तद्यदपां शर आसीत्तत्समहन्यत । सा पृथिव्यभव-
त्तस्यामश्राम्यत्तस्य श्रान्तस्य तप्तस्य तेजोरसो निरवर्तताग्निः ॥२॥

*āpo vā arkastadyadapāṁ śara āsīttatsamahanyata । sā pṛthivyabhava-
ttasyāmaśrāmyattasya śrāntasya taptasya tejorasō niravartatāgniḥ ॥*

2. Воистину, воды (в своем движении) есть действие; то, что было озером вод, было сжато и уплотнилось и стало землей; и на земле он изнурился; и в этом изнурении он преисполнился жара, и Сущность энергии изошла от него — изошел Огонь.

स त्रेधाऽऽत्मानं व्यकुरुताऽऽदित्यं तृतीयं वायुं तृतीयं स एष प्राण-
स्त्रेधा विहितः । तस्य प्राचो दिक्शिरोऽसौ चासौ चर्मो । अथास्य प्रतीची
दिक्पुच्छमसौ चासौ च सक्थ्यौ दक्षिणा चोदीची च पार्श्वे द्यौः पृष्ठ-
मन्तारिक्षमुदरमियमुरः स एषोऽप्सु प्रतिष्ठितो यत्र क्व चैति तदेव
प्रतिष्ठित्येवं विद्वान् ॥३॥

*sa tredhā''tmānaṁ vyakurutā''dityaṁ tṛtīyaṁ vāyuṁ tṛtīyaṁ sa eṣa prāṇa-
stredhā vihitaḥ | tasya prāco dikśiro'sau cāsau cermāu | athāsya pratīcī
dikpucchamasau cāsau ca sakthyau dakṣiṇā codīcī ca pārśve dyauḥ pṛṣṭha-
mantarikṣamudaramiyamuraḥ sa eṣo'psu pratiṣṭhito yatra kva caiti tadeva
pratīṣṭhatyevaṁ vidvān ||*

3. Огонь разделил себя на три (части): солнце — одна из трех (частей), и Ваю — одна из трех (частей): воистину, это сила жизни, что распределена тройственно. Восток — его голова, а северо-восток и юго-восток — его длани. Запад же — его задняя часть, а юго-запад и северо-запад — его бедра; его бока — юг и север; Небо — его спина, а срединное пространство — его живот; а эта земля — его грудь. Это он повсюду утверждён в водах — куда бы ты ни направился. И кто так знает, тот утверждает также.

सोऽकामयत द्वितीयो म आत्मा जायेतेति स मनसा वाचं मिथुनं
समभवदशनाया मृत्युस्तद्यद्रेत आसीत्स संवत्सरोऽभवत् । न ह पुरा
ततः संवत्सर आस तमेतावन्तं कालमविभः । यावान्संवत्सरस्त-
मेतावतः कालस्य परस्तादसृजत । तं जातमभिव्याददात्स
भाणकरोत्सैव वागभवत् ॥४॥

*so'kāmayata dvitīyo ma ātmā jāyeteṭi sa manasā vācaṁ mithunaṁ
samabhavadāśanāyā mṛtyustadyadreta āsītsa saṁvatsaro'bhavat | na ha purā
tataḥ saṁvatsara āsa tametāvantaṁ kālamabibhaḥ | yāvānsaṁvatsarasta-
metāvataḥ kālasya parastādasṛjata | taṁ jātamabhivyādādātsa
bhāṇakarotsaiva vāgabhavat ||*

4. Он возжелал: «Да родится у меня второе “я”». Он, Голод, что воистину, есть Смерть, умом соединился с речью; и семенем этого соития стало Время. Ибо прежде не было Времени (периода Времени), и Он столько нес его в Себе, сколь велик период Времени;

а по истечении этого периода Он дал ему рождение. Он устремился к нему, рожденному; оно издало крик, и это стало речью.

स ऐक्षत यदि वा इममभिमस्ये कनीयोऽन्नं करिष्य इति स तया
वाचा तेनाऽऽत्मनेदं सर्वमसृजत यदिदं किञ्चर्चो यजूंषि सामानि
च्छन्दांसि यज्ञान्प्रजाः पशून् । स यद्यदेवासृजत तत्तदत्तुमध्रियत
सर्वं वा अत्तीति तददितेरदितित्वं सर्वस्यैतस्यात्ता भवति सर्वमस्यान्नं
भवति य एवमेतददितेरदितित्वं वेद ॥५॥

*sa aikṣata yadi vā imamabhimaṁsye kanīyo'nnam kariṣya iti sa tayā
vācā tenā'ṁtmanedaṁ sarvamasṛjata yadidaṁ kiñcarco yajūṁṣi sāmāni
cchandāṁsi yajñānprajāḥ paśūn | sa yadyadevāsṛjata tattadattumadhriyata
sarvaṁ vā attīti tadaditeradititvaṁ sarvasyaitasyāttā bhavati sarvamasyānnaṁ
bhavati ya evametadaditeradititvaṁ veda ॥*

5. Он увидел: «Если я поглочу это, то убавлю пищу»; поэтому посредством этой речи и этого «я» он создал все это, что мы видим: Рики и Яджусы, и Саманы, и напевы, и жертвоприношения, и животных, и эти народы. Все, что сотворил он, все это он стал поглощать, воистину, он поглощает все; такова сущность бытия в материи (что оно может быть уничтожено¹). Тот становится Поедателем всего мира, и все становится его пищей, кто так знает сущность бытия в материи.

सोऽकामयत भूयसा यज्ञेन भूयो यजेयेति । सोऽश्राम्यत्स तपोऽतप्यत
तस्य श्रान्तस्य तप्तस्य यशो वीर्यमुदक्रामत् । प्राणा वै यशो वीर्यं तत्
प्राणेषूत्क्रान्तेषु शरीरं श्वयितुमध्रियत तस्य शरीर एव मन
आसीत् ॥६॥

*so'kāmayata bhūyasā yajñena bhūyo yajeyeti | so'shrāmyatsa tapo'tapyata
tasya śrāntasya taptasya yaśo vīryamudakrāmat | prāṇā vai yaśo vīryaṁ tat
prāṇeṣūtkrānteṣu śarīraṁ śvayitumadhriyata tasya śarīra eva mana
āsīt ॥*

¹ Уничтожено — т. е. использовано для наслаждения через поглощение.

6. Он возжелал: «Да совершу я более обильное жертвоприношение, принесу еще более обильную жертву». Он трудился и задействовал жар силы, и из него, так трудившегося и разогретого, изошли блеск и сила. Жизненные силы есть тот блеск и сила, а потому, когда жизненные силы уходят, тело обрекается разложению, и все же в его теле даже и в таком был разум.

सोऽकामयत मेध्यं म इदं स्यादात्मन्व्यनेन स्यामिति । ततोऽश्वः
 समभवद्यदश्वत्तन्मेध्यमभूदिति तदेवाश्वमेधस्याश्वमेधत्वम् ।
 एष ह वा अश्वमेधं वेद य एनमेवं वेद । तमनवरुध्यैवामन्यत ।
 तं संवत्सरस्य परस्तादात्मन आलभत । ॥७॥

*so'kāmayata medhyam ma idaṁ syādātmanvyanena syāmiti | tato'svaḥ
 samabhavadyadaśvattanmedhyamabhūditi tadevāśvamedhasyāśvamedhatvam |
 eṣa ha vā aśvamedhaṁ veda ya enamevaṁ veda | tamanavarudhyaivāmanyata |
 taṁ saṁvatsarasya parastādātmana ālabhata | ... ||*

7. Он возжелал: «Да будет это пригодным мне для жертвоприношения, да обрету я тело при помощи этого». То, что изъявило силу и бытие, то пригодно для жертвоприношения. Такова, поистине, тайна Ашвамедхи, и тот воистину знает Ашвамедху, кто так это знает. Он дал ему (жертвенному коню) идти свободно и мыслил, а затем по прошествии одного года (установленного периода времени) он принес его в жертву сущности. [...] ¹

¹ Остальная часть раздела не переведена (прим. ред.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ: РАЗДЕЛ III

द्वया ह प्राजापत्या देवाश्चासुराश्च । ततः कानीयसा एव देवा ज्यायसा
असुरास्त एषु लोकेष्वस्पर्धन्त ते ह देवा ऊचुर्हन्तासुरान्यज्ञ
उद्गीथेनात्ययामेति ॥१॥

*dvayā ha prājāpatyā devāścāsurāśca | tataḥ kānīyasā eva devā jyāyasā
asurāsta eṣu lokeṣvāspardhanta te ha devā ūcurhantāsuraṇyājñā
udgīthenātyayāmeti ||*

1. Было два рода Сынов Бога — боги и титаны. Впоследствии боги стали слабее, а титаны — могущественнее. Они сражались друг с другом в этих мирах, и боги сказали: «Давайте при помощи этой *udgimhi* превзойдем титанов в Яджне».

ते ह वाचमूचुस्त्वं न उद्गायेति तथेति तेभ्यो वागुदगायत् । यो वाचि
भोगस्तं देवेभ्य आगायद्यत्कल्याणं वदति तदात्मने । ते विदुरनेन वै न
उद्गात्राऽत्येष्यन्तीति तमभिद्रुत्य पाप्मनाऽविध्यन्स यः स पाप्मा
यदेवेदमप्रतिरूपं वदति स एव स पाप्मा ॥२॥

*te ha vācamūcustvaṁ na udgāyēti tathēti tebhyo vāgudagāyat | yo vāci bhogas-
taṁ devebhya āgāyadyatkalyāṇaṁ vadati tadātmane | te viduranēna vai na
udgātrāḥṭyēṣyāntīti tamabhidrutya pāpmanāḥvidhyansa yaḥ sa pāpmā
yadevedamapratirūpaṁ vadati sa eva sa pāpmā ||*

2. Они сказали Речи: «Взойди же ввысь (при помощи *udgimhi*), воспой для нас». «Да будет так», — сказала Речь и отправилась ввысь, и воспела для них; наслаждение, которое есть в речи, она снискала для богов, благо изрекаемое она снискала для сущности. Они думали, что при помощи этой песнопевицы они превзойдут их, но те набросились на нее и пронзили ее злом. Зло изрекаемое, то, что не соответствует (должному изречению), — вот что такое это зло.

(Не закончено)

ВЕЛИКАЯ АРАНЬЯКА

Комментарий к Брихадараньяка Упанишаде

Великая Араньяка

ПРЕДИСЛОВИЕ

БРИХАДАРАНЬЯКА Упанишада, и самая туманная, и самая глубокая из Упанишад, представляет особую трудность для восприятия современного ума. Если от нас далеки ее идеи, то еще более далек язык. Язык глубокий, изысканный, чрезвычайно богатый необычными философскими намеками и утонченно психологичный, он предназначен для предпочтительного сокрытия идеи за высокой образностью и символичностью, что для современников, привыкших к этой многозначной речи, должно было выглядеть как благородное обрамление богатого содержания, однако для нас скорее играет роль плотной завесы. Раздвинуть эту завесу, перевести древний ведический язык и систему образов в ту форму, в которую предпочитает облекать свои идеи современная мысль, — вот единственная цель этого комментария. Задача по необходимости связана с известным риском. Просто воспроизвести на современном языке мысли и толкования Шанкары было бы легко; если у него есть ошибки, то вместе со столь высоким авторитетом можно и себе позволить ошибаться. Однако мне кажется, что и интересы истины, и духовные потребности человечества в наше время требуют скорее восстановления древней ведантистской истины, нежели прежнего доминирования лишь той ее стороны, которую систематизировал средневековый мыслитель. Великий Шанкарачарья не нуждается в похвале наших современников, и ему не может повредить их несогласие с ним. Тот, кого смело можно назвать первым мыслителем-метафизиком, величайший из гениев в истории философии, сослужил также неоценимую службу современному человечеству тем, что своим комментарием перебросил мост через интеллектуальную пропасть, разделившую мудрецов Упанишад и нас. Комментарий спас их от практического забвения, в котором наше невежество и инертность столько веков позволяли оставаться Веде — ради того только, чтобы ее вытащили на свет грубые руки отважно теоретизирующего тевтона. Комментарий Шанкары сберег эти древние сокровища мысли, эти возвышенные кладези духовности

в надежном укрытии храма метафизики, философии Адвайты — пусть и отодвинутыми на второй план, излишне завуалированными и замаскированными, но тем не менее надежно укрытыми от иконоборчества и неумных измышлений современной науки. Вместе с тем, справедливо и то, что комментарий Шанкары интересен не столько светом, который проливает на Упанишады, сколько отходом от них в его собственную философию. Не думаю, что рациональный интеллект Шанкары, отточенный до предела, но жаждущий логической ясности и последовательности, мог достаточно глубоко проникнуть в этот мистический символизм, в эту глубинную и трудноуловимую гибкость, которая вообще характерна для Упанишад, а в Брихадараньяке достигает почти недостижимой высоты. Шанкара многое сделал, он часто выказывает готовность к пониманию и проницательность, поразительные для столь отличного типа интеллектуальности, однако есть необходимость и возможность сделать большее. Стремительно приближается то время, когда человеческий интеллект, начав осознавать могучую сложность вселенной, станет с большей готовностью познавать и будет менее склонен к диспутам и диктату; тогда мы будем обращаться к древним памятникам знания ради извлечения из них того, что в них содержится, а не ради того, чтобы навязать им нашу собственную правду или заставить их служить нашим философским или схоластическим целям. Пассивно войти в течение мыслей древних риши, позволить их словам проникнуть в наши души, воздействовать на них и рождать собственные отзвуки в отзывчивом и податливом материале — короче говоря, отдаться на волю Шрути — такой была теория самих древних в отношении метода ведического знания: *girām upaśrutiṁ cara, stomān abhi svara, abhi gr̥ṇīhi, ā ruva* — прислушиваться душой к древним голосам и позволять Шрути откликаться в душе, вибрировать, сначала невнятно, в ответ на ведантистский гимн знания, откликаться, звучать эхом и в конце концов дать этому отклику обрести ясность, интенсивность и полноту. Вот принцип интерпретации, которому я следовал, принцип, возможно, мистический, но необязательно менее здравый, чем упорство и столь же субъективные стандарты логика и ученого. А что до остального, то там, где внутренний опыт истины не проливает света на текст, надлежит послушно следовать словам Упанишад и доверяться своей интуиции. Ибо я считаю правильным прислушиваться к интуиции, особенно в толковании Упанишад, даже рискуя быть обвиненным в привнесении мистики

в Веданту, поскольку мне кажется, что ранние ведантисты были мистиками — не визионерами с мыслями туманными и расплывчатыми, но мистиками — интуитивными символистами, людьми, рассматривавшими мир как движение сознания, а все материальные формы и энергии как наружные символы и тени все более глубинных внутренних реальностей. В мои намерения не входит, да и возможности мои не позволяют, развивать философию Великой Араньяка Упанишады, мне нужно развить ее лишь настолько, чтобы добиться достаточной ясности идей, содержащихся в ее языке и заключенных в ее образах. Задача моего комментария — заложить основу, возводить же надстройку есть дело мыслителя.

КОНЬ МИРОВ

Упанишада начинается с грандиозной внезапностью образом порывистого Коня Ашвамедхи.

«ОМ, — начинается она, — Заря — это голова жертвенного Коня. Солнце — его око, его дыхание — ветер, его широко отверстая пасть — Огонь, вселенская энергия. Время — дух жертвенного Коня. Небеса — его спина, а срединное пространство — брюхо его, земля же — его подножие; стороны света — его бока, а промежуточные стороны света — ребра, времена года — ноги его, месяцы и половины месяцев¹ — опора его ног, созвездия — его кости, а небосвод — плоть его тела. Песчаные берега — это пища в его брюхе, реки — его вены, горы — его печень и легкие, травы и деревья — волосяной покров на его теле, день занимающийся — это передняя часть его тела, а день угасающий — его задняя часть; когда он потягивается, сверкает молния, а когда встряхивается — гремит гром, когда же он мочится — идет дождь. Речь, воистину, это его ржание. День был величием, рожденным впереди Коня, когда тот мчался вскачь, — восточный океан породил его. Ночь была величием, рожденным позади Коня, и она родилась в западных водах. Таковы были два великих дива, возникшие по обе стороны Коня.

¹ В этом месте, воспроизводя собственный перевод, Шри Ауробиндо пропустил следующие слова: «... — их суставы, дни и ночи...» (*прим. сост.*).

Он стал Хайей и понес на себе богов, Ваджином — и понес гандхарвов, Арваном — и понес титанов, Ашвой — и помчал на себе человечество. Море было братом его, и море — местом его рождения».

Это описание, полное гигантских образов, задает тон Упанишаде, и только войдя в смысл его символики, мы сможем получить доступ ко вратам города прекрасных дворцов, города ведантистской мысли. В языке Упанишад никогда не встречается ничего чисто поэтического или орнаментального. Даже в этом отрывке, который может на первый взгляд показаться исполненным чистейшей образностью, в образах прослеживается избирательность, упорядоченное видение и целенаправленность. Все они не плод необузданной фантазии автора — они построены на распространенных идеях ранней ведантистской теософии. К счастью, также из этого начального отрывка становится совершенно ясно, как относится автор Упанишады к ведическим жертвоприношениям. Нам не придется опасаться обвинений в том, что мы навязываем примитивному мышлению древних современную изоциренность мысли или подменяем варварские суеверия цивилизованной мистикой. Ашвамедха, или Жертвоприношение Коня, как мы увидим, используется в качестве символа великого духовного продвижения, можно даже сказать, эволюционного восхождения из-под власти внешне материальных сил к более высокой духовной свободе. Для автора Конь Ашвамедха есть физическая фигура, представляющая, на манер алгебраического символа, неизвестное количество силы и скорости. По образам очевидно, что эта сила, эта скорость есть нечто всемирное, нечто универсальное, она заполняет своим существом стороны света, вмещает в себя Время, мчится сквозь Пространство, несет в своем стремительном движении людей, богов и титанов. Это Конь Миров — и в то же время Конь жертвенный.

Давайте сначала рассмотрим само слово *aśva* и подумаем, проливает ли оно некий свет на тайну этого образа. Ибо нам известно, что ранние ведантисты придавали большое значение словам, как в их явном, так и в сокровенном смысле, и если не следовать за ними по этому пути, нельзя даже питать надежду разобраться в тех ассоциациях, которыми наполнились их умы. Однако даже самому поверхностному психологу очевидно значение ассоциаций в окрашивании, а часто и в определении наших мыслей, в определении даже мысли философской и научной, более всего старающейся сохранить свою точность и свободу. Метод, примененный Свами Даянандой для прочтения Вед, —

хотя, пожалуй, применялся он с излишней настойчивостью, диктуемой чаще могучим умом современного индийского мыслителя, нежели вновь возрожденной ментальностью древних арийских риши, — был бы в принципе одобрен этими ведантистами. Слово *aśva* первоначально должно было передавать значение скорости или силы, или того и другого вместе, прежде чем стало означать лошадь, коня. В своем первичном или корневом смысле оно означает «существовать всепроникающим образом», а следовательно, «владеть, иметь, получать, наслаждаться». Это греческое слово *ekhō* (древнее санскритское *aśā*), обычное в греческом слово, которое значит «я имею». Другое его значение, еще более распространенное — «есть, поесть» или «наслаждаться». Помимо этого первоначального смысла, присущего корням семьи, есть и особое значение, передаваемое только этим словом: «существование в силе» — со смыслом «сила, крепость, острота, скорость» — в *aśan* и *aśma*, камень, *aśani*, удар грома, *aśri*, острый край или угол (латинское *acer*, *acris*, острый, *acus*, точка и т. д.) и, наконец, *aśva* — сильный, быстрый конь. Таким образом, основные значения — это «всепроникающее существование, наслаждение, сила, крепость, скорость». Не можем ли мы, в таком случае, сказать, что для риши *aśva* значило — неизвестная энергия, обладающая силой, крепостью, плотностью, стремительностью и наслаждением, которая наполняет и образует собой весь материальный мир?

Однако существует опасность, что этимологические фантазии сбывают нас с пути. Поэтому необходимо подвергнуть проверке наши предварительные заключения, основанные на филологии, путем тщательного рассмотрения образов этого иносказания. Но прежде чем приняться за это исследование, уместно отметить, что в самом начале своей второй Брахманы риши сразу переходит от Ашвы, Коня, к *aśanāyā mṛtyuḥ*, Голоду, который есть Смерть, и называет этот Голод — который есть Смерть — характеристикой, а точнее говоря, самой природой той Силы, что устроила и развила (осуществила путем эволюции, как сказали бы сейчас) материальный мир.

«Заря, — говорит риши, — это голова жертвенного Коня». Но голова это перед, та наша часть, которая обращена к миру и взирает на него, — Заря и есть эта часть Коня Миров. Следовательно, эта богиня должна быть раскрытием мира оку Существа: ибо как день есть символ времени действия, а ночь — времени бездействия, так заря есть образ начала регулярного космического действия — начала несовершенного,

но таящего в себе плод будущего; это движение Существа вперед, то есть его стремление обозреть вселенную, в которой оно оказалось, а когда это произошло — пробуждение в нем влечения к ней, желания овладеть этим миром, который выглядит столь ярким из-за яркости взгляда, обращенного на него. Слово Ушас этимологически означает выход в явленное бытие; это слово может также означать желание или влечение. Ушас или Заря для мыслителя тех времен была побуждением к явленному существованию вместо смутного движения в глубинах Непроявленного, олицетворяя что-то уже появляющееся и готовое достичь своего удовлетворения. Мы должны помнить, что имеем дело с текстом, полным мистической образности, который посвящен поиску и рассмотрению психологических и философских истин в самых материальных вещах, и что мы рискуем полностью упустить его смысл, если будем избегать мистики в наших истолкованиях.

Солнце есть око этой великой Силы, ветер — ее жизненное дыхание или витальная энергия, Огонь — ее отверстые уста. Здесь мы встречаемся с хорошо знакомыми символами. Нам еще придется возвращаться к ним, но в своем поверхностном смысле они ясны и понятны. Их одних почти достаточно, чтобы раскрыть смысл символики — но только почти. Ибо, взятые сами по себе, они могут подвести нас к ошибочному предположению, будто Конь Миров есть образ только материальной вселенной, олицетворение тех движений материи и в материи, которыми столь исключительно поглощена современная наука. Однако уже следующий образ спасает нас от ухода в эту боковую калитку, ведущую в материализм. «Время в своей периодичности — это существо, дух, “я” Жертвенного Коня». Если мы примем для слова *ātmā* его общеупотребительное значение, которое действительно используется в следующей главе, если мы под этим словом будем понимать — а я считаю, что здесь его следует понимать именно так — «субстанцию» или «тело», то это выражение, само по себе поразительное, станет еще более ярким и примечательным. Значит не Материя, а Время, категория ментальная, составляет тело этой силы материальной вселенной, чье око есть солнце, а дыхание — ветер. Должны ли мы отсюда умозаключить, что Провидец отрицает сущностную материальность материи? Утверждает ли он, что она является — как признает Хаксли — «состоянием сознания»? Посмотрим. Пока что нам уже ясно, что Конь Миров это не просто образ материи или материальной силы, но, как мы уже предположили, — образ энергии, которая напол-

няет и образует собой материальную вселенную. Мы также извлекаем из этого образа, представляющего Время, понятие о Времени как неизвестной энергии — ибо Время, которое есть существо или тело Коня, само по себе является неизвестной величиной. Реальность, которая для нас выражает себя через Время — свое тело, — оставаясь при этом неуловимой, должна все-таки быть именно такой, какой ее всегда ощущали люди: она должна быть непознанным Богом.

Уже в следующих образах к концепции Времени добавляется концепция Пространства. Они сведены вместе как составные части, образующие существо Коня. Ибо небосвод — это плоть его тела, стороны света — его бока, а промежуточные стороны света — ребра Коня, при этом небосвод, *nabhas*, представляет собой эфирное пространство у нас над головой, в котором располагаются звездные системы; сами же эти звездные системы, сгущения эфира, есть кости, поддерживающие плоть и используемые жизнью в этой пространственной бесконечности, чтобы более прочно обосноваться и организовать в материи. Однако тут же, наряду с этим пространственным образом, возникает и образ времен года, непосредственно и целенаправленно напоминающий нам о связи Времени и Пространства. Времена года, определяемые для нас движением солнца и звезд, предстают здесь боками Коня, а ногами он опирается на месяцы и на их половины — на лунный календарь. Таким образом, Пространство выступает как плоть или материальное выражение этого тела Времени, которым мудрец наделяет своего Коня Миров, — периоды Времени формируются и определяются движением в Пространстве. Поэтому мы постоянно возвращаемся к полному восприятию Коня — не в качестве образа материи, не в качестве символа неведомой супраматериальной Энергии в ее супраматериальной реальности, но Энергии, выражающей себя в материи, можно даже сказать, материально наполняя и образуя собой вселенную. Время это ее тело — да, но *saṁvatsara*, а не *kāla* — Время в его периодах, определяемых движением в Пространстве, а не Время в своей сути.

Более того, это Энергия, отображающая себя в Космосе, — это Конь Миров. Ибо мы читаем: «Небо — его спина, срединное пространство — его брюхо, земля — его подножие» — *pājasyam*, четыре ноги, на которых он стоит. Нам следует проявлять осмотрительность и не смешивать концепцию вселенной, утверждаемую древним Провидцем, с нашими современными представлениями о ней. Для нас

не существует ничего, кроме системы грубого материального мира — *anpamayaṃ jagat* — вот этой земли, этой луны, этого солнца с его планетами, мириад солнц и их систем. Между тем, для ведантистских мыслителей вселенная, явленный Брахман, была гармонией миров внутри миров; они прозревали пространство, находящееся внутри нашего пространства, но связанное с ним; они осознавали время, связанное с нашим временем, но отличное от него. Эта земля была Бхур. Они считали, что, возносясь душой в воздух над землей, в *antarikṣam*, они вступают в соприкосновение с другими семеричными землями, где — как здесь доминирует принцип материи — доминирующим является принцип нервной или витальной энергии, *manas*, все еще зависимый от материи и витальной энергии; эти земли они называли Бхувар. Они верили, что, возносясь выше этой атмосферы в эфирную пустоту, они воспринимают новые миры, которые называли Свар или небо, небеса, где теперь уже разум — свободный, блаженный, избавленный от борьбы за утверждение себя в мире, ему не присущем, в мире материи и нервно-материальной жизни — является средой существования и управляющей Силой. Памятуя об этих представлениях, мы с легкостью поймем, почему во фразе, которую я цитировал последней, образы распределяются именно так. Небо — это спина Коня, потому что оно есть разум, на который мы опираемся, разум, который несет и богов, и гандхарвов, и титанов, и людей; срединное пространство — это брюхо, потому что витальная энергия есть то, что испытывает голод и пожирает, беспокойно мечется повсюду, все хватая и все превращая в пищу, или же потому, что ум здесь представляет собой лоно всего высшего сознания; земля — это подножие, ибо материя, наружная форма, есть фундаментальное условие для проявления жизни, разума и всех высших сил. На Материю мы опираемся и в ней находим прочную основу; из Материи мы восходим к своему осуществлению в Духе.

Затем снова, после всех этих возвышенных и отдаленных подсказок, нам напоминают, что Конь символизирует некую Силу, явленную в материи; материальное проявление образует суть его символики. Употребленные символы носят почти грубо материальный характер. В то же время иные из них представляют поразительный интерес для практикующего йогу, так как он распознает в них аллюзии некоторых неясных, но чрезвычайно распространенных йогических феноменов. Песчаные речные берега становятся образом непереваренной пищи

в брюхе Коня — это земля, еще не ассимилированная или не обретшая нужной консистенции для обычных трудов жизни; реки, распределяющие воду, которая есть жизненная кровь для деятельности земли, — это кровеносные сосуды Коня; горы, чье дыхание в разреженной вышине несет нам здоровье и бодрость, горы, что рождают реки и ручьи, поддерживающие и питающие труды жизни, — это его легкие и печень; деревья и травы, прорастающие из сока земли, это волосяной покров, одевающий его тело. Все это достаточно понятно и преднамеренно поверхностно. Однако затем Упанишада перестает описывать наружные обстоятельства, но говорит о силах Коня. Иные из них — силы материальные: гром, молния, дождь. «Когда он потягивается, сверкает молния, а когда встряхивается — гремит гром, когда же он мочится — идет дождь». *Vijṛmbhate* — интенсивно увеличивается, полностью мобилизует свою физическую массу и силу; *vidhūnute* — энергично расширяется, обращает все свое тело в движение и мощь; эти два слова создают впечатление чрезвычайно порывистого и даже яростного действия; с учетом же образа в целом они приобретают особую важность. Йогин сразу распознает их соотнесенность с электрическими явлениями, зримыми или ощущаемыми, которыми столь часто сопровождается усиление сосредоточенности, мысли и внутренней деятельности в состоянии бодрствования, — электричеством, *vidyutas*, материальным символом, средой и основой всей деятельности знания, *sarvāṇi vijñānavijṛmbhitāni*. Йогин также узнает *meghadhvani*¹ — один из характерных звуков, слышимых при йогическом сосредоточении, символизирующий *kṣātratejas*² и физически свидетельствующий о накоплении силы для действия. Следовательно, первый образ — это образ знания, выражающего себя в материи, второй — образ энергии, выражающей себя в материи. Третий, образ дождя, показывает, что простыми шлаками своего тела эта великая Энергия способна оплодотворить мир и обеспечить пропитание для мириад его тварей. «Речь, воистину, это голос его». *Vāgevāsya vāk*. Речь с ее ношей определенной мысли есть ржание этого могучего Коня жертвоприношения; с ее помощью эта великая Энергия в материи может материально выразить возникающий в ней прилив мысли, желаний, эмоций — зримые искры сокровенного вселенского огня, *guhāhitam*, который несет в себе жертвенный Конь.

¹ Звук раската грома (прим. ред.).

² Сила Кшатрия, героя (прим. ред.).

Но настоящие силы, фундаментальные качества Коня, великие и чудесные, не материальны, напоминает нам мудрец. Что же они такое? Восход и закат, день и ночь — это их символы, не размах Пространства, но размах Времени — Времени, этого загадочного состояния универсального разума, которое одно только и делает возможным упорядочение вселенной в Пространстве, хотя его собственная специфическая связь с материей неизбежно определяется материальными событиями и движениями, ибо, будучи само по себе и тонким, и бесконечным, оно не дает возможности быть материально измеренным. Восход и закат, иными словами, рождение и смерть, это передняя и задняя части тела Коня, то есть Время, выраженное в материи. Однако мудрец приписывает большее значение Дню и Ночи. День есть символ постоянного проявления материальных вещей во *vyakta*, Явленном или фундаментальном в Сат, в бесконечном бытии; Ночь — символ их постоянного исчезновения в *avyakta*, Непроявленном или окончательном в Асат, в бесконечном небытии. Они появляются во время быстрого движения этого Коня Миров, *anu ajāyata*, или, как я написал, воспроизводя не столько точный смысл слов, сколько идею и ритм Упанишады, — когда он мчится вскачь. День есть «величие», появляющееся впереди него, Ночь — позади. Все, к чему обращает свой взгляд или приближается этот Дух Времени, этот *Zeitgeist*, когда он мчится вскачь сквозь Время, все это появляется или, как мы говорим, вступает в бытие; все, от чего он отворачивается и что оставляет позади, исчезает из бытия или, как мы говорим, гибнет. Не то чтобы эти вещи действительно погибали, ибо что есть, то не может погибнуть — *na abhāvo vidyate sataḥ*, но они перестают быть явленными, их поглощает мрак, вызванный отворачиванием от них его сознания; они перестают существовать с точки зрения проявленности. Все уже существует в Парабрахмане, но не все явлено здесь. Все уже присутствует в Бытии, но не во Времени. Когда универсальная Мысль, выражающая себя как Время, достигает этих вещей, они предстают рожденными. Когда Она оставляет их — кажется, будто они погибли; однако они продолжают существовать, в Бытии, но не во Времени. Эти два «величия» — появление вещей во Времени и Пространстве и их исчезновение из Времени и Пространства — происходят всегда и постоянно, пока Конь «мчится вскачь»; они представляют собой неотъемлемые великие качества его существа. *Etau vai mahimānu*. Одно рождается в восточном океане, другое — в западном, то есть в Сат и в Асат,

в океане Бытия и в океане отвержения Бытия, или же во *vyākṛta prakṛti* и *avyākṛta prakṛti*, в оккультном море Хаоса, в явленном море Космоса.

Затем мудрец дает краткое описание, не исчерпывающее, но типологическое, о связи Коня с различными естественными типами существ, которые, как видится, владеют этой вселенной. Для всех них Он есть *vāhana*¹, Он несет их своей беспредельной силой, скоростью и движением. Он несет их всех без различия, *samabhāvena*, с божественным беспристрастием и равноприятием души, *samam hi brahma*. Этот Конь, эта Универсальная Мощь, приспособливает себя к каждому типу индивидуализированных существ и как будто принимает образ каждого. Он есть Хайя для богов, Арван для асуров, Ваджин для гандхарвов, Ашва для людей. *Ye yathā māṁ prapadyante taṁs tathaiva bhājāmyaham. Mama vartmānuvartante manuṣyāḥ pārtha sarvaśaḥ*². В действительности они созданы по Его образу, а не Он по их, и хотя кажется, будто Он повинует им, служит их потребностям и побуждениям, хотя у них в руках хлыст, они прищпоривают Его и натягивают поводья, но это Он несет их по просторам великих эпох, которые развернуты для Него его тайным «Я». Он свободен и Он ликует в стремительности Своей скачки.

Но что означают эти его имена: Хайя, Ваджин, Арван, Ашва? Они несомненно должны указывать на качества, которые всякий раз обеспечивают соответствие Коня определенному типу всадника, однако смысл этих имен обуславливается ассоциациями и этимологией, которые в современном санскрите уже исчезли с поверхности, и их совсем не просто уловить. Особую трудность представляет Хайя. Именно поэтому Шанкара, чересчур полагаясь на ученость и интеллектуальные доводы и слишком мало доверяя собственной интуиции, откровенно теряется в этом отрывке. Он видит, что слово *haya* в значении «конь» должно происходить от корневого смысла «движение», заключенного в корне *hi*; однако движение есть характерное действие любого коня, Арван и Ваджин обладают им не в меньшей степени, чем Хайя. Отчего же только Хайя подходит для езды богов, а Арван — асуров? Мне кажется, что интуиция Шанкары ведет его в правильном

¹ Средство передвижения (*прим. ред.*).

² «Как люди обращаются ко Мне, так Я и принимаю их в Свою любовь. Все люди во всем следуют лишь Моему пути, о сын Притхи» [Бхагавадгита 4.11] (*прим. ред.*).

направлении, когда он утверждает, что характеристикой Хайи является некий особый и превосходящий род движения (*viśiṣṭagati*). Но далее, не в силах задержаться на этой особенности, не в силах отыскать характерный смысл в последующих именах, он отказывается от этого интуитивного прозрения и добавляет, что в конце концов, имена могли обозначать просто особые породы лошадей, которые мифологически связывались с разными группами ездоков. Однако это предположение превращает в мифологию весь отрывок; Упанишады же, постоянно сосредоточенные на своей глубинной задаче, никогда не тратят время на простую мифологию. Поэтому нам следует заглянуть глубже, чем Шанкара, следуя интуитивной догадке, от которой тот отказался.

Я задерживаюсь на этом отрывке несоразмерно долго в сравнении с его непосредственной значимостью не только потому, что неудача Шанкары в его истолковании доказывает необходимость и плодотворность доверия к интуиции при осмыслении Упанишад, но еще и потому, что отрывок служит двум другим важным целям. Он иллюстрирует собой ведантистское использование этимологии слов и проливает свет на точные представления древних мыслителей о тех сверхземных существах, которыми видение древних индусов населяло вселенную. Мы постоянно обнаруживаем, что ведантистские авторы глубоко и любознательно исследуют изначальные и скрытые значения слов; грамматический анализ, *vyākaraṇa*, всегда игравший центральную роль в истолковании Вед, эти авторы использовали не только как ученые, но в значительно большей степени как мыслители-интуитивисты. Их привлекала не только сама этимология слов или смысл, в котором слова употребляются, но и ассоциации, вызываемые отдельными звуками или слогами; ибо они пришли к выводу, что их исследование открывает для понимания новые и глубокие истины. Давайте же посмотрим, как они задействуют этот метод в случае с именами, которые приобретает жертвенный Конь.

Здесь нам на помощь приходит современная филология, которая дала нам ключ для восстановления принципа Нирукты наших предков и открытия методом индукции и косвенных доказательств древних значений ведических слов. Я пока оставлю в стороне *haya*, поскольку сама по себе филология не слишком помогает нам добраться до смысла употребления этого слова — до открытия *viśiṣṭagati*¹, воспринятого

¹ Особый ход движения (*прим. ред.*).

в нем умом мудреца. Но *vājin* и *arvan* чрезвычайно наглядны. И *vāja*, и *vājin* — слова весьма обычные в ведическом языке; они постоянно встречаются в Ригведе. Значение *vāja* есть по сути субстанциальность существа, сопровождаемая изобилием, откуда появились значения полной силы, изобильности, могущества и — простым переносом — полноты и изобилия в смысле богатства и достояния. В отношении *vājin* нет никаких сомнений. Однако европейская наука запутала нас в применении аналогичного подхода к смыслу *arvan*. *Ar* — распространенный санскритский корень, лежащий в основе *ari*, *ārya*, *aryamā* и ряда хорошо известных слов. Тем не менее ученые говорят нам, что он означает «обрабатывать землю, пахать» и что арьи называли себя так, поскольку были земледельцами, а не кочевниками или охотниками. Исходя из этой предпосылки, в *arvan* можно усмотреть лошадь для пахоты, в противоположность тягловому животному или боевому коню, и еще привести в доказательство латинское *arvum* — обработанное поле. Но если даже арьи и были пахарями, то титаны уж точно нет — Хираньякашипу и Прахлада не гордились поднятием целины в поте лица своего! Здесь и следа нет связи *arvan* со всем этим, и я не знаю, где в Ведах можно ее найти. На самом деле, эта теория арьев как землепашцев выглядит одной из наихудших в числе многих безответственных выдумок, насаждаемых на ниве санскритской филологии фантазерами от науки. Ни один древний народ не стал бы определять себя таким образом. По сути, *ar* означает любого рода превосходство на деле или силу в действии. Поэтому его значение — быть сильным, высоким, быстрым или деятельным, преобладающим, благородным, превосходным, быть первым; поднимать, вести, начинать или править; корень также означает бороться, сражаться, направлять, трудиться, пахать. Значение борьбы и битвы проступает в *ari* — противник. Греческий Арес, бог войны, *aretē*, добродетель, первоначально означавшая отвагу, как и латинское *virtus*; латинское *arma* — оружие. Арья означает сильный, высокий, благородный или воинственный, о чем свидетельствует постоянное употребление именно этого значения в литературе. И слово *asura* тоже означает сильный или могучий. Теперь мы можем раскрыть истинную силу Арвана — это могучий предводитель, это жеребец или бык, вожак стада, лидер, властелин или боец. Гандхарвы здесь упоминаются мимоходом — в соответствии со стремительностью отрывка в целом, подчеркивающей быстроту скачки, — в качестве особой разновидности существ, среди которых

гандхарвы, якши, киннары, объединяющей характеристикой которых выступает материальная свобода, благополучие и прекрасное, счастливое, безмятежное самоублажение; они — ангелы радости, легкости, искусства, красоты и удовольствия. Для них Конь исполняется безмятежности и изобилия, становится опорой этих качеств, *vāhana* гандхарвов. Сходным образом, асуры есть ангелы мощи, силы и яростной борьбы — своенравность характерна для них, как необузданная ярость самопотворства характерна для родственных им ракшасов. Это своенравие способно дисциплинировать себя, но оно всегда безмерно и неистово, даже и в дисциплине, и всегда основано на колоссальном эгоизме. Они ведут титаническую борьбу за то, чтобы навязать этот эгоизм всему, что их окружает. Ради этих могучих, но несовершенных существ Конь приспособляется к их нуждам, становится сильным, могучим и выносит их титанические борения, их неустанные усилия. А Хайя? В свете этих примеров можно рискнуть высказать предположение. Корневое значение — движение, но по родственным словам: *hil*, раскачиваться, *hind*, раскачиваться, *hiṅḍ*, свободно носиться, и от другого значения *hi* — приводить в восторг или радовать — мы, вероятно, вправе предположить, что слово *haya* ассоциировалось у мудреца со стремительным, свободным, радостным, скачущим движением, движением, подходящем для несущего богов. Ибо для ария боги были *deva* — ангелы радости и света, обладающие полнотой бытия, гармоничные в своей деятельности и окружении, в отличие от титанов — несовершенных, обездоленных, борющихся. Прочно восседающие на радостно скачущем Коне, они уверенно отдаются восторгу его движений. Смысл здесь не столь очевиден и отчетлив, как в случае с Ваджином и Арваном; но нет сомнения, что Хайя должен соответствовать характеру дэвов, чтобы быть их *vāhana*; смысл, предлагаемый мной, конечно соотносится со словом «дэва», и он же виден в корне *haya*, — а что радость и светоносность были в характере арийских богов, дэвов, с этим, я полагаю, согласится любой читатель Вед и Пуран. И наконец, Конь становится Ашвой для людей. Но не Ашва ли он для всех? Почему именно для людей? Ответ заключается в том, что мысленно риши уже продвигается к идее *aśanāyā mrtyuḥ*, которой он открывает вторую Брахману Упанишады. Человек, первый и высший из земных созданий, более всех других подвержен этой тайне угасания и смерти, которую титаны с трудом одолевают, а боги и гандхарвы преодолели полностью. Ибо для человека особенно характерно наслаждение того

свойства, которое, наслаждаясь, пожирает и истощает и объект наслаждения, и себя самого; как следствие, человек несет на себе бремя *aśanāyā mṛtyuḥ*, облегчить и сбросить которое можно только если мы поднимаемся по ступеням Бытия к Брахману и действительно становимся сынами бессмертия, *amṛtasya putraḥ*. Эта форма силы в материи, которая является саморазрушающей, поскольку истощает или поглощает других, есть *vāhana* человечества.

* * *

Наконец, наступает кульминация иносказания, где мысль Упанишады раскрывается навстречу финальной идее, для которой образ Коня выступал всего лишь как *pratiṣṭhā*, основа, и предварение — идее освобождения от *aśanāyā mṛtyuḥ*. Море приходится братом этому Коню Миров, который несет всех существ, и море есть место его рождения. В смысле этого символа не приходится сомневаться. Речь идет о верхнем Океане из Веды, который являет собой образ наивысшего, божественного бытия, о водах супраматериальной каузальности. Из него нижний Океан нашей явленности черпает свои воды, свои текучие энергии, *apaḥ*, из него, после убийства Вритры, когда раскрылись тверди, он постоянно пополняется, *prati samudram syandamānāḥ*, его тенью он является, воспроизводя обстоятельства верхнего Океана в условиях ментальной иллюзии — Авидьи, матери ограниченности и смерти. Этот образ не только подытоживает собой смысл текста, но и распахивает дверь для ухода от того, что должно последовать. Избавление от власти *aśanāyā mṛtyuḥ* возможно в силу того, что это море божественного бытия родственно и дружественно (*bandhu*) Коню. *Aparārdha* оказывается в сущности той же природы, что и *parārdha*¹; в своей сути, смертное в нас родственно беспредельному и бессмертному в нас, ибо Конь Миров приходит к нам из того божественного начала и разделяет его природу — а откуда еще, кроме этого Океана, мог бы взяться Конь Миров, существо материальное, но в то же время и супраматериальное? Мы, выглядящие закабаленными, смертными,

¹ *Aparārdha* и *parārdha* — соответственно низшая и высшая полусферы бытия (прим. ред.).

ограниченными, суть проявления свободной и беспредельной реальности, и оттуда, откуда мы рождены, исходят дружелюбие и содействие нам таким, какие мы есть, дабы сделать нас такими, какими нам предстоит стать. Любовь постоянно низливается с родственных нам небес и трудится над возвышением низшего к собрату его — к высшему.

ИЗ КАЙВАЛЪЯ УПАНИШАДЫ

Первая мантра

Кайвалья Упанишада

ПЕРВАЯ МАНТРА

ॐ अथाश्वलायनो भगवन्तं परमेष्ठिनमुपसमेत्योवाच । अधीहि
भगवन् ब्रह्मविद्यां वरिष्ठां सदा सद्भिः सेव्यमानां निगूढाम् ।
यथाऽचिरात्सर्वपापं व्यपोह्य परात्परं पुरुषं याति विद्वान् ॥१॥

*OM athāśvalāyano bhagavantam parameṣṭhinamupasametyovāca | adhīhi
bhagavan brahmavidyām varīṣṭhām sadā sadbhiḥ sevya mānām nigūḍhām |
yathā'cirātsarvapāpam vyapohya parātparam puruṣam yāti vidvān ||*

ОМ. Ашвалаяна пришел к Владыке Парамештхину и сказал: «Научи меня, Владыка, высочайшему знанию Брахмана, тайному знанию, которому всегда следовали святые, — каким образом мудрый человек, быстро отринув от себя все зло, восходит к Пуруше, который превышает самого высокого?»»

Комментарий

ВЛАДЫКА Парамештхин это Брахма — не творец Хираньягарбха, а душа, которая в этой *кальпе* (*kalpa*) возвысилась до уровня орудия Творения; он первый в эпоху Богов, Питамаха или изначальный и общий Праджапати; Питамаха он потому, что все праотцы или особые Праджапати — Дакша и прочие — суть дети его ума. Праотца часто смешивают с Творцом, который тоже зовется Брахма, но между ними существует ясное различие. Так, в Мундака Упанишаде *brahmā devānām prathamah sambabhūva*, он есть первый из Богов, самое древнее рождение Времени, отец Атхарвы, но не нерожденный вечный Хираньягарбха. В Пуранах говорится, что Брахма боится за свою жизнь, которой угрожают Мадху и Кайтабха, следовательно, это не может быть бесстрашный и бессмертный Хираньягарбха. И не мог бы Ашвалаяна прийти к Хираньягарбхе со словами — научи меня, Владыка, ибо у Хираньягарбхи нет формы, Он вне пределов досягаемости, и Он не являет себя человеку, как делают Шива и Вишну. Он есть миллионноликий, подобный Протею, и по этой причине Он помещает в каждый цикл по Брахме — божественному Человеку, посреднику между Собой и людскими исканиями и богопочитанием. Это Брахма или божественный Человек, именуемый Парамештхин, — тот, кто исполнен Парамештхам, наипревосходнейшим и высочайшим, — Хираньягарбхой. Сила Хираньягарбхи находится в Брахме и творит через него *наму* (*nāma*), имя, и *рупу* (*rūpa*), форму, сущего в данном цикле.

Ашвалаяна приходит к Брахме Парамештхину как ученик к Учителю и просит его: «Владыка, научи меня Брахмавидье». Он уточняет, какого рода знание ему требуется — *variṣṭha*, наилучшее или наивысшее, ибо оно выходит за пределы тройственного Брахмана и достигает Пурушоттамы или Самого Высокого Бога; это сокровенное знание, ибо ему нет выражения в обычных наставлениях Веданты, Пуран и Тантры, но ему всегда следуют святые — посвященные. *Santah*, или святые, есть те, кто чисты желанием и полны знания, — это им сокровенное знание было дано *sadā*, изначально. Он еще больше проясняет смысл своей просьбы, называя суть знания — *yathā*, как, какими средствами,

полученными через знание, *vidvān*, способен человек быстро отринуть от себя грех и достичь Пурушоттамы.

Существуют три обязательных элемента пути к Кайвалье — первый, точка отсчета, это *видья* (*vidyā*), правильное знание, предполагающее выход из незнания; далее, процесс или средства — уход от *sarvaṇarāṇam*, всего зла, то есть греха, страдания и уныния; и последнее, цель, Пурушоттама, существо за пределами наивысшего или за пределами Турия, ибо Турия есть наивысшее. Избавлением от греха, страдания и уныния человек достигает абсолютной *ананды* (*ānanda*), последней вехи существования: мы достигаем того, в чем существует *ананда*. Что это такое? Это не Турия, кто есть *śivam*, *śāntam*, *advaitam*, *saccidānandam*, но то, что уже за пределами *śivam* и *aśivam*, добра и зла, *śāntam* и *kalilam*, покоя и хаоса, *dvaitam* и *advaitam*, двойственности и недвойственности. Сат, Чит и Ананда присутствуют в этом Высочайшем, но Он не есть ни Сат, ни Чит, ни Ананда и ни одно из их сочетаний. Он есть все и вместе с тем Он есть *neti, neti*¹. Он есть Единый и вместе с тем Он есть Мужское и Он есть Женское. Он есть Тат, «То», и Он есть Са, «Это». Это то, что Выше Высочайшего. Он — Пуруша, существо, в образе которого сотворен весь мир и все Дживы, всеобъемлющее и стоящее за всеми действиями Пракрити, в качестве ее реальности и «я». Вот к этому Пуруше и обращены искания Ашвалаяны.

¹ *нети, нети* — «не то, не то» — принцип внекачественности, неопределимости в положительных качествах Брахмана (*прим. ред.*).

ИЗ НИЛАРУДРА УПАНИШАДЫ

Первая часть

Ниларудра Упанишада

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ॐ अपश्यं त्वावरोहन्तं दिवितः पृथिवीमवः ।
अपश्यमस्यन्तं रुद्रं नीलग्रीवं शिखण्डिनम् ॥१॥

*OM apaśyaṃ tvāvarohantaṃ divitaḥ pṛthivīmavaḥ ।
apaśyamasyantaṃ rudraṃ nīlagrīvaṃ śikhaṇḍinam ॥*

1. OM. Тебя я видел, когда ты спускался с неба на землю, я видел Рудру, Грозного, с лазоревым горлом, в павлиньих перьях, когда он выпускал стрелу.

दिव उग्रो अवारुक्षत्प्रत्यष्ठाद् भूम्यामधि ।
जनासः पश्यते महं नीलग्रीवं विलोहितम् ॥२॥

*diva ugro avārukṣatpratyaṣṭhād bhūmyāmadhi ।
janāsaḥ paśyate maham nīlagrīvaṃ vilohitam ॥*

2. Яростный, спустился он с неба и стал лицом ко мне на земле как ее повелитель; люди видели массу силы, с лазоревым горлом, темно-красного цвета.

एष एत्यवीरहा रुद्रो जलासभेषजाः ।
यत्तेऽक्षेममनीनशद्वातीकारोऽप्येतु ते ॥३॥

*eṣa etyavīrahā rudro jalāsabheśajāḥ ।
yatte'kṣemamanīnaśadvātīkāro'pyetu te ॥*

3. То, что приближается, есть он, сокрушающий зло, Рудра, Грозный, рожденный от древа, что пребывает в водах; пусть око ветров бури

тоже приблизится, который сокрушает для тебя все, что знаменует зло.

नमस्ते भवभावाय नमस्ते भाममन्यवे ।
नमस्ते अस्तु बाहुभ्यामुतो त इषवे नमः ॥४ ॥

*namaste bhavabhāvāya namaste bhātamanyave ।
namaste astu bāhubhyāmuto ta iṣave namaḥ ॥*

4. Слава тебе, кто дает бытие миру, слава тебе, страстному, чей гнев могуч. Слава твоим рукам мощи, слава твоей гневной стреле.

यामिषुं गिरिशन्त हस्ते बिभर्ष्यस्तवे ।
शिवां गिरित्र तां कृणु मा हिंसीत् पुरुषान्मम ॥५ ॥

*yāmiṣuṃ giriśanta haste bibharṣyastave ।
śivāṃ giritra tāṃ kṛṇu mā hīṃsīt puruṣānmama ॥*

5. Стрелу, которую ты держишь в руке наготове, о Ты, что возлежишь на горах, сделай стрелой благословения, о Хранитель холмов, да не поразит она моих людей вооруженных.

शिवेन वचसा त्वा गिरिशाच्छावदामसि ।
यथा नः सर्वमिज्जगदयक्ष्मं सुमना असत् ॥६ ॥

*śivena vacasā tvā giriśācchāvadāmasi ।
yathā naḥ sarvamijjagadayakṣmaṃ sumanā asat ॥*

6. С благою речью, о Житель гор, мы взываем к тебе в собрании народа, дабы весь мир был для нас местом добрым и безгрешным.

या ते इषुः शिवतमा शिवं बभूव ते धनुः ।
शिवा शरव्या या तव तया नो मृड जीवसे ॥७॥

*yā te iṣuḥ śivatamā śivaṁ babhūva te dhanuḥ ।
śivā śaravyā yā tava tayā no mṛḍa jīvase ॥*

7. Этой стрелой твоей, что всего добрее, этим луком твоим, что несет доброе предзнаменование, и этим твоим колчаном, что несет благословение, — этим ты живешь для нас, о Властелин кровопролития.

या ते रुद्र शिवा तनूरघोरा पापकाशिनी ।
तया नस्तन्वा शन्तमया गिरिश त्वाभिचाकशत् ॥८॥

*yā te rudra śivā tanūraghorā pāpakāśinī ।
tayā nastanvā śantamayā giriśa tvābhicākaśat ॥*

8. Это тело твое, о Грозный, которое благостно, доброты исполнено и сокрушает грех, а не твой облик ужасный — в этом теле, исполненном мира, о Горец, ты желанен для нашего взора.

असौ यस्ताम्रो अरुण उत बभ्रुर्विलोहितः ।
ये चेमे अभितो रुद्रा दिक्षु श्रिताः सहस्रशो वैषां हेड ईमहे ॥९॥

*asau yastāmro aruṇa uta babhrurvilohitaḥ ।
ye ceme abhito rudrā dikṣu śritāḥ sahasraśo vaiṣāṁ heḍa īmahe ॥*

9. Этот Аруна лучезарный, цветом темно-золотой, и медно-красный, и багровый, и эти твои Яростные вокруг, которые тысячами обитают по сторонам света, воистину, это их мы желаем.

Комментарий

1. *Araśyam*, я видел. Речь ведет автор Упанишады, один из арийских правителей, как явствует из пятого стиха. Он описывает видение Рудры, нисходящего с небес на землю. *Avah*, вниз, повторяется ради придания картине яркости. Во второй части *шлоки* автор описывает *mūrti* — образ, в котором предстало перед ним Божественное Проявление, Рудру с лазоревым горлом и шеей, с пучком павлиньих перьев на макушке, Бога мощи и гнева, когда он выпускает стрелу.
2. Продолжается описание нисхождения. Бог низошел яростно, то есть в его лице, в жестах, в движении — гнев, он стал лицом к провидцу, *pratyasṭhāt*, на землю и над ней, *adhi*, в позе, выражающей приказание или власть. Этот образ Божественной Энергии, увиденный правителем в йоге, всему народу становится зримым в виде массы силы, *maha*, темно-красной по цвету и ярко-синей на шее и горле. *Maha* — это сила, объем, величие. Явление знаменует собой гнев и мощь. Люди видят Рудру как сверкающую массу, отличающую темно-красным и увенчанную синевой; темно-красный в йоге означает бурную страсть, гнев или желание, а синий — *шраддху* (*śraddhā*), *бхакти* (*bhakti*), преданность, преклонение.
3. Рудра, которого мы знаем как сокрушителя зла, приближается. Царственный риши говорит о нем как о рожденном от древа, которое находится в водах. *Bheṣa* филологически тождественно латинскому *ficus*, или смоковница, Ашваттха. А Ашваттха есть йогическая эмблема явленного мира, как в Гите, это древо двух птиц из Шветашватара Упанишады, одинокое древо в синем просторе Песни Освобождения. *Jala* — это *anax* (*āpaḥ*), или воды, из которых поднимается мир. Далее риши молится о том, чтобы *vātikārah*, масса ветров, над которыми владычествует Рудра и которые в своем бурном движении развеивают все беды — такие, как мор и прочее, — пришли бы вместе с ним.

4. В четвертом стихе он приветствует Бога. Рудра есть Наивысший Ишвара, Творец Мира, Он страшный, гневный и сокрушающий Повелитель, скорый на расправу и убийство. *Vhāta*— это страстный гнев, а слово *tanu* означает яростно неуравновешенное состояние ума, страсть, вызванную либо горем, либо гневом. *Vhātatanuave*, таким образом, означает того, кто преисполнен страсти яростного гнева. Рудру приветствуют как Бога мощи и гнева, и поэтому приветствие обращено к рукам как средоточию силы и к стреле как оружию разрушения.

5. Рудра приближается в новой форме гнева и разрушения, в которой арьи не привыкли видеть его. Опасаясь того, что может знаменовать это видение, царь созывает народ, и все возносят совместную молитву к Рудре, дабы отворотить возможную беду. Стрела приготовлена и вот-вот может быть спущена с тетивы, поэтому народ молится о том, чтобы она обратилась в стрелу благословения, а не гнева. В этом стихе князь молит Бога не поражать его людей, очевидно, имея в виду вооруженных воинов клана.

(Не закончено)

**РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ НЕКОТОРЫХ
ВЕДАНТИСТСКИХ ТЕКСТОВ**

Карики Гаудапады

КАРИКИ Гаудапады представляют собой авторитетное собрание стихотворных афоризмов и рассуждений, в котором емко, с детальной аргументацией изложены позиции крайней монистической школы Веданты. Монументальные афоризмы Веданта Сутры предназначены скорее для учителя, нежели для изучающего. Ясные, краткие и деловитые стихи Гаудапады полезны для более широкого круга; они требуют лишь элементарного знакомства с философской терминологией и общим направлением спора между монистами и дуалистами — при наличии этого предварительного представления изучающий может почерпнуть в них весьма ясно и полно изложенную суть монизма, сразу же проследить ход мысли монистов, усвоив самые важные их положения. Огромное преимущество Карик — несомненно вытекающее из их высоких достоинств, давно завоевавших им авторитет и широкую популярность, — заключается в наличии полного и убедительного комментария, написанного самим великим Учителем, и пояснениях его ученика Анандагири, человека ясного ума и проницательности. Для нашего современника — если он уже задумывался над смыслом Упанишад — нет лучшего введения в философию Веданты, чем Карики Гаудапады, комментарий Шанкары и «Система Веданты» Дейссена, с одной стороны, и краткое популярное изложение шести Даршан — с другой. Только хорошо разобравшись в доктринах монистической школы, можно с пользой изучать философию ограниченного монизма и дуалистического монизма, равно как и их промежуточные нюансы. Когда усвоена теория Веданты, в ее свете можно легко усваивать Санкхью, Йогу, Ньяю и Вайшешику, после чего можно переходить к труду Виджнянабхикшу и великому синтезу Бхагавадгиты как венцу всей структуры. Таким образом будет правильно заложена философская основа, и можно будет с новым интересом обратиться к Упанишадам, теперь уже утверждаясь в своем первоначальном понимании Священных Книг или же приобретая новое понимание. Это завершит теоретическую сторону Джнянаканды, Книги Знания; ее практическую и более важную сторону можно изучать только путем йоги и под руководством святого гуру.

Гаудапада начинает с краткого изложения в четких философских терминах поэтической и ритмической фразеологии Упанишад. Прежде всего он дает точное определение сущностного характера Триединной природы «Я» — как явленного в макрокосме и в микрокосме, Бодрствующего, Сновидящего и Спящего, сливающихся и исчезающих в Абсолюте.

बहिःप्रज्ञो विभुर्विश्वो ह्यन्तःप्रज्ञस्तु तैजसः ।
घनप्रज्ञस्तथा प्राज्ञ एक एव त्रिधा स्थितः ॥१॥

*bahihprajño vibhurviśvo hyantaḥprajñastu taijasah ।
ghanaprajñastathā prājña eka eva tridhā sthitaḥ ॥*

1. Вишва как Бог всепроникающий и сознающий внешнее, Тайджаса — как сознающий внутреннее, Праджня — как тот, в ком сознание (сгущено и) вобрано в себя, — так «Я» представляет себя памяти как Единое в трех состояниях.

Шанкара: Позиция здесь заключается в том, что поскольку *сознающая сущность* проходит три состояния одно за другим, а *не одновременно*, и более того, во *всех трех* сохраняет связь памяти, которая *настойчиво ощущает* «это есть я», «это есть я», «это есть я», то очевидно, что она представляет собой нечто вне пределов и выше трех состояний, а потому нечто единое, абсолютное и лишенное привязанности к состояниям. Позиция поддерживается примерами типа изображения крупной рыбы, встречающимися в Писании.

दक्षिणाक्षिमुखे विश्वो मनस्यन्तस्तु तैजसः ।
आकाशे च हृदि प्राज्ञस्त्रिधा देहे व्यवस्थितः ॥२॥

*dakṣiṇākṣimukhe viśvo manasyantastu taijasah ।
ākāśe ca hṛdi prājñastridhā dehe vyavasthitaḥ ॥*

2. Вишва в глазнице правого глаза, Тайджаса внутри ума, Праджня в эфире, сердце, — таково его тройное расположение в теле.

Шанкара: 1. Смысл этого стиха в том, чтобы показать, что эти три состояния — Вишва, Тайджаса и Праджня — переживаемы даже в состоянии бодрствования. Правый глаз есть дверь, *средство*, с помощью которого Вишва, в частности, в качестве видящего грубые объекты, становится субъектом переживания. Шрути гласит: «Воистину истинный Индха он есть, даже его Существо, когда стоит он здесь в правом глазу». Вайшванара есть Индха, поскольку его сущностный принцип это свет, он одновременно и «Я» макрокосма внутри Солнца, и видящий в глазу.

2. «Но, — следует возражение, — Хираньягарбха один, и он есть познающий область материального, проводник же и видящий в правом глазу есть совсем другой, владыка тела». Это не так; ибо — *если мы прозреваем подлинную природу наших восприятий* — мы не осознаем разницу между ними. И в Писании сказано: «Единый Бог сокрыт во всех созданиях», и в Смирти также:

«Знай меня, о сын Бхараты, как Знающего тело во всех телах. Я емь нераздельный во всех созданиях и только кажусь разделенным».

3. *Да будет отмечено*, что хотя на самом деле Вишва действует во всех органах чувств без различия, однако поскольку известно, что правый глаз превосходит другой по остроте и ясности, то в силу этой причины он особо упомянут как место его пребывания. После того, как этот Вишва, обитающий в правом глазу, увидел форму или облик, если он помнит его, закрыв глаза, то продолжает видеть в уме, словно во сне, ту же форму или облик, проявленную в форме идеи или оставшегося отпечатка. И то же самое происходит во сне, *отпечаток или идея, сохраненные памятью, воспроизводят во сне форму или облик, что были увидены наяву*. Из этого следует, что Тайджаса, который внутри ума, есть не кто иной, как сам Вишва.

4. Затем медленной остановкой процесса, именуемого памятью, Праджня в эфире или сердце делается объединенным или, как сказано, сгущенным сознанием, обращенным в себя. И это происходит, потому что отсутствуют процессы в уме; ибо зрение и память есть вибрации ума, а в их отсутствие «Я» в форме Праны занимает место в эфире или сердце — без возможности отдаления или различения. Ибо Писание гласит: «Прана вбирает все это в себя». Тайджаса есть то же, что Хираньягарбха, поскольку обитель его в уме, а ум есть тонкая часть тела, о чем говорится в стихе: «Весь этот *пуруша (puruṣa)* есть ум», равно как и в других подобных изречениях из Писания.

5. Можно возразить, что поскольку Прана в состоянии Сна в действительности различена и явлена и чувства становятся едины с Праной, то как можно утверждать отсутствие в ней проявленности и различности, *говоря, все становится Единым?* На самом деле, в рассуждении нет погрешности — поскольку в неразличенном отсутствуют обособляющие условия пространства и времени, и *это же справедливо в отношении Праны в состоянии Сна*. Хотя на самом деле, в известном смысле, Прана различена, ибо сохраняется идея ее особого существования в качестве Праны, однако более специальный смысл отдельного существования, существования в ограниченности телесной рамки, Праны не касается, а потому во Сне Прана не различена и не проявлена, *по крайней мере*, по отношению к обладателям этого ограниченного эго. Прана тех, кто обладает ограниченным телесным эго, становится неразличенной, когда поглощается *в конце мира*, — и то же самое происходит с тем, кто обладает чувством существования как Праны только в состоянии сна, который в действительности есть совершенно то же самое, что временное исчезновение явлений *в конце мира*; оба состояния сходным образом лишены различий и проявлений, и *оба сходным образом* наполнены семенами *будущего* рождения. «Я», управляющее каждым из состояний, одно и то же — это «Я» в неразличенном и непроявленном состоянии. Отсюда следует, что «Я», управляющее в каждом случае, и ощущения ограниченного телесного эго есть одно и то же, а потому вполне состоятельны ранее приводившиеся описания Праджни, который становится Единым, или становится сгущенным, сосредоточенным на себе сознанием и т. д., что и доказывается уже приведенной аргументацией.

6. «Но, — скажете вы, — почему неразличенное именуется Праной?» На основании Писания: «Ибо, о Сын прекрасный, Прана есть связка и скрепа ума». «Но, — возразите вы, — там есть и слова: “О Сын прекрасный, Существование само *есть Прана*”, которые показывают, что под Праной подразумевается Брахма Самосуший, о коем идет речь в этих стихах». Однако это не опровергает мои доказательства, потому что мы все понимаем — именно Самосуший несет в себе семя *будущего рождения*. Следовательно, хотя под Праной и подразумевается Брахма Самосуший, имя Прана дается Самосушему потому, что идея носительства семени, из которого предстоит родиться Дживе или духу, обусловленному жизнью, не была исключена и, *на самом деле*, только если эта идея не исключена из идеи Брахмы, может он именоваться

Брахмой Самосушим. Ибо если бы в Писании имелся в виду Брахма, семени абсолютно не несущий, то в его описании были бы использованы выражения типа: «Он есть не это, не то, не что-либо иное, чем мы могли бы назвать его»; «От кого слова возвращаются в недоумении»; «Он иной, чем знакомое, и отличен от Незнаемого». Смрити также говорит: «Он (Абсолют) не именуется ни Существующим, ни Несуществующим». Помимо этого, если бы Самосуший был лишен семени, то не было бы оснований считать, что те, кто слился с Самосушим, был впитан в Него, или в состояние Сна, или в разрушение мира, могут вновь пробудиться *из любого из этих состояний*. Или же, если могут, то мы должны сразу получить такой случай, когда освободившиеся души вновь возвращаются в феноменальное существование; ибо *по этой гипотезе состояние душ, освободившихся при достижении абсолюта, и душ, поглощенных существующим*, будет одинаковым: ни те, ни другие не будут обладать семенем или *причиной будущего феноменального существования*. И если, чтобы устранить это возражение, вы заявите, что это семя незнания, которое должно быть сожжено в огне знания, *отсутствует в случае с освобожденными душами, а в случае с другими — некое другое семя*, то вы рискуете заявить, будто Знание (Вечного) бесполезно и необязательно в качестве средства спасения.

7. Поэтому ясно — исходя из того, что Самосуший обладает семенем феноменальной жизни, все Писание представляет его в качестве Праны и причины сущего. Соответственно, именно при исключении идеи семени он обозначается с помощью таких формулировок, как: «Он есть тот нерожденный, в ком Едины объективное и субъективное»; «От кого слова возвращаются в недоумении»; «Он есть не это, не то и не что-либо иное, чем мы могли бы назвать его» и так далее. Наш автор будет говорить отдельно об этом бессеменном состоянии Самосущего, которое обозначено термином Праджня, — о четвертом состоянии Абсолюта, лишенном всех связей, таких, как тело, *прана* и так далее, и являющемся единственно, окончательно и трансцендентно истинным. Что же касается состояния наполненной семенем неразличности, то оно, *как и два других*, переживается в этом теле в форме идеи пробужденного человека: «Я так долго ничего не чувствовал и не знал». Таким образом утверждается, что «Я» имеет три местопребывания в теле.

विश्वो हि स्थूलभुङ् नित्यं तैजसः प्रविविक्तभुक् ।
आनन्दभुक् तथा प्राज्ञस्त्रिधा भोगं निबोधत ॥३॥

*viśvo hi sthūlabhuṅ nityaṁ taijasaḥ praviviktabhuk ।
ānandabhuk tathā prājñāstridhā bhogaṁ nibodhata ॥*

3. Вишва есть наслаждающийся грубыми объектами, Тайджаса — тонкими, а Праджня — чистыми (безотносительными) удовольствиями: так будете вы понимать тройное наслаждение «Я» в теле.

स्थूलं तर्पयते विश्वं प्रविविक्तं तु तैजसम् ।
आनन्दश्च तथा प्राज्ञं त्रिधा तृप्तिं निबोधत ॥४॥

*sthūlaṁ tarpayate viśvaṁ praviviktaṁ tu taijasam ।
ānandaśca tathā prājñaṁ tridhā tṛptiṁ nibodhata ॥*

4. Грубое полностью удовлетворяет Вишву, но тонкое — Тайджасу, и чистое удовольствие удовлетворяет Праджню: так будете вы понимать тройное удовлетворение «Я» в теле.

Шанкара: Смысл этих двух стихов уже объяснен.

त्रिषु धामसु यद्भोज्यं भोक्ता यश्च प्रकीर्तितः ।
वेदैतदुभयं यस्तु स भुञ्जानो न लिप्यते ॥५॥

*triṣu dhāmasu yadbhojyaṁ bhoktā yaśca prakīrtitaḥ ।
vedāitadubhayaṁ yastu sa bhujjāno na lipyate ॥*

5. То, что дает наслаждение в трех состояниях, и то, что есть наслаждающийся — тот, кто знает оба эти, как одно, наслаждается и остается незапятнан.

Шанкара: То, что дает наслаждение под именем грубых объектов, тонких объектов и чистого удовольствия в трех состояниях — бодрствования, сновидения и сне — есть одно и то же, хоть и в трех разных аспектах. А то, что получает наслаждение под именами Вишвы,

Тайджасы и Праджни, уже было объявлено единым, потому что эти три связаны ощущением единства, выраженным в постоянном чувстве «это я», «это я», и потому что у них постоянно одна природа познания и она не меняется. Кто знает, что оба есть одно, хотя и разбитое на множество ощущением наслаждающегося и того, что наслаждение дает, того не пятнает наслаждение, ибо субъект наслаждения есть Единый универсальный, а наслаждающийся не отличен от того, чем он наслаждается. *Ибо отметьте*, что, кем бы ни был наслаждающийся и что бы ни было объектом его наслаждения, он от него не увеличивается и не уменьшается, точно так же, как огонь, когда сожжет свой объект в виде дров или иного топлива, — *он остается*, не становясь ни меньше, ни больше, чем был прежде.

प्रभवः सर्वभावानां सतामिति विनिश्चयः ।
सर्वं जनयति प्राणश्चेतोऽशून्पुरुषः पृथक् ॥६॥

*prabhavaḥ sarvabhāvānāṃ satāmiti viniścayaḥ ।
sarvaṃ janayati prāṇaśchetomśūnpuruṣaḥ pṛthak ॥*

6. Это твердый вывод — все существования, которые рождаются, уже существуют; Прана приносит Все в феноменальное бытие, это *прана* или *пुरुша* испускает отдельные лучи сознания.

Шанкара: Все существования (поделенные на Вишву, Тайджасу и Праджню) уже существуют, то есть они существовали раньше и только через принадлежность к собственному виду и природе, через иллюзию имени и формы, возникающую из Неведения, они обретают рождение или, иными словами, переходят в феноменальные существования. Как говорит автор далее: «От бесплодной женщины сын не рождается ни в реальности, ни в иллюзии. Ибо если бы было возможно рождение не-существующего — то есть *чего-то исходящего из ничего*, — то не было бы способа понять этот мир практики и опыта, и сам Вечный стал бы нереальностью. Более того, мы видели, что змея, почудившаяся в веревке, или другие образы, рождаемые из семени иллюзии, творимой Неведением, действительно существуют как «я» веревки — *или иного субстрата*. Ибо никто никогда не видит змею в веревке, миражи или иные галлюцинации, если нет субстрата.

Так же, как до появления на свет змеи она уже существовала в веревке в качестве «я» веревки, так и до рождения всех феноменальных существований они уже существовали как «я» семени сущего, именуемого Прана. И Писание тоже гласит: «Эта вселенная есть Вечный»; «В начале всего этого был Дух». Прана порождает Все в виде отдельных лучей сознания — они подобны лучам Солнца, эти лучи сознания Пуруши, который есть Чит, или сознательное существование, и они четко различаются в различных телах богов, животных и т. д., в трех различных освещениях в качестве Вишвы, Тайджасы и Праджни — как отражения солнца ясно видны в разных водных поверхностях; излучает их Пуруша, и хотя они различаются, соответствуя отдельным существованиям, которые есть их поле действия и наслаждения, они тем не менее все одинаковы, как искры от огня, поскольку все они — Джива, или обусловленное «Я». Так, Праджня, или причинное «Я», дает феноменальное рождение всем другим существованиям — как паук паутине. Сравните с тем, что сказано в Писании: «Как огонь разбрасывает искры».

विभूतिं प्रसवं त्वन्ये मन्यन्ते सृष्टिचिन्तकाः ।
स्वप्नमायासरूपेति सृष्टिरन्यैर्विकल्पिता ॥७॥

*vibhūtiṁ prasavaṁ tvanye manyante sṛṣṭicintakāḥ ।
svapnamāyāsarūpeti sṛṣṭiranyairvikalpita ॥*

7. Иные, кого занимает *причина* сотворения, думают, что Всемогущая Энергия есть источник всего сущего, для других же сотворение есть нечто воображаемое, подобное иллюзии или сновидению.

Шанкара: Те, кого интересует вопрос сотворения, думают, что сотворение есть всепроникающая Энергия, так сказать, продолжение Бога; но при этом предполагается, что другие, увлеченные вопросом о конечной и трансцендентной истине, рассуждениями о сотворении не интересуются. Ибо когда люди видят, как фокусник забрасывает веревку в воздух, взбирается по ней вооруженный и снаряженный, а после того, как он исчез из виду, падает изрубленный на куски в битве и снова поднимается *целым*, им не хочется исследовать свойства и происхождение иллюзии, которую тот сотворил. Именно так и эволюция состояний Сна, Сновидения и Бодрствования вполне похожа на само-

удлинение веревки фокусника, а «я» Праджни, Тайджасы и Вишвы, пребывающее в трех состояниях, похоже на фокусника, взбирающегося по веревке, однако настоящий фокусник есть нечто иное, чем веревка и тот, кто взбирается по ней. Как он стоит на земле, невидимый и скрытый в иллюзии, — так это же можно сказать о подлинном и трансцендентном факте, именуемом Четвертое. Поэтому Он занимает арийскую мысль, занимает тех, чья цель — спасение и кого не интересуют рассуждения по поводу сотворения, лишённого значения для них. Соответственно, автор дает понять, что считает все эти теории плодом воображения других, поглощенных мыслями об источнике сотворения, и он говорит — есть и такие, для кого сотворение это нечто воображаемое, подобно иллюзии или же сновидению.

इच्छामात्रं प्रभोः सृष्टिरिति सृष्टौ विनिश्चिताः ।
कालात्प्रसूतिं भूतानां मन्यन्ते कालचिन्तकाः ॥८॥

*icchāmātram prabhoḥ sṛṣṭirīti sṛṣṭau viniścitāḥ ।
kālātprasūtiṁ bhūtānāṁ manyante kālacintakāḥ ॥*

8. Те, кто составил себе мнение по вопросу о сотворении, говорят, что это просто Воля Бога; те же, кого занимает Время, думают, что от Времени родилось все сущее.

Шанкара: Сотворение есть Воля Бога, потому что божественные идеи должны быть истинными фактами — горшки и прочее есть только идеи и не более чем идеи. Иные же говорят, что сотворение есть результат Времени.

भोगार्थं सृष्टिरित्यन्ये क्रीडार्थमिति चापरे ।
देवस्यैष स्वभावोऽयमाप्तकामस्य का स्पृहा ॥९॥ इति ।

*bhogārtham sṛṣṭirityanye krīḍārthamīti cāpare ।
devasyaiṣa svabhāvo ’yamāptakāmasya kā sprhā ॥ iti ।*

9. Одни говорят, что мир сотворен ради наслаждения, но другие говорят, что ради игры. *На самом деле*, такова сама природа Бога;

что же до других теорий, так у Него ведь есть все, что Он может пожелать, зачем же станет Он чего-то жаждать?»

Шанкара: Некоторые думают, что мир был сотворен ради наслаждения или ради игры. Критика этих двух теорий содержится в строке — «такова сама природа Бога». Или, может быть, теория Божественной Природы выдвинута ради критики *всех прочих* теорий при помощи *аргумента*: «У Него есть все, что Он может пожелать, так зачем же станет Он чего-то жаждать?» Ибо не существует причины, которую можно приписать появлению змеи и т. д. в веревке и в иных субстратах, кроме самой природы Незнания.

निवृत्तेः सर्वदुःखानामीशानः प्रभुरव्ययः ।
अद्वैतः सर्वभावानां देवस्तुर्यो विभुः स्मृतः ॥१० ॥

*nivr̥tṭeh sarvaduhkhānāmīśānaḥ prabhuravyayaḥ ।
advaitaḥ sarvabhāvānām devasturyo vibhuḥ smṛtaḥ ॥*

10. Он, именуемый Четвертым, есть Владыка прекращения всех бед, Сильный Властелин, не знающий тления, Единый, у которого нет Второго во всех существованиих, Сияющий всеобъемлющий.

Шанкара: «Я», Четвертый, или трансцендентное, есть владыка прекращения всех зол, которые относятся к состояниям Праджни, Тайджасы и Вишвы. Выражение Сильный Властелин есть истолкование слова Владыка; дается понять, что Его сила и власть имеют отношение к прекращению зол, потому что прекращение зол есть плод познания Его. Не знающий тлена, ибо Он не уходит, не отклоняется и не покидает, имеется в виду, свою сущностную природу. Как это так? Он есть Единый, у которого нет второго из-за тщеты¹ всех феноменальных существований. Его также называют Богом, Сияющим, ибо Он светозарен, Четвертым и Тем, кто все объемлет, существует повсюду.

¹ Неистинности.

कार्यकारणबद्धौ ताविष्येते विश्वतैजसौ ।
प्राज्ञः कारणबद्धस्तु द्वौ तौ तुर्ये न सिध्यतः ॥११ ॥

*kāryakāraṇabaddhau tāviṣyete viśvataijasau ।
prājñaḥ kāraṇabaddhastu dvau tau turye na sidhyataḥ ॥*

11. Признано, что Вишва и Тайджаса скованы причинно-следственной связью. Праджня скован только причинностью; считается, что и те, и другие узы не существуют в Четвертом.

Шанкара: Теперь определены общие и частные характеристики Вишвы и двух других, дабы стало ясным подлинное «я» Четвертого. Следствие, то, что сотворено или сделано, есть существование как результат. Причина, то, что творит или делает, есть существование как семя. Непониманием или неправильным пониманием Истины вышеупомянутые Вишва и Тайджаса, как уже признано, скованы или заключены в темницу существованием как результатом и существованием как семенем. Однако Праджня скован только существованием как семенем. Ибо состояние семени, которое заключается лишь в непробужденности к Истинному (*a ne в Ego неправильном понимании*), есть причина состояния Праджни. Поэтому оба — существование как причина и существование как следствие, непонимание и неправильное понимание Истинного считаются не касающимися Четвертого, то есть они не существуют и не могут возникнуть в Нем.

नात्मानं न परं चैव न सत्यं नापि चानृतम् ।
प्राज्ञः किञ्चन संवेत्ति तुर्यं तत्सर्वदृक्सदा ॥१२ ॥

*nātmānaṁ na paraṁ caiva na satyaṁ nāpi cānṛtam ।
prājñaḥ kiñcana saṁveṭti turyaṁ tatsarvadr̥ksadā ॥*

12. Праджня ничего не постигает, ни себя, ни других, ни истину, ни неистину; Четвертый вечно видит все.

Шанкара: Но каким образом тогда Праджню сковывает Причина, когда утверждается, что в Четвертом невозможны оба вида порабощенности — обусловленной непониманием Истины и неправильным

пониманием Ее. Дело в том, что Праджня совершенно не способен познать всю эту двойственность внешней вселенной, исходя из неведения, обусловленную как нечто отличающееся от «Я», так что, как и Вишва и Тайджаса, он тоже скован непониманием Истины, той темнотой, которая становится семенем неправильного понимания; к тому же Четвертый все ослепляет навеки. Иными словами, поскольку, *на самом деле*, не существует ничего, кроме Четвертого, то Он, видя все сущее, есть неизбежно Всеведущий и всепостигающий во все времена и во веки веков; поэтому в нем не может быть состояния семени, обуславливающей чертой которого является непонимание Истины. Отсюда естественно вытекает и отсутствие неправильного понимания, порождаемого непониманием вообще. Солнце всегда светит по своей природе, поэтому не-свечение или неправильное свечение невозможны для него, как противоречащие самой его природе; *эта логика рассуждения применима и ко Всеведению* [видящего]¹. Писание тоже гласит: «Ибо нет исчезновения Видения Видящего». Или же, поскольку в состоянии Бодрствования и Сновидения во всех созданиях пребывает свет или его отражение в них, в котором все объекты *представляются* видимыми, *постигаемыми* объектами, и *таким образом, тоже* видящими все вечно. Писание гласит: «Видит не что иное, как Это».

(Не закончено)

¹ Это предложение осталось незаконченным (*прим. ред.*).

Садананда. Суть Веданты

ПРИЗЫВАНИЕ

К Абсолюту

अखण्डं सच्चिदानन्दम् अवाङ्मनसगोचरम् ।
आत्मानमखिलाधारम् आश्रयेऽभीष्टसिद्धये ॥१॥

*akhaṇḍam saccidānandam avāṅmanasagocaram ।
ātmānamakhilādhāram āśraye ’bhīṣṭasiddhaye ॥*

1. Я ищу прибежища в Нем, в том, кто есть одно лишь Существование, Сознание и Блаженство, кто неразделен, недостижим для речи и ума, «Я», в котором существует все вселенная, — да достигнут осуществления желание мое и цель.

К Учителям

अर्थतोऽप्यद्वयानन्दान् अतीतद्वैतभानतः ।
गुरूनाराध्य वेदान्तसारं वक्ष्ये यथामति ॥२॥

*arthato ’pyadvayānandān atītadvaitabhānataḥ ।
gurūnārādhya vedāntasāraṁ vakṣye yathāmati ॥*

2. Воздав должное Учителям, которые на деле и на слове счастливы в Едином, лишенном второго, и которые ушли от мнимой двойственности, возглашу суть Веданты — по силе способностей моего разума.

ВВОДНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Обучение ведантиста

वेदान्तो नाम उपनिषत्प्रमाणम् तदुपकारीणि शारीरकसूत्रादीनि च ॥३॥

vedānto nāma upaniṣatpramāṇam tadupakāriṇi śārīrakasūtrādīni ca ॥

3. Под Ведантой подразумеваются Упанишады как авторитетная основа философии и как полезные дополнительные исследования, Книги Афоризмов, в которых рассматривается Воплощенная Душа.

अस्य वेदान्तप्रकरणत्वात् तदीयैरेवानुबन्धैस्तद्वत्तासिद्धेर्न ते पृथगालोचनीयाः ॥४॥

asya vedāntaprakaraṇatvāt tadīyairēvānubandhaistadvattāsiddherna te prthagālocanīyāḥ ॥

4. Поскольку Веданта есть тема этого труда, его обстоятельства — при том, что выводы, которые требуется доказать, сходны в обоих — являются теми же, что в Веданте, и нет надобности в их отдельном обсуждении.

तत्र अनुबन्धो नाम अधिकारिविषयसम्बन्धप्रयोजनानि ॥५॥

tatra anubandho nāma adhikāriviṣayasambandhaprayojanāni ॥

5. В обстоятельства мы включаем четыре вещи: подготовленный слушатель, тема, логическая связь, цель работы.

अधिकारी तु विधिवदधीतवेदवेदाङ्गत्वेन आपाततोऽधिगताखिलवेदार्थः
अस्मिन् जन्मनि जन्मान्तरे वा काम्यनिषिद्धवर्जनपुरःसरं नित्य-

नैमित्तिकप्रायश्चित्तोपासनानुष्ठानेन निर्गतनिखिलकल्मषतया नितान्त-
निर्मलस्वान्तः साधनचतुष्टयसम्पन्नः प्रमाता ॥६॥

*adhikārī tu vidhivadadhītavedavedāṅgatvena āpātato'dhigatākhilavedārthaḥ
asmin janmani janmāntare vā kāmyaniṣiddhavarjanapuraḥsaram nitya-
naimittikaprāyaścittopāsanānuṣṭhānena nirgatanikhilakalmaṣatayā nitānta-
nirmalasvāntaḥ sādhanacatuṣṭayasampannaḥ pramātā ॥*

6. Подготовленный слушатель Веданты должен быть компетентен в составлении правильного суждения о ней. Поэтому он должен полностью овладеть смыслом Веды посредством тщательного изучения ее и сопутствующих ей наук; начать он должен был в этой или другой жизни с отказа от запретных действий или действий, подсказанных желанием, после чего должно следовать соблюдение ежедневных обрядов, соблюдение особых обрядов, покаяние и богочитание с целью освободить себя от всего греха и запятнанности, достигнув совершенной чистоты ума и сердца; он должен также освоить четыре Пути и Средства.

काम्यानि स्वर्गादीष्टसाधनानि ज्योतिष्टोमादीनि ॥७॥

kāmyāni svargādiṣṭasādhanāni jyotiṣṭomādīni ॥

7. Под действиями, подсказанными желанием, понимаются все пути и средства, к которым мы прибегаем для достижения разных видов счастья — начиная от райского; например, жертвоприношение Джьотиштома.

निषिद्धानि नरकाद्यनिष्टसाधनानि ब्रह्महननादीनि ॥८॥

niṣiddhāni narakādyaniṣṭasādhanāni brahmahananādīni ॥

8. Под запретными действиями понимаются все пути и средства, используя которые мы замысливаем все наши беды — начиная от адских мук; например, убийство Брамина и другие грехи и ослушания.

नित्यानि अकरणे प्रत्यवायसाधनानि सन्ध्यावन्दनादीनि ॥९॥

nityāni akaraṇe pratyavāyasādhanāni sandhyāvandanādīni ॥

9. Под регулярными обрядами понимаются такие ритуалы, как вечерняя молитва и т. д., несоблюдение которых оборачивается проступками и помехами.

नैमित्तिकानि पुत्रजन्माद्यनुबन्धीनि जातेष्ट्यादीनि ॥१०॥

naimittikāni putrajanmādyanubandhīni jāteṣṭyādīni ॥

10. Под особыми обрядами понимаются ритуалы, сопутствующие особым событиям в жизни, как Благословение Новорожденного помощника при рождении сына.

प्रायश्चित्तानि पापक्षयमात्रसाधनानि चान्द्रायणादीनि ॥११॥

prāyaścittāni pāpakṣayamātrasādhanāni cāndrāyaṇādīni ॥

11. Под покаяниями понимаются обеты и различные формы самодисциплины, такие, как обет Чандрайян, которые предназначены исключительно для очищения от греха.

उपासनानि सगुणब्रह्मविषयकमानसव्यापाररूपाणि शाण्डिल्यविद्यादीनि ॥१२॥

upāsānāni saḡuṇabrahmaviṣayakamānasavyāpārārūpāṇi śāṇḍilyavidyādīni ॥

12. Под богопочитанием понимаются различные формы умственного действия, единственный смысл и цель которых — Вечный, в аспекте Личного Бога; например, Искусство Божественной Любви Шандильи.

एतेषां नित्यादीनां बुद्धिशुद्धिः परं प्रयोजनम् उपासनानान्तु
चित्तैकाग्र्यम् । तमेतमात्मानं वेदानुवचनेन ब्राह्मणा विविदिषन्ति
यज्ञेनेत्यादिश्रुतेः तपसा कल्मषं हन्ति इत्यादिस्मृतेश्च ॥१३॥

*eteṣāṃ nityādīnāṃ buddhīśuddhiḥ param prajojanam upāsanaānantu
cittaikāgryam | tametamātmānaṃ vedānuvacanena brāhmaṇā vividiṣanti
yajñeṇetyādiśruteḥ tapasā kalmaṣaṃ hanti ityādiśmṛteṣca ||*

13. Главная цель первых трех — соблюдения регулярных и особых обрядов и покаяния — заключается в очищении Понимания; однако главная цель богопочитания есть сугубая устремленность сердца и ума к одному предмету. Это доказывается такими цитатами, как эти из Писания, данного как Откровение: «Это есть то “Я”, которое Брамины стремятся постичь, изучением Веды и жертвоприношением стремятся они постичь Его», и другими цитатами из Писания, которое не есть Откровение, такими, как: «При помощи Тапасы (устремленности, воли) убиваешь грех».

नित्यनैमित्तिकयोरुपासनानाञ्च अवान्तरफलं पितृलोकसत्यलोकप्राप्तिः ।
कर्मणा पितृलोको विद्यते देवलोकः इत्यादिश्रुतेः ॥१४॥

*nityanaimittikayorupāsanaānāñca avāntaraphalaṃ pitṛlokasatyalokaprāptiḥ |
karmaṇā pitṛloko vidyate devalokaḥ ityādiśruteḥ ||*

14. Вторичный результат соблюдения регулярных и особых обрядов, а также богопочитания и поклонения есть достижение мира предков и мира Живой Истины. Ибо вот что сказано в Писании: «Действием обретается Мир Предков и Мир Богов тоже».

साधनानि नित्यानित्यवस्तुविवेकेहामुत्रफलभोगविरागशमदमादिसम्पत्ति-
मुमुक्षुत्वानि ॥१५॥

*sāadhanāni nityānityavastuvivekehāmutraphalabhogavirāgaśamadamādisam-
pattimumukṣutvāni ॥*

15. Под Путиями и Средствами мы понимаем Различение вечных и преходящих объектов; Непривязанность к удовольствиям в этом мире или в другом; Спокойствие, Самообуздание и прочие моральные достоинства; а также Желание Спасения.

नित्यानित्यवस्तुविवेकस्तावत् ब्रह्मैव नित्यं वस्तु ततोऽन्यदखिल-
मनित्यमिति विवेचनम् ॥१६॥

*nityānityavastuvivekastāvat brahmaiva nityam vastu tato'nyadakhila-
manityamiti vivecanam ॥*

16. Под Различением вечных и преходящих объектов мы понимаем различие Брахмана как единственно вечного и постижение всего, что не есть Брахман, как преходящего и тленного.

(Не закончено)

ГЛОССАРИЙ

А

Аватар — см. *Будда*, *Вишну*.

Авидья — «незнание» — неведение как первопричина тягостного и омраченного человеческого существования в этом мире. В противоположность Знанию — *Видья* — неполное, отрывочное и относительное сознание, присущее человеку в его внешнем проявлении.

Агни — «огонь» — ведическое божество огня; согласно Шри Ауробиндо — воплощение *Татаса*, космической Энергии, Сознания Истины или божественной Воли в творении. Также — один из первоэлементов материальной вселенной.

Адвайта — «недуализм» — влиятельная школа *Веданты*. Главным ее представителем и классиком был *Шанкара*, создавший наиболее широко признанные комментарии к *Упанишад*ам. *Адвайта* (или «чистый монизм») утверждает, что, кроме Абсолюта, *Брахмана*, единого безличного основания всего сущего, ничего более не существует. Основной доктриной его школы является *Майявада*, провозглашающая иллюзорность, нереальность проявленного мира.

Аджаташатру — букв. «не имеющий врагов», имя мудреца, царя Каши.

Аджняна — согласно Шри Ауробиндо — одна из функций действующего сознания; определяется как Знание-Воля; процесс, посредством которого сознание сосредотачивается на образе объекта, с тем чтобы овладеть и управлять им.

Адити — «бесконечность, несвязанность»; ведическая богиня, мать богов; согласно Шри Ауробиндо — высшая Природа или безграничное Сознание.

Адити — группа богов, сыновей *Адити*; в *Ведах* их семь или восемь: *Митра*, *Варуна*, *Арьяман*, *Бхага*, *Дакша*, *Амша*, *Мартанда*.

Ананда — блаженство, восторг, духовный экстаз; Блаженство как атрибут Божественного существования, один из трех аспектов (наряду с *Сат* и *Чит*) природы абсолютного Духа.

Ангира — *риши*, обучавший *Сатьяваху Бхарадваджу*; также см. *Ангирас*.

Ангирас — легендарный мудрец-*риши*, жрец, основатель рода Ангирасов, известного созданием ряда гимнов *Ригведы*.

Апана — один из пяти видов *праны* (дыхания); ниже-извергающая *прана*; сосредоточена в нижней части туловища и обеспечивает выполнение выделительных функций; связана с процессами угасания и смертью, поскольку испускает из тела жизненную силу.

Араньяки — см. *Шрути*.

Арван — боевой конь, скакун.

Арджуна — сын царя Панду, один из пяти братьев *Пандавов* — героев *Махабхараты*. Ему перед великой битвой на *Курукшетре* излагает учение *Бхагавадгиты Кришна*, его колесничий.

Арья — букв. «благородный». В *Ведах* означает воина, верного Истине.

Арьяман — ведическое божество, входившее в группу богов *Адитьев* (детей *Адити*).

Асат — Не-Бытие, Не-Существование, Нереальность.

Асур — букв. «могучий». В поздневедический период приобретает значение демонического существа, противника и соперника богов.

Атман — «я», суть, сущность, самотождественность; субъективное психическое начало индивидуального бытия. Его тождество с *Брахманом* — объективной первичной реальностью, абсолютным началом мира — одна из основных идей философии *Упанишад*.

Атри — легендарный *риши*, основатель рода Атри; мудрецам этого рода приписывается создание ряда гимнов *Ригведы*.

Атхарваведа — четвертая *Веда*, «Книга заклинаний»; собрание магических формул и заговоров, направленных главным образом против болезней, демонов, бедствий и напастей, а также на благополучие и благосостояние; создание ее приписывается жреческим родам, происходящим от легендарных жрецов *Атхарвана* и *Ангираса*.

Атхарван (*Атхарва*) — жрец культа огня; родоначальник жреческого рода, которому приписывается создание части гимнов-заговоров *Атхарваведы*.

Атхарван Ангирас — «сочинение Атхарвангирасов»; см. *Атхарваведа*.

Ауддалаки Аруни — см. *Ваджашраваса*.

АУМ — священный слог *ОМ*, главная *мантра* индуизма, произносится в начале и конце ритуальных текстов; символ высшего начала, а также вселенской целостности и тотальности. Три звука этого слога в разных *Упанишадах* отождествляются с разными понятиями, их символика очень обширна.

Ашва — конь, лошадь.

Ашвала — жрец-хотар (взывающий к богам, произнося гимны *Ригведы*) при дворе *Джанак*и, царя *Видехи*.

Ашвалаяна — основатель одной из ведических школ, автор ряда наставлений и ритуальных трудов.

Ашвамедха — жертвоприношение коня; древнейший ритуал, известный уже в *Ригведе*. Одно из самых дорогих и торжественных жертвоприношений, которое предписывалось царю, претендующему на завоевание мира. Оно состояло из множества обрядов, детально описанных в Шатапатха-брахмане, и начиналось с того, что царь выпускал на волю жертвенного коня, сопровождаемого войском. Земли, куда ступал конь, должны были подчиниться этому царю.

Поход длился в течение года, а по успешном завершении похода коня приносили в жертву богам.

Ашваттха — индийское священное дерево смоковница, символизирующее космическое проявление или структуру мироздания.

Ашрам — место уединения *риши*, отшельника или аскета, лесная обитель. Позже обозначает место, где живут и куда приходят ради духовного обучения и практики.

Аясья — имя легендарного мудреца-*риши* — *Аясьи Ангираса*, который почитался отцом *Агни*, *Брихаспати* и других божеств.

Б

Бака Далбхья — имя легендарного *риши*, потомка *Далбхи* (одного из *риши*).

Брамин — то же, что и *брахман* (2).

Браминство — то же, что и *брахманство*.

Брахма — бог-творец и отец других богов; один из трех верховных богов индуизма; также рассматривается как персонификация *Брахмана*, Абсолютного Начала, Мировой Души.

Брахмавидья — знание *Брахмана*, высшего начала, основы всего сущего.

Брахмалока — мир *Брахмана*; согласно Шри Ауробиндо — высочайший уровень чистого существования, сознания и блаженства, достижимый душой без полного растворения в Абсолюте.

Брахман — 1) в *Упанишадах* — безличная абсолютная реальность, первопричина всего сущего, неопределимая и неопишемая, постижение которой возможно лишь через непосредственный духовный

опыт, ведущий человека к освобождению; 2) представитель высшего сословия (*варны*) древнеиндийского общества, в обязанности которого входило: обучение, совершение жертвоприношений, раздача и получение даров.

Брахманство — сословие *брахманов* (2), воплощавшее знание; также ипостась *варны брахманов*.

Брахманы — см. *Шрути*.

Брахмачарья — первая из четырех стадий жизни, традиционно предписываемых представителям трех высших сословий в Древней Индии; на этой стадии юноша после обряда инициации поселяется в доме учителя, полностью посвящая себя изучению *Вед* и отказываясь от всего мирского; также синоним совершенного полового воздержания.

Брахмачарин — ученик, юноша на первой возрастной стадии жизни, обучающийся в доме учителя и полностью отказавшийся от земных желаний; также практикующий половое воздержание ради накопления энергии.

Брихаспати — ведическое божество, жрец и наставник богов; покровитель священного слова и жертвоприношения.

Будда (VI—V вв. до н. э.) — букв. «пробудившийся» — титул основателя буддизма, урожденного Гаутамы Сиддхартхи. Считается предпоследним *аватаром* (инкарнацией) *Вишну*. Открыл путь к высшей свободе, отринув традиционные для того времени нормы жизни и безоговорочный авторитет *брахманства*.

Бхагавадгита (или *Гита*) — букв. «Песнь Господа», входит в 6-ю книгу священной древнеиндийской эпической поэмы *Махабхараты*. Она звучит перед самым началом великой битвы на *Курукшетре* из уст *Кришны* и адресована *Арджуне*, одному из братьев *Пандавов*, которые ведут борьбу с двоюродными братьями *Кауравами*, хитростью отнявшими у них царство. В *Бхагавадгите* *Кришна* открывает себя как Божество, земное воплощение высшего Бога *Вишну*.

Бхакти — служение, преданность — одно из центральных понятий в индуизме. В *Бхагавадгите бхакти-йога* (путь любви и служения личностному богу — Бхагавану или *Кришне*) считается наивысшим путем для достижения освобождения.

Бхарата — имя легендарного воителя, царя Лунной династии, сына Душьянты и Шакунталы. Он был общим предком двух ветвей правящего рода *Махабхараты* — *Пандавов* и *Кауровов*, которые, как его потомки, назывались Бхаратами. Чаще всего это имя применялось по отношению к *Пандавам*.

Бхаргава (*Вайдарбхи*) — мудрец из области *Видарбхи*, потомок *Бхригу*.

Бхригу — легендарный мудрец, великий *риши*, сын *Варуны*; основатель жреческого рода Бхаргавов.

Бхувар — одно из трех священных возгласений *Упанишад* (наряду с *бхур*, *свар*), обозначающее воздушное пространство, или второй мир, отождествляемое с разными понятиями. Согласно Шри Ауробиндо — план истинного витала.

Бхур — одно из трех священных возгласений *Упанишад* (наряду с *бхувар*, *свар*), обозначающее землю или «этот», первый, мир, отождествляемое с разными понятиями. Согласно Шри Ауробиндо — физический мир.

Бхуришравас — царь, сын Сомадатты, выступивший на стороне *Кауровов* в Великой Битве на *Курукшетре*.

Бхурлока — физический мир, мир становления форм.

Бхута — см. *Первоначала / первостихии*.

Бык (гимнов *Веды*) — имеется в виду *Индра* — бог громовержец, змеборец, царь богов в *Ригведе*.

В

Ваджасанейи — другое название Иша *Упанишады*, принадлежащей к школе Ваджасанейинов *Белой Яджурведы*.

Ваджашираваса (Гаутама) — легендарный ученый *брахман*; вероятно, другое его имя — Ауддалаки Аруни; возможно, тождествен Уддалаке Аруни — знаменитому *брахману*, сыну Аруны и отцу Шветакету, часто упоминающемуся в ранних *Упанишадах*.

Ваджин — конь, жеребец.

Вайшванара — «всечеловеческий» — эпитет *Агни*; согласно Шри Ауробиндо — Универсальное Существо, Дух, поддерживающий внешнее проявление.

Вайшешика — «философия различений» — одна из ортодоксальных *Даршан*, философских школ Древней Индии. Занималась в основном вопросами мышления и логики.

Вальмики — см. *Рамаяна*.

Вамадева — ведический *риши*, автор нескольких гимнов *Ригведы*, потомок Готамы — легендарного *риши*.

Варна — см. *Брамин*, *Брахман*, *Кшатрий*.

Варуна — один из самых древних богов ведического пантеона. Возглавляет группу богов *Адитьев*. Его функция — хранить космический закон; подчеркивается его связь с первозданными космическими водами и ночной тьмой. Согласно Шри Ауробиндо, он — Владыка необъятной Широты, который представляет чистоту и широту беспредельной Истины.

Васу — группа второстепенных ведических богов — Владык богатств, возглавляемая *Индрой*. Позже их повелителем считался *Агни* или *Вишну*, и они стали олицетворять различные природные феномены,

например, Апа — воду, Сома — луну, Анила — ветер и т. д., всего их насчитывается восемь.

Ваю — ветер, дыхание; ведическое божество ветра, выполняющее живительную и разрушительную функции. Согласно Шри Ауробиндо — Владыка Жизни или динамической энергии, называемой *прана*.

Ваю Матаршван — эпитет *Ваю*; «тот, кто бесконечно распространяется в матери»; согласно Шри Ауробиндо — универсальная Жизненная Сила.

Веда — священное знание; одна из четырех древнейших священных книг индуизма.

Веданта — букв. «завершение *Вед*»; учение, изложенное в заключительной части *Вед* — *Упанишадах*, а также философская школа, построенная на осмыслении и систематизации знания *Упанишад*.

Веды — название канонического свода древнейших священных текстов индуизма, в центре которого четыре книги: *Ригведа*, *Яджурведа*, *Самаведа*, *Атхарваведа*.

Вивасват (или *Вивасван*) — букв. «сияющий», эпитет или имя бога Солнца; его сыном считается *Яма* — первый смертный, ставший царем загробного мира.

Видеха — область, где правил легендарный царь *Джанака*; современный Тиркут или Митхила в Северном Бихаре.

Виджняна — согласно Шри Ауробиндо — один из аспектов действующего сознания; определяется как всеохватывающее сознание, которое заключает в себе всю истину, идею и объект познания и видит их все одновременно в их сущности, тотальности, и по отдельности или в различных аспектах; также — совершенный ум, духовно свободный или божественный разум; Истина, Гнозис, Супраментал.

Виджнянабхику — индийский философ школы *Санкхья* (XVI в.); жил в Каши и писал комментарии к текстам *Даршан*.

Видья — Знание, изначальное сознание Истины и Единства (также см. *Авидья*).

Вират Пуруша — универсальный или космический Дух; Владыка, который управляет и поддерживает видимое творение, проявленную жизнь.

Вишва-Дэва — букв. «все боги» — божественные силы в коллективном проявлении; группа богов пантеона *Ригведы*, включающая девять второстепенных божеств. Позже их число увеличилось до десяти (или тринадцати): *Васу*, *Сатья*, *Крату*, *Дакша*, *Кала*, *Кама*, *Дхрити*, *Куру*, *Пуруравас* и *Мадравас*. Особо почитаются при жертвоприношении душам усопших предков.

Вишну — солярное божество в *Ригведе*. Главное его деяние — «три шага», которыми он охватил три сферы мироздания: землю, небо и промежуточное пространство. Позже почитается одним из трех верховных богов индуизма как охранитель мироздания, спаситель людей во времена бедствий. С мифологией Вишну тесно связана концепция *аватаров* — нисхождений божества на землю. Так наиболее популярными из его антропоморфных воплощений являются *Кришна* и *Рама*.

Вритра — противник богов в *Ригведе*; змееподобное существо, олицетворяющее силу тьмы, беспорядка, сопротивления, препятствующее свободному течению вод — светоносных потоков истины.

Вьяна — один из пяти видов *праны* (дыхания): та, что пропитывает все тело и распределяет по всему телу жизненные силы.

Вьяса — легендарный мудрец. Считается, что он разделил единую *Веду* на части, создав тем самым ведический канон. Согласно древней традиции, является автором *Махабхараты*.

Г

Гандхарвы — класс полубогов, небожителей; главным их занятием считалось увеселение, музыка и пение.

Гаргья — «потомок Гарги» — родовое имя легендарного брахмана Балаки.

Гауданада (ок. VI в.) — ученый, писавший комментарии к *Упанишад*ам. В его трудах впервые было дано систематическое изложение и истолкование философии *Адвайты-веданты*.

Гаутама — одно из имен *Ваджашравасы*.

Гелиос (*Гелий*) — в греческой мифологии бог солнца.

Готра — клан, семья; название семей *брахманов*, ведущих свое происхождение от ведических божественных мудрецов-*риши*. Считалось неукоснительным соблюдение чистоты *готры*.

Гуру — духовный наставник и учитель.

Гхора — мудрец, происходящий от *Ангираса*, учитель *Кришны* в Чхандогья *Упанишаде*.

Д

Дайтьи — разряд демонов-асуров, сыновей богини Дити; объединяются с *Данавами*, сыновьями богини Дану, своими сводными братьями, как противники богов.

Дакша — один из ведических богов группы *Адितья*; в *Пуранах* считается одним из *Праджапати* — праотцов и отцом Сати, супруги *Шивы*.

Даршаны — шесть ортодоксальных философских школ Древней Индии: *Ньяя*, *Вайшешика*, *Миманса*, *Веданта*, *Санкхья*, *Йога*.

Двапара-юга — третья из четырех *юг*; век продолжения упадка истинного мирового порядка, когда на земле становится поровну закона и беззакония.

Джанака — царь *Видехи*, известный своей праведностью и любовью к знанию. В Брихадараньяка *Упанишаде* он сам выступает участником дискуссий о *Брахмане*. В его царстве, согласно традиции, жили многие великие мудрецы.

Джатаведас — «знающий все рожденное», эпитет *Агни*.

Джнянаканда — «книга знания» — раздел знания *Вед*, отождествляемый с *Упанишадами*.

Джнянамарга — «путь знания»; один из видов духовного пути индийской традиции. В отличие от *кармамарги* (пути деяний) он ведет к освобождению через погружение в себя, размышление над великими изречениями *Упанишад* и культивирование высших интеллектуальных и интуитивных способностей, при этом отвергаются ритуалы и предполагается монашество. В *Упанишадах* дается главное знание об этом пути, а его систематизацией занимается *Веданта*.

Дхарма — истинный порядок или закон бытия; закон, на уровне космоса и на уровне социума поддерживающий порядок во вселенной; в более узком значении — религия.

Дхритараштра Вайчитравирья — один из героев *Махабхараты*, старший сын мудреца *Вьясы*, брат царя Панду, рожденный слепым. Отец Дурьодханы и ста братьев-*Кауравов*, родной дядя братьев-*Пандавов*. С его попустительства Дурьодхана развязал войну и хотел незаконно лишить *Пандавов* царства.

Дэвы — класс благих небожителей, богов; миф об извечной борьбе *дэвов* с *асурами* лежит в основе индуистской мифологии.

Дэваки — в *Махабхарате* — супруга царя Вришниева Васудэвы, мать *Кришны*; иногда выступает как воплощение *Адити*, прародительницы богов.

И

Идандра — истинное имя бога *Индры*, согласно Айтарея *Упанишаде*.

Сложилось как этимологизирование и обыгрывание фразы «я увидел это», приведенной в стихе *Упанишады* (1.3.13).

Икшваку — сын легендарного прародителя Ману Вайвасваты, основатель Солнечной династии, правившей в Айодхье — столице Кошалы.

Индра — божество ведического пантеона, почитавшееся царем богов, богом-воителем. Согласно Шри Ауробиндо — сила божественного Разума или просветленной ментальной природы.

Индха — «пылающий», имя *Индры*; у *Шанкары*, вероятно, означает индивидуальное начало, отождествляющееся с телесным началом.

Итихаса — букв. «так и было» — жанр исторических преданий, куда, в частности, включали и *Махабхарату*. В его основе лежит понимание героических событий прошлого как достоверных.

Ишвара — букв. «владелец»; имя Бога — Творца и Владыки; термин, обозначающий в индуизме личного бога, создателя вселенной. В философии *Веданты Ишвара* — активная манифестация пассивного Абсолюта — *Брахмана*. В *Йоге* отождествляется с *Пурушей* — высшим «Я», не вовлеченным в игру природы (*Пракрити*).

Й

Йога — интеграция всех сил человека ради самосовершенствования и единения с универсальным и трансцендентным существованием; также одна из ортодоксальных *Даршан*, опирающаяся на «Йога-сутры» Патанджали и комментарии к ним.

Йогин — практикующий *йогу*; обретший единение с высшим духовным началом.

К

Кабандхи Катьяяна — «потомок Катьяи»; имя *риши* одного из известных родов *брахманов*, ученика *Пиппалады*.

Кайвалья — «высшее единство»; состояние абсолютного единства с *Атманом*, провозглашенное как высшая цель в *Кайвалья Упанишаде*.

Кайтабха — в индийской мифологии один из демонов; вместе с демоном *Мадху* явился из уха *Вишну*, когда тот пребывал спящим в конце мирового цикла. Они намеревались убить *Брахму*, но сами были уничтожены *Вишну*.

Кали-юга — последняя из четырех *юг* согласно индийской мифологии; темный период времени, когда нарушается правильный миропорядок, в человечестве властвуют беззаконие и пороки. На смену этой эпохе вновь приходит *Сатья-юга*.

Кальпа — в индийской мифологии одна из космических единиц времени. Считается, что она равна одной тысяче махаюг или 4320 миллионам земных лет; приравнивается к одному дню *Брахмы*.

Капила — имя древнего мудреца, являющегося, по преданию, основателем философской системы *Санкхья*. Жил, вероятно, до Будды. Он почитался как потомок *Ману* и сын *Брахмы*.

Карма — деяние, ритуал — вселенский принцип действия и закон причинно-следственной зависимости. Совокупность прошлых деяний, результаты которых проявляются в этой жизни и определяют последующие жизни человека.

Кармамарга — «путь деяний»; в индийской традиции — один из видов духовного пути; первоначально понимался как должное следование *дхарме*, исполнение предписанных ритуалов, соблюдение норм общества, что ведет к благополучию в этом и последующем существовании, в отличие от *джнянамарги*, которая ведет через должное познание к освобождению. Позже, начиная с *Бхагавадгиты*,

кармамарга осмысляется как исполнение деяний без привязанности к результатам, что, как считается, также ведет к освобождению.

Картавирия — сын Критавирии, царь Хайхаев, благополучное правление которого описывается в Вишну *Пуране*. Говорится также о том, что в его правление жестоко притеснялись *брахманы*, и поэтому *Вишну*, в образе *Парашурамы*, пришел на землю, чтобы убить жестокого правителя и покарать *кшатриев*.

Кауравы — см. *Бхагавадгита*, *Бхарата*, *Дхритараштра*.

Киннары — класс полубожественных существ, обитателей гор и лесов, славившихся своим пением и музыкой.

Кошалан — «потомок Ашвалы»; имя мудреца, происходящего из известного рода *брахманов*, ученика *Пиппалады*. Вероятно, его имя связано с названием области Кошала.

Кришна — букв. «черный»; популярное божество индуизма, одно из воплощений *Вишну* на земле. Как инкарнация *Вишну* открывает для человечества путь, объединяющий мудрость (*джнянамарга*) и свободу в действиях (*кармамарга*), и ведет земную эволюцию к единению с Божественным через Любовь и Преданность. В *Махабхарате* — один из главных героев, предводитель союза племен, выступавших на стороне *Пандавов*, друг и советник *Арджуны*.

Куру — в *Махабхарате* — царь Лунной династии, потомок *Бхараты*, общий предок обеих ветвей правящего рода — *Кауравов* и *Пандавов*.

Курукшетра — «поле *Куру*»; священная земля индусов; поле битвы, где велась война, описанная в *Махабхарате*; в более широком смысле — поле действий, поле осуществления Закона — *Дхармы*.

Кшатрий — представитель второй, после *брахманов*, высшей *варны* в древнеиндийском обществе; *кшатрии* в основном были правителями и воинами, главной обязанностью которых считалась защита подданных.

Кшатрийство — сословие *кшатриев*, воплощавшее силу и героизм; также ипостась *варны кшатриев*.

Л

Лары — в римской мифологии — духи-хранители семейного очага, покровители рода и родоплеменных отношений; также связаны с культом предков.

Лила — «игра»; космическая игра, представление, разыгрываемое Богом. В более узком смысле — деяния *Кришны* и *Рама* как воплощение на земле божественных замыслов.

М

Мадхва (1199—1278) — главный представитель Двайта-веданты, т. е. «дуалистической Веданты». *Мадхва* не приемлет понимание *Брахмана* как единственной реальности. Согласно его учению, мир извечно «порожден» Богом и зависим от него; индивидуальные души тоже подвластны Богу и называются его «отражениями».

Мадху — см. *Кайтабха*.

Майя — в *Ведах* — творящая сила, мудрость, знание; позже приобретает значение иллюзии — особых чар Бога, скрывающих реальность его бытия.

Майявада — см. *Адвайта*.

Макс Мюллер (*Фридрих Максимилиан Мюллер*) (1823—1900) — известный английский филолог-востоковед, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии. Родился в Германии, работал в Великобритании. Примыкал к натуралистическому направлению в языкознании.

Мантра — сакральный текст, обладающий определенной магической силой; также *мантрами* назывались стихи *Вед*.

Ману — сын Солнца, первый царь, родоначальник Солнечной и Лунной династий; предстает общим предком людей, как единственный человек, спасенный богом *Вишну* от потопа.

Махабхарата — «Великое сказание о битве потомков *Бхараты*»; священная древнеиндийская эпическая поэма на санскрите. В ее восемнадцати главах излагаются многие мифы и легенды, а также религиозно-философские тексты, составляющие основу индуизма.

Махас — «великий, обширный»; примыкающее четвертое ритуальное возгласие (наряду с *бхур*, *бхувар*, *свар*), обозначающее четвертый мир, источник всех остальных. Согласно Шри Ауробиндо — великий мир; мир Истины; супраментальный план.

Махачамасья — мудрец-провидец, сын Махачамаса.

Махешвара — Великий Владыка; см. *Ишвара*.

Миманса — см. *Даршаны*, *Пурва-миманса*, *Уттара-миманса*.

Митра — бог ведического пантеона, тесно связанный с *Варуной*, являющий благой аспект вселенского могущества; Владыка любви и гармонии.

Н

Наймишии — древние мудрецы-*риши*, отшельники, жившие в священном лесу *Наймишаранья*.

Наймишаранья — священный лес, в котором, по преданию, была впервые рассказана *Махабхарата*. И сейчас эта местность в районе Ситапура является центром паломничества.

Нака — имя мудреца-*риши*, сына Мудгалы; встречается в нескольких *Упанишадах*.

Начикетас — традиционно толкуется как «незнающий» и поэтому ищущий знания; имя древнего мудреца, сына *Ваджашравасы Гаутамы*.

Нети, нети — «не то, не то» — отрицательный способ описания высшей реальности *Брахмана*.

Нирукта — этимология, одна из научных дисциплин, примыкающих к *Ведам*; также трактат древнеиндийского грамматиста Яски, посвященный этимологическому толкованию ведических слов.

Нумен (лат.) — в римской мифологии — безличная божественная сила, определяющая судьбу человека. В эпоху Римской Империи синоним понятия «бог». Согласно Шри Ауробиндо — сила богов; божественная сила или могущество.

Ньяя — одна из ортодоксальных философских школ, интересующаяся главным образом методологией мышления и познания. Своей целью считала устранение ложного знания и, посредством этого, достижение избавления от уз перерождений в мире.

О

ОМ — см. *АУМ*.

П

Пандавы — сыновья Панду: Юдхиштхира, Бхимасена, *Арджуна*, Накула, Сахадэва — пятеро братьев, главных героев *Махабхараты*.

Панини (IV в. до н. э.) — великий древний грамматист, создатель труда «Восьмикнижие» (Аштадхьяи), где он в кратких правилах-сутрах дает полное описание грамматики и фонологии санскрита.

Панчалы — жители Панчалы, области в долине Ганга в северо-западной ее части.

Парабрахман — «высочайший *Брахман*», высочайшая, непостижимая божественная Реальность.

Парамештхам — «стоящее превыше»; то, что является наивысшим или превосходящим.

Парамештхин — «стоящий превыше всех»; употребляется как эпитет *Брахмы* и других богов — *Агни*, *Вишну*, *Шивы*.

Парашурама — *Рама* с топором, один из *аватаров* (инкарнаций) *Вишну*; *брахман-воитель*, живший в эпоху *Трета-юга* и истреблявший *кшатриев* за их несправедное владычество.

Первоначала / первостихии — пять первичных стихий материи или элементов мироздания: эфир, воздух, огонь, вода, земля.

Пиппалада — мудрец-учитель, именем которого названа школа *Атхарваведы*, к которой принадлежит *Прашна Упанишада*.

Питамаха — эпитет *Брахмы* как праотца всего сущего.

Пишачи — низший класс демонов, упоминаемый уже в *Ведах*; отвратительные бесы, пожиратели трупов, мучители больных, обитатели кладбищ.

Пранава — обозначение слога *ОМ*, принятое в традиции *Ригведы*.

Праджапати — «Владыка творений»; прародитель и хранитель существ; в *Ведах* отождествляется с *Индрой* и другими богами, а позже с *Брахмой*. Иногда называются имена десяти *Праджапати* — сыновей *Брахмы*.

Праджняна — согласно Шри Ауробиндо — один из аспектов действующего сознания, определяется как постигающее сознание, предстающее пред объектами как их источник и свидетель.

Пракрити — Природа; движущая сила эволюции.

Прана — тонкая энергия в теле, тесно связанная с дыханием; проводник универсальной жизненной силы, который привносит и распределяет ее в физической системе. Существует пять видов *праны*: *Прана*, *Апана*, *Вьяна*, *Самана*, *Удана*.

Пранаяма — контроль над дыханием; индийская дыхательная практика, цель которой — посредством регуляции дыхания установить контроль над потоками энергии или сознания; входит в обязательную часть *Раджа-йоги*, уделяющей основное внимание работе с энергиями человеческого тела.

Прахлада — в индийской мифологии — сын царя демонов *Хираньякашипу*. Был преданным почитателем *Вишну*, за что преследовался своим отцом. *Вишну* в образе Нарасимха, человека-льва, приходит к нему на помощь и убивает царя демонов.

Пурана — «старина»; сказание о древности, предание; класс священных текстов индуизма мифологического, космологического, историко-генеалогического содержания. Более поздние по времени создания, чем эпические поэмы, *Пураны* считаются *Ведами* низших каст, их могут слушать также и женщины. Из большого количества *Пуран* восемнадцать признаны главными.

Пурва-миманса — «ранняя *Миманса*», одна из ортодоксальных философских школ, исследовавшая и обосновавшая ритуал согласно ведической традиции. Жизненной целью считала достижение рождения на небесах при помощи правильного исполнения ритуала.

Пуруша — «человек, мужчина»; в *Упанишадах* имеет значение индивидуальной души, иногда принимая функции *Атмана*; в *Санкхье* — Сознательный Дух, Свидетель, присутствующий по ту сторону всех движений Природы (*Пракрити*) и санкционирующий их.

Пурушишта — имя мудреца-*риши*, упоминаемое в Тайттирия *Упанишаде*.

Пурушоттама — букв. «Высочайший *Пуруша*»; согласно Шри Ауробиндо — высочайшее божественное Существо, превосходящее как изменяемый дух, так и неизменный.

Пушан — букв. «питающий», «увеличивающий»; ведическое божество, отождествляемое с солнцем, иногда с *Сомой*. Почитался как защитник стад, посылающий богатство и процветание.

Р

Райи — в Прашна *Упанишаде* — «вещество», материальное начало.

Райква — имя мудреца-*брахмана*, упоминаемое в Чхандогья *Упанишаде*. Рассказывается о том, что Джанашрути, стремясь обрести духовное знание, пришел к нищему мудрецу *Райкве* и застал его сидящим под повозкой, отсюда его именование — «*Райква* с повозкой».

Ракшасы — класс демонов, упоминаемый уже в *Ригведе*; демонические существа, нападающие на человека и пожирающие его силу; обитатели лесов, оборотни, осквернители обрядов.

Рама — седьмое земное воплощение бога *Вишну*. Легендарный царь, подвиги которого описываются в древнеиндийском эпосе *Рамаяна*.

Рамануджа (1017—1137) — последователь *Веданты*; с его именем связывается разработка Вишишта-*адвайты*. Обычно название учения переводят как «ограниченная *Адвайта*» или «ограниченный монизм». Главный противник теории абсолютного монизма *Шанкарачарья*.

Рамаяна — священная древнеиндийская эпическая поэма на санскрите, повествующая о жизни и подвигах героя *Рамы*. Автором называют легендарного поэта *Вальмики*.

Раса — букв. «сок, вкус»; особый «вкус» или характер какого-либо явления; сущностная вибрация *ананды*, лежащая в основе явления; также эстетическое восприятие вещей, эстетическое переживание, возникающее при соприкосновении с художественным произведением.

Ратхитара — один из учителей Древней Индии.

Ригведа — «Книга гимнов» — самая древняя и авторитетная из четырех *Вед* — священных книг Индии; состоит из метрических гимнов и разделяется на 10 книг (мандал), принадлежащих определенным жреческим родам. Ее гимны (*сукты* или *рики*), обращенные к богам, восхваляющие их подвиги и величие, закладывают основу для всей последующей индийской мифологии и философии.

Рик (*рич*) — священный стих, гимн *Ригведы*, произносимый во время обряда.

Рита — см. *Варуна*.

Риши — «провидец»; легендарные мудрецы, жрецы, поэты, создатели священных текстов *Вед*, полученных ими через откровение. В эпосе и *Пуранах* — также святые мудрецы.

Ромеш Датт (1848—1909) — активный участник индийского национального движения за независимость; одно время был премьер-министром штата Барода. Несмотря на свою активную политическую и административную деятельность, много делал и на литературном поприще. Писал на бенгали исторические и социальные рассказы, занимался переводами на язык бенгали и английский священных книг Индии, *Ригведы*, *Рамаяны* и *Махабхараты*.

Рудра — ведическое божество грозы; Бог, неистовый и яростный, своей силой движущий все творение к высшей цели. Позднее отождествляется с *Шивой*.

С

Савитар — «побудитель»; ведическое божество, олицетворяющее животворящую силу солнца.

Садананда (Садананда Йогиндра Сарасвати — приibl. сер. XV в.) — автор трактата «Ведантасара». Принадлежал к ордену «Сарасвати», одному из монашеских орденов школы *Шанкары*, славившемуся самыми выдающимися учителями *Веданты*.

Садхана — духовная практика; процесс или средство осуществления духовных целей.

Самавед — «Книга песнопений» — одна из четырех священных *Вед*. Ее тексты, почти полностью заимствованные из *Ригведы*, исполнялись певцами-*удгатарами* на жертвенных церемониях.

Саман — ритуальное песнопение или гимн *Самаведы*.

Самана — одна из пяти *пран*; расположена в центре тела, регулирует взаимообмен *праны* и *апаны* и уравнивает их, таким образом поддерживая равновесие жизненных сил и их функций.

Самджняна — согласно Шри Ауробиндо — один из аспектов действующего сознания; определяется как воспринимающее сознание или захватывающее движение сознания, которое притягивает к себе объект, чтобы воспринять его.

Самхита — *Веда-Самхита* — собрание священных текстов, представляющее основу четырех сводов ведического канона, самая древняя его часть в противоположность позднейшим комментариям и толкованиям, куда включается *Ригведа*, *Самавед*, *Яджурведа* и *Атхарваведа*.

Санкхья — букв. «исчисление»; ортодоксальная школа, дающая теоретический фундамент *Йоги*. Признает существование двух вечных начал — единой материи-природы и множества индивидуальных душ. Духовной целью считала осознание духа-свидетеля отличным от материальных и психических процессов.

Сат — бытие, истинно-сущее; Чистое Бытие; один из трех аспектов (наряду с *Анандой* и *Чит*), определяющих природу абсолютного Духа.

Сатчитананда — Бытие-Сознание-Блаженство — троичный принцип Божественного Существования.

Сатья-юга — первая из четырех *юг* (эпох) индийской мифологии, Век Истины, время, когда правит истинный Закон и на земле царит божественный миропорядок.

Сатьяваха Бхарадваджа — мудрец, упомянутый в Мундака *Упанишаде*, потомок легендарного *риши* Бхарадваджа, автора ряда ведических гимнов.

Сатьякама Джабала — один из мудрецов *Упанишад*. *Джабала* — его имя по матери, так как он не знал своего отца. История о том, как он пришел за знанием к *риши Харидрумате Гаутаме*, повествуется в Чхандогья *Упанишаде*.

Свага — ритуальное возгласие, используемое как благословение; обращение к богам при жертвоприношении, обычно сопровождаемое жертвенным возлиянием.

Свар — «сияющий»; одно из трех священных возгласий *Упанишад* (наряду с *бхур*, *бхувар*), обозначающее небо или «тот», третий, мир, отождествляемое с разными понятиями. Согласно Шри Ауробиндо — сияющие небеса, мир Солнца и Истины, план просветленного Разума, располагающийся между человеческим умом и супраменталом.

Сварга — небеса, высший из трех миров индуистской космографии; рай, обитель света, куда после смерти попадают души праведных людей.

Сваргалока — небесный мир, см. *сварга*.

Сварлока — в *Ведах* — мир просветленного Разума, см. *свар*.

Смрити — букв. «память», священное Предание, отличное от *Шрути* — Откровения. Различного рода руководства, комментирующие *Веды*, но не входившие в ведический канон. В широком смысле к *Смрити* относились и тексты эпико-пураической традиции, обладающие меньшим авторитетом, чем *Веда*.

Сома — божественный напиток бессмертия, медовый поток *Ананды* — восторга божественного бытия. Также божество напитка бессмертия.

Сувар — см. *свар*.

Сукеша Бхарадваджа — мудрец-риши, упомянутый в Прашна *Упанишаде* как потомок легендарного *риши* Бхарадваджи.

Сукта — «верно изреченное» — обозначение стиха или гимна *Веды*.

Сурья — Солнце; ведический бог солнца; позже объединяет в себе функции других солярных божеств — *Савитара*, *Вивасвата* и включается в число восьми богов — хранителей стран света.

Сутры — см. *Панини*.

Т

Тайджаса — «состоящий из жара, светящийся»; Дух, который поддерживает состояние сновидения или тонкое сознание.

Талавакара — другое название Кена *Упанишады*, поскольку она входит в состав девятой главы *Талавакара-брахманы Самаведы*.

Тантра — один из типов текстов; *Тантры* лежат в основе шиваитской или шактистской традиции индуизма. Содержание текстов многообразно — ритуалы, техники *йоги*, теологические рассуждения и пр.

Танас — «пыл», «жар»; сила; сущностный принцип энергии. Также подвижничество, аскетизм, самоограничение, при котором происходит накапливание особого внутреннего жара, дающего способность магически воздействовать на окружающее; необходимый элемент *Йоги* Патанджали. В разных практиках предполагались и разные цели подвижничества.

Танасья — аскетическая сила, усилие; концентрация воли и энергии ради достижения йогических целей.

Таркишья Ариштанеми — имя мифического существа, представляющего в *Ригведе* в образе лошади или птицы; позже отождествляется с Гарудой — божественной птицей *Вишну*.

Трета-юга — вторая из четырех *юг* (эпох) индийской мифологии; время, когда владычество истинного Закона уменьшается на четверть, тогда люди начинают терять добродетель и приносить жертвы богам ради удовлетворения своих желаний.

Тришанку — имя мудреца, упоминаемого в Тайттирия *Упанишаде* как учитель *Вед*.

Турия — четвертое; высшее из четырех других (наряду с бодрствованием, легким сном и глубоким сном), трансцендентное состояние сознания.

У

Удана — одна из пяти *пран*; восходящий поток жизненного дыхания, поднимающийся к макушке головы; является каналом связи между физической жизнью и жизнью Духа.

Удгатар — жрец, исполняющий во время жертвоприношения ритуальные песнопения из *Самаведы*.

Удгитха — часть *самана*, ритуального песнопения из *Самаведы*, произносимого *удгатаром*.

Ума — «сияние»; богиня, воплощающая высшую Природу и божественную Мудрость; супруга *Шивы*.

Ума-Хаймавати — *Ума*-дочь Химавата (бога Гималаев); воплощение божественной мудрости.

Упанишада — сокровенное учение или духовное знание, передаваемое учителем ученику; произведения, завершающие цикл канонического свода *Вед*. Число главных, наиболее авторитетных *Упанишад*, сложившихся в основном в VII—VI вв. до н.э., варьируется от десяти до четырнадцати, часть из которых стихотворные, а часть прозаические.

Уттара-миманса — «последующая *Миманса*», одно из названий *Веданты*, поскольку она занималась исследованием завершающей части *Вед* — *Упанишад*.

Ушас — ведическая богиня зари. Ей посвящается около двадцати гимнов в *Ригведе*. Олицетворяет приход божественного озарения.

Х

Хайя — конь.

Хари — имя *Вишну*.

Харидрумата Гаутама — *риши*, сын Харидруматы и потомок Готамы; был учителем *Сатьякамы Джабалы*.

Хатха-йога — система *йоги*, связанная с преобразованием *праны* в теле, что достигается работой с тонким и физическим телом. Считается подготовительным этапом *Раджа-йоги*, которая ведет к достижению освобождения через пробуждение особой созидательной энергии.

Хираньягарбха — «золотой зародыш»; в *Ведах* — манифестация *Брахмана*; отождествляется с богом-творцом *Пруджапати*, позднее — с *Брахмой*.

Хираньякашину — могущественный царь демонов-*дайтьев*, противник *Вишну*, отец *Прахлады*, преданного почитателя *Вишну*.

Ч

Чакра — букв. «колесо», «диск»; в психотехниках *Тантры* и *Йоги чакра* — специальный термин, обозначающий невидимый энергетический центр. Семь основных *чакр* — муладхара, свадхистхана, манипура, анахата, вишуддха, аджня, сахасрара. В проекции на тело они располагаются на разных уровнях вдоль позвоночника.

Чит — сознание; свободное и всепорождающее самоосознание Абсолюта; один из трех аспектов (наряду с *Анандой* и *Сат*), определяющих природу абсолютного Духа.

Чит-танас — сознание-сила, чистая энергия Сознания; бесконечное божественное самоосознание и всетворящая Воля.

Чит-Шакти — сознание-сила, сознательная сила; Божественная Энергия.

Ш

Шайбья Сатьякама — один из мудрецов-*риши*, потомок Шибиды.

Шакти — божественная энергия, женская манифестация божества. В шиваизме предстает активной ипостасью бога *Шивы*, воплощенной в образах богинь Дурги, Кали, *Умы*, Парвати.

Шандилья — *риши*, потомок Шандилы, который упоминается в Шатапатха-брахмане как могущественный мудрец.

Шанкара (Шанкарачарья) (788(?)—812) — крупнейший индийский философ, с именем которого связывается разработка *Адвайта-веданты*, одного из трех главных направлений *Веданты*. *Адвайта* («недуализм» или «чистый монизм») утверждает, что кроме Абсолюта, *Брахмана*, единого безличного основания всего сущего, ничего более не существует. Основной доктриной его школы является *Майявада*, провозглашающая иллюзорность, нереальность проявленного мира.

Шастры — древнеиндийские сочинения по различным отраслям знания; они регулировали все стороны жизни человека и пользовались непререкаемым авторитетом.

Шаунака — *риши* из рода *Бхригу*, сын Шунаки; возглавлял обитель аскетов в священном лесу *Наймишаранья*.

Шветашватара — мудрец, по имени которого была названа одна из *Упанишад*.

Шива — один из трех верховных богов индуизма, исполнитель разрушительной функции.

Шикша — область знания, наставление; также наставление в должном произношении текста или фонетика как одна из Веданг, дисциплин, примыкающих к *Ведам*.

Шраддха — поминальный обряд; церемония, во время которой совершается подношение пищи божествам и душам усопших предков.

ШОМ — наряду с *ОМ* — одно из ритуальных возгласений.

Шрути — общее название текстов ведической традиции, полученных через «слышание» или божественное откровение. К текстам *Шрути* относятся *Самхиты*, *Брахманы*, *Араньяки*, *Упанишады*. Традиционно противопоставляются *Смрити* — текстам священного предания.

Ю

Юга — см. *Двапара-юга*, *Кали-юга*, *Сатья-юга*, *Трета-юга*.

Я

Яджнавалкья — легендарный *риши*, глава школы Ваджасанейинов (учения *Белой Яджурведы*), один из мудрецов в Брихадараньяка *Упанишаде*. Ему приписывается авторство трактата «Яджнявалкья-*смрити*», содержащего краткое изложение вопросов *дхармы*.

Яджня Пуруша — жертвенный дух; Бог, являющий себя в материальной вселенной.

Яджня — жертвоприношение; жертва, посвященная богам; основной ведический обряд.

Яджурведа — «Книга жертвенных изречений» — одна из четырех *Вед*; собрание изречений и молитв магической силы, которыми сопровождается жертвоприношение. Сохранилась в нескольких редакциях, называемых *Черной* и *Белой Яджурведой*. Они принадлежат к разным брахманским школам и отличаются тем, что в *Черной Яджурведе*, кроме *яджусов* и гимнов, содержатся описание обрядов и комментарии.

Яджурьы — см. *Яджусы*.

Яджусы — жертвенные формулы *Яджурведы*. Другое название — *Яджурьы*.

Якша — в Кена *Упанишаде* — Дух, Неизведанная Сила, отождествляемая с *Брахманом*.

Якши — разновидность полубогов, которые являются хранителями богатств в царстве бога Куберы.

Яма — сын *Вивасвата*, первый человек, умерший на земле и ставший царем загробного мира; в постведической мифологии становится богом смерти, повелителем многочисленных адов, судьей и карателем грешников.

Яти — «стремящийся», «прилагающий усилие»; тот, кто практикует посредством *йоги* и аскетизма полный самоконтроль и отказывается от всего мирского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В настоящем томе представлены все принадлежащие Шри Ауробиндо переводы Упанишад и комментарии к ним, которые когда-либо издавались Ашрамом Шри Ауробиндо (кроме перевода Иша Упанишады с комментариями, вошедшего в том 4 настоящего Собрания сочинений). Полное собрание переводов Упанишад, выполненных Шри Ауробиндо, и его комментариев к ним впервые было опубликовано в 1972 г. в томе 12 Юбилейного собрания сочинений Шри Ауробиндо, озаглавленном «Упанишады» (*Шри Ауробиндо. Юбилейное собрание сочинений — к 100-летию со дня рождения, т. 12. Упанишады. — Ашрам Шри Ауробиндо, Пондичери, Индия, 1972 [1]*). Впоследствии в 1981 г. Ашрам издал еще один сборник «Упанишады», в котором наряду с уже издававшимися были представлены переводы и комментарии в уточненной редакции, а также не публиковавшиеся ранее материалы из архивов Шри Ауробиндо (*Шри Ауробиндо. Упанишады. Часть первая. — Ашрам Шри Ауробиндо, Пондичери, Индия, 1981 [2]*). Настоящий том в целом представляет собой обобщение опубликованных в [1] и [2] материалов на основе критериев их максимальной полноты и законченности. При этом порядок расположения материалов соответствует [1] (классический порядок расположения Упанишад); вместе с тем в томе представлены уточненные версии Упанишад и комментариев, а также не вошедшие в [1] материалы, опубликованные в [2]. Кроме того, в том включены начальные рецитации ряда Упанишад, перевод которых был выполнен Шри Ауробиндо в Бароде и впервые опубликован в [2], и его статья «О переводе Упанишад», написанная в период пребывания в Бароде и впервые опубликованная в сборнике «Восемь Упанишад» в 1953 г., а позднее включенная в состав [1]. Также в том включено «Введение», составленное из главы произведения Шри Ауробиндо «Основы индийской культуры» — «Индийская литература — 2» (опубликована в обзрении «Арья» в 1920 г.) и двух статей раздела IV «Упанишады» из сборника Шри Ауробиндо «Сочинения на бенгали» — «Упанишады» (опубликована в еженедельнике «Дхарма» в 1909 г.) и «Интегральная йога в Упанишадах» (впервые опубликована в сборнике «Вивидха Рачана» в 1955 г.). Эпиграфами, помещенными в начале книги, Шри Ауробиндо предварил подготовленный им в 1906 г. перевод шести Упанишад. Том снабжен глоссарием, в котором поясняются встречающиеся в книге термины, названия и имена.

Ниже приводятся сведения о времени создания и основных публикациях всех вошедших в настоящий том переводов и комментариев.

* * *

КЕНА. Впервые переведена в Бароде. Перевод был опубликован в еженедельнике «Кармайогин» в 1909 г. Новый перевод, снабженный обширным комментарием, был издан в ежемесячном обозрении «Арья» в 1915—1916 гг. Позднее, судя по всему в 20-е годы, Шри Ауробиндо заново отредактировал и перевод, и комментарий, при этом большинству глав комментария были даны заголовки. Перевод и комментарий вышли в виде книги в 1952 г. Отредактированный вариант перевода был издан в 1970 г. и вошел в состав тома [1]. Отредактированный вариант комментария вошел в сборник [2].

В настоящий том включен также незаконченный комментарий к Кена Упанишаде (время его создания неизвестно), найденный среди рукописей Шри Ауробиндо и опубликованный в [1].

КАТХА. Переведена в Бароде. Впервые перевод был опубликован в еженедельнике «Кармайогин» в 1909 г. В Пондичери Шри Ауробиндо приступил к глубокой его переработке, однако закончил только первый цикл. В изданиях Ашрама начиная с 1952 г. публиковался именно этот частично отредактированный вариант.

МУНДАКА. Первый перевод выполнен в Бароде. В отредактированном виде был опубликован в еженедельнике «Кармайогин» в 1910 г. Новый вариант перевода был издан в ежемесячном обозрении «Арья» в 1920 г. Позднее, предположительно в 40-е годы, перевод был полностью переработан Шри Ауробиндо. В изданиях Ашрама начиная с 1953 г. публиковался этот окончательный вариант.

МАНДУКЬЯ, ПРАШНА. Переведены в Бароде. Сохранился неотредактированный машинописный вариант. Эти Упанишады никогда не редактировались автором. Впервые опубликованы в сборнике «Восемь Упанишад» в 1953 г. Включены в [1].

ТАЙТТИРИЯ, АЙТАРЕЯ. Переведены в Бароде. Сохранился неотредактированный рукописный вариант. Впервые опубликованы в сборнике «Восемь Упанишад» в 1953 г.; вошли в [1]. Первая часть «Заметок о Тайттирия Упанишаде», озаглавленная «Знание Брахмана», написана непосредственно перед публикацией в «Арье» в ноябре 1918 г.; вторая часть — «Истина, Знание, Бесконечность», — вероятно, предназначалась для следующего выпуска «Арьи», но осталась незавершенной и не публиковалась при жизни Шри Ауробиндо. Впервые опубликована в [2].

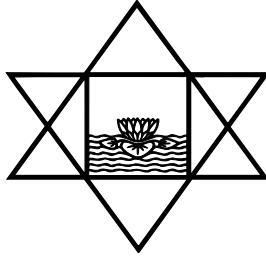
ШВЕТАШВАТАРА. Судя по всему, Шри Ауробиндо перевел четвертую—шестую главы этой Упанишады в период пребывания в Бароде. Перевод четвертой главы был выполнен заново в Пондичери примерно в 1917 г. Впервые эти главы были опубликованы в [1]. Факт перевода Шри Ауробиндо первых трех глав не установлен.

ЧХАНДОГЬЯ. Перевод фрагментов первой главы этой Упанишады, судя по всему, был сделан в Бароде. Два раздела «Заметок о Чхандогья Упанишаде» — «Начальная фраза» и «Сатьякама Джабала» — были написаны независимо друг от друга в Пондичери приблизительно в 1912 г. Первый озаглавлен в рукописи «Заметки о Чхандогья Упанишаде. Первая Адхьяя» (однако в нем разбирается только начальная фраза первого стиха), второй — «Ведические интерпретации. Сатьякама Джабала». Впервые перевод фрагментов Упанишады был опубликован в [1]. Там же опубликован первый абзац комментария «Заметки о Чхандогья Упанишаде. Первая Адхьяя». Полностью обе статьи «Заметок о Чхандогья Упанишаде» опубликованы в [2].

БРИХАДАРАНЬЯКА. Шри Ауробиндо перевел первые два раздела и часть третьего раздела первой главы Упанишады приблизительно в 1912 г. в Пондичери, записав перевод прямо на полях имевшегося у него издания Брихадараньяки. Кроме того, он начал готовить комментарий к ней, озаглавленный «Великая Араньяка». Однако комментарий не был завершен даже в отношении переведенных отрывков. Этот незаконченный комментарий впервые был опубликован в [1]. Перевод фрагментов Упанишады впервые опубликован в [2].

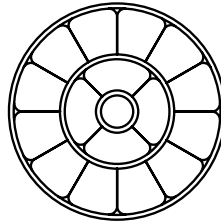
КАЙВАЛЬЯ, НИЛАРУДРА. Перевод фрагментов этих Упанишад и комментарий к нему были выполнены Шри Ауробиндо в Пондичери около 1912 г. Впервые опубликованы в [1].

КАРИКИ ГАУДАПАДЫ, САДАНАНДА: СУТЬ ВЕДАНТЫ (ВЕДАНТАСАРА). Перевод фрагментов этих ранневедантистских текстов (первый — с комментарием) был выполнен в Бароде. Впервые опубликованы в [1].

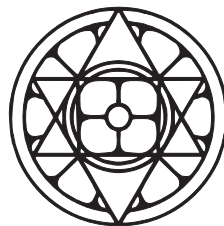
Символ Шри Ауробиндо

Треугольник, обращенный вершиной вниз, символизирует Сат-Чит-Ананду, обращенный вершиной вверх — отклик Матери в формах жизни, света и любви. Квадрат в центре на пересечении треугольников — символ совершенного Проявления. Цветок лотоса, расположенный в нем, — олицетворение Аватара Божественного; вода символизирует многообразие творения.

Символ Матери

Окружность в центре — Божественное Сознание. Четыре лепестка — четыре главные ипостаси Матери. Двенадцать лепестков представляют собой двенадцать ипостасей Матери, проявляющих себя в Ее работе.

Объединенный символ

Шри Ауробиндо

Собрание сочинений. Т. 5. УПАНИШАДЫ. КЕНА И ДРУГИЕ.

Пер. с англ. — СПб: Издательство «Адити», 2002. — 480 с.

В настоящем томе представлены материалы многолетней работы Шри Ауробиндо по изучению и исследованию величайшего памятника древней ведантистской культуры — Упанишад: переводы, заметки, комментарии. Сюда вошли переводы и исследования всех Упанишад, над которыми работал Шри Ауробиндо, кроме Иша Упанишады. В них он воскрешает для нас подлинный эзотерический смысл этих древних писаний, вдохновенные строки которых зовут человека к пробуждению от Неведения, к познанию своего высшего, истинного «Я», единой и единственной Реальности, к обретению Блаженства и Бессмертия Брахмана.

Шри Ауробиндо. Собрание сочинений, т. 5.

УПАНИШАДЫ. КЕНА И ДРУГИЕ.

Sri Aurobindo. The Collected Works. V. 5.
The Upanishads. Kena and others.

Перевод с англ.: *Д. В. Мельгунов, М. Л. Салганик, А. А. Ткачева*

Перевод начальных рецитаций: *Е. Ю. Становых*

Редакторы: *В. С. Костюченко* — научная редакция

Д. В. Мельгунов — общая редакция

Е. Ю. Становых — индологическая редакция,
подготовка текста на санскрите и глоссария

Корректор: *Л. В. Попова*

Издательство «АДИТИ»
196247, Санкт-Петербург, а/я 48
тел. (812) 974-88-97
e-mail: agni@aditi.spb.ru
web: www.aditi.ru

Сдано в набор 21.12.2001. Подписано в печать 24.01.2002.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 30. Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12